В. ЛАРИЧЕВ
НЕДОСТАЮ-
ЩЕЕ
ЗВЕНО

В. ЛАРИЧЕВ

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
■
Новосибирск
1973

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

ДЕТЕКТИВНЫЙ
РОМАН
АРХЕОЛОГИИ,
СОСТАВЛЕННЫЙ
ИЗ
НЕВЫДУМАННЫХ
ИСТОРИЙ

2—10—7
Л

1—6—2
М73

Пожалуй, нет в истории археологии страниц более интересных по сюжету, драматических по напряжению, чем страницы, связанные с поисками «предков Адами». Здесь есть все, что захватывает внимание, увлекает игрой страстей, столкновением характеров сильных и сложных, поражает неожиданностью развязок.

Автор рассказывает о наиболее увлекательных событиях, связанных с поисками родины человека и его предков в Европе, Африке и Азии, и о том, какие сложные обстоятельства сопутствовали открытию питекантропа, неандертальца, австралопитека, плезиантропа, эоантропа, «человека из Пильтдауна» — прогремевшей на весь мир находке...

Приключенческий характер этих научных рассказов делает их интересными для широкого круга читателей разных возрастов и профессий.

Мы обращаемся к будущему. Нынешнее поколение скажет: это сумасбродство. Будущее поколение скажет: быть может.

Буше де Перт

История первая
ОДИН ШАНС ИЗ МИЛЛИАРДА

— Господа! Мне кажется, нам не стоит сегодня отвлекаться на мелочи, тем более приступать к тоскливому обсуждению запутанных хозяйственных дел нашего общества. Я припас для вас поистине рождественский подарок. Поверьте, для меня большая честь пригласить к этой трибуне нашего гостя, коллегу из Амстердама, доктора Евгения Дюбуа.

Рудольф Вирхов на одном дыхании, почти без пауз выпалил эти слова и, весело блеснув золоченым пенсне, сделал руками широкий приглашающий жест беспредельно радушного и гостеприимного хозяина. Сегодня, 14 декабря 1898 г., он имеет на это право не только потому, что все давно привыкли видеть его в роли главного участника модных теперь в городах Европы диспутов, связанных с туманными и щекотливыми проблемами происхождения человека, но и, главным образом, оттого, что почетное председательское место в помещении, где в полном

составе собрались действительные члены Берлинского общества антропологии, этнографии и первобытной истории, занял несколько мгновений назад именно он, профессор Рудольф Вирхов, знаменитый патологоанатом, антрополог, врач и к тому же действительный тайный советник его императорского величества.

Когда знаменитость, по привычке слегка запоздав, появилась в зале заседаний, только председательское кресло было свободным: собрание привлекло на редкость многочисленную аудиторию. В первом ряду сидели седовласые старцы — почетные члены общества и благотворители, далее на стульях, непринужденно переговариваясь, расположились те, кто составлял ученый цвет собрания,— анатомы, зоологи, палеонтологи и, конечно, археологи. Там, где кончались ряды стульев и в проходах около окон, стояли гости, в основном студенты, и, по-видимому, учащиеся гимназии.

«Что значит, однако, для публики, падкой до зрелищ, скандальная тема!» — с неудовольствием поморщился Вирхов.

— Думаю, мне нет нужды представлять почтенной публике докладчика,— сказал он после короткой паузы и поднял сухую с длинными костлявыми пальцами ладонь, что означало, очевидно, призыв к тишине и вниманию.— Для него в Европе сейчас нет, пожалуй, соперника в популярности! Прошу вас, доктор!

Вирхов едва заметно улыбнулся кому-то в зале, легко опустился в кресло и с нескрываемым облегчением, откинувшись к спинке, повернул голову вправо, откуда к столу размашистым шагом приближался высокий стройный человек средних лет. Его лицо, слегка утомленное, но сосредоточенное и решительное, не могло не привлечь внимания: высокий лоб без морщинок, энергичные складки около уголков губ, прикрытых коротко подстриженными седоватыми усами, строгие, почему-то слегка настороженные глаза, взгляд оценивающий и немного насмешливый.

Вирхов внутренне поежился, когда их глаза на мгновение встретились, но тут же взял себя в руки и благосклонно кивнул головой: можно начинать!

«Боже мой, как надоела вся эта обстановка бесполезных в общем диспутов»,— думал он, наблюдая, как Дюбуа раскладывает по пюпитру длинные узкие листочки, очевидно, конспект доклада. Можно заранее до мельчайших деталей предсказать ход дела, настолько все знакомо и привычно ему, Вирхову, который прожил на этом свете достаточно долго, чтобы ничему не удивляться. Впрочем, есть в происходящем что-то поразительно знакомое, тревожащее — суета, волнение... Такая же атмосфера была лет двадцать пять назад... ну, как же, вспомнил! на знаменитом всемирном съезде антропологов!

Вирхов довольный, что зацепил слабеющей памятью забытый эпизод, несколько оживился — до чего же удалась ему тогда речь, в которой он высмеял Германа Шафгаузена и профессора из Эльберфельда Карла Фульротта, со смелостью и отчаянием дилетанта бросившегося в область науки, ему неведомой! Друзья позже говорили, что по иронии, сарказму и остроумию он, Вирхов, превзошел на том заседании самого себя. Правда, Фульротта это обстоятельство отнюдь не смутило, он продолжал и далее трезвонить в колокола по поводу своего «великого открытия» в гроте Фельдгофер. Однако дело было сделано — так называемый «череп обезьяночеловека» надолго стал предметом забавных шуток и сомнительных острот для провинциальных фельетонистов.

История поистине повторяется, с усмешкой подумал Вирхов и еще раз взглянул на трибуну, как будто и в самом деле хотел убедиться, что за ней стоит не Карл Фульротт, а новый его оппонент с новым черепом обезьяночеловека — Евгений Дюбуа.

Докладчик, между тем, откашлялся (эта противная берлинская зима с ее холодом свалит, наверное, его в постель...) и внимательно посмотрел в зал, где, судя по

наступившей тишине, его приготовились слушать с почтением и вежливо. Но не улыбается ли, однако, кто? Этот вечно язвительный и насмешливый Вирхов снова по закоренелой привычке не удержался: надо же додуматься — представить публике «коллегу» как некую артистическую знаменитость или модного проповедника. «У него в Европе нет соперника в популярности!» Кстати, не с его ли, Вирхова, слов пущена в ход досужая выдумка о слишком подозрительной легкости, с которой ему, Дюбуа, удалось сделать открытие: пришел, копнул землю и извлек из нее то, за чем специально приехал за тысячи миль?.. Из всевозможных гадостей, которые обрушились на него после возвращения в Европу, эта была, пожалуй, самая невыносимая...

Вирхов, удивленный продолжительной паузой, с нетерпением забарабанил пальцами по столу, но Дюбуа, завершив к этому моменту «пасьянс» из листков, начал говорить. Сначала произносятся слова, не требующие напряжения мысли.

— Я выражаю глубокую благодарность Берлинскому обществу антропологии, этнографии и первобытной истории, его членам и почетному председателю доктору Рудольфу Вирхову за любезно предоставленную возможность изложить итоги моих исследований...

Не первый и, очевидно, не последний, к сожалению, город Берлин, где звучат эти дежурные и тем не менее необходимые по долгу вежливости слова. Позади заседания ученых обществ разного ранга и веса вплоть до международных конгрессов в Лондоне, Париже, Эдинбурге, Дублине, Лейпциге, Иене. Теперь вот Берлин... Снова Дюбуа в который уже раз собирается с яростью и непреклонностью фанатика отстаивать то, что стало, благодаря безграничной его убежденности, главным событием его жизни. Какие надо высказать мысли, чтобы затронуть не только мозг, но и душу внимающих? Голос Дюбуа крепнет, набирает силу и уверенность:

— Я отдаю дань уважения глубоким познаниям присутствующих здесь коллег, однако должен сразу же со всей определенностью заметить, что пришел в этот зал не как ученик в поисках совета для разъяснения истины, а как ваш равноправный партнер, знающий к тому же лучше, чем кто-либо другой из сидящих здесь, обстоятельства находки, о которой я буду говорить и которую изучаю на протяжении последних семи лет. Именно столько лет назад мне посчастливилось обнаружить на острове Ява череп обезьяночеловека — питекантропа. Открытие сделано около деревни Тринил, что располагается в стороне от западного побережья острова за Кедунг-Брубусом на берегу Большой реки, или, как это звучит на местном языке,— Бенгаван-Соло. Можно, однако, сказать и просто Соло...

Доклад как доклад, в стиле тех, которые делались не один раз в зале Берлинского общества антропологии. Строгое ученое общество требует канонизированной традициями манеры изложения, ограничивает жесткими рамками круг тем, достойных «серьезного» обсуждения. Кто знает, каким бы стал рассказ Дюбуа и как бы он его начал, если бы не каноны?.. Впрочем, здесь непозволительны не только «легкомысленные» лирические отступления, но и умеренная фантазия, пусть даже основанная на фактах. «Лирика» в особенности не уместна сейчас, когда нужно переходить к изложению вещей столь необычных, что перед ними бледнеют самые изощренные выдумки профессиональных сочинителей. А жаль! Хотелось бы поговорить просто по-человечески, как удавалось это нередко в беседах с учителем Максом Фюрбрингером в анатомическом кабинете. Грустно, что нет его и не может быть в этом зале, заполненном незнакомыми людьми...

Нервы начинают сдавать,— с досадой отметил про себя Дюбуа и поморщился. Что за чертовщина? Брюзжу по каждому поводу, высказываю недовольство. То, мимо чего ранее проходил не замечая, теперь раздражает, на-

зойливо лезет в глаза. Разве прежде обратил бы он внимание, что Вирхов (дважды!) назвал его доктором, а не профессором, как положено? Велика печаль, если эта ученая знаменитость и чиновник его императорского величества не знает о присуждении ему, Дюбуа, Амстердамским университетом звания профессора минералогических наук! — ан, нет, выскакивает откуда-то мерзкая и ничтожная мыслишка: «Знает Вирхов о твоем звании, но не желает назвать профессором». Мало того, угораздило же его в разделе доклада, где он выражал благодарность, упомянуть Вирхова с приставкой доктор. Что за мелочная смешная месть! Впрочем, хорошо, что Вирхов представил его как доктора, а не обыграл с обычной язвительностью нелепость минералогического звания у человека, занимающегося антропологией. Можно биться об заклад — для него это одна из немногих упущенных возможностей скрытно посмеяться над «дорогим коллегой».

Подозревает ли кто из сидящих в зале и слушающих его спокойную, без видимых признаков волнения речь, что отнюдь не радость и удовлетворение принесло ему «великое открытие», сделанное семь лет назад на Яве?.. Если бы знать, сколько глубоких страданий, потрясших его до глубины души и сделавших неузнаваемым даже для самого себя, последует за счастливым мгновением осуществления мечты, то, кто знает, стал бы он с таким упорством стремиться к ней, не замечая добрых и мудрых советов?..

Дюбуа на мгновение прервал выступление и упрямо нагнул голову, приблизив лицо к четвертушкам мелко исписанных листков, рассыпанных веером по пюпитру. Со стороны казалось, что докладчик отыскивает в конспекте очередной тезис или намек на внезапно ускользнувшую из памяти идею. Но ему этот миг нужен был для того, чтобы сформулировать главный пункт внутреннего монолога, который, не мешая речи, произносился мысленно: «Да, стал бы, ибо лучше муки поисков истины и беском-

промиссные сражения за нее, чем всезнающая ясность давно мертвых представлений, вроде тех, которые составляют славу уважаемого председателя!»

Дюбуа закончил вступление, по его шутливой терминологии — увертюру, и неторопливо приступил к развертыванию главных действий — невероятных, по мнению большинства ученых, приключений, случившихся с ним у обрывистых берегов реки со странным и непривычным для европейца названием, звучащим, как удары барабана: отрывисто, со странным ритмом — Бенгаван-Соло, Бенгаван-Соло, Бенгаван-Соло... Однако рассказывал он попрежнему академически сухо. Нельзя же, в самом деле, рисковать на ученом собрании своей репутацией и из-за манеры изложения прослыть несерьезным, увлекающимся, живописующим то, что «к делу не относится»!

Пока Дюбуа увлеченно, но внешне сдержанно, растолковывает собравшимся суть своих идей, обоснованных не только общими соображениями, но и строгими выкладками принятых антропологами измерений, резонно обратиться к событиям десятилетней давности, о которых в докладе не сказано ни слова, но без чего не было бы доклада. Сам Дюбуа любил в свободное от научных занятий время, особенно вечером, когда прогуливался в одиночестве по глухим улочкам Амстердама, вспоминать о том, как по собственному решению судьба забросила его в Голландскую Индию и что из этого вышло...

Конец октября 1887 года выдался в Амстердаме на редкость дождливый, холодный и ветреный. Рыхлые, косматые облака, закрывая шпили соборов, сплошной пеленой укутали небо. Казалось, оно внезапно приблизилось к земле, чтобы залить ее потоками воды и исхлестать порывами ветра. Выстланная крупными плитами, обычно нарядная и играющая красками набережная покрылась скучными серыми лужами, и от одного вида мутной воды, пе-

рекатывающейся под шквалами, бросало в холодную дрожь. Там, где пришвартовывались корабли, народу почти не было: зеваки из-за непогоды сидели дома, а провожающих набралось немного, что, впрочем, не удивительно, поскольку в море в тот день уходил только небольшой бриг: военное ведомство Амстердама посылало за тридевять земель в Голландскую Индию, а точнее на остров Суматру, снаряжение и продовольствие колониальным войскам. Рядом с трапом стояли в основном военные моряки, а несколько поодаль под защитой высокой деревянной ограды двое гражданских — один сравнительно молодой, второй — старше. Издали они выглядели как двойники — одинаково короткие, согласно моде, сюртуки, черные цилиндры, белые шарфы, закрывающие грудь. Только у старшего в руках была трость — он водил ею по воде, стараясь разогнать пузыри. Бесполезно — на месте исчезнувших появлялись новые... Кажется, это сердило его.

— Евгений, до посадки осталось совсем немного,— говорил он.— Я знаю достаточно хорошо твое знаменитое упрямство, и все же еще раз прошу — подумай, пока не поздно, в какое дело бросаешься ты очертя голову! Если бы подобное задумал любой из моих учеников, я лишь пожал бы плечами и махнул рукой — с богом, иного от вас мне не следовало ожидать! Но вот она, ирония судьбы и сюрприз на старости лет — Дюбуа, на которого я возлагал лучшие надежды, жертвует всем достигнутым, чтобы отправиться ловить мираж! Кто это делает? Может быть, легкомысленный студент, у которого ветер в голове? Нет, на подобное сомнительное предприятие решается доктор медицины и естественных наук Евгений Дюбуа, тот самый Дюбуа, который всего год назад стал лектором Амстердамского университета. Подумать только — все это он сменял на звание офицера второй категории, а попросту говоря, армейского сержанта! Уму непостижимо! Невероятно! К тому же, каков пример для студенчества?

Макс Фюрбрингер настолько разволновался, что вы-

пустил из руки трость. Дюбуа поднял ее и, смахнув с рукоятки капли, передал хозяину.

— Извините меня, дорогой учитель, но, поверьте,— я решил окончательно. Мне лестно слышать от вас теплые слова, я горжусь ими, но что касается миража, то уверяю — это все же не мираж, а реальность! Ну как мне убедить вас?!

— И не думай делать это,— по-стариковски смешно замахал рукой Макс Фюрбрингер.— Могу поручиться, угадаю до единого слова каждый из доводов. Ты хочешь послушать? — спросил он Дюбуа тихо. Учитель когда сердился, всегда почему-то переходил в разговоре почти на шепот.— Ты еще был в колыбели, когда твой кумир Эрнст Геккель произнес знаменитую речь на заседании естественно-исторического общества в Штеттине. Это было, если мне не изменяет память, четверть века назад, в 1863 году. Тогда он впервые объявил, что у обезьян и человека одни предки и все дело в том, чтобы найти звено, связывающее обезьяну и человека. Знаменитое недостающее звено, которое, кстати, за два с лишним десятилетия так и осталось недостающим, как тебе известно!

— Однако ведь кое-что с тех пор...— попытался было возразить Дюбуа.

— Позволь, позволь, я еще не закончил,— решительно прервал его Фюрбрингер.— Я как раз подобрался к тому удивительно зыбкому основанию, на котором, как ни странно, строится твоя убежденность! Через пять лет после доклада вышла в свет не менее знаменитая «Естественная история мироздания» все того же любимого тобой автора. Боже мой, вспоминаю, сколько шума она наделала, главным образом из-за двадцати двух ступеней родословного древа человека, «выращенного» в кабинете автором! Многое в его предположениях, тем не менее, можно было принять даже консерваторам, однако здесь снова на предпоследней ступеньке появилось недостающее звено. Впрочем, какое же оно недостающее, если Геккель не только опи-

сал его особенности, как будто он наблюдал это звено неоднократно, но и, случай редкостный в практике зоологов, дал ему название — Pithecanthropus alalus, обезьяночеловек бессловесный!

Фюрбрингер замолчал, устав, очевидно, от длинного монолога, и украдкой взглянул на Дюбуа — как-то он воспринял его выпады против Геккеля. Но тот почтительно молчал, ожидая, что будет дальше. Учитель собрался с силами и продолжал с прежним воодушевлением:

— Не подумай, пожалуйста, что я испытываю неприязнь к Геккелю. Напротив, я люблю его и всегда восхищаюсь той смелостью, с которой он обратился к проблеме происхождения человека. В этом вопросе он оказался решительнее самого Дарвина, который, как ты знаешь, не рискнул в «Происхождении видов» затронуть тему, окутанную предрассудками, и ограничился только туманной фразой: «Свет озарит и происхождение человека, и его историю». Однако я предпочитаю, пока нет фактов, выражаться так же загадочно, чем изобретать род предка человека. Извини меня, но Геккель, объявив о существовании Pithecanthropus alalus, поступил легкомысленно. Не в меньшей степени легкомысленен ты, поверив, что в антропологии, как в астрономии, возможно открытие, предсказанное пером. Открытие на кончике пера, как в астрономии, где подобным образом открывают планету,— тебя прельщает такая перспектива? Но в эволюции человека действовали, очевидно, законы куда более сложные, чем в небесной механике. Мы к тому же, до сих пор не знаем их, чтобы рисковать с помощью пера предсказывать, каков он, предок человека. Надо дать возможность антропологам спокойно, не торопясь, разрабатывать теорию на основе того, что добудут из земли палеонтологи и археологи.

— Но ведь гипотетический род предка человека, обезьяночеловек бессловесный, только одна из составных частей гипотезы Геккеля,— осторожно возразил Дюбуа.

— Еще бы, конечно! — иронически воскликнул Фюрбрингер так громко, что обратил на себя внимание стоявших в отдалении моряков.— Если бы не было других «составных частей»,— понизил он голос, — я не провожал бы тебя сегодня на край света. Но подумай, что это за части, и пусть тебя осенит благоразумие. Геккель считает, что наиболее близок человеку гиббон, а не шимпанзе, как доказал с обычной для него основательностью Дарвин. Редкий случай противоречия двух мыслителей, но весьма примечательный, поскольку Геккель почти одинок в своих симпатиях к гиббону. Если уж где искать предка человека, так в Африке, где живут и жили с незапамятных времен шимпанзе, а не на юго-востоке Азии, где лазают по деревьям гиббоны. Я не понимаю, объясни мне: почему в вопросе места возможной прародины человека ты отдал предпочтение Геккелю, а не Дарвину. Ты одинаково боготворишь того и другого, но тебе не нравится вывод Дарвина, что прародина располагалась в Африке, и поэтому ты не едешь туда?

— Мне трудно объяснить это,— ответил Дюбуа и, поежившись от холода, поднял воротник пальто.— Я опасаюсь, что вы обвините меня в мистике, но уверенность моя в правоте выбора места исследований настолько глубока, что я не испытываю ни малейшего волнения перед отправлением в чужие края. Спокойствие мне придает, пожалуй, глубокая вера в справедливость эволюционной теории Дарвина, Гексли, Геккеля в применении ее к человеку. Это главное. Думаю, успех дела решат в конце концов моя настойчивость, а также и упрямство. Должен же я найти хоть какое-то полезное применение дурным качествам моего характера? Может быть, Геккель действительно не прав в своих пристрастиях к гиббону, но ведь в доледниковые времена в Голландской Индии могла жить шимпанзе, которая затем с наступлением похолоданий вымерла.

— Так, так — стремимся примирить непримиримое? —

укоризненно покачал головой Фюрбрингер.— И Дарвину воздать должное, и Геккеля не обидеть? Не знаю, право, что из этого получится... Итак, кроме Геккеля у тебя нет союзников?

— Отчего же нет,— улыбнулся Дюбуа.— Есть, да еще какой!

— Кто же?

— Сам Рудольф Вирхов!

Макс Фюрбрингер растерялся настолько, что потерял дар речи и с недоумением посмотрел на Дюбуа. Наконец, он опомнился:

— Избавь нас господь от таких союзников! Разве Вирхов изменил свой взгляд на происхождение человека?

— Нет, но он не прочь теперь порассуждать о прародине, и знаете, где он ее помещает?

— Если он стал твоим союзником, то догадываюсь...

— Родина человека, по мнению Вирхова, находилась между Индией и Голландской Индией,— серьезно пояснил Дюбуа.

— Может быть, я профан в географии, но, насколько мне помнится, там нет никакой земли, океан и только.

— В этом-то соль и заключается — прародину поглотил океан. Она называется Лемурия.

— Вот он, типичный Вирхов! — воскликнул Фюрбрингер.— Родина есть — и ее нет, предки человека были, но останки их надо выкапывать со дна океана. На что же ты, однако, надеешься в связи с этим?

— Океан, возможно, поглотил не всю Лемурию,— на что же мне надеяться? — в тон учителю засмеялся Дюбуа.— Суматра и Ява, чем не осколки материка «прародины» Вирхова? К тому же он давно выражает неудовольствие тем, что ведется только теоретическая разработка проблемы недостающего звена: «Надо взяться, наконец, за лопату и перестать фантазировать». Вот я и решил взяться за лопату и отправиться в то место, на которое указал сам Вирхов. Я выполню все его пожелания!

— Ты находишь силы шутить, а мне, между тем, не до смеха,— грустно сказал Фюрбрингер.— Не хочу накликать беду мрачным пророчеством, но буду с тобой предельно откровенным: у тебя один шанс из миллиарда в успехе задуманного предприятия.

— Я выиграю даже при таком невыгодном соотношении,— твердо сказал Дюбуа, но тут же пожалел: зачем он так непреклонен в разговоре с учителем. Можно было бы ответить и поделикатнее.

Макс Фюрбрингер развел руками. Стало ясно, что дальнейшие уговоры бесполезны. Упрямец Дюбуа остался верен себе, не желая внять доводам разума. Пусть, в таком случае, поступает как знает. Со своей стороны он, Фюрбрингер, сделал все возможное, чтобы поездка, вдохновленная поистине безумными надеждами, не состоялась. Они помолчали немного, а потом, когда Дюбуа начал рассказывать, пародируя университетское начальство, как он выколачивал деньги на поездку и получил решительный отказ («Подобные затеи надо оплачивать из собственного кармана!»), на бриге часто зазвонил колокол, призывая команду и пассажиров занять места на палубе.

Наступила минута расставания. Фюрбрингер обнял Дюбуа и, не позволяя ему говорить, повернул к трапу, легонько подтолкнув вперед. Фигуры отъезжающих смешались, и Фюрбрингер не заметил, как Дюбуа замешкался, прежде чем ступил с земли на упругие доски трапа — он прощался со спокойным, благоустроенным и ясным прошлым. В толпе тоже ничего не заметили: мало ли отчего задержался молодой человек...

Итак, Рубикон перейден!

Когда Дюбуа поднялся на палубу и взмахнул рукой, прощаясь с учителем, снова ударил колокол. Послышались команды. Матросы ловко втянули мостки на бриг, полетели с борта змеи канатов, и корабль плавно, без толчков и покачивания отошел от берега. Поднявшийся ветер слегка разогнал тучи, и дождь почти полностью прекратился.

Туман опустился ниже, отчего дома и строения пристани поплыли и заколебались, как в знойном мареве, но вскоре берег скрылся из виду. Дюбуа долго стоял на палубе, вдыхая промозглый холодный воздух и слушая тоскливые крики чаек. Если сказать откровенно, на душе у него было отнюдь не спокойно. Жалобы чаек находили в ней отклик, и только методичные удары волн о борт несколько глушили не совсем еще осознанную тревогу, которая обычно сопутствует человеку, даже если он уезжает из дома не на край света. «Надо сразу же заняться чем-то достаточно серьезным, чтобы отвлечься от мрачного настроения»,— подумал Дюбуа и, неумело приноравливаясь к движениям палубы, направился в каюту.

Если бы год назад кто-то сказал, что ему предстоит стать военным, он только посмеялся бы над шутником. Но из всех выходов, которые смог подсказать мозг, единственно реальным оказалась военная служба. Поскольку личных средств у Дюбуа не было, а университетское начальство пришло в ужас от его идей и в средствах на экспедиционную поездку на Малайские острова, не раздумывая, отказало, то ему не оставалось ничего другого, как в свои 28 лет стать военным, добровольно согласившись служить не где-нибудь в Европе, а в колониальных войсках Нидерландской Индии. Это давало ему возможность за казенный счет добраться до «страны гиббонов». Конечно, в дальнейшем потребуются деньги на производство раскопок в пещерах, но это уже заботы не сегодняшнего дня.

Накануне отъезда Дюбуа доставил на корабль свое незамысловатое имущество. Тогда же он распределил его в отведенной капитаном каюте, поэтому теперь ему не нужно было заниматься устройством — комнатка казалась обжитой и знакомой. Дюбуа открыл один из чемоданов, достал небрежно положенную кипу бумажных листков, исписанных аккуратно расставленными буквами, и присел в жесткое кресло, пододвинутое к столу: надо навести порядок в главном и наиболее ценном «имуществе» — записях,

посвященных открытиям древнейших людей Земли, обезьянолюдей. Заметок, посвященных их костным остаткам, не так уж много, остальное относится к побочным вопросам, но зато эти несколько десятков листков поистине бесценны — они содержат максимум сведений, которые Дюбуа удалось собрать, просматривая научные издания и беседуя с теми, кого интересовала проблема происхождения человека.

Чем же он располагает, чтобы с такой уверенностью отправиться в путешествие на острова далекой Голландской Индии? Прежде всего нет для него никаких сомнений в том, что до появления на земле Homo sapiens, человека разумного, существовал какой-то иной вид людей с ярко выраженными обезьяньими чертами, приоткрывавшими завесу над тайной происхождения «повелителя природы». Дюбуа, считая неуместным вступать в споры с учителем накануне отъезда, не стал вдаваться в детальное разъяснение фактической стороны дела. Разумеется, Фюрбрингер прав в том, что теоретические рассуждения Генри Гексли и Эрнста Геккеля играли немаловажную роль в постепенном нарастании его убежденности в правоте заключения о существовании переходной формы, связывающей человека и антропоидную обезьяну, так называемого недостающего звена, обезьяночеловека бессловесного, и о возможном местонахождении прародины человечества на юго-востоке Азии, в особенности в островной ее части, представляющей собой жалкие остатки поглощенной водами океана загадочной Лемурии.

Однако это только одна и, может быть, даже не самая главная сторона дела. В Европе за последние 20 лет сделаны поразительные по значимости открытия, связанные с древнейшим человеком, не замечать которые могут лишь те, кто начисто лишен способности отказаться от представлений полувековой давности, или люди недобросовестные. До прошлого, 1886, года можно было еще сомневаться в истинном значении находок Иоганна Карла Фуль-

ротта в Неандертале и лейтенанта Флинта у Гибралтарской скалы, ссылаясь на отсутствие фактов, подтверждающих глубокую древность костных остатков пещерного человека с обезьянообразной физиономией, названного антропологом Вильямом Кингом неандертальцем. Но что скажут противники признания особого этапа в развитии человека теперь, когда в седьмом томе журнала «Архив биологии», издаваемого в Генте, появилась публикация результатов раскопок бельгийских исследователей около местечка Спи сюр л'Орно?!

Дюбуа, взволнованный воспоминаниями о впечатлении, которое оказали на него публикации Жюльена Фрэпона и Макса де Лоэ, совсем, кажется, недавно прочитанные — в начале нынешнего заканчивающегося теперь 1887 года, поднялся из-за стола и прошелся по каюте. Да, не разгуляешься — три шага от стола до двери, шесть от двери до перегородки, отделяющей каюту от борта. Квадратное окошко наверху почти не пропускает света. Шторм, кажется, снова разгуливается не на шутку — корабль резко подбрасывает, ветер завывает то печально, то угрожающе, где-то надоедливо и монотонно поскрипывает дерево. «Пройтись бы по палубе»,— подумал Дюбуа, но представив ее скользкую от брызг, раскачивающуюся от волн и продуваемую струями бешено закручивающихся потоков воздуха, поежился, как будто его и в самом деле обдало волной влажного и холодного ветра... Лучше освоить для прогулки каюту и, кстати, попривыкнуть к неустойчивому, временами уходящему из-под ног полу.

Так на чем оставил он свои размышления? Ах, да — статья Фрэпона и де Лоэ! Седьмой том «Архива биологии», где она была напечатана, произвела на него огромное впечатление. Сначала Дюбуа, прочитав многообещающее название «Этнографические заметки о костных остатках людей, открытых в четвертичных отложениях грота Спи», подумал, что это очередное сообщение мало прибавит к

известному ранее о человеке ледникового времени. Но вот прочитаны первые страницы, и за сугубо специальным текстом, написанным сдержанно и деловито, проглянули контуры поистине великого открытия.

Раскопки пещеры Бек о Рош, открытой на склоне каменистого обрыва недалеко от местечка Спи сюр л'Орно в провинции Намюр (Бельгия), были проведены, к счастью, со строгим соблюдением всех выработанных к середине восьмидесятых годов правил исследования стойбищ людей каменного века. Три бельгийских археолога — Жюльен Фрэпон, Макс де Лоэ и Марсель де Пюи — тщательно проследили особенности заполнения пещеры. Осторожно и не торопясь удаляли они слой за слоем, детально документируя изменение характера горизонтов и их содержимое.

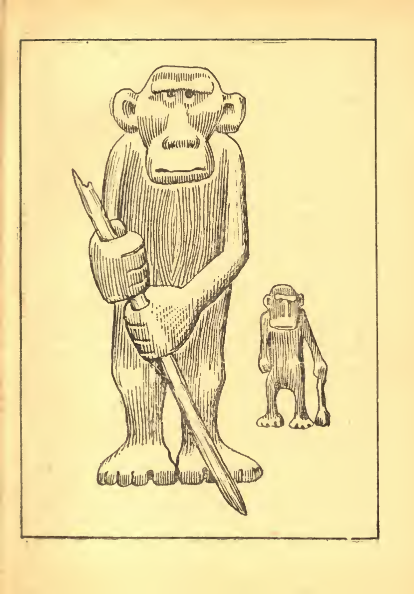
Скрупулезность работы была щедро вознаграждена. Прежде всего для исследователей стало очевидным, что пещера Спи представляет собой своеобразную кладовую сокровищ, о которых только можно мечтать археологу, занимающемуся изучением «допотопных» культур: под слоем щебня залегал полутораметровый пласт желтой глины, заполненный громадными костями мамонтов. Рассыпанные между ними камни со следами искусственной оббивки не оставляли ни малейших сомнений в том, кто принес в пещеру кости гигантского животного. Это сделал древний человек, современник мамонтов.

Однако находки на этом не прекратились. Когда из пещеры удалили желтую глину, проглянула окрашенная в красный цвет прослойка, толщина которой не превышала 10 сантиметров. Ее густо насыщали кости вымерших животных, разнообразие которых поражало: помимо остатков мамонта бельгийские археологи нашли кости носорога, лошади, северного оленя, а также останки тех, кто заселял пещеру Спи в тот период, когда ее покидал человек,— пещерной гиены, пещерного медведя и пещерного льва.

Наибольшее волнение доставили Жюльену Фрэпону, Максу де Лоэ и Марселю де Пюи раскопки самого древнего из глинистых слоев. Мощность его составляла не менее метра, и в нем по-прежнему встречались разнообразные останки животных, но не они и даже не превосходно изготовленные каменные орудия, в том числе остроконечники и скребла, заставили радостно и тревожно забиться сердца археологов: под осторожно сдвинутым ножом слоем земли показались кости человека! Находки следовали одна за другой. Вот полностью освобождены от земли кости ног — они подогнуты, как у спящего на боку... Далее показались сильно разрушенная грудная клетка и, наконец, рука, согнутая в локте. Когда началась расчистка участка раскопа, прилегающего к кисти руки, последовало самое волнующее открытие из всех, сделанных в пещере: в мягкой желтоватой глине лежал череп. Лицевые кости его сохранились далеко не полностью, но зато черепная крышка вместе с затылочной частью, нижняя челюсть и часть верхней представляли для антропологов благодатный материал.

Можно представить восторг Жюльена Фрэпона и Макса де Лоэ, когда они поняли, что в их руки попал череп, удивительно близкий по броским деталям строения неандертальскому и гибралтарскому черепам — те же массивные надглазничные валики и сильно убегающий назад лоб. А нижняя челюсть? Она не имела подбородочного выступа, как и челюсть из Троу де ла Ноллет. Вот она, комбинация, которую гениально предсказал в свое время французский натуралист Е. Т. Гами! — у неандертальского черепа из грота Фельдгофер была обезьянообразная грубая и массивная с крупными зубами челюсть, с чудовищной силой перемалывающая пищу!

Раскопки, проведенные в последующие дни, преподнесли Жюльену Фрэпону и Максу де Лоэ еще один приятный сюрприз. Поистине, если к археологу приходит привередливая богиня удачи, скупо и с разбором одариваю-



щая их вниманием и милостями, то уж в таком случае успех следует за успехом: невдалеке от первого скелета на той же глубине они обнаружили останки еще одного. Он, как и первый, лежал на правом боку, подогнув ноги и кисть руки, будто только что вот уснул, да так и не проснулся. Скелет этот принадлежал мужчине, возраст которого вряд ли превышал 20 лет, и череп его оказался во многом близким неандертальскому по массивным надбровьям и уплощенному низкому лбу.

Для Жюльена Фрэпона и Макса де Лоэ стало очевидным, что в пещере Спи найдены останки людей, стоящих на стадии развития, предшествующей человеку современного типа. Вне сомнений это были те самые неандертальцы, ожесточенные споры о которых не прекращаются со времени открытия, сделанного Карлом Фульроттом! Теперь можно оказать решающую поддержку упрямым сторонникам профессора из Дюссельдорфа. Пусть замолкнут крикливые скептики: древние люди пещеры Спи найдены в одном слое с костями давно вымерших животных ледниковой эпохи, а каменные орудия, которыми они пользовались, принадлежат культуре, отстоящей от современности по крайней мере на 100 000 лет, если не больше. Во Франции ее называют мустьерской, и она, судя по находкам в Спи, распространялась также на территорию теперешней Бельгии. Значит неандертальские люди, предки современного человека, жили в далекие времена не только в долине Рейна и на юге Апеннинского полуострова, а всюду, где в руки археологов попадают характерные каменные орудия мустье — остроконечники и скребла!

Как жаль, подумал Дюбуа, откладывая в сторону листки, что Карлу Фульротту, очевидно, не удалось познакомиться с находками бельгийцев, столь блестяще подтвердивших его прозорливость. Дело в том, что седьмой том «Архива биологии» за 1886 год вышел из печати в Генте в 1887 году, когда Фульротт скончался. Сомнительно, чтобы книжка успела попасть ему в руки. В печаль-

ный, однако, год пришлось мне отплыть к берегам родины человека,— вздохнул Дюбуа. Ушел из жизни человек, настойчивости и самоотверженности которого искатели предков обязаны слишком многим, чтобы забыть в будущем его имя. Но не взвалил ли он, Дюбуа, на свои плечи непосильную ношу, заявив столь уверенно, что обязательно привезет с юго-востока Азии недостающее звено? Во всяком случае перед студентами, с которыми он беседовал накануне отъезда, следовало быть более сдержанным и не таким категоричным,— с досадой поморщился он. Ведь пройдет несколько лет, и коллеги, а также бывшие ученики потребуют оплаты векселя, выданного с бесшабашной легкостью и легкомысленной уверенностью. Нет, если возвращаться в Нидерланды, то только с победой!

Но не странное ли дело, что он уезжает из Европы, где всего год назад найдены костные останки предка человека, жившего в ледниковую эпоху? Дюбуа усмехнулся, вспомнив саркастическую улыбку Макса Фюрбрингера, когда тот задавал ему этот каверзный вопрос. Никакого, однако, противоречия здесь не было. Неандертальцы, конечно, предки человека, что наглядно подтверждают обезьянообразные черты строения их черепов. Но обитатели гротов Неандерталя, Гибралтара и Спи слишком молодые предки: они жили в ледниковую эпоху — всего каких-нибудь 100 000 лет назад. Если же ему, Дюбуа, предназначено судьбой найти подлинное недостающее звено, то есть загадочное и никому пока неведомое существо, связующее в единую цепь антропоидных обезьян и человека, то возраст этого существа выйдет за пределы миллиона лет. Ведь недостающее звено, в чем он глубоко убежден, жило в доледниковую эпоху в благодатных тропиках юга, где в пластах третичного периода и следует вести поиски. Только впоследствии далекие потомки звена переселились на север Европы и Азии и, спасаясь от холода ледниковой поры, превратили в жилища многочисленные пещеры и гроты.

Дюбуа не приводил в спорах с учителем еще кое-каких сведений, с максимальной точностью переписанных на листочки из специальных, никому кроме знатоков не известных публикаций. Первое касалось открытия Рпхардом Лпдеккером в Индии в местности Спвалик у подножий взметнувшихся к небу Гималаев сравнительно хорошо сохранившейся челюсти палеопитека, загадочного антропоида с огромными, как у гориллы, клыками, который жил в тропических лесах Южной Азии около полутора миллионов лет тому назад. Находка эта показывала, что далекие предки современных антропоидных обезьян, вероятнее всего, как думал Рихард Лидеккер, шимпанзе, а следовательно, и человека, моглп жить не только в Африке, но и в других областях юга Старого Света. Второе имело непосредственное отношение к району, куда теперь, преисполненный уверенности, направлялся Дюбуа — много лет назад художник Раден Салех, а также другие любители переправили в Европу коллекции костей вымерших животных, которые они отыскали на берегах рек Индо-Малайского архипелага, в частности на Яве. Кости в конце концов оказались в Лейденском музее, где их внимательно изучил и описал К. Мартин. И тут-то выяснилась примечательная деталь — древний животный мир юго-востока Азии оказался во многом сходным с животными, кости которых были найдены Рихардом Лидеккером в Сивалике вместе с челюстью сивапитека, древнейшей шимпанзе.

Для Дюбуа такой оборот дела означал чрезвычайно многое, поскольку теперь более четко вырисовывалась перспектива для успешного поиска в Голландской Индии недостающего звена. Ведь находка на ее территории животных, сходных с индийскими, позволяла надеяться на удачу в открытии здесь таких же, как в Индии, антропоидов, а также, конечно, предков человека. Условия для жизни их на Суматре и Яве былп пдеальными: теплые тропики, не подверженные влиянию скованного льдами севера, рос-

кошная растительность, которая круглый год снабжала обитателей леса обильной и разнообразной пищей... Если действительно был на Земле библейский сад Эдема, в котором разгуливали первые люди Адам и Ева, то Дюбуа не сомневался, что искать его надо в Голландской Индии. Недаром же в джунглях Борнео и Суматры до сих пор живет «лесной человек», как называют малайцы орангутанга, а на лианах, как на гигантских качелях, раскачиваются, стремительно перелетая с дерева на дерево, юркие гиббоны. Разумеется, многое до сих пор остается далеко не ясным, факты, подтверждающие справедливость гипотезы южноазиатской прародины человека, более чем скромны, но если бы все обстояло иначе, Дюбуа не стал бы сержантом королевской колониальной армии и не плыл по разбушевавшемуся морю в неведомые края таинственного Востока. Там, на загадочной Суматре, он отыщет недостающее звено и превратит предположения Эрнста Геккеля в стройную теорию, подкрепленную беспристрастными «свидетелями» ее истинности — костями обезьяночеловека бессловесного, где-то скрытыми пока землей.

Дюбуа долго не мог заснуть в первую ночь на корабле. Мешали тяжелые всплески волн за бортом, тоскливый и жалобный свист ветра, надоедливый скрип деревянных перегородок, нервное возбуждение, вызванное осознанием начала дела заманчивого, но в то же время отчаянно рискованного. Думалось о самом неожиданном, вспоминалось, казалось, давно прошедшее и почему-то, как правило, незначительное... Дюбуа забылся лишь под утро, измученный бессонницей и качкой. Позже в трудные минуты он не один раз вспоминал начало путешествия за недостающим звеном и мучительно тревожные раздумья бессонной ночи. Если бы он знал, сколько их еще будет!

Через несколько дней все, однако, наладилось, и Дюбуа постепенно втянулся в размеренный ритм корабельной жизни. Моряки отличались завидным здоровьем, поэтому ему почти не приходилось заниматься врачевани-

ем. Большую часть времени он уделял подготовке к предстоящей работе, с упоением перечитывая медицинские сочинения, а также палеонтологические статьи и книги, заполненные скучными, с точки зрения непосвященных, таблицами и колонками цифр всевозможных измерений костей и черепов. Прошло много времени, прежде чем позади остались Атлантика и Средиземное море, Персидский залив и на горизонте показалась зеленая каемка земли, которая медленно вырастала из моря. Это была Суматра с ее извилистым низким берегом, покрытым плотной грядой тропического леса и синеватой цепью холмов и гор, подчеркнутых туманной полупрозрачной дымкой. Яркие тропические краски земли, моря и неба ошеломляли пестротой и неожиданными сочетаниями. Рощицы высоких с развесистыми кронами пальм отмечали место, где располагался военный порт Паданг. Обменявшись салютами с береговой батареей, бриг вошел в бухту и бросил якорь. Через несколько часов Дюбуа представили начальнику гарнизона Паданга, а затем он познакомился с госпиталем, где ему предстояло начать военную службу. Ни о каком отступлении назад теперь не могло быть и речи, если бы даже такое странное желание вдруг и явилось...

Редкая цепочка шагающих друг за другом людей медленно продвигалась вперед по извилистой тропинке, едва заметной в густой траве джунглей. Сплошная стена могучих деревьев, перевитых лентами цепких лиан, сжимала узкую просеку. Стремительно надвигались вечерние сумерки. Накрапывал дождь, готовясь перейти в ливень, но путники, очевидно, настолько устали, что у них не хватало сил ускорить шаг и постараться до наступления непогоды достичь места назначения. В лесу наступила непривычная тишина, умолкли птицы, обычно оживленно щебечущие перед заходом солнца. Слышались только шо-

рох крупных капель, ударяющихся о листья, да резкий хруст веток под ногами запоздалых путешественников. Двое шли налегке, без груза. Оба они, малаец, проводник, и чуть отставший от него Дюбуа, были одеты в легкую полевую форму солдат колониальной армии Нидерландов. У остальных одежда ограничивалась широкой набедренной повязкой. Босые, с непокрытыми головами, они, разбившись на пары, несли тщательно упакованные тюки, подвешенные к гибким бамбуковым шестам. Смуглые, поблескивающие от пота тела мелькали среди травы и веток.

— Может быть, устроим короткий привал? — обратился Дюбуа к проводнику.— Наши помощники, кажется, совсем выбились из сил. Им нужен отдых.

Проводник, не говоря ни слова, воткнул в землю короткую палку с вделанной на конце острой металлической полосой, которой он ловко обрубал ветки, преграждавшие путь. Затем, повернувшись назад, что-то коротко и отрывисто крикнул по-малайски. Носильщики не заставили себя долго упрашивать — тюки сразу же полетели на землю. По тому, как, обычно словоохотливые и разговорчивые, носильщики не проронили ни слова, Дюбуа понял, что люди утомились основательно. Впрочем, чему удивляться, если возвращение в Паданг продолжается вот уже несколько дней. Дорога лесная, груз тяжел, а часы ночных привалов предельно коротки: как только забрезжит рассвет, лагерь быстро сворачивается, и снова в путь...

— Скоро ли Паданг? — спросил Дюбуа молчаливого проводника, который уселся на краю тропинки и с наслаждением отдыхал.

— Думаю, осталось не более часа пути,— невнятно пробормотал малаец после некоторого размышления.— Если, конечно, не разразится ливень и вконец не испортит дорогу, как случилось позавчера,— добавил он, с неудовольствием посматривая на потемневшее небо.— Господин доволен походом в дальнюю пещеру?

— Как тебе сказать? С одной стороны, конечно, доволен,— ответил Дюбуа, радуясь про себя, что идти осталось совсем немного и, значит, устраивать ночной лагерь не придется.— Мы нашли в пещере зубы «лесных людей», орангутангов, которые жили в джунглях Суматры давнодавно, может быть, полмиллиона лет назад. Это были далекие предки современных «лесных людей». Разве такая находка может не радовать? Но, с другой стороны, нам так и не удалось извлечь из пещерной земли то, что я надеялся найти — кости столь же древних предков современных людей. Скажи — почему малайцы избегают останавливаться в пещерах, пугаются их и с такой неохотой соглашаются вести к ним, а тем более копать в них землю?

— Жители нашей страны верят, что пещеры — прибежища злых духов. Недаром в них живут змеи, ящерицы, летучие мыши и прочая нечисть. Поэтому даже в грозу и ливень малаец не станет искать убежища в пещере. Тем более у него не мелькнет мысль устраивать в ней постоянное жилище, а также хоронить умерших сородичей. Может быть, такие же обычаи были у предков малайцев?

— Может быть,— согласился Дюбуа и задумался: что если эти верования людей тропиков действительно столь же стары, как сам человек? Впрочем, что за чепуха приходит мне в голову, рассердился он. О каких верованиях у недостающего звена можно говорить?

— Господин, если мы хотим сегодня попасть в Паданг, нужно трогаться в путь,— прервал его размышления проводник.— Скоро станет совсем темно. Нужно зажечь фонарь.

— Да, конечно, отдавай распоряжение. Мы должны ночевать в Паданге!

Проводник громко выкрикнул команду, и носильщики заторопились взгромоздить на плечи шесты с привязанным к ним грузом. Шли тесной группой, чтобы не терять из виду впереди идущего. Тусклый огонек фонаря то исчезал за деревьями, то вновь появлялся, отмечая причуд-

ливые повороты заброшенной тропинки. Дюбуа торопился. За время его многодневного отсутствия почта, очевидно, принесла много новостей.

Слова проводника об отношении жителей страны к пещерам заставили задуматься Дюбуа о том, на правильном ли пути находится он, не напрасно ли растрачивает силы и время. Дело, разумеется, не в суевериях, а в том, что в отличие от неандертальцев, обезьянолюдей Европы, которых осваивать пещеры заставляли холода, древнейшие обитатели тропических джунглей Суматры не нуждались в этих холодных, а часто и сырых убежищах и потому избегали их. Значит, надо искать в других местах, например, на берегах рек, где во время наводнений бурные потоки воды вымывают кости вымерших животных. Неудачные раскопки в пещерах убеждали Дюбуа в естественности такого вывода. Надо оставить в покое пещеры! Но прежде всего следует окончательно расстаться с военной службой. Она сдерживает его и не позволяет целиком, безраздельно отдаться любимому делу. Кстати, это позволит и полностью отойти от круга офицеров-сослуживцев, которые из-за непонятных им увлечений находят его слишком эксцентричным, если не сказать более. Еще бы — несмотря на все старания, Дюбуа так и не приучили пить рисовую водку и проводить время за карточным столом. Ну, не странный ли человек — он этим развлечениям предпочитает бродяжничество в джунглях с малайцами и «охоту» за никому ненужными костями!

Дюбуа, осторожно шагая по тропинке вслед за проводником, раздумывал об итогах полутора лет работы в Паданге. Он усмехнулся, подумав о том, что сказали бы офицеры, если б в руки кому-нибудь из них попал один из номеров «Квартальных докладов Рудного Бюро» Батавии за 1888 год, где опубликована его статья с ужасно длинным и старомодным названием: «О необходимости исследований по открытию следов фауны ледникового времени в Голландской Восточной Индии и особенно на Су-

матре». Да они бы просто вытаращили глаза и буквально онемели от изумления, узнав, что Дюбуа не только копается в пещерах, но и мечтает об открытии какого-то странного недостающего звена, обезьночеловека, лишенного способности говорить. Факт, однако, остается фактом — он нашел досуг написать первую за время пребывания в Голландской Индии статью, в которой, воспользовавшись темой важности поиска костных остатков вымерших животных, изложил свои взгляды на возможное местонахождение родины человека. Дюбуа решительно отверг идеи о том, что Европа и вообще северные пределы могли быть колыбелью человечества. Ледниковые поля, которые покрывали там огромные районы, полностью исключают такую возможность. Родину человека, призывал он, надо искать в тропиках, где обитают антропоидные обезьяны и где некогда жили предшественники человека. Здесь предки людей постепенно лишались волосяного покрова и долго не выходили за пределы теплых районов. Как раз тут и следует искать ископаемого предшественника человека.

Дюбуа объяснял, почему он надеется обнаружить его костные остатки в Голландской Восточной Индии: если в Индии найдены очень древние антропоиды, то они должны залегать и в земле Юго-Восточной Азии. Примечательно, что он ссылался в подтверждение справедливости своих мыслей не на кого-нибудь, а... на Рудольфа Вирхова! В статье приводилась длинная выписка из рассуждений маститого патологоанатома: «Огромные ареалы Земли остаются почти полностью не известными в отношении скрытых в них ископаемых сокровищ. Среди них в особенности обнадеживающи места обитания антропоидных обезьян: тропики Африки, Борнео и окружающие острова еще совершенно не изучены. Одно-единственное открытие может полностью изменить состояние дел». Последние слова Вирхова привлекали Дюбуа: ведь за этим единственным в своем роде открытием он и прибыл сю-

да, на Суматру в Паданг, хотя «изменить состояние дел» оказалось не так-то легко.

Пока приходилось утешаться тем, что статья в «Квартальном докладе Рудного Бюро» сыграла предназначенную ей роль: колониальная администрация Голландской Индии обратила внимание на работы Дюбуа и обещала по возможности содействовать им. Обещание было выполнено. Как сообщил «Первый квартальный доклад Рудного Бюро» за 1889 год, «господину М. Е. Т. Дюбуа поручается с 6 марта проводить под его руководством палеонтологические исследования на Суматре». Дюбуа получил дополнительные средства на проведение раскопок, а не ограничивался тратой своих скудных сбережений — много ли на них можно было сделать! И обязанности по службе резко сократились. Ему теперь почти не приходилось совмещать службу в военном госпитале с путешествиями к пещерам через десятки километров сырых джунглей. Такое совмещение оказалось далеко не таким простым, как представлялось ему вначале — ведь раскопки и разведки проводились урывками, нерегулярно...

Возможно поэтому за полтора года со времени прибытия из Амстердама ожидаемого успеха так и не удалось достичь.

Правда, в отсутствии усердия никто, в том числе сам он упрекнуть себя не может — работа велась на пределе сил, буквально до изнеможения. С тем же напряжением исследования ведутся сейчас, когда поискам пещер можно уделять значительно больше времени. Однако, кроме зубов орангутанга, да вот теперь костей слонов и носорогов, которые несут сзади носильщики-малайцы, больше ничего ни в одной из пещер окрестностей Паданга обнаружить не удалось. В глинистых толщах пещерных отложений не только не было костей недостающего звена, но вообще отсутствовали следы пребывания доисторического человека — остатки костров, каменные орудия и захоронения. Как это ни грустно, но с мечтой об открытии

предка человека в пещерах Суматры, возможно, придется расстаться навсегда.

Дюбуа, занятый грустными размышлениями, не заметил, как дождь превратился в ливень. Потоки воды обрушились на деревья. Под яростными порывами ветра и хлесткими ударами водяных струй одежда промокла до нитки, пробковый шлем на голове отяжелел, в армейских ботинках неведомо где нашлись щели, по которым вода добралась до ног. Через несколько минут тропинка превратилась в бурный ручей, следуя по течению которого неуверенно брели люди, проваливаясь в скрытые водой глубокие колдобины, скользя по глинистым склонам небольших овражков. Фонарь залило, и ориентироваться приходилось при свете молний. Громовые раскаты оглушали. Человеческий голос терялся в могучем реве оживших природных сил. «Если это земля недостающего звена, то, пожалуй, нелегко приходилось ему в такие минуты за пределами пещер!» — подумал Дюбуа.

Ливень прекратился внезапно, и так же быстро небо очистилось от туч. Долго еще поблескивали зарницы умчавшейся на юго-запад грозы, притихший лес осветила луна. Тропинка начала сливаться с другими просеками в джунглях и, наконец, превратилась в сравнительно широкую дорогу, покрытую блюдцами луж. «Впереди за холмом Паданг!» — радостно крикнул проводник. Носильщики оживились и, обмениваясь репликами, энергичнее зашлепали по лужам босыми ногами. Впереди был конец тяжелого пути и долгожданный отдых. В подтверждение слов проводника, послышался лай собак, которых, очевидно, как и в Европе, в период полнолуния почему-то волновала луна, а затем показались огоньки поселка. Через полчаса путешественники добрались до места, кое-как устроили багаж и, обессиленные, улеглись спать. Спутникам Дюбуа было не до разговоров. Они даже отказались от еды. Впрочем, и сам Дюбуа, отдав необходимые распоряжения, вопреки установленному ранее правилу, не стал

просматривать почту, накопившуюся за две недели, а свалился в постель и мгновенно заснул крепким сном хорошо поработавшего человека.

На следующее утро, разбирая накопившиеся деловые бумаги, Дюбуа обратил внимание на письмо, доставленное местной почтой. Оно пришло несколько дней назад с Явы от неизвестного ему соотечественника, церемонно представившегося ему господином В. Д. ван Ритшотеном. Сначала Дюбуа читал письмо со скучающим видом, не понимая, с какой стати обращается к нему господин ван Ритшотен, почтенный и, судя по всему, хваткий делец, занятый поисками залежей подходящего для строительства камня — известняка или мрамора. Но когда ван Ритшотен, со всей обстоятельностью изложив перипетии осмотра им крутых скальных обрывов, упомянул, наконец, самое главное, что заставило его засесть за письмо, Дюбуа взволнованно и торопливо пробежал глазами финальную часть послания. Нет, ван Ритшотена — геолога, связанного с Рудным Бюро, вовсе не интересовали перспективы открытия месторождений известняка и мрамора на Суматре, о чем с досадой подумал вначале Дюбуа. Он, оказывается, считал для себя честью сообщить ему, ведущему на Суматре по поручению Бюро изыскания в области палеонтологии, о счастливом открытии на юге Центральной Явы в местности Тулунг-Агунг черепа человека.

Случится же такое! Полтора года он, Дюбуа, занят тщетными поисками ископаемого человека, для чего пришлось отправиться на остров за тысячи миль от Амстердама, а вот какому-то неведомому В. Д. ван Ритшотену, которому, очевидно, и в голову никогда не приходила мысль о возможности находки в Нидерландской Индии костных остатков предка, походя и между делом удалось обнаружить череп. Может быть, не Суматра, а Ява настоящий «дом недостающего звена»? Дюбуа снова, на этот раз с особым вниманием, перечитал то место в письме ван Ритшотена, где геолог педантично и дотошно, как будто речь

шла о составлении предстоящего маршрута путешествия, описывал район своей находки. Он сообщал вначале, что на юге Центральной Явы возвышается хороший ориентир для поисков на карте — большой вулкан Лаву, откуда берет начало река Бенгаван. Два притока ее опоясывают Лаву с востока и запада. Невдалеке над лесом поднимается еще один, меньший по размерам, вулкан — Вилис. Около него протекают два притока реки Браутас, которая несет свои воды параллельно Бенгавану. В верховьях Браутаса на южном склоне Вилиса как раз и находится Тулунг-Агунг, или, как чаще называют эту местность, Вадьяк. Здесь на высоте 460 футов над уровнем окружающего плато некогда располагалось обширное пресноводное озеро, теперь почти полностью засыпанное пеплами и золой вулкана Вилис. На берегах озера возвышаются известняковые обрывы и ступеньки уступов-террас, которые отмечают постепенное усыхание водоема. Во время осмотра скал на предмет возможного открытия в Вадьяке карьера для добывания строительного камня В. Д. ван Ритшотен случайно нашел череп человека. Он залегал не в обыкновенной пещере, как может предположить господин Дюбуа, а в одном из слоев древнего берега озера. Здесь уже много тысячелетий не плескалась вода.

Место находки озадачило Дюбуа. Рассматривая карту Нидерландской Индии, на которой без труда удалось отыскать Бенгаван, Лаву и Вилис, он вновь подумал о том, что пещеры в тропиках все же не совсем подходящее место для поисков недостающего звена. Не следует ли, исходя из обстоятельств открытия ван Ритшотена, решительнее изменить направление изысканий? Может быть, не случайно также, что первая, во многом пока загадочная находка сделана на Яве, а не на Суматре? И, наконец, неожиданно смелая мысль — что если обратиться в Рудное Бюро Батавии с очередной просьбой разрешить ему продолжить «палеонтологические исследования» на Яве? Конечно, подобное обращение может вызвать неудовольствие

администрации Бюро. В конце концов оно и так многое сделало для него, согласившись, очевидно не без колебаний и сомнений, взять на себя финансирование раскопок пещер Суматры, которые, однако, не принесли до сих пор достаточно эффектных достижений. Но что он, в сущности, теряет, решаясь вновь тревожить Рудное Бюро столицы? Продолжать в будущем работы на Суматре при скудных, в общем, результатах вряд ли удастся, а возможный громкий успех исследований на Яве сразу же поправит дела и поднимет его престиж, что, как известно, во многих случаях заставляет раскошелиться даже самых осторожных и скаредных обладателей денег. Одним словом, следует рискнуть!

Дюбуа, не откладывая дела в долгий ящик, сел за стол и написал два письма. В первом он поблагодарил В. Д. ван Ритшотена за чрезвычайно взволновавшие его сведения об открытии в Вадьяке черепа человека и выразил надежду, что ему рано или поздно посчастливится побывать на Яве, познакомиться с первооткрывателем ископаемого человека Малайского архипелага и осмотреть череп из Тулунг-Агунга и место его открытия. Второе письмо было адресовано администрации Рудного Бюро Батавии. Дюбуа кратко описал в нем результаты своих последних работ в пещерах и, посетовав на не очень значительные научные итоги, обратился с просьбой разрешить ему отправиться «на поиски костей ископаемых позвоночных животных» и, разумеется, остатков недостающего звена на Яву. Свое желание переменить место исследований он мотивировал надеждами на более обильные сборы костных остатков в долинах яванских рек и, в заключение, обратил внимание Бюро на открытие В. Д. ван Ритшотена.

Дюбуа не ожидал быстрого ответа на просьбу, и действительно прошло несколько месяцев, а перспективы путешествия на Яву продолжали оставаться неопределенными. Дюбуа постепенно терял надежду на благоприятный исход. Вероятно, Рудное Бюро Батавии не решилось

таки способствовать расширению его деятельности и потому ничего определенного не сообщало. В ноябре 1889 года исполнилось ровно два года со времени прибытия Дюбуа на Суматру, но когда он начинал думать о том, чего ему удалось достичь, у него портилось настроение: в ящиках с находками лежали все те же зубы орангутанга, а также незначительное число маловыразительных обломков костей слонов и носорогов. Он использовал каждый перерыв между сезонами тропических ливней, однако раскопки пещер в окрестностях Паданга, несмотря на поистине фанатическое упорство Дюбуа, так и не принесли желанных результатов. Наступил 1890 год, а затем прошло еще три месяца — никаких изменений! В этой ситуации мог впасть в отчаяние даже самый упрямый и беспредельно преданный делу человек. Но Дюбуа оказался упрямее самого упрямого: с прочно засевшими в голове мыслями о правильности выбранного пути поисков, он с отчаянием обреченного колесил по джунглям.

Упорство в жизни вознаграждается, но, к сожалению, далеко не всегда. Пещеры Суматры так и не осчастливили Дюбуа — недостающее звено упрямо продолжало оставаться недостающим. Поэтому как нельзя кстати подоспело письмо из Батавии, надежды получить которое Дюбуа давно потерял. 14 апреля 1890 года ему вручили официальное разрешение Рудного Бюро продолжить исследования на Яве. Это был выход из тупика, в котором неожиданно для себя оказался упрямец из Амстердама. Он незамедлительно поспешил им воспользоваться. Окончательно освободившись от обязанностей в военном госпитале Паданга, Дюбуа покинул Суматру и с легким сердцем отправился на Яву. Так начался второй акт затянувшейся драмы поиска предков Адама. События в нем развивались столь же медленно, как в первом акте, однако его отличает обилие разного рода неожиданных «сцен» и новых «действующих лиц», появление которых ожидалось давно, но тщетно.

На Яве Дюбуа первым делом купил череп, найденный в Вадьяке В. Д. ван Ритшотеном, реставрировал его, обработал и подклеил раздавленные части. Череп вне всякого сомнения принадлежал ископаемому человеку, и это не могло не радовать — кости полностью потеряли органическую субстанцию, окаменели, или, как говорят в таких случаях палеонтологи — минерализовались, фоссилизовались. Несмотря на массивность костей черепа и некоторые примитивные детали строения его, он бесспорно принадлежал человеку современного типа — Homo sapiens, человеку разумному. Достаточно сказать, что объем мозга, заключенного в черепной коробке из Вадьяка, превышал средний объем мозга современного человека на 200 кубических сантиметров. Поэтому ни о каком открытии в Тулунг-Агунге черепа недостающего звена не могло быть и речи. Впрочем, Дюбуа, наученный горьким опытом двух лет бесполезных трудов на Суматре и смирившийся с мыслью о сложности и длительности предстоящих поисков на Яве, не надеялся на столь легкое решение проблемы. Он лишь с удивлением отметил про себя, что череп из Вадьяка не принадлежал по типу к черепам малайской расы, представители которой заселяли теперь Яву и Суматру. Если бы не на удивление большой объем мозга, то можно было бы сказать, что В. Д. ван Ритшотену удалось найти остатки захоронения предка коренных жителей Австралии или, может быть, папуасов Гвинеи.

Значит, до прихода малайцев на Яву остров заселяли австралоиды, которые переселились затем на южный континент, положив начало расе аборигенов? Стоит ли, однако, ломать над этим голову? Ведь это же не череп недостающего звена! Не удивительно поэтому, что во «Втором квартальном докладе Рудного Бюро» за 1890 год опубликована лишь краткая заметка Дюбуа о находке в Вадьяке. В ней, однако, отсутствует подробное описание черепа. В европейские журналы он не пишет ни строчки — не та тема. А кто читает «Квартальные доклады Рудного

Бюро» Батавии, чтобы узнать, как проходят на территории Нидерландской Индии поиски недостающего звена неким Дюбуа? Можно уверенно сказать, из антропологов — никто! Даже через полвека после этих событий Дюбуа будут упрекать за то, что он ни словом не обмолвился об открытии ван Ритшотена и глубокомысленно определять Дюбуа как «человека эксцентричного, странного и во многих случаях трудного для понимания». Странно здесь, однако, может быть лишь то, что некоторые из судей его и через много десятков лет не удосужились перелистать «Квартальные доклады Рудного Бюро», изданные в Батавии...

Дюбуа определенно не та натура, которую может надолго задержать за столом изучение черепа, найденного к тому же кем-то другим. Он жаждет активной деятельности и буквально рвется в яванские джунгли. Через некоторое время его можно было увидеть на южном склоне вулкана Вилис в верховьях реки Браутас. Дюбуа с обычным для него усердием осматривает известняковые обрывы и уступы террас на берегу уничтоженного извержением вулкана озера. Трудно сказать, сколько времени продолжались бы на этот раз поиски, но судьба, возможно, желая вознаградить за упорство, неожиданно поманила надеждой и впервые за три года выказала свою благосклонность: Дюбуа открывает в галечном слое озерной террасы Вадьяка второй череп! Правда, это опять не череп недостающего звена. Он поразительно напоминает находку В. Ц. ван Ритшотена — австралоидный по типу, с очень массивной нижней челюстью, плоской носовой костью, низким лбом и выступающими надглазничными валиками, продолговатый, с обширной мозговой коробкой. Значительные по толщине кости от длительного нахождения в земле минерализовались, что свидетельствовало о их глубоком возрасте. Во всяком случае, Дюбуа не сомневается, что люди, которым принадлежали вадьякские черепа, жили в древнекаменном веке, в эпоху, когда

север Европы покрывали толщи льда. Каменных орудий в слое, где залегал череп, выявить не удалось, но многочисленные черепа, челюсти и даже части скелетов животных, найденные на склоне соседнего холма, позволили Дюбуа установить разновидности обитателей древнего леса Тулунг-Агунга, на которых, возможно, охотились протоавстралийцы...

Снова неудача с открытием недостающего звена? Да. Но лиха беда начало! Дюбуа посылает в «Третий квартальный доклад Рудного Бюро» за 1890 год краткий отчет о находке.

Поиски продолжаются с удвоенной энергией. День за днем обследует Дюбуа окрестности Вадьяка, неутомимо лазая по склонам известняковых обрывов и тщательно обследуя обнажения террасовых уступов озера. Находки костей животных следуют одна за другой. Он снова верит в свою счастливую звезду и, кажется, не обманывается в предчувствиях очередной удачи: однажды ему сообщают, что вблизи Вадьяка находится пещера. «Она заслуживает того, чтобы заняться ею специально и произвести раскопки»,— пришел к твердому убеждению Дюбуа, внимательно осмотрев пещеру и площадку, прилегающую к ней снаружи. Раскопки — дело по Суматре слишком хорошо знакомое, чтобы откладывать его на неопределенное будущее. Дюбуа приступил к работе, и на участке, расположенном перед входом в камеру, открыл погребение! Человеческий скелет оказался густо засыпанным красной охрой — кровью мертвых. Но вслед за радостью, как это уже было у Дюбуа неоднократно, последовало разочарование: захоронение датировалось сравнительно поздним временем. Осмотр черепа, не имеющего, как и другие кости скелета, значительных признаков минерализации, показал, что у входа в пещеру был похоронен малаец, а не протоавстралиец... Но Дюбуа не терял надежды. Он верил, что цель близка. И до нее, действительно, оставалось всего лишь 60 миль по прямой на северо-запад от Тулунг-

Агунга! Однако, чтобы пройти эти 60 миль, потребовалось два года выматывающей работы, а потом, чтобы уяснить значение открытого — еще два года труда. Вот какова легкость удачи «баловня судьбы»!

Как бы ни были важны и интересны находки в районе Вадьяка, Дюбуа с самого начала понял, что надежда открыть недостающее звено на склоне вулкана Вилис не очень оправдана, поскольку большинство из найденных им костей принадлежало не вымершим, а здравствующим ныне в джунглях Явы видам животных. Поэтому он решил перенести разведочные работы на север во внутренние области Центральной Явы, в район грандиозного вулкана Лаву Кукусан, где в долине реки Бенгаван в местности Кедунг-Брубус по сведениям местных жителей часто находили кости гигантов, или как называли их малайцы, гвардейцев — руксасас... «Если на берегах Бенгаван не удастся найти недостающее звено, придется вернуться на Суматру»,— решил Дюбуа.

Пробные раскопки развернулись около городка Мадиун, где река прорезала пласты плотно сцементированного вулканического туфа и песка. В них в изобилии залегали кости слонов, гиппопотамов, оленей, гиен, тапиров. 24 ноября 1890 года была сделана находка, после которой Дюбуа навсегда отказался от мысли отправиться на Суматру: из груды найденных за день костей он извлек обломок правой стороны нижней челюсти с двумя предкоренными зубами и альвеолой (гнездом), в которой некогда помещался клык. Дюбуа достаточно было бегло осмотреть находку, чтобы понять, что челюсть принадлежала человеку, а не антропоидной обезьяне. Глубокая древность обломка тоже не вызывала ни малейших сомнений: судя по значительной тяжести, кость давно минерализовалась, а по характерному темному цвету она не отличалась от любой из многих сотен костей животных, извлеченных из вулканического туфа.

Значит, эта челюсть принадлежала человеку, который

жил на берегах Бенгавана в доледниковые времена около миллиона лет назад, когда Ява соединялась «земным мостом» с материковой частью Азии? Значит, это и есть первый обломок скелета недостающего звена? Прийти к такому заключению при взгляде на не очень массивную, но в то же время исключительно низкую челюсть естественно и чрезвычайно соблазнительно. Однако Дюбуа сохраняет сдержанность и не торопится делать далеко идущие выводы. По-видимому, он представлял себе челюсть недостающего звена иначе и обломок из Кедунг-Брубуса при всех его необычных особенностях все же определял как человеческий. Питекантроп алалус, обезьяночеловек бессловесный, не умел, как следует из его названия, произносить слова. А первое, что бросалось в глаза при осмотре фрагмента челюсти и поразило Дюбуа больше всего, была необычайно большая протяженность в ширину ямки для так называемой двубрюшной мышцы, степень развития которой, по мнению отдельных антропологов, косвенно подтверждает или, напротив, опровергает наличие речи. Существо из Кедунг-Брубуса несомненно говорило и, следовательно, не могло занять вакантное место недостающего звена.

В «Первом квартальном докладе Рудного Бюро» за 1891 год Дюбуа опубликовал краткие заметки об открытии обломка челюсти, найденного около Мадиуна. Из них следует, что он не сомневался в принадлежности челюсти человеку, поскольку клык, судя по сохранившейся альвеоле, был не антропоидный бивнеобразный, а человеческий по типу. Передняя часть челюсти тоже отличалась человеческими особенностями — возможно, даже отчасти выделялся подбородочный выступ, чего не имела, как известно, челюсть неандертальца. Однако ярко выраженная примитивность нижнего края фрагмента челюсти и массивность позволили Дюбуа определить ее как «остаток неточно определенного вида человека», «другого, вероятно, низшего типа» челюсти по сравнению с челюстями со-

временного человека и неандертальцев Европы ледниковой эпохи. Поиски недостающего звена продолжались. До заветного места осталось пройти всего 40 миль на северо — северо-запад, но Дюбуа еще не знал, где она, та самая желанная «иголка», запрятанная в стоге сена!

«Кажется, напал на след»,— ликовал в душе Дюбуа. Нюх и чутье разведчика, выработанные за годы пребывания на островах Нидерландской Индии, а также детективный инстинкт хорошо тренированного палеонтолога ведут его вперед — вниз по течению реки Мадиун на север и северо-запад, к месту, где она сливается со стремительным потоком Бенгаван-Соло, Большой реки. Всюду, где по берегам поднимаются обрывы разрушенных водой вулканических пластов, Дюбуа останавливается и метр за метром осматривает обнажения, извлекая из песчанистого грунта кости, в том числе самые незначительные по размерам. Один за другим заполняются бесценными коллекциями ящики, которые с трудом волокут нанятые в окрестных деревнях носильщики-малайцы. Дюбуа не считает теперь, как ранее, что только пещеры могут служить идеальной кладовой палеонтологических сокровищ. Продукты извержения Лаву Кукусан и Гунунг-Гелунгунг — вулканический песок, зола и туф — превосходно консервировали кости, сохранив их в идеальном для изучения состоянии.

Животные гибли, очевидно, во время страшных в стихийной мощи извержений вулканов и в периоды катастрофических наводнений, или, как называют их его друзья-малайцы, банджирс, знаменитых разливов яванских рек, которые выходили из берегов в сезон тропических ливней. Животные могли также стать жертвами крокодилов. По тем же причинам в вулканических пеплах и песке могли оказаться костные остатки антропоидных обезьян, человека и, разумеется, недостающего звена, хотя их «высокий интеллектуальный статус» позволял избегать в опасных ситуациях смертельного риска...

На 60 миль протянулась вдоль рек Бенгаван и Мадиун низкая гряда холмов Кендеңгс — от Кедири Мадиун и Сурокарты, с одной стороны, и от Рембанга до Саманга, с другой. Всюду в этом обширном ареале речных долин располагались местонахождения костей вымерших животных. Каждый из пунктов имел протяженность от 1 до 3 милей, и любой шаг здесь мог привести к неожиданному открытию. Поэтому нужно было соблюдать максимальную собранность. Десятков и сотен метров толщины достигали слои разных геологических формаций — отложения моря, бурных пресноводных потоков, пласты вулканического пепла и золы. Окаменелости позволяли определить время образования слоев, а также характер природного окружения в центральных районах Явы сотни тысяч лет назад. Дюбуа, увлеченный сборами, потерял счет дням, и, если бы не приближающийся сезон ливней, то он так и продолжал бы до бесконечности переходить с места на место, несмотря на усталость и бесчисленные тяготы путешествия по глухим тропикам. Наступил последний вынужденный «антракт» перед финальным действием, наполненным решающими событиями.

Осмотр разрушенных обвалами и водой берегов удалось возобновить в августе 1891 года. Разведка в долине реки Бенгаван привела к открытию на левом берегу у подножий холмов Кенденг, тянущихся непрерывной узкой цепочкой с востока на запад, богатых костеносных горизонтов. В особенности поразили Дюбуа мощность и значительная протяженность древних вулканических слоев, выступающих из воды в районе городка Нгави и небольшого кампонга (деревушки) Тринил. На семь с половиной миль протянулись крутые обрывы, и каждый очередной участок левого берега казался заманчивее пройденного ранее! Никогда еще не попадались в таком изобилии тяжелые кости — ящики, предназначенные для коллекций, наполнялись с невиданной быстротой. Дюбуа едва успевал бегло осматривать содержание корзин его помощни-

ков — сборщиков, радуясь разнообразию видов животных, остатки скелетов которых удавалось подобрать на отмелях у подножий обрывов или извлечь прямо из слоя. Большинство костей принадлежало южным слонам стегодонам, буйволам лептобос, разнообразным по видам и отличающимся небольшими размерами оленям, гиппопотамам, тапирам, носорогам, свиньям, гиенам, львам, крокодилам.

В Азии было известно до сих пор только одно место, где кости древних животных встречались в таком большом количестве и удивительном разнообразии — Сиваликские холмы в Индии. Холмы Кенденгс поразительно напоминали Дюбуа известный ему по описаниям район Сивалик, приютившийся у подножий Гималайских гор. А тут еще выяснилось, что кости буйвола с берегов Бенгавана оказались на удивление сходными с костями того же животного, бродившего некогда в окрестностях Сиваликских холмов. Можно было подумать, что буйволы переселились из Индии на Яву, благополучно миновав опасности тысячекилометрового пути! Для полноты сравнения Сивалика и Кенденгса недоставало лишь открытия в Центральной Яве какого-нибудь антропоида вроде предшественника современных шимпанзе, найденного в Индии. Если тяжелые и неповоротливые буйволы сумели добраться почти до самой южной оконечности Азиатского континента, то почему такое же успешное путешествие не могли совершить антропоидные обезьяны, существа столь же подвижные и непоседливые, как и на удивление сообразительные? Непрерывная полоса роскошных тропических лесов, охватывающих юг Азии,— превосходная дорога для таких путешественников! Значит, надо искать, искать, искать... И Дюбуа с неутомимым самозабвением ищет, с замиранием сердца вглядывается в россыпи бархатисто-коричневых костей, нетерпеливо, с великой надеждой извлекает из вулканических пеплов каждую подозрительную косточку.

Впереди на берегу Бенгавана за густым кустарником и пальмами спрятались легкие строения никому пока в

мире неведомой деревушки Тринил. Ее окружают небольшие плантации маиса и бананов, а далее сплошной стеной встает непроницаемый для лучей солнца тропический лес Кендеңгс. Немилосердно жарит солнце, безлюдна деревня, все живое попряталось в тень. Дюбуа со спутниками переправляется на левый берег, чтобы осмотреть обнажения. Уровень воды в Бенгаване стоит еще высоко, однако часть древних слоев оказывается доступной для обследования. Дюбуа выпрыгивает из лодки и направляется к наиболее возвышенному участку берега, где река делает крутой поворот.

За многие недели изучения геологии долины Бенгавана он научился безошибочно определять наиболее перспективные для начала охоты за костями горизонты. Вода плещется у слоя галек, образующих плотные скопления, конгломераты. Яванцы называют такие пласты лахаром. В них залегают также камни, выброшенные при извержениях вулкана. Верхнюю часть берега образуют твердые вулканические туфы, перемешанные с белой глиной. В таких глинистых горизонтах следует ожидать растительных остатков, листьев фикусов и магнолий, например. Однако наибольший интерес вызывает средний слой, представляющий плотный пласт вулканического пепла, песка и золы, толща так называемых лапилли, в которых обычно залегают части скелетов вымерших животных. К размытому потоками воды слою лапилли и направился Дюбуа, желая осмотреть его в первую очередь. Он не ошибся в предположениях — на отмели среди глыб темно-серо-коричневой земли валялось множество вывалившихся из земли костей, окрашенных в характерный темно-коричневый цвет, первый признак их значительной древности. Дюбуа поднял несколько обломков и, как уже неоднократно бывало раньше, подивился необычно большой тяжести — будто камни в руках держишь! Впрочем, кости, действительно, от длительного пребывания в слое лапилли как бы окаменели. Тринильский мыс явно заслуживал того,

чтобы осмотреть его внимательнее и даже, возможно, произвести расколки.

В течение нескольких недель продолжалось обследование окрестностей Тринила. Был сухой сезон, уровень мутно-серой воды в Бенгаване резко понизился, на поверхность выступили густо насыщенные костями слои вулканических пеплов. Дюбуа пожинал богатый осенний «урожай» находок. Посчастливилось даже найти обломки костей низших обезьян — макак. Однако ничто так не обрадовало его и не окрылило новыми надеждами, как невзрачный на вид зуб, который он извлек в сентябре 1891 года со дна неглубокой ямки, расположенной на склоне Тринильского мыса в слое лапилли. Не требовалось много времени, чтобы уяснить, какое из животных могло «потерять» этот зуб — настолько хорошо сохранился он и так выразительны были его характерные особенности. По структуре рельефа жевательной поверхности, величине коронки, широко расставленным корням третий коренной зуб, который выпал когда-то из правой ветви верхней челюсти, принадлежал, несомненно, одной из разновидностей высших приматов — крупной антропоидной обезьяне или... человеку!

Вероятнее всего, обезьяне, решил Дюбуа, не очень велики размеры коронки и слишком широко расставлены корни зуба, не укороченные, к тому же, как у современного человека, а непривычно длинные. «А может быть, человеку?»,— забеспокоился он. Хоть и велики пропорции зуба, но, тем не менее, заметно меньше верхних третьих коренных антропоидных обезьян. Озадачивало также то, что длина зуба была короче ширины — типично человеческая, а не антропоидная черта. Два выступа на жевательной поверхности заднего края коронки оказались сильно уменьшенными в размерах по сравнению с соответствующими выступами на коренном антропоидов. Раздумья Дюбуа завершились тем, что он пришел в конце концов к выводу о принадлежности зуба антропоидной обезьяне

типа шимпанзе. Такое заключение отнюдь не лишало исключительной важности и сенсационности находки на Тринильском мысе. Если этот зуб действительно принадлежал шимпанзе, то она представляла собой еще одно связующее звено с миром древнейших животных Сиваликских холмов Индии. А там, где есть связующее звено, можно надеяться открыть и недостающее звено! В «Третьем квартальном докладе Рудного Бюро» появилась краткая заметка Дюбуа, в которой он, подводя итоги своих изысканий в районе деревушки Тринил, назвал «наиболее замечательной находкой верхний третий коренной шимпанзе» — Antropopithecus troglodytes. Это позволило ему также сделать вывод о том, что шимпанзе — «ближайшая из высших антропоидных обезьян кузина человека» жила миллион лет назад не только в Индии, но также на Яве.

Открытие зуба поистине удвоило энергию Дюбуа. Все помощники и он сам переключились на самый тщательный осмотр обнажений Тринильского мыса. Жители деревни, в особенности вездесущие мальчишки, в широких конических шляпах, безмерно удивленные странным объектом поисков «белого господина» — никому ненужных костей, заваленных многометровой толщей земли, помогали собирать жалкие остатки гигантов-руксасас. Вскоре для Дюбуа стало ясно, что поверхностный осмотр места находки зуба и прилегающих участков мыса не даст желанных результатов, если не совместить его с настоящими раскопками. И тогда он нанял землекопов, наиболее сильных мужчин деревни Тринил, объяснил им задачу, и, привычные к работе на полях, крестьяне-малайцы начали неторопливо копать слой лапилли, выискивая в нем кости руксасас-гигантов. С особым старанием и тщательностью велись раскопки около углубления, в котором Дюбуа обнаружил зуб шимпанзе. Не найдутся ли в том месте другие части скелета Antropopithecus troglodytes? Они могли бы стать хорошим подарком в ознаменовании трехлетия его пребывания в Нидерландской Индии! Надо торопиться,

ибо в конце октября начнутся тропические ливни, и работы в Триниле придется прервать на то долгое время, пока вода в Бенгаване снова не достигнет нижнего уровня и обнажит слой лапилли с окаменелостями.

Слой удалялся за слоем со всевозможными предосторожностями, одна за другой извлекались из вулканического туфа многочисленные обломки костей, которые Дюбуа едва успевал просматривать. Нужно было обладать его терпением и упрямством, фанатической уверенностью и безграничным энтузиазмом, чтобы не впасть в безнадежное отчаяние от безрезультатности первой, второй и, наконец, третьей недели раскопок. Ни одной, даже самой незначительной косточки шимпанзе среди тысячи костей слонов, носорогов, свиней, тигров, гиппопотамов! Судьба явно испытывала меру терпения Дюбуа, но всему есть предел, и она отступила, пораженная: в один из октябрьских дней малаец, который копал всего в 1 метре от углубления, в котором нашли зуб, наткнулся на нечто шаровидное. Оно было включено в окаменевший вулканический туф. Когда блок со странной находкой со всевозможными предосторожностями извлекли и Дюбуа осмотрел «шар», стало ясно, что в руках у него находится черепная крышка, вероятно, того самого существа, которому принадлежал зуб.

Кость, тяжелая как мрамор из-за минерализации и хранящая холодок древнего слоя земли, имела темный шоколадно-коричневый цвет и таинственно поблескивала на солнце мелкими кристалликами пиритов. Черепной крышке определенно пришлось много испытать, прежде чем она попала в руки человека: поверхность ее была покрыта большим количеством мелких выемок и канавок и следами сильной коррозии. Особенно глубокие лунки прослеживались по краю верхушки черепа, где просматривались границы слома кости. Дюбуа измерил расстояние от места, где залегала черепная крышка, до участка, где месяц назад нашел зуб. Находки, которые доставили

ему столько волнений и переживаний, разделяло пространство всего в три ярда! До чего же, однако, тяжелы, но одновременно чудесны эти последние ярды, возвещающие торжество его идей и оправданность трудно объяснимого предчувствия, что он с самого начала находился на правильном пути. Впрочем, сказать так, значит слишком забежать вперед. Дюбуа действительно находился на том месте, куда его неотвратимо и последовательно вел нюх и инстинкт прирожденного разведчика, но, чтобы до конца осознать это, требовалось сделать еще одно открытие, чтобы вслед за ним последовало гениальное озарение и раскрылась глубинная суть «содеянного». До такого счастливого момента оставалось «всего» два года! Как же несправедливы те, кто представит Дюбуа в будущем человеком с легкой рукой, которому не составляло никакого труда делать открытия...

А пока он в одной из хижин Тринила с помощью долота и молотка освобождал костяной шар из каменного плена. Через несколько дней черепная крышка лишилась последних остатков туфового обрамления, и можно было приступить к внимательному и спокойному осмотру ее, а также к необходимым измерениям. Череп сохранился далеко не полностью — у него отсутствовали все лицевые кости и основание, из-за чего реконструировать первоначальный облик было нелегко. Общий вид черепной крышки не оставлял у Дюбуа сомнений, что она принадлежала какому-то крупному антропоиду, вероятнее всего, шимпанзе. Сильно покатый узкий лоб действительно напоминал лоб шимпанзе. Так же, как у нее, наиболее широкая часть черепа, если на него смотреть сверху, располагалась ближе к затылку, а не по центру, как у современного человека. Исключительную примитивность существа из Тринила выдавали, кроме того, очень малая высота черепной крышки, сильно уплощенный затылок, расположение наиболее широкой части черепа в нижнем отделе его на границе с основанием, а также массивные,

как у обезьян, надглазничные валики, в виде козырька нависающие над глазницами. Посредине лба, где у обезьян поднимается костяной гребень, Дюбуа отметил возвышение, протянувшееся в виде валика. В какой-то мере тринильская черепная крышка напоминала Дюбуа не только череп шимпанзе, но также гиббона, хотя для сравнения черепную крышку последнего следовало увеличить в два раза!

Это показывает, насколько была велика по размерам черепная крышка из Тринила. Когда Дюбуа измерил длину ее, а затем ширину, то полученные цифры его озадачили — 182 и 130 миллиметров! Пока внутреннюю полость крышки, где некогда находился мозг, заполнял твердый вулканический песок, измерить точный объем мозга не представлялось возможным. Тем не менее ориентировочная цифра — 800 – 850 кубических сантиметров поразила Дюбуа. Как бы ни были велики размеры черепов современных высших антропоидных обезьян, но больше 600—610 кубических сантиметров объем их мозга никогда не превышал. Отсюда следовал вывод, что в Триниле Дюбуа посчастливилось обнаружить черепную крышку какой-то особой шимпанзе, обладавшей необыкновенно огромным по объему мозгом, приближающимся почти вплотную к низшей границе объема мозга современного человека — 930 кубических сантиметров! Может быть, как раз эта разновидность древней шимпанзе приобрела в процессе развития, продолжавшегося многие сотни тысячелетий, статус человека? У Дюбуа и мысль не мелькнула, что перед ним на столе лежит часть черепа предка человека или таинственного недостающего звена,— настолько броскими и выразительными были обезьяньи черты черепной крышки Тринила.

Раскопки на мысу продолжались еще несколько дней, но безрезультатно. Как ни велико было желание продолжать работу, пришлось ее прервать — небо заволокло тучами, хлынул тропический ливень. Дюбуа, опасаясь ско-

рого разлива рек, отдал распоряжение готовиться к обратному путешествию в Батавию. Лодки туземцев перевезли людей и ящики с костями на правый берег Бенгавана, и вскоре караван носильщиков торопливо двинулся на юг к Парону, откуда взял направление к столице Голландской Индии. Во время всего пути через джунгли под особо бдительным контролем находился небольшой ящик, в котором лежали бесценные сокровища — старательно упакованные в вату и туго перепоясанные бинтами черепная крышка и зуб антропопитека...

В Батавии Дюбуа вновь вернулся к изучению тринильских антропоидных костей. Тщательный осмотр их не поколебал сделанных в поле выводов. Поэтому в отчете, написанном для «Четвертого квартального доклада Рудного Бюро» за 1891 год, он уверенно написал о том, что самая замечательная находка октября — антропоидный череп с «еще меньшим сомнением, чем коренной зуб, относится к роду Antropopithecus troglodytes. Оба образца вне каких-либо сомнений происходят от высшей человекообразной обезьяны (типа шимпанзе)». Далее Дюбуа писал о сходстве верхнего коренного из Тринила с коренным шимпанзе («он отличается только слегка бо́льшими размерами»), об отличии черепной крышки орангутанга (она длинная) и гориллы (отсутствует черепной гребень) и вновь подчеркивал, что у него нет сомнения в вопросе родовой принадлежности антропоида из Тринила. Что касается вида, то от современной шимпанзе тринильская обезьяна отличается «бо́льшим размером и бо́льшей высотой черепа». В заключении краткого описания осторожный Дюбуа, всегда с отвращением относящийся к сенсационным заявлениям, сделал смелый для него вывод о том, что древнейшая шимпанзе Явы по форме черепа ближе к человеку, чем любой другой из современных антропоидов, в том числе шимпанзе.

Сообщение Дюбуа об открытии в Триниле не произвело на ученый мир особого впечатления. Можно биться

об заклад, что никто из европейских и американских антропологов по-прежнему не удосуживался заглянуть в скучные «Квартальные доклады Рудного Бюро» Батавии, чтобы узнать, какие новости сообщает некий одержимый чудак Дюбуа, забравшийся в джунгли Центральной Явы. Они, его коллеги, еще отыщут позже эти «Доклады» и прочтут со вниманием и пристрастием каждую строчку скупых сообщений, но пока равнодушно безмолвствуют, занятые своими заботами и делами. А Дюбуа продолжает терпеливо ждать окончания сезона дождей, чтобы отправиться в Тринил. Чем занимался он в течение почти целого года, неизвестно. Может быть, освобождал от затвердевшего каменистого туфа внутреннюю полость черепной крышки антропопитека троглодита,— кто знает! Но когда в августе 1892 года прекратились ливни и уровень воды в Бенгаване опустился до самой нижней отметки, Дюбуа и его помощники снова появились на Тринильском мысу.

Малайцы из деревни принялись за знакомую им теперь работу. Раскоп над слоем лапилли протянулся на очередные 50 ярдов. Судьба на сей раз не стала испытывать терпения Дюбуа, и новое открытие, окончательно решившее загадку тринильского антропопитека, последовало незамедлительно, в том же месяце. Когда на одном из участков, отстоящем от места находки черепной крышки на 15 метров, малаец-землекоп удалил слой толщиной в 12 ярдов, из пласта вулканического туфа показалась головка бедренной кости с отчетливо заметными следами от зубов крокодила. Кость извлекли из слоя лапилли и принесли Дюбуа.

Он ожидал от раскопок в Триниле чего угодно, но только не этого — малаец передал ему полностью сохранившуюся кость бедра... человека. Не антропоидной обезьяны, а человека! Дюбуа не верил глазам — может быть, произошла какая-то путаница, и человеческую кость извлекли из какого-то другого слоя? Нет, кость найдена в том же горизонте

и на той же глубине, что и черепная крышка антропопитека, хотя и в стороне от нее. К тому же она имела тот же характерный шоколадно-коричневый цвет и оказалась сильно минерализованной — по тяжести превосходила вес нормальной кости того же размера приблизительно в два раза. Когда ее взвесили, выяснилось, что точный ее вес 1018 граммов! И сохранность была превосходной. В отличие от черепной крышки на ее поверхности отсутствовали следы коррозии. Только вот болезнь ее изуродовала: бросалось в глаза патологическое, неправильной формы разрастание костного вещества на одном из участков. Длина кости равнялась 45,5 сантиметра, из чего следовало, что рост существа, которому она принадлежала, составлял около 170 сантиметров.

«Что означает эта находка?» — думал пораженный Дюбуа. Если присмотреться внимательно, тем более заняться измерениями, можно увидеть немало особенностей, отличающих бедренную кость из Тринила от человеческой. Она необычайно прямая, а не слегка изогнутая, как у современного человека или неандертальца; подколенная ямка выпуклая, а не плоская или вогнутая; нижний отдел кости расширяется около сустава внезапно и резко, а не постепенно в виде раструба. Однако, сколь ни велики по значению эти различия, в целом кость из Тринила по определяющим чертам строения имела бесспорно человеческий облик. А из такого заключения следовал вывод о том, что антропопитек троглодит передвигался по земле на двух ногах так же уверенно, как человек. Древнейшая обезьяна Явы была прямоходящей! Это подтверждалось и прямизной бедренной кости, и отчетливым развитием так называемой шероховатой линии, места прикрепления мускулов тела, имеющего прямую посадку.

Правда, черепную крышку и бедренную кость разделяло пространство в 15 метров, и мог возникнуть вопрос — одному ли существу принадлежали кости? Однако Дюбуа не колебался ни секунды — разумеется, одному! При ка-

ких бы обстоятельствах ни погиб антропопитек, дождевые потоки, разливы Бенгавана, наконец, крокодилы могли рассредоточить части скелета на значительной площади древней береговой отмели. Недаром на бедре остались вмятины от крокодильих зубов! Что же касается того, что никто до сих пор не подозревал о существовании прямоходящей антропоидной обезьяны, то это, естественно, не могло служить серьезным аргументом, опровергающим вывод Дюбуа. В конце концов он ведет поиски на земле, где проходило очеловечивание обезьяны, потому и сталкивается с неожиданностями...

Судьба, однако, не собиралась баловать Дюбуа. Она оказалась предельно скупой и давала в награду за упорство минимум того, над чем стоило задуматься и поломать голову: каждый новый месяц раскопок приносил одну-две мелких кости антропоида, а то и ни одной... Конец августа и весь сентябрь 1892 года прошли в бесплодных поисках. Только в октябре, когда горизонт начал затягиваться дождевыми тучами, возвещающими окончание сухого сезона, всего в трех метрах от черепной крышки удалось обнаружить новый, на этот раз второй коренной зуб антропоида. Находка эта давала мало нового, но для Дюбуа она имела особую ценность потому, что располагалась между черепной крышкой и бедром антропопитека. Значит, правильно его предположение о том, что поток рассредоточил кости, принадлежавшие одному скелету. Они лежали на площади 46 квадратных футов, а вокруг на 100 миль ничего подобного не было обнаружено.

Именно эту, особого значения мысль прежде всего подчеркнул Дюбуа в сообщении, написанном для «Третьего квартального доклада Рудного Бюро» после возвращения из Тринила в Батавию. В то же время открытие на удивление человекообразной бедренной кости, новые измерения черепной крышки и уточнение объема мозга антропопитека троглодита позволили Дюбуа сделать еще один решающий шаг к великому прозрению. Отметив, что по объему

мозга шимпанзе из Тринила превосходит современных шимпанзе в 2,4 раза и составляет две трети объема мозга современного человека, а череп по форме и другим особенностям оказывается сходным с черепом шимпанзе, а также гиббона, отличаясь от них бо́льшими размерами и меньшим развитием надглазничных валиков, Дюбуа выдвинул смелое предположение: самая высшая из известных обезьян Тринила, полностью освоившая прямохождение, не только наиболее близкий к человеку антропоид, но также, возможно, та форма, из которой развился человек! Поскольку тринильская шимпанзе ходила прямо, как человек, Дюбуа решил изменить ее видовое название. Она отныне должна именоваться шимпанзе прямоходящая — Antropopithecus erectus. Тем самым подчеркивалась одна из наиболее неожиданных и удивительных особенностей нового вида шимпанзе — ее способность уверенно передвигаться на двух ногах и иметь свободные для манипуляций руки.

В заключение Дюбуа присоединился к мнению тех, кто считал Индию родиной человека. Открытие многочисленных остатков древнейших антропоидов в Сивалике давало ему уверенность в оправданности такого предположения. Переселение обезьяньего предка человека из Индии на Яву теперь менее всего представлялось проблематичным — ведь он освоил передвижение по земле на двух ногах, а тысячекилометровые расстояния не страшны, когда в запасе сотни тысячелетий истории!

Публикация Дюбуа в 1892 году не взбудоражила ученый мир — ее, как и предшествующие, просто-напросто не заметили. Но это было затишье перед бурей. Дюбуа осталось сделать всего один шаг, чтобы после шести лет неустанных поисков и мучительных размышлений воскликнуть наконец: «Эврика!». Это не значит, что раскопки 1893 года позволили сделать какое-то новое открытие. Напротив, поездка в Тринил оказалась на этот раз полностью безрезультатной — ни одной, даже самой не-

значительной косточки шимпанзе прямоходящей обнаружить не удалось. Дюбуа не стал испытывать судьбу, а тем более сетовать на нее. В конце концов она оказалась к нему более чем благосклонной. Он просто с обычным для него рвением и энтузиазмом продолжил изучение найденного за предыдущие два года.

Чем больше Дюбуа раздумывал над результатами измерений черепной крышки и бедренной кости, а также над выводами из наблюдений особенностей структуры костей шимпанзе из Тринила, тем больше сомнений и противоречивых мыслей возникало у него. До чего же причудливо и сложно перемешались в них особенности, характерные для антропоида и человека! Настолько неразделимы они, что Дюбуа порой впадал в полное отчаяние, стараясь по возможности точнее определить классификационный статус загадочного существа, жившего миллион лет назад у подножия вулкана Гунунг-Гелунгунг. С одной стороны, он как будто прав, присоединив его к семейству шимпанзе,— черепная крышка при осмотре сразу же вызывала в памяти череп современной шимпанзе и отчасти гиббона, недаром Дюбуа затратил массу усилий, чтобы заполучить на свой рабочий стол четыре черепа шимпанзе и два черепа гиббона, с которыми он теперь проводил тщательное сравнение черепной крышки. Конечно, не помешали бы и черепа гориллы, а также орангутанга, но приобрести их, к великой его досаде, не удалось. Коренной зуб тоже во многом близок коренным шимпанзе и гиббона. Но как совместить все это с огромным размером черепа тринильца, невероятным для антропоидов объемом мозга и человеческим бедром? Да и коренной зуб в некоторых деталях строения очень развит и гораздо ближе стоит к коренным человека, чем шимпанзе и гиббона. Значит, можно присоединить хозяина тринильской черепной крышки к семейству гоминид, людей? Однако объем мозга его составляет всего две трети объема мозга человека, да и слишком обезьянообразен он, чтобы осмелиться возве-

сти его в почетный ранг человека! Дюбуа лихорадочно искал и не находил выхода из беспросветного тупика, куда завели его сравнения.

А что если..? В самом деле, для чего, собственно, прибыл он сюда, на Малайский архипелаг, и что вот уже седьмой год с усердием, возможно, достойным лучшего применения, отыскивает в джунглях?.. Недостающее звено! Переходная форма между обезьяной и человеком! Тот самый Pithecanthropus erectus, обезьяночеловек бессловесный, рожденный гениальным воображением Эрнста Геккеля... Дюбуа был потрясен неожиданным поворотом своих мыслей. Вот он, давно желанный выход из мучительного тупика: в Триниле найдены кости не обезьяны, но и не человека. Ему, Дюбуа, судьбой даровано редкое счастье извлечь из земли то, о чем он мечтал в 1887 году,— останки существа, стоящего на грани перехода от обезьяны к человеку. Недостающее звено отныне нельзя считать недостающим. Звено находится у него в руках. Двадцать первая по градации Геккеля ступень родословного древа человека найдена!

Осматривая в который уже раз черепную крышку, Дюбуа неожиданно вспомнил картину художника Габриэля Макса, который, пользуясь указаниями Геккеля, изобразил семейство питекантропов. Сгорбленные волосатые фигуры, тупой, бессмысленный взгляд... Макс Фюрбрингер любил пошутить по этому поводу. Он говорил, что на картине запечатлена самая счастливая семья в мире: супруга обезьяночеловека была alalus, бессловесна. Поэтому она никогда не перечила главе семейства. Впрочем, и он ведь тоже оставался бессловесным!

Милый, добрый учитель Фюрбрингер! Ты проиграл пари, а выиграл его тот, кто по упрямству своего характера безнадежно поставил на один шанс из миллиарда. Это кажется невероятным, но иголка в стоге сена найдена. Открыто то, за чем с бесшабашной самоуверенностью молодости он, Дюбуа, отправился за тридевять земель,

махнув рукой на спокойное благополучие карьеры университетского профессора.

Теперь, когда мучительные сомнения оказались позади, Дюбуа решил объявить о своем открытии в специальной публикации на немецком языке. Ее при всем желании не заметить нельзя: он выпускает в Батавии в 1894 году хорошо иллюстрированную книгу, название которой поразило антропологов как гром с ясного неба — «Pithecanthropus erectus, eine menschenähliche übergangsform aus Java».[1] Да, Дюбуа снова, на этот раз окончательно, изменил имя обитателя тринильских джунглей — это не Anthropopithecus (человекообразная обезьяна), а, наоборот, Pithecantropus (обезьяночеловек). Две составные части имени поменялись местами — только и всего, но за такой далеко не случайной перестановкой скрывался глубочайший смысл, для уяснения которого Дюбуа потребовалось два года! Не надо обвинять его в медлительности и досадовать на непонятливость. Некоторые из его коллег превзойдут в этом отношении первооткрывателя недостающего звена во много раз. Эрнст Геккель мог торжествовать — изобретенное им название предполагаемой переходной от обезьяны к человеку формы было принято Дюбуа без колебаний. Однако вторую часть имени — alalus (бессловесный) он заменил словом erectus — прямоходящий, заимствованным от имени антропопитека. Геккель ошибся, оценивая возможности обезьяночеловека: Дюбуа, изучая внутреннюю полость черепной крышки из Тринила, заметил отчетливый отпечаток извилины Брока, с которым обычно связывают уровень развития речи. Питекантроп, обладающий мозгом в 1000 кубических сантиметров, был не бессловесным. Он, по утверждению Дюбуа, говорил, мыслил, превосходно координировал свои движения!

[1] «Обезьяночеловек прямоходящий, человекообразная переходная форма с Явы».

Когда из типографии привезли кипу отпечатанных книг о питекантропе, Дюбуа начал отправлять их коллегам в Европу. Один из первых экземпляров — Эрнсту Геккелю. На обложке ее Дюбуа написал: «Изобретателю питекантропа». Пока книги плывут к берегам Атлантики, чтобы произвести подлинный фурор в ученом мире и прессе, он старательно готовился к отъезду в Голландию — упаковываются ящики с коллекциями костей животных, подробно инструктируется В. Х. Л. Дакворт, который будет продолжать под его заочным руководством раскопки в Триниле. В 1894 году Дюбуа в последний раз посетил эту деревушку. На возвышенном месте правой стороны Бенгавана под его наблюдением соорудили прямоугольную бетонную тумбу, на одной из широких граней которой вырезана была надпись:

P. e.
175 m. O — W — O
1891/93

что означало — «Pithecanthropus erectus wurde 175 m ost-nord-ost von diser stelle gefunden in den Jahren 1891/93»[1].

Заботы о точном указании участка находки недостающего звена не случайны. Бенгаван в каждое очередное наводнение метр за метром размывает левобережный Тринильский мыс, и кто знает, что останется от него через несколько десятков лет! Поэтому-то Дюбуа разместил скромную бетонную стелу с предельно лаконичной надписью на правом берегу, которому не угрожают катастрофические наводнения. Теперь каждый, отсчитав 175 метров на восток — северо-восток, может увидеть место, где погиб застигнутый извержением вулкана далекий предок человека.

Наступает 1895 год. Ничто более не задерживает Дю-

[1] «Обезьяночеловек прямоходящий обнаружен в 175 метрах на восток — северо-восток от этой стелы в 1891/93 гг.».

буа в Голландской Индии. 300 ящиков с коллекциями отправлены в адрес Лейденского музея естественной истории, где хранятся кости вымерших животных, собранные художником Раденом и описанные К. Мартином. Весомое будет пополнение! Дюбуа, однако, не торопится в Европу. Он выезжает сначала в Индию, чтобы собственными глазами осмотреть знаменитые обнажения Сиваликских холмов, древние слои которых хранят костные остатки первых предков человека на Земле. Как можно равнодушно миновать место, откуда на восток двинулся миллион лет назад яванский питекантроп? С наслаждением осматривает Дюбуа темные песчанистые слои Сивалика и находит, что они близки по характеру тринильским...

Тем временем книга, опережая автора, достигла Европы и вызвала первые волнения и споры. В Иене ее получил Эрнст Геккель, «изобретатель питекантропа» и, не отрываясь, сразу же внимательно проштудировал. Итак, что же открыл неведомый поклонник его идеи? Он нашел на Яве, одном из островов Малайского архипелага, где Геккель призывал искать родину людей, странное существо — не обезьяну, но и не человека. Именно поэтому Дюбуа, присоединив его к отряду приматов, провозгласил существование нового семейства: Pithecanthropidae — питекантроповых, т. е. обезьянолюдей. Что касается рода и вида, то Геккель не поверил сначала своим глазам, прочитав, что голландец определил свою находку почти в точности так, как он четверть века назад назвал гипотетическую форму предка человека — Pithecanthropus erectus! Случай, пожалуй, уникальный в антропологии — чистая конструкция мысли, «плод фантазии», «выдумка», постоянный объект издевательства и насмешек коллег вроде Вирхова подтверждены счастливым открытием! Триумфальным финалом прозвучали для Геккеля заключительные слова книги Дюбуа: «Питекантроп прямоходящий есть не что иное, как переходная форма, которая, согласно эволюционному учению, должна была существовать

между людьми и антропоидными обезьянами: он — предок человека!»

Восторженный прорицатель не замедлил бросить перчатку скептическому Вирхову: «Ситуация в великом сражении за истину в вопросе происхождения человека,— воскликнул он,— коренным образом изменилась. Открытие питекантропа — материальное воплощение того, что я сконструировал гипотетически. Найденные господином Дюбуа останки несомненно принадлежат той вымершей ныне промежуточной группе между человеком и обезьяной. Находка Дюбуа и есть то недостающее звено, которое так долго искали. Эта находка имеет несравненно большее значение для антропологии, чем великое открытие рентгеновских лучей для физики». Выдающийся английский антрополог Элиот Грэфтон Смит приветствовал открытие на Яве с неменьшим удивлением и радостью: «Случаются же поразительные вещи! Дюбуа действительно нашел ископаемое, предсказанное научным воображением».

Однако далеко не все разделяли энтузиазм Э. Геккеля, «духовного отца» питекантропа. Вирхов, в частности, заявил холодно, что не видит особых причин для восторга. Чтобы вынести определенное суждение о «так называемом питекантропе», следует для начала осмотреть черепную крышку, бедренную кость и коренные зубы, найденные в Триниле, и не ограничиваться прочтением сочинения никому неведомого господина Дюбуа. Подавляющее большинство антропологов согласилось с Вирховым.

В июне 1895 года Дюбуа прибыл в Европу. Занавес распахнут — начался финальный акт драмы, наполненный особо острыми сюжетными коллизиями.

Все началось с того, что костные остатки питекантропа чуть было снова не затерялись навсегда. Вскоре после возвращения в Голландию Дюбуа так же, как некогда Иоганн Карл Фульротт, решил показать свои находки кому-нибудь из наиболее авторитетных антропологов и в личной беседе с ним удостовериться, насколько основа-

тельны главные из его выводов. В роли Шафгаузена выступил на сей раз выдающийся французский палеоантрополог Л. Мануврие — именно к нему отважился отправиться в Париж первооткрыватель недостающего звена. Он напрасно тревожился и переживал. При первой же встрече в лаборатории разговор принял самое благоприятное для Дюбуа направление: Мануврие, осмотрев черепную крышку питекантропа, а также бедренную кость и зуб, согласился с тем, что заключения гостя вполне справедливы. Действительно, питекантроп, судя по всему, не что иное, как переходная между обезьяной и человеком форма. Когда взволнованные собеседники отправились в ресторан поужинать, то и там не прекращался оживленный разговор о питекантропе, обстоятельствах открытия костей и перспективах, которые раскрывались теперь перед теми, кто занимался решением самой головоломной из загадок, связанных с человеком,— его происхождением. Несколько бокалов доброго французского вина, поднятых в честь гостя и хозяина, настроили на благодушный лад. Дюбуа подумал, что самое трудное позади, поддержка антропологов ему обеспечена. После ужина Мануврие предложил прогуляться по вечернему Монмартру, и они вышли, продолжая все ту же, кажется, не имеющую конца увлекательную беседу об обезьянолюдях.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Дюбуа, на секунду возвратившись к действительности из мира грез и дум, связанных с Тринилом и родиной человека, неожиданно почувствовал неосознанную тревогу. Чего-то недоставало ему, что-то настораживало. Вдруг он понял причину и резко замедлил шаг. «Мой саквояж,— упавшим голосом проговорил он.— Мы забыли в ресторане саквояж с питекантропом!!». Тут только Мануврие заметил, что в руках побледневшего Дюбуа действительно нет саквояжа, в котором находились находки с Явы. Он поставил его под столик и, увлеченный разговором, забыл захватить, когда они покинули ресторан. Дюбуа и Мануврие

как по команде повернули назад. Нелепее положения трудно придумать — шесть лет отдано поискам питекантропа, и теперь, когда он найден, понят и начинается сражение за признание его в Европе, непростительная досадная небрежность может погубить дело. До боли в сердце была невыносима для Дюбуа мысль, что он не сможет взять в руки останки недостающего звена, изучение которых стало смыслом его жизни.

«Кто знает, что за компания уселась за тот столик, под которым затаился саквояж?» — с замиранием сердца думал Дюбуа. Недобросовестный посетитель ресторана может прихватить саквояж с собой, надеясь разбогатеть, а потом, увидев содержимое, с досадой забросить кости в груду мусора. «Находятся же чудаки,— вероятно, думает он,— кто посещает рестораны с сумками, набитыми костьми, да еще коварно забывает их, чтобы посмеяться над доверчивыми». Если бы знал любитель чужого, какие бесценные сокровища он выбросил на свалку! Может ли помочь парижская полиция отыскать утерянное? А что, если саквояж передали хозяину ресторана или на него обратил внимание официант?..

К счастью и великой радости Дюбуа и Мануврие, до обращения в полицию дело не дошло — саквояж под столиком преспокойно дожидался своего рассеянного хозяина. Но происшествие доставило Дюбуа столько переживаний, что со времени визита в Париж он питекантропа в рестораны более не водил и по улицам его не прогуливал.

Однако это скорее комическое, чем трагическое, событие оказалось не единственным в героико-романтической драме, действие которой развернулось затем в лабораториях антропологов Европы и на всемирном конгрессе. Удачи и огорчения чередовались с калейдоскопической быстротой, причем последние, как правило, преобладали. Дюбуа посетил Англию, где представил в Гановер Сквайре питекантропа ведущим антропологам, геологам и палеонтологам страны. Черепную крышку из Тринила рас-

сматривали, обмениваясь впечатлениями, Джон Лёббок, Вильям Флоуэр, Вильям Турнер, Элиот Смит, Артур Кизс, Смит Вудвард. Такая же почетная привилегия была предоставлена в Германии знаменитым антропологам и анатомам Рудольфу Вирхову, Герману Клаачу, Густаву Швальбе. Дюбуа изготовил бронзовые муляжи, точные копии черепной крышки питекантропа, и разослал их во все ведущие институты Европы, где велись антропологические исследования. В результате широкие круги антропологов получили возможность наглядно представить характер находки в Триниле.

Мнения специалистов оказались далеко не единодушны. Развернувшаяся в ученых собраниях и на страницах научных изданий дискуссия велась в предельно острой бескомпромиссной манере, на грани оскорбительных выпадов, чему способствовали диаметрально противоположные позиции сторонников и противников Дюбуа. Последних в особенности раздражало утверждение об открытии на Яве недостающего звена, а не антропоида или, например, чрезвычайно низкоорганизованного человека. Под видом атаки на Дюбуа предпринимались попытки развенчать и, в который уже раз, ниспровергнуть дарвинизм. В споры вмешивается, наконец, церковь. Служители культа не на шутку обеспокоены опасным брожением в умах паствы божьей и стремятся по мере сил наставить заблудших овец на путь истинный. О каком обезьяночеловеке можно говорить? Разве почтенный отец Джон Лайтерут из Кембриджа не подсчитал после долгих праведных изысканий, что создатель сотворил человека из праха в 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождества Христова.

В чем только не обвиняется Дюбуа коллегами! Он, оказывается, профан в геологии и палеонтологии, и поэтому понятна его ошибка в датировке так называемого питекантропа. Ни о каком миллионе лет не может быть речи — на Яве найдена не очень древняя обезьяна, вероят-

нее всего гиббон. Другие намекали на то, что Дюбуа не мешало бы внимательнее поштудировать антропологию — кто же из серьезных специалистов может с такой уверенностью и апломбом говорить о принадлежности черепной крышки, бедренной кости и коренных зубов одному существу. Ведь очевидна же для каждого несовместимость обезьянообразного черепа и человеческого бедра! Третьи обращали внимание на «ярко выраженные патологические изменения» костей черепа и бедра и объявляли выводы об открытии в Триниле недостающего звена досадным заблуждением. В споры вмешались даже фантасты — Герберт Уэллс горячо и страстно доказывал, что Дюбуа нашел кости не человека, но и не обезьяны. Питекантроп, по его мнению, не что иное, как разгуливающая по Земле обезьяна с прямой человеческой посадкой тела!

Не меньше огорчений приносили Дюбуа выступления и тех, кто в общем соглашался признать выдающееся значение и необычный характер его открытия на Яве. Большинство из них поддерживало мысль о том, что каждая из найденных в слое лапилли костей, о которых столь ожесточенно спорят, составляет часть одного скелета. Однако разногласия и противоречия начинались сразу же, как только симпатизирующие Дюбуа антропологи пытались определить классификационный статус питекантропа. Одним казалось, что это существо не переходная форма от обезьяны к человеку, а вне каких-либо сомнений человек, самый низший из известных по уровню развития, прямой предок современных людей. Другим представлялось, что питекантроп — низкоорганизованный человеческий тип. Третьи колебались и высказывали сомнения — можно ли размещать обезьяночеловека из Тринила в прямой линии предков человека? Не правильнее ли определить его как боковую тупиковую ветвь древних людей, исчезнувшую с лица земли, не оставив потомства? Когда позже профессор Смитсоновского института Геррит С. Миллер попытался разобраться в противоречивых откликах на от-

крытие Дюбуа, то насчитал ни много ни мало пятьдесят взаимоисключающих мнений: питекантроп древнее или, напротив, очень позднее существо, кости представляют части скелета одного или нескольких разновидностей антропоидов, зубы и черепную крышку связывали с гиббоном, шимпанзе, примитивным неандертальцем, нормальным человеком современного типа, идиотом...

Дюбуа пока терпелив. Ему слишком хорошо знакомо мучительное состояние неопределенности, чтобы досадовать, сердиться и сетовать на непонимание. Разве сам он не затратил годы, чтобы уяснить существо дела? Поэтому при встречах с коллегами Дюбуа старательно и с жаром разъясняет, доказывает и, судя по всему, не без некоторого успеха. Когда 15 сентября 1895 года в одном из обширных залов старинного университета города Лейдена открылся международный зоологический конгресс, то сразу же стало ясно, что питекантроп находится в центре внимания выдающихся специалистов, съехавшихся со всех концов Земли. Каждый из маститых профессоров антропологии, зоологии и геологии считал для себя честью и непременным долгом осмотреть кости недостающего звена, любезно и с готовностью выставленные Дюбуа, подержать в руках тяжелую черепную крышку не то обезьяны, не то человека, обменяться друг с другом глубокомысленными репликами.

Целую неделю до 21 сентября продолжались заседания, и ни на одном из них не утихали ожесточенные споры о том, что же представляет собой на самом деле обезьяночеловек из Тринила. Высказывались настолько противоречивые мнения, что растерявшемуся председателю в конце концов пришлось пойти на совершенно беспрецедентный в практике конгрессов шаг. Чтобы хоть в какой-то мере уяснить для себя картину отношения профессоров к питекантропу, он предложил двадцати из них провести голосование! После некоторой заминки, вызванной неожиданным предложением, профессора пришли к заключе-

нию о необходимости раздельного голосования — голоса должны подаваться по каждой из находок. Это показывало, что противоречия во взглядах достигли крайнего предела. Дюбуа с любопытством следил, чем закончится этот необычный «устный аукцион».

Сначала председатель предложил высказаться по поводу главной находки с Явы — черепной крышки. Мнения разделились почти поровну: за то, что она принадлежала человеку,— 6 голосов, обезьяне — 6, промежуточному существу — 8. Если бы споры в науке можно было решать голосованием, то Дюбуа следовало поздравить — хоть и незначительным большинством голосов, но он все же в первом туре одержал победу. Затем начался второй тур — бедренная кость. На этот раз сокрушительное поражение: за то, что она принадлежала человеку, подано 13 голосов, обезьяне — 1 (Вирхов!), промежуточному существу — 6. Два сторонника Дюбуа покинули его лагерь, считая, очевидно, неправильным его заключение о том, что бедренная кость принадлежала питекантропу. Потеря существенная, если учесть, что идея о прямохождении была одной из центральных в его концепции, связанной с особенностями недостающего звена. Председатель тем временем просит решить судьбу третьего коренного зуба. Снова победа за Дюбуа, но с тем же незначительным преимуществом: зуб человеческий — 4 голоса, обезьяны — 6, обезьяночеловека — 8. Два профессора не рискнули определить свою позицию. Этот нейтральный лагерь увеличился до 13 человек, когда началось голосование по поводу второго коренного, ни один из профессоров не решился назвать его человеческим, двое предпочли увидеть в нем зуб обезьяны, а пять — промежуточного существа.

Голосование голосованием, но каждый, естественно, остался при собственном мнении и не собирался присоединяться к взглядам соперников. Палеонтолог Вильям Деймс писал после окончания конгресса в лейденской газете «Deutsche Rundschau» об «огромных различиях во

взглядах» на костные остатки обезьяночеловека. В то же время он без колебаний признал «силу аргументов, подтверждающих переходный характер питекантропа». Дюбуа результаты обсуждения разочаровали. Он готовился столкнуться с недоверием и настороженностью, но не со столь ярко выраженной и последовательной. Ему не давало также покоя то, что в лагере сторонников было больше палеонтологов, чем антропологов. Сбивали, кроме того, с толку зоологи, которые с яростью уверяли, что на Яве найдены останки человека, и анатомы, убежденные, напротив, в том, что Дюбуа обнаружил в Триниле кости обезьяны. Поэтому оставалось утешаться тем, что в жарких дебатах на его стороне оказались великий Мануврие, известный палеонтолог Неринг, знаменитый исследователь динозавров, титанотериев и ископаемых обезьян американец Оснил Чарлз Марш...

Неопределенность выводов Лейденского конгресса заставила Дюбуа с еще большим рвением отдаться борьбе со скептиками, которых возмущали его прямолинейные заявления об открытии недостающего звена, а также наполняла подозрительностью легкость, с которой ему удалось найти кости питекантропа. Дюбуа понимает, что «воспламеняет умы», разжигает разногласия, ожесточает спорящих и даже толкает противников на «не совсем приличное поведение». Виновата его глубочайшая уверенность в открытии на Яве именно долгожданного недостающего звена, а не чего-то другого. Именно она раздражала противников, и, распаляясь, они вели критику в том тоне, какой находили нужным. Любое выражение считалось законным и естественным, и некоторые из наиболее яростных оппонентов заходили так далеко, что без стеснения стремились скомпрометировать и даже унизить Дюбуа и его находку.

Разве можно объяснить каждому, что «легкость» открытия — это миф, а идеи его — результат долгих и мучительных раздумий? Спорам, казалось, не будет конца.

Однако Дюбуа не отчаивался и упрямо настаивал на своем. Не для того провел он семь лет на Малайском архипелаге, чтобы отступать теперь, когда решается судьба его детища. Неудивительно поэтому, что прошло всего два месяца со времени окончания конгресса в Лейдене, а Дюбуа, 14 декабря 1895 года, вновь на трибуне — на этот раз в Берлине, в зале заседаний Общества антропологии, этнографии и первобытной истории, там, где господствует сильный, опасный его противник — Рудольф Вирхов. Принесет ли пользу новый тур объяснений?..

— ...Господа! Я позволю себе сделать главный вывод из изложенного ранее и закончу доклад. Итак, из сравнительного изучения материалов, а также измерений, проведенных мною со всей возможной тщательностью, неизбежно следует заключение об открытии в Триниле переходной от обезьяны к человеку формы, то есть, иначе говоря,— недостающего звена. Объем мозга черепной коробки его, напоминающей по форме черепную коробку гиббона, составляет 908 кубических сантиметров. Рост, судя по длине бедренной кости, достигал 1 метра 72 сантиметров. Думаю, что вес обезьяночеловека с Явы превосходил 100 килограммов. Позвольте поблагодарить за терпеливое внимание, с которым вы слушали меня, господа!

Дюбуа наклонил голову в знак благодарности и принялся собирать листочки, разбросанные по пюпитру. Вирхов, который, кажется, под конец слегка задремал, утомленный докладом, сразу же оживился и торопливо водрузил на нос пенсне.

— Но позвольте, уважаемый доктор Дюбуа! — воскликнул он с улыбкой и поднялся с кресла.— Мне кажется, вы так и не сказали главного. Однако я с удовольствием сделаю это за вас, если разрешите. Господа, мы имеем редкостную и счастливую возможность осмотреть кости из Тринила, которые наш гость любезно согласился привезти

с собой в Берлин. О них говорит сейчас вся Европа, да и Америка тоже. Поэтому я объявляю перерыв и прошу проследовать за нами в соседнюю комнату, где выставлены находки с Явы. А затем мы поговорим обо всем подробно.

Зал загудел на разные голоса, задвигались стулья, и большинство слушателей двинулось вслед за Дюбуа и Вирховым. Всем не терпелось взглянуть на знаменитое недостающее звено, о котором не переставая пишут газеты. Каков он, далекий предок? Некоторые вскоре вернулись разочарованными — кости как кости, и есть ли смысл спорить о них до хрипоты? Однако многие остались около стола, прислушиваясь к разговорам почтенных членов Общества. В самом деле, не каждый день случается посмотреть на останки странного существа, бродившего по джунглям миллион лет назад, и послушать, что говорят по этому поводу умные люди.

Когда осмотр коллекции закончился, Вирхов объявил о продолжении заседания, призвав обменяться мыслями по поводу доклада гостя Общества и впечатлениями от знакомства с его находками. Дюбуа, еще не остывший от выступления и споров около стола с размещенными на нем костными останками питекантропа, приготовился слушать. Один за другим выходили к пюпитру его оппоненты, и скоро Дюбуа понял, что среди членов Берлинского общества антропологии, этнографии и первобытной истории сторонников у него будет еще меньше, чем в Лейдене. Снова удивительный разнобой в мнениях, досадно противоречивые и сбивчивые заключения, необоснованные и сердитые упреки, странное нежелание понять суть его доводов, оскорбительные намеки на некомпетентность.

Что-то скажет сам Рудольф Вирхов? По праву председателя он завершит дискуссию и подведет ее итоги. Наконец этот момент настал.

— Господа, я буду немногословен, поскольку считаю вопрос ясным. К тому же мне пришлось совсем недавно

в Лейдене высказываться по поводу так называемого питекантропа и не хотелось бы повторять все заново...

Так начал свою речь Вирхов, и Дюбуа понял, что ему не удалось убедить закоренелого старого скептика, как назвал однажды Вирхова Оснил Чарлз Марш. Упрямство столкнулось с упрямством, и ничего доброго от этого не следовало ожидать. Как он был наивен в надеждах на иной исход дебатов! Остается лишь вновь надеяться на лучшее будущее...

— Я не вижу причин и повода,— продолжал Вирхов, иронически улыбаясь,— к отказу от вывода, что черепная крышка принадлежала гиббону. Разумеется, не обычному гиббону, а какой-то гигантской его разновидности, поскольку черепная крышка отличается необычайно большими размерами. Но заметьте, господа, что даже при таком увеличенном размере череп сохраняет в общем сходные с черепом гиббона контуры. К тому же вы, очевидно, обратили внимание на резкое сужение черепной крышки в районе, расположенном сзади верхнего края глазниц. Ничего подобного не наблюдается у человеческого существа, но характерно для обезьян. Следует, кроме того, учитывать деформацию кости от длительного пребывания ее в земле на очень большой глубине. На эту мысль меня наталкивает необычно уплощенный вид затылочной кости черепной крышки. Стоит ли говорить о совершенно обезьяньих надглазничных валиках? Это же факт очевидный и не допускающий иного толкования. Следовательно, черепная крышка из Тринила представляет собой часть черепа не человека, а обезьяны. Коренные зубы тоже бесспорно обезьяньи, хотя в них можно заметить нечто от зубов человека. Но это не меняет существа проблемы.

Вирхов обретал типичную для него форму саркастически-беспощадного критика. Когда дело касалось принципиальных споров с глубоко антипатичными ему дарвинистами, он менее всего думал о деликатности и смягченных формулировках. В зал летели ядовито-насмешливые

слова, и вспышками грозных молний сверкали в стеклах пенсне отсветы электрических ламп люстры.

— Признаться, более всего меня удивляет настойчивое желание доктора Дюбуа совместить черепную крышку и бедренную кость. Но, господа, разве не очевидно, что последнее принадлежало не обезьяне, а человеку? Я не буду утомлять вас доказательствами, однако не могу не обратить вашего внимания на нечто, ускользнувшее от необычно зоркого глаза докладчика.— Вирхов вдруг иронически хихикнул.— Впрочем, это не упрек, поскольку речь пойдет о моей области интересов — патологоанатомии. Дело в том, что верхняя часть бедренной кости изуродована болезнью, там имеется отчетливое патологическое новообразование — что-то вроде наростов. Я, как врач, иногда встречал такие наросты у своих пациентов. Если они не имели специального тщательного ухода медика, то были обречены на смерть. Но поразительно — существо, которому принадлежала бедренная кость из Тринила, не умерло, судя по следам заживления, исцелилось от болезни и продолжало жить! Значит, кость принадлежала не какому-то примитивному человеческому существу, а просто-напросто человеку современному и притом достаточно цивилизованному, чтобы бороться и победить ужасную болезнь. Ради справедливости я должен отметить, что бедренная кость обладает также некоторыми примитивными особенностями. По её необычной прямизне, округлости диафизов, особенно в нижней части, она очень напоминает бедренную кость гиббона. Поэтому, если уж так желательна идея совмещения всех останков, найденных в Триниле, то я не вижу препятствий к утверждению о том, что бедренная кость, как и черепная крышка, принадлежала гигантскому гиббону! Если бы это был человек, вы нашли бы вместе с его костями каменные орудия. Поскольку ничего подобного в вулканическом туфе не обнаружено, то в согласии со всеми правилами классификации тринильское существо следует считать животным, обезья-

ной, а не обезьяночеловеком. Питекантроп — выдумка, а не реальность!

Этим саркастически-сердитым возгласом Вирхов завершил выступление и, усевшись в кресло, предоставил последнее слово «подсудимому» — «дорогому гостю доктору Дюбуа». Авторитет председателя был слишком велик, чтобы надеяться на какой-то успех, но Дюбуа тем не менее решил не упускать возможности и еще раз попытаться объяснить свою позицию. Он вновь обратил внимание на огромный по сравнению с антропоидами объем мозга тринильца, на детали строения черепной крышки, которые напоминали череп человека. Дюбуа призвал на помощь авторитет Неринга и напомнил, что сужение черепной крышки около верхнего края глазниц наблюдается иногда даже у современного человека. Он привел также мнение Оснила Чарлза Марша о благополучном существовании в тропиках обезьян с такими же, как на бедре питекантропа, болезненными наростами на костях. Они жили, хотя и не получали медицинской помощи. Очевидное смешение особенностей, присущих человеку и обезьяне, дает право, заклинал Дюбуа, считать существо с Явы обезьяночеловеком, древнейшим предком людей. Все напрасно...— друзей не следовало убеждать, а противники, вроде Вирхова, откровенно скучали, потеряв интерес к предмету спора.

Дюбуа ушел с заседания глубоко огорченный и расстроенный. Его идеи, такие, кажется, очевидные и ясные, не находили той широкой поддержки, на которую он рассчитывал...

Наступил 1897 год. Прошло ровно десять лет со времени отъезда Дюбуа на Суматру и два года с тех пор, как он начал ожесточенное, не на жизнь, а на смерть, сражение за питекантропа. Достаточно большой срок, чтобы даже закоренелым скептикам уяснить существо его мыслей. Но

противники с досадой отмахиваются от доводов и упорно не желают признать обоснованность заключений о недостающем звене. Дюбуа, конечно, не одинок. На его стороне такие выдающиеся антропологи, как Густав Швальбе и Герман Клаач. Его по-прежнему страстно поддерживает Эрнст Геккель. Однако Дюбуа этого мало — ему нужно всеобщее признание! Ведь все так очевидно и ясно!

Но неожиданно наступает момент тяжелого кризиса — Дюбуа смертельно устал от борьбы, которой не видно конца. Его упорство надломлено. Он стал замкнут, подозрителен, недоверчив, в поведении появились трудно объяснимые странности. Питекантроп превратился в его рок — как ревнивый влюбленный, ограждает Дюбуа от посторонних свое детище, открытое им, созданное и выпестованное в муках. Только он, Дюбуа, должен иметь исключительное право на обладание бесценным сокровищем. Несоглашающихся с его выводами он теперь считает своими личными врагами. С большой неохотой показывает он костные остатки питекантропа даже избранному кругу лиц. Все труднее удается убеждать его в острой необходимости ознакомления с уникальными находками кого-нибудь из ведущих специалистов по антропологии. Дело доходит до того, что, когда к дверям его дома приходил человек, в котором он видел коллегу, для него Дюбуа просто не было дома. Мысль потерять кости питекантропа из-за какой-нибудь нелепой случайности не давала Дюбуа покоя. Временами ему казалось, что он слышит звуки шагов ночных взломщиков, которые крадутся вокруг дома, намереваясь проникнуть в комнату, где хранятся черепная крышка, бедренная кость и зубы обезьяночеловека, и выкрасть их... Наконец, измученный тревогами Дюбуа предпринял неожиданный для всех шаг — в 1897 году он сдал кости питекантропа на хранение сначала в музей его родного городка Гаарлема, а затем перевез их в более безопасное и надежное место: в хранилище Лейденского музея, где они на четверть века скрылись от глаз людей

за сложными замками двойного металлического сейфа. Дюбуа считает, что достаточно долго убеждал, чтобы позволить себе, наконец, не высказываться более о питекантропе. И вообще он, Дюбуа, после всех оскорблений и унижений охладел и потерял всякий интерес к обезьяночеловеку и связанным с ним проблемам. Попробуйте теперь убедить его в том, что он не прав!

Ученый мир удивлен, шокирован, возмущен, полон негодования, сыплет протестами, но Дюбуа неумолим. Ни один человек не имеет теперь доступа к костям питекантропа, кто бы он ни был и кто бы ни ходатайствовал за него. Что это — каприз, причуда, обида на несправедливость? Трудно сказать, но факт остается фактом — Дюбуа внезапно прекратил борьбу за питекантропа и лишил возможности других продолжать ее. Даже Эрнст Геккель, изобретатель и духовный отец обезьяночеловека, так никогда и не увидел кости питекантропа, открытие которого он гениально предсказал: в работах Лейденского конгресса ему участвовать не довелось, а сейф музея и перед ним не распахнули. Когда Герман Клаач, столько приложивший усилий для доказательства правоты Дюбуа, вернулся из путешествия на Яву, где он осматривал Трипил, и обратился с просьбой разрешить осмотреть черепную крышку питекантропа, то и ему было отказано решительно и бесповоротно. Дюбуа не захотел даже встретиться с ним. И Клаач так и не увидел костей питекантропа — на Яве он заболел тропической малярией и вскоре после возвращения в Европу скончался.

Кое-кто попытался оказать давление на Дюбуа через правительство Нидерландов, но тщетно: министр просвещения Купер объявил официально, что окончательное описание материалов, связанных с яванским обезьяночеловеком, и публикация их будут осуществлены самим Дюбуа в ближайшие три года. Однако в печати так ничего и не появилось, и антропологам пришлось довольствоваться тем, что было издано до 1897 года.

Тем временем сотрудники Дюбуа продолжают раскопки на берегах Бенгавана. В Лейден один за другим поступают большие ящики, наполненные костями. Однако что это за кости, и есть ли среди них новые остатки питекантропа — для всех, в том числе и для Дюбуа, остается тайной — нераскрытые ящики складываются штабелями в подвальном хранилище музея. Кажется, нет на свете силы, которая могла бы заставить Дюбуа приняться за дело и взять в руки перо. Он имеет возможность выехать на Яву и вновь копать в Триниле, но ему приятнее, очевидно, демонстрировать равнодушие. Более того, вскоре отдается распоряжение прекратить работы, и охотники за костями вымерших животных покидают долину реки Бенгаван.

Выведенные из себя упрямством Дюбуа, исследователи принимают решение отправить на Яву большую экспедицию, организацию которой взял на себя Эмиль Зеленка, профессор зоологии Мюнхенского университета. Его хорошо знали в Голландии — в течение шести лет, с 1868 года по 1874, он преподавал зоологию в Лейденском университете, а в 1887—1889 годах, то есть одновременно с Дюбуа, совершил путешествие в Восточную Азию, посетив также Яву и Борнео. Зеленка занимался изучением антропоидных обезьян, но его волновала и проблема происхождения человека. Друзья из Голландии после долгих хлопот добились для него разрешения вести раскопки на Яве, а Берлинская Академия наук и Мюнхенский университет выделили необходимые суммы. Экспедиция, однако, началась с несчастья — до отправления ее в Голландскую Индию Эмиль Зеленка внезапно умер. Руководство исследованиями пришлось взять на себя энергичной супруге умершего — Маргарите Леоноре Зеленка. В начале 1907 года она вместе с ближайшими помощниками — профессором из Берлина Максом Бланкенгорном, геологом Элбертом и голландским горным инженером Оппенуртом отплыла из Европы на Яву.

Слухи о предстоящих раскопках в долине Бенгаван-Соло заставили-таки Дюбуа сесть за перо и нарушить затянувшееся молчание. Вот, оказывается, что требовалось для его возвращения к деятельности! В течение 1907—1908 годов он опубликовал две совершенно идентичные заметки — одну на голландском языке, а другую на немецком. Но что это были за заметки! Кажется, Дюбуа решил поиздеваться над палеонтологами, настолько вызывающе небрежно они составлены — предельно краткое описание разновидностей древних животных, найденных в центральных районах Явы, не сопровождалось ни иллюстрациями, ни измерениями. А определение видов? Дюбуа, не обращая внимания на существовавшие до него описания, присваивал животным новые латинские названия. Словно в насмешку над неведомым противником, он перевернул вверх дном выработанные десятилетиями правила номенклатурных определений. С лихостью кавалериста он назвал обыкновенного тигра «тигром Грюневельдта» (Felis groeneveldtii) в честь господина Грюневельдта. Однако, издавая статью на немецком языке, решил почему-то лишить Грюневельдта высокой чести и того же тигра назвал тринильским (Felis trinilensis).

Но не поспешил ли нарушить свое молчание Дюбуа? Дело в том, что экспедиция фрау Леоноры Зеленка, к вящему удовольствию и радости скептиков, не открыла питекантропа, несмотря на горы перекопанной земли в местечке Сонуе в нескольких милях от Тринила. Сотни и тысячи костей самых разнообразных животных извлечены были из слоя лапилли, в том числе костные остатки оленей, буйволов, южных слонов и малых антилоп, названных в честь строптивца антилопами Дюбуа, однако ни одной косточки обезьяночеловека найти не удалось. Как курьез следует упомянуть о коронке зуба, обнаруженной опять-таки в Триниле и описанной первоначально Валкоффом как зуб питекантропа. Последующее изучение зуба показало, что он принадлежал современному человеку. Од-

ним из первых с удовольствием объявил об этом сам Дюбуа. Его, кажется, такое состояние дел радовало, и он вновь упрямо и отчужденно замолк ни много ни мало как почти на полтора десятка лет! Однако, возможно, для того, чтобы подразнить напоследок своих противников, Дюбуа не отказал себе в удовольствии вдохновить одного скульптора вылепить статую обезьяночеловека с Явы. Можно представить ярость противников строптивца, когка они увидели в руке недостающего звена муляж каменного орудия! Этого только не хватало монстру из Тринила! Лишь в голову Дюбуа могла прийти невероятная по дерзости мысль о том, что его подопечный умел пользоваться инструментами, изготовленными из камня...

А питекантропа, между тем, подстерегал неожиданный удар — открытие странного по облику недостающего звена в никому до сих пор неведомом местечке Пильтдаун на юго-востоке Англии.

Ни одно из открытий современности не имело такого блестящего эффекта, как открытие, сделанное Чарлзом Дусоном в Пильтдауне. Находка пильтдаунского человека с исторической точки зрения наиболее важная и поучительная.

Сэр Артур Кизс

История вторая

ДЖЕНТЛЬМЕН УДАЧИ

Купленные накануне в городе Луис гвозди оказались никуда не годными. Вот уже в течение четверти часа Чарлз Даусон безуспешно пытался вогнать в массивную дубовую доску ворот хотя бы парочку из них, чтобы закрепить ажурный, превосходного чугунного литья барельеф, счастливо приобретенный несколько дней назад на распродаже антикварной коллекции. Увы! Под ударами молотка гвозди причудливо изгибались, не желая погружаться в дерево, шляпки кокетливо сдвигались в сторону, и все приходилось начинать сначала. Что за товар умудрился вручить ему почтенный Уолтон, хозяин скобяной лавки? Так с постоянными клиентами не поступают.

Впрочем, почему у Уолтона не могло выйти случайной промашки при очередной оптовой покупке товаров? Время такое — каждый так и стремится надуть ближнего, желая получить выгоду для себя.

— Чарлз! Куда ты исчез, Чарлз? — внезапно послышался за воротами встревоженный женский голос.

— Я здесь, Елена! Что-нибудь случилось? — торопливо откликнулся Даусон, распахивая калитку. На крыльце стояла миссис Даусон, растерянно оглядывая двор.

— Ах, вот где ты затаился! — сдержанно улыбнулась она.— Ничего не случилось, успокойся. Просто я хотела напомнить тебе, что через час будет ленч, и я отправляюсь готовить его. Пожалуйста, не отлучайся далеко, как это случалось не раз. Мне хочется подкрепить тебя, прежде чем я уйду из дома. В половине первого у меня встреча с миссис Брайтон. Мы договорились немного поболтать.

— Хорошо, моя дорогая,— кивнул Даусон.— Должен сказать тебе, что мистер Уолтон продал мне вчера такие гвозди, что для закрепления барельефа, который так восхитил тебя, понадобится не менее часа!

— Не огорчайся по пустякам, милый. Я жду тебя через час...

Даусон, улыбаясь, проводил ее взглядом. Что и говорить — ему повезло с женой. Семь лет они вместе, но он и теперь продолжает восхищаться ею так же, как и при первых встречах, когда ее еще звали мисс Постлисвейт,— очаровательна, грациозна, умна, добра, заботлива. В ней на редкость гармонично и полно сочетаются качества, которые мужчины так ценят в женщинах. Елена Постлисвейт достойна того, чтобы жизнь ее текла безмятежно. Во всяком случае, он, Даусон, сделал все возможное для ее счастья. Разве не пришлось ему приложить максимум усилий во время торгов за этот чудесный дворцового типа домик-коттедж, где более четверти века заседало археологическое общество Суссекса? Конечно, если рассуждать строго, то он мог бы купить другой дом, ничуть не хуже этого, но очень уж хотелось досадить вечно брюзжащим и недовольным провинциальным эрудитам по истории и знатокам способов ведения археологических раскопок из

Гастингского естественно-исторического общества. Они, наверное, не раз пожалели потом о выпадах и оскорбительных намеках в его адрес, когда осенью 1903 года получили по почте уведомление о том, что к середине следующего года Общество должно выселиться из дворца, который отныне навсегда должен перейти в собственность семейства Даусона. Нечего поэтому удивляться, что нового владельца встретили в городе Луис более чем сдержанно, а о посещении им заседаний Общества не могло быть и речи. Но он, к счастью, достаточно хорошо известен в научных кругах Лондона, чтобы спокойно перенести вызывающую конфронтацию своих коллег...

Даусон залюбовался коттеджем. За эти годы ему удалось перестроить дом и так украсить его снаружи, что у прохожих не оставалось ни малейшего сомнения — здесь живет тонкий знаток и любитель старины. Окна, двери, ворота, даже стены украшали архитектурные детали средневековых зданий. Если же гость появлялся в комнатах, то его поражала большая и разнообразная коллекция старинных вещей из железа, бронзы, камня, стекла, нефрита и кости, выставленная для обозрения. Это было не жилище, а настоящий музей, каждым экспонатом которого хозяин гордился как любимым детищем и мог рассуждать о нем подолгу и увлеченно. Есть у него и еще кое-что, о чем пока никто не подозревает, но что, можно биться об заклад, заставит заговорить о нем весь мир, дайте лишь срок...

Даусон взволнованно оглянулся, будто кто-то мог загадочным способом проследить ход его сокровенных мыслей и выведать тайну, а затем вышел на улицу и плотно прикрыл за собой калитку. Приколачивать барельеф не хотелось — гвозди Уолтона могут вывести из себя даже такого добродушного и миролюбивого человека, как он. Стоит, пожалуй, оставить это дело на после ленча, когда Елена уйдет в гости к миссис Брайтон и он сможет стучать вволю, не опасаясь навлечь на себя гнев супруги. Она и

так, кажется, раздражена его утренними перестуками — недаром улыбка ее была такой сдержанной. О, Елена сердится, поэтому лучше прогуляться до ленча по тенистой аллее и спокойно поразмышлять.

«Что и говорить, для археологов Луиса я фигура малопривлекательная не столько из-за «нахального захвата» дворца заседаний Общества в 1904 году, сколько из-за проклятого, извечно присущего человеку чувства зависти к громким успехам коллеги»,— с грустью думал Даусон, медленно вышагивая по красной, аккуратно посыпанной мелкой кирпичной крошкой аллее. Он не может пожаловаться на судьбу — она всегда благоволила ему, преподнося удачу за удачей. Недаром его полуиронически-полусерьезно называют иногда джентльменом удачи. Даусон не обижается на шутников — пусть потешаются. За прожитые сорок с лишним лет он и впрямь сделал достаточно много, чтобы стать известным и почитаемым в ученом мире. Успех сопутствовал ему сразу, как только пришла в голову мысль заняться, по заразительному примеру бесчисленных любителей Южной Англии, геологией и палеонтологией. Отец Даусона — адвокат, практиковавший в местечке «Святой Леонард», мечтал, чтобы сын пошел по его стопам и получил солидную юридическую подготовку. Чарлз не противился и оправдал надежды семьи. После успешного окончания Королевской Академии его в 1888 году приняли на работу в Лэнгамс, известную фирму присяжных стряпчих Гастингса, и направили служить в главный оффис ее в столице Британии. В Лондоне молодой клерк провел несколько лет, совершенствуясь в практике, а затем, не чувствуя особого призвания к юридической казуистике, перевелся в отделение Лэнгамса в городке Акфилд, расположенном всего в 8 милях от Луиса. Теперь он был не просто служащим, а компаньоном фирмы, лицом, удачно совмещающим деятельность адвоката и гражданского чиновника. За пятнадцать лет работы Даусон занимал столько разных постов в магистрате,

городском совете и адвокатских конторах, что попроси его кто-нибудь перечислить их, он вряд ли припомнил бы все в подробностях.

Но не адвокатская практика и должность по службе в магистрате занимали все эти годы душу и сердце Даусона. Он не мог не признаться себе, что профессия, по существу выбранная для него отцом, оставляет его равнодушным, и обязанности клерка выполнял без видимого воодушевления, что поделаешь — служба есть служба. Иное дело поиски и охота за редкостными антикварными вещицами! Коллекционирование раритетов стало для Даусона страстью. Еще в далекие школьные годы он проявлял жадный интерес к геологии, палеонтологии и археологии, а с годами, когда началась самостоятельная работа, увлечение переросло в любительское занятие этими науками со стремлением к профессионализму. Разумеется, ни о каком до конца серьезном и по-настоящему глубоком проникновении в существо предметов не могло быть и речи, поскольку любимым делом приходилось заниматься урывками от случая к случаю, между бесконечными хлопотами и заботами службы. Но тем большую радость приносил успех. Пусть себе посмеиваются над джентльменом удачи, но кто из пересмешников в столь же молодые годы стал членом Королевского геологического общества? А ведь его приняли в Общество более двадцати лет назад, в 1885 году! Разве такой факт не признание заслуг в изучении геологии Юго-Восточной Англии?..

Еще более эффектны удачи в палеонтологии. В школьные годы Чарлз к удивлению и негодованию отца занялся поисками ископаемых костей и продолжает собирать их до сих пор. Его коллекция, переданная Британскому музею, содержит многочисленные и хорошо подобранные образцы вымерших рептилий, а также редчайшие и исключительно важные разновидности животных, не известные ранее палеонтологам. Достаточно сказать, что ему посчастливилось найти остатки трех новых видов игуанодонов,

один из которых (предмет особой гордости Даусона и, конечно же, причина зависти недоброжелателей!) назван его именем — Jguanodon dawsoni. Успех сопутствовал ему и при осмотре третичных горизонтов юга Англии, отстоящих от современности на 150 миллионов лет. В них в галечном костеносном слое Даусон обнаружил миниатюрные зубы древнейших млекопитающих. Эта находка во многом проясняла одну из ключевых проблем в палеонтологии — происхождение тех же млекопитающих. Чтобы представить степень интереса специалистов к его палеонтологическим находкам, достаточно сказать, что до него не удавалось найти кости этих животных ни на юго-востоке Англии, ни в Западной Европе, несмотря на широкое распространение здесь отложений соответствующих геологических формаций. В особенности успешными оказались продолжавшиеся более четверти века сборы костей в знаменитом Гастингском карьере, где ему оказывали усердную помощь рабочие, постоянно видевшие его лазающим по обрывам. Их трогала его увлеченность, и они строго следили, чтобы в карьере никто из посторонних поисками не занимался... Даусон был горд, что удачно продолжил работу по изучению рептилий, начатую в начале XIX века физиком из Луиса Гидеоном Мэйнтеллом, широко известным в кругах палеонтологов находками из Гастингского карьера.

Много ли, далее, найдется в Англии любителей палеонтологии, которые могут похвастаться тем, что в фондах самого известного в мире Британского музея образована коллекция, названная именем собирателя? Специалисты знали превосходную по редким образцам и многочисленную по разновидностям животных коллекцию Даусона, собранную в Южном Кенсингтоне, и постоянно обращались к изучению ее. Недаром руководители Британского музея вот уже около десяти лет именовали Даусона почетным собирателем. Это что-нибудь да значит! Он гордился тем, что в ряду выдающихся палеонтологов — Оуэ-

на, Докинза, Марша и Коупа, известных всему миру, в Англии упоминали и его имя, как человека, постоянно ведущего успешные поиски остатков вымерших животных и вносящего некоторый вклад в разгадки тайн древней жизни. А разве не примечательно подчеркнуто уважительное отношение к нему сэра Артура Смита Вудварда, члена Королевского научного общества, сотрудника департамента геологии Британского музея, секретаря Геологического общества Англии, ведущего специалиста по ископаемым рептилиям и рыбам? В этой области Вудварду принадлежат многочисленные работы, некоторые поистине монументального масштаба, отличающиеся исчерпывающим, в высшей степени тщательным и тонким анализом палеонтологических находок. Наблюдательность его поистине феноменальна, а эрудиция на удивление широка. Есть еще одна особенность, характерная для деятельности Вудварда — он всегда стремится всеми мерами установить по возможности более широкие и тесные личные контакты как с профессиональными геологами и палеонтологами, так и, что особенно примечательно, с любителями. С помощью их Вудвард успешно пополняет коллекции Британского музея, уточняет свои наблюдения, критически оценивает сделанные ранее выводы...

Кто еще из любителей может похвастать столь долгим и плодотворным, как у него, Даусона, сотрудничеством с высокочтимым в научном мире специалистом, каким все считают сэра Артура Смита Вудварда? Никто, а ведь они по возрасту почти одинаковы и знакомы друг с другом вот уже двадцать лет,— в 1891 году знаменитый палеонтолог, увлеченный открытиями древнейших млекопитающих, опубликовал описание представленного ему Даусоном первого зуба нового представителя этого класса из Юго-Восточной Англии и назвал его Plagiaulax dawsoni. Имя Даусона недаром включено в название животного — зуб происходил из знаменитых вилденских серий, возраст которых определялся в 150 000 000 лет! Такая находка за-

служивала увековечивания имени первооткрывателя, и щедрый, добрый Вудвард не преминул сделать это, чтобы отметить усердие любителя и вдохновить его на новые поиски, хотя он, Даусон, не нуждался в подталкивании. Осмотр вилденских серий продолжался с прежним рвением. Настойчивость была вознаграждена и принесла плоды, удовлетворившие его неуемную жажду открытий: Вудвард получил для осмотра два очередных зуба Plagiaulax dawsoni и зуб новой формы древнейших млекопитающих — Dipridonia. Пожалуй, ни с кем из любителей сэр Вудвард не поддерживает таких тесных дружественных отношений и время от времени не работает с такой охотой, как с ним, Даусоном. Недаром он удостоился высшей чести посетителей дома известного палеонтолога — автограф Даусона украсил знаменитую вышитую скатерть леди Вудвард. Следует иметь в виду, что на скатерти расписывались лишь самые почетные гости Вудвардов, и разве не приятно думать, что твой росчерк поставлен рядом с автографами десятков известных в науке людей Англии и именитых визитеров из других стран Европы и Нового Света.

Кстати, о визитерах: Даусон гордился теплыми, дружественными отношениями и плодотворными научными контактами, которые установились у него вот уже года три с совершенно очаровательным в манерах и вне каких-либо сомнений талантливым палеонтологом Пьером Тейяром де Шарденом. В изучении ископаемых гость из Франции новичок — до недавнего времени он преподавал физику и химию в Каирском колледже «Святое семейство», а затем духовное начальство направило его совершенствоваться по проблемам геологии в Гастингский колледж иезуитов. Тридцатилетний студент не захотел ограничивать круг своих интересов штудированием мудрейших сочинений знаменитых богословов и вскоре увлекся новыми для него разделами наук — палеонтологией и геологией, что, впрочем, не мудрено, учитывая соседство с Гастингсом знаменитого карьера, где Чарлз в свои школьные годы начал охоту за

костями. В один из летних дней 1909 года, когда Даусон по привычке направился в карьер посмотреть, не нашлось ли в каменистых пластах чего-нибудь новенького, один из рабочих, его постоянный помощник по сбору костей, с тревогой сообщил о вторжении в заповедное место монахов, интересующихся остатками вымерших животных и отпечатками древних растений. Рабочие встретили незваных гостей с неудовольствием и отказались помогать им, усмотрев в них конкурентов своему старому неизменному клиенту доктору Даусону. Чарлз добродушно посмеялся над опасениями своих друзей и поспешил познакомиться с коллегами по увлечениям — Пьером Тейяром де Шарденом и Феликсом Пелетье.

С тех пор началась их дружба. Более опытный в палеонтологии Чарлз не только благосклонно разрешил продолжать сборы костей и отпечатки растений в своем «заповеднике», но и неизменно подогревал энтузиазм студента теологии. За четыре года Даусон и патеры нашли в карьере множество редких и ценных зубов рептилий и рыб, зуб нового вида древнейшего млекопитающего Depriodon valdensis, а в вилденских слоях Суссекса собрали коллекцию ископаемых растений. Сборы были отправлены в Лондон в лаборатории Британского музея, где их изучали Артур Смит Вудвард и специалист по флоре Сэвард. Они, как и Даусон, в докладах и статьях, посвященных находкам, благодарили Тейяра де Шардена и Пелетье за самоотверженную и искусную помощь при сборе ценных коллекций и за передачу их Британскому музею. Тейяр де Шарден, выезжая во Францию, посылал Даусону из Парижа дружественные письма. Кажется, мелочь: какой-то никому в Англии неведомый патер пишет из континентальной Европы записки известному антиквару из Луиса. «Нашел чем гордиться!» — может воскликнуть неискушенный в жизни простак. Но Даусон всегда чувствовал, что в лице Тейяра де Шардена имеет дело с человеком далеко незаурядным. Этот сравнительно моло-

дой иезуит, увлекающийся наукой, пойдет далеко, если уже сейчас его с почтением принимают в кругах геологов католического университета Парижа, если он вхож в лаборатории — святая святых — Института палеонтологии человека, ведущего в Европе научного учреждения, разрабатывающего проблемы происхождения Homo, если его ценит сам Марселен Буль, выдающийся эксперт Франции по ископаемым людям! Кто из знакомых Чарлзу любителей может похвастать таким примечательным знакомством?

Даусон, растроганный воспоминаниями, подошел к любимой скамейке, поставленной у развесистого куста клена в конце аллеи, и, поскольку прогулка утомила его, присел, с наслаждением откинувшись на покатую спинку. Что и говорить — жизнь проходит не напрасно. Ему есть чем гордиться, а поскольку за плечами не так уж много лет, то трудно даже представить, чем еще он прославит свое имя на черную зависть многочисленных недоброжелателей. Дело в том, что палеонтология и геология не единственные области его увлечений. Разве не он, Даусон, сделал в 1898 году интереснейшее открытие довольно больших запасов естественного газа в окрестностях небольшой станции Гисфилд? Когда его друг школьный учитель Акфилда Сэм Вудгид провел анализ газа, то выяснилось, что он может с успехом использоваться для освещения. С тех пор прошло достаточно много лет, а запасы газа не иссякают — предприимчивый хозяин отеля в Гисфилде и станционное начальство с успехом сжигают его в светильниках, благословляя имя любознательного человека, которому до всего на свете есть дело. Когда Даусон читал доклад Геологическому обществу в Лондоне, все знали, что зал заседаний освещается газом, специально для этого случая доставленным из Суссекса!.. А разгадка им тайны появления «Дин Хоулз», известных на юге Англии выработок типа штолен? Ведь именно он первым определил их как древние рудники, и до него никто не смог додуматься до столь тривиального объяснения!

А археология — может ли волнующая прелесть этой науки сравниться с чем-то другим? Не будь давней охоты за костями вымерших животных, Даусон целиком посвятил бы свое время поискам разных древностей. Впрочем, стоит ли сетовать — даже затрачивая основное время на занятия геологией и палеонтологией, он достаточно преуспел в сборе всевозможных раритетов и даже в раскопках. Недаром еще молодым человеком в начале девяностых годов Чарлз Даусон был рекомендован и стал членом внушающего почтительное уважение Лондонского общества антикваров. Он гордился приемом в него не меньше, чем членством Королевского геологического общества и не упускал случая написать заметку или статью для изданий антикваров. В особенности привлекали его изделия из металла, коллекционирование которых привело к большой и трудоемкой работе по изучению собора в Гастингсе. Далеко не каждый из действительных членов Общества антикваров имел такую высокую репутацию по избранному делу и мог представить на суд любознательных читателей двухтомный труд, подобный капитальной «Истории Гастингского собора». Для воссоздания процесса строительства собора Даусону пришлось вместе со своим другом Джоном Льюисом произвести около постройки довольно обширные раскопки. Среди собранных изделий из металла Даусон особенно гордился купленной у рабочего в 1887 году римской статуэткой из Бьюпорт Парка. Она найдена, как уверили его, вместе с монетами императора Адриана. В таком случае этот экспонат не имеет цены. Правда, на собрании археологического общества знатоки оспаривали римские особенности статуэтки, но чего не наговоришь от зависти!..

В 1892 году произошло еще одно важное событие в жизни Даусона — он стал членом Суссекского археологического общества и по предложению его руководителей ему посчастливилось с тем же Льюисом проводить раскопки в пещерах Лавента, копать римский лагерь в Пэвенсее, а

около Истборна в содружестве с археологом Рейджем изучать погребения железного века. В его коллекции хранится много керамики со стоянок железного века, представляющей такой интерес, что ему дважды, в 1903 и 1909 годах, пришлось устраивать выставки. Даусон даже посвятил керамике специальную статью на двадцати семи страницах. Приходится лишь пожалеть, что в дальнейшем из-за разного рода недоразумений отношения с археологическим обществом оставили желать много лучшего. Окончательно и безнадежно они испортились после того, как Даусон осмелился занять дом, в котором привыкли заседать суссекские археологи.

При воспоминании о разрыве с провинциальными коллегами, которые часто демонстративно игнорировали его и не упускали случая уколоть какой-нибудь безделицей, Даусон помрачнел. Но настроение у него испортилось ненадолго. Обычная жизнерадостность взяла верх над мрачными раздумьями. Все эти мелкотравчатые уколы не стоят выеденного яйца, поскольку объяснение их сугубо прозаично — низкая людская нетерпимость к необычайной удачливости соседа. Лучшим ответом завистникам может стать очередная удача, не заурядная, к чему привык он и его поклонники, а по возможности громкая, захватывающая, пьянящая, поражающая воображение, разящая недоброжелателей наповал, оправдывающая, наконец, смысл жизни, такая, чтобы о тебе узнали и заговорили не на тоскливых сонных собраниях до самозабвения увлеченных чудаков-специалистов по зубам первых млекопитающих Земли или беспредельно одержимых любителей средневековых поделок из стекла, а в трепещущей от возбуждения и нетерпения многолюдной толпе, жаждущей сенсаций, среди беспокойных представителей прессы, способных так расписать любое из заслуживающих внимания событий, что при счастливом стечении обстоятельств о герое может заговорить весь мир! Конечно, Даусону раньше везло на удачи с открытиями разных курьезов и всего «переходного», «про-

межуточного», что становится теперь таким модным в науке. Вот хотя бы найденное им млекопитающее, близкое по видам к рептилиям Plagiaulax. Это же настоящее связующее эволюционное звено. Или формы, объединяющие Ptychodus и Hybocladus, «золотую рыбу» и карпа — разве они не достойны внимания? А открытая им в 1894 году полуканоэ и полурыбачья лодка, сплетенная из ивняка? А неолитическое каменное орудие с деревянной рукояткой — многие ли могут похвастать такой небычной находкой? Разве не Даусон нашел след первого использования чугуна в 1893 году и открыл первую «переходную подкову» в 1903 году? Для полноты картины ему, по существу, не хватает лишь одной переходной формы — счастливой находки недостающего звена, связывающего человека и обезьяну!

Разумеется, слишком велика честь мечтать о новых удачах лишь для того, чтобы уязвить и поставить на место чванливых деятелей из Суссекского археологического общества. Даусон думает сейчас о другом: он должен сделать такой вклад в науку, чтобы люди узнали его при жизни и помнили о нем века после того, как он уйдет в небытие. Разве не это стремление подогревает рвение и энтузиазм любого ученого? Лично он не видит в подобном желании ничего безнравственного и предосудительного. Но если что мучает его и не дает покоя при всех очевидных успехах, то это то, что даже наиболее эффектные открытия в палеонтологии, а также усердные занятия антикварными сюжетами и археологией не принесли ему пока желанной известности. Обыватель в массе своей равнодушен к единичным зубам первых млекопитающих (экая невидаль!), его не заставишь читать историю Гастингского собора (скучно!) и не поразишь коллекциями редких изделий из железа (кому нужен проржавевший хлам!), он почти не заглядывает на выставки антикварных вещей (какой в них интерес и какая польза?!). То ли дело, например, слухи о находках костных

остатков далеких предков человека и, в особенности, обезьянолюдей. Вот тема, достойная дискуссий, пересудов и бесконечных разговоров на каждом сборище. Сейчас, пожалуй, нет в мире человека более известного, чем Евгений Дюбуа, и все от того, что ему посчастливилось найти на Яве черепную крышку недостающего звена.

Да разве только о нем, будто сговорившись, трубят газеты? — с досадой продолжал размышлять Даусон. Какие, например, пересуды начались, когда в 1900 году известный всей Европе специалист по первобытной культуре из Мюнхена Иоганн Ранке напечатал в одном из научных журналов Германии полное интригующих подробностей письмо из Загреба, присланное ему за год до этого в октябре месяце профессором геологии и палеонтологии местного университета, директором геологического отделения народного музея города Карлом Горяновичем-Крамбергером. Он писал об удивительном открытии в Северной Хорватии в горном междуречье Савы и Дравы на берегу речки Крапиницы, где на высоте 25 метров над уровнем воды проводились раскопки небольшого навеса или разрушенной пещеры. Разговоры о необычной находке достигли наибольшего оживления в 1906 году, когда Горянович-Крамбергер напечатал в Висбадене книгу, название которой не могло не взволновать: «Der diluviale Mensch von Krapina» — «Допотопный человек из Крапины»! Еще бы — профессор живописал в подробностях, как в слоях древнего убежища, случайно обнаруженного им всего в двух часах езды от Загреба, около небольшого городка Крапина, ему и его помощникам С. Остерману и Д. Галиджану при раскопках с 1900 по 1905 год удалось выявить мощный золистый слой огромного кострища, а в нем около пятисот человеческих костей, небрежно разломанных, расколотых, обожженных в огне. Страшно сказать, но останки людей лежали вперемешку с углями и костями носорогов, зубров, бизонов, диких лошадей, гигантских оленей, кабанов и волков. Среди кухонных отбросов валя-

лись и примитивные каменные орудия, близкие тем, какими пользовались на охоте неандертальцы и обезьянолюди, в пору жестоких холодов ледниковой эпохи заселившие пещеры в горных районах Европы. Изучение обломков черепов с массивными надглазничными валиками и обезьянообразных, лишенных подбородочного выступа нижних челюстей, не оставило у Горяновича-Крамбергера сомнений в том, что в пещере Крапина некогда жила орда первобытных людей. Однако самое поразительное наблюдение, заставившее содрогнуться всех от ужаса и негодования, заключалось в том, что обезьянообразный предок, оказывается, поедал себе подобных! Да, да — он был людоедом: длинные кости конечностей его жертв раскалывались вдоль, а цель этой характерной операции могла иметь лишь одно леденящее душу истолкование: удачливый охотник добирался до мозга, чтобы полакомиться им. С тем же стремлением он бесстрастно и хладнокровно проламывал черепные кости, добираясь до содержимого мозговой коробки сородичей. Подумать только, кого так упрямо намерены Горянович-Крамбергер и его коллеги возвести в почетный ранг предка цивилизованных европейцев!

Можно ли придумать более захватывающую тему для салонной беседы, если вдруг возникла потребность попугать дам? А какая находка — сюжет о возможных событиях в Крапине для журналистов, с тоской подыскивающих материалы к воскресным страницам газет! Смех смехом, но кто сейчас в Европе не знает Карла Горяновича-Крамбергера, открывшего обезьянообразных людоедов древнекаменного века? О нем, кажется, говорят все, а Даусон с его открытиями живым пребывает в небытие. Какая несправедливость!

Правда, могут сказать — не слишком ли велики претензии на популярность у простого любителя науки? Какие могут быть сравнения с ним Карла Горяновича-Крамбергера, профессора Загребского университета?.. Но Даусон знал, что громкая слава не раз снисходила к простым

смертным, если судьба, проявив благосклонность, неожиданно дарила им нечто из давно ушедшего мира обезьянообразных предков, на интересе к которым, кажется, помешались сейчас все — и стар и млад. Скажите на милость — чем отличается от него швейцарский торговец древностями Отто Гаузер, известный теперь всей Европе, да и Америке тоже? Как и Даусон, он в науке любитель, но не палеонтолог и геолог, а археолог. Кто слышал о Гаузере, когда он за четыре года до своего неожиданного триумфа начал раскопки во Франции в долине реки Везеры, притока Дордони, около мало чем примечательного селения Ле Мустье? Можно биться об заклад, если кто из археологов и знал швейцарца, то лишь из-за его эксцентричных самонадеянных теорий по первобытной истории человечества, да по разным сделкам, связанным с продажей антикварных вещей. Как, однако, круто переменилась судьба, когда в начале марта 1908 года его, уставшего и промокшего от дождя после длительного дневного объезда по местам раскопок, поднял со стула отчаянный стук в дверь небольшого домика, где он обычно останавливался на ночлег! На пороге стоял один из рабочих, который несмотря на ливень примчался на велосипеде сообщить хозяину давно желанную весть — под скальным навесом около деревушки Ле Мустье в слое с каменными орудиями показались человеческие кости! Нет, их оставили на месте, а раскопки прекратили до осмотра находки самим Гаузером.

Он, Гаузер, не стал терять времени и, наскоро собравшись, выехал в Ле Мустье, не обращая внимания на непрекращающийся дождь. Рабочие не ошиблись — в раскопе, на глубине 46 сантиметров от поверхности, видны были кости человека, рядом с которыми лежали орудия из камня, судя по технике оббивки и характерной форме, изготовленные неандертальским обезьяночеловеком. Гаузеру был достаточно хорошо известен скепсис многих ученых относительно связи каменных орудий определенного

типа с костными остатками неандертальцев. Подавляя жгучее нетерпение, он отказался от немедленного продолжения раскопок. Во избежание недоразумений и кривотолков, опасаясь, что такая на редкость удачная находка может более не повториться, он принял решение подтвердить свои наблюдения точным официальным протоколом специально назначенной комиссии. Впрочем, Даусон подозревал, что такое намерение возникло у Гаузера из-за желания по возможности более широкой огласки открытия в Ле Мустье. Как бы то ни было, но кости осторожно засыпали землей, а счастливый торговец древностями направил в муниципалитет сообщение об открытии, присовокупив к нему просьбу о назначении комиссии по проверке его заключения относительно залегания костей человека в ненарушенном поздними вторжениями слое с культурными остатками обезьянолюдей.

18 апреля 1908 года комиссия, назначенная официальными властями, прибыла в Ле Мустье. Она не очень порадовала Гаузера, поскольку в составе ее, к его удивлению, не оказалось ни одного известного антрополога Франции. Что означало это неожиданное пренебрежение — в комиссию входили лишь чиновники и несколько врачей? Гаузер, однако, не терял присутствия духа: под строгим наблюдением гостей он расчистил присыпанные землей кости, а затем, прикинув, где мог располагаться череп, начал раскопки нетронутого рабочими слоя. Его предсказания к изумлению настороженных членов комиссии вскоре оправдались — из глины показалась сферической формы кость! Верхушка черепа! Раскрытые части скелета сразу же сфотографировали, а об увиденном тут же составили протокол. Все присутствующие при раскопках свидетели подписали его, а специально вызванный нотариус заверил подписи. На этом первое протокольное подтверждение открытия завершилось, и под наблюдением Гаузера рабочие вновь прикрыли кости землей. Около места открытия была выставлена охрана, которой строго предписывалось

защитить находки от возможного расхищения их любителями сувениров. Никогда еще торговец древностями не владел столь бесценным экспонатом!

Гаузер не возобновлял раскопки в Ле Мустье еще около четырех месяцев — он терпеливо ждал прибытия к гроту по-настоящему авторитетной комиссии ученых, которая могла бы вне каких-либо сомнений подтвердить как ненарушенность слоя, так и его глубочайшую древность. Шестьсот приглашений разослал он видным геологам, палеонтологам, антропологам и археологам Европы, Америки и Азии, предлагая им высказать свое мнение об открытии, однако даже французы, которым не составляло труда приехать в Ле Мустье, остались равнодушными к настойчивым призывам любителя древностей. Никто, очевидно, не хотел связываться с сомнительным предприятием и компрометировать свое доброе имя. Наконец нехотя откликнулись немецкие ученые, которых, возможно, больше привлекала перспектива совершить приятную туристическую поездку в долину Везеры, чем надежда увидеть нечто интересное в раскопе Гаузера. 10 августа 1908 года, отзаседав на конгрессе антропологов, из Франкфурта-на-Майне во Францию выехали «поразмяться» десять видных специалистов, в том числе Ганс Вирхов, фон ден Стейнен, Хэйс, Вюст. Стихийно возникшую комиссию авторитетов возглавлял крупнейший немецкий антрополог, знаток проблем происхождения человека Герман Клаач. Французы по-прежнему демонстративно не захотели принять участие в экскурсии.

Гаузер сопровождал комиссию на пути ее в Ле Мустье. Можно представить, как волновался он, когда слушал откровенно недоверчивые восклицания Клаача относительно возможного открытия в мягких отложениях грота скелета неандертальца, как переживал в ходе затянувшихся на два дня раскопок, когда кости скелета освобождались от земли. Сохранность оказалась очень плохой, костная ткань рассыпалась при малейшем прикосновении. Потребовалось

все терпение и мастерство Клаача, чтобы сохранить хрупкие останки. Со всеми предосторожностями он извлекал их из глины и после просушки покрывал специальным клеем. В ходе раскопок были и досадные потери. В частности, несмотря на все старания так и не удалось сохранить кости таза и прилегающие к нему позвонки. До тех пор, пока скальпель Клаача не приступил к расчистке главной части скелета — черепа, ни одна из спасенных его тонким искусством костей не решала судьбы открытия. Лишь когда комочки земли отвалились от лобной части черепа и глазам участников раскопок предстали огромные валики, нависшие над орбитами, Клаач с интересом взглянул на Гаузера.

— Такие валики характерны для неандертальцев! — воскликнул он.— Но не будем торопиться с выводами. Надо еще посмотреть, что за челюсть у этого черепа. Если она лишена подбородка и такая же примитивная, как лобная кость, то я первым поздравлю вас, господин Гаузер, с самым, пожалуй, замечательным антропологическим открытием из сделанных за последнее время!

Прошло несколько томительных минут, и вот в руках Клаача покоится огромная челюсть. Она массивная, с крупными зубами, а подбородок ее обезьянообразен. У него нет выступа, и плоскость кости сильно скошена, как у обезьяньих челюстей.

— Поздравляю вас с удачей, господин Гаузер! — волнуясь, сказал Клаач.— Ваши предсказания были совершенно справедливы — в Ле Мустье захоронен неандерталец, грубый и примитивный. Сомнения в древности находки следует отбросить раз и навсегда...

Даусон давно заметил, что если открытие действительно по-настоящему великое, то сопутствующие ему обстоятельства становятся известны людям в мельчайших подробностях. Кто знает, с каким трудом добывал он кости в Гастингском карьере? Никто! Но каждый в Европе, кто читает газеты, может рассказать об удаче швейцарца Отто

Гаузера и в чем величие и интерес его находки. Не только в том, что с помощью точных наблюдений по условиям залегания скелета неандертальца в слое земли, а также сопровождающим его костям животных и каменным орудиям удалось, наконец, доказать глубокую древность этого обезьянообразного существа, но и в том, что его не просто бросили, а погребли в гроте. Юноша лет пятнадцати лежал на боку в скорченном, как спящий, положении, с правой рукой, положенной под голову, а левой вытянутой вдоль тела. Череп лежал, очевидно, на намеренно положенных в могилу крупных камнях. А разве не замечательно, что совсем рядом с левой рукой находилось превосходно обработанное рубило длиной около 17 сантиметров и типичное для неандертальской культуры скребло? Стоит подумать и о том, почему большая обожженная кость быка перекрывала череп. Не вместе ли с умершим положили также выявленные при расчистке скелета семьдесят четыре обработанных кремня (в их числе десять орудий совершенно определенной формы) и сорок пять костей различных животных? Случайно или нет оказались в районе грудной клетки неандертальца зубы животных? Эти детали поражали воображение, поскольку имели отношение к обезьянообразному предку человека, жившему десятки тысячелетий назад.

Стоит ли удивляться, что об Отто Гаузере говорит вся Европа, а его действия до сих пор обсуждаются газетами с нескрываемым удовольствием? Даусон передал свои палеонтологические сборы Британскому музею безвозмездно, и это не привлекло особого внимания прессы. Зато когда Гаузер продал останки неандертальца из Ле Мустье Берлинскому этнологическому музею за 125 000 золотых франков, журналисты сочли важным поведать об этом всему миру. Конечно, за пятнадцать лет раскопок, предшествующих открытию, Гаузер достаточно поиздержался, чтобы получить компенсацию, но Даусону претит торгашество в таком антикварном деле. Правда, Гаузер сенти-

ментален и не забывает проданное детище,— приезжая в Берлин, он, если верить газетам, неизменно возлагает к стеклянному ящику с выставленными для обозрения останками неандертальского юноши букет красных роз. Вряд ли, однако, такое трогательное внимание смягчает ярость французов. Они не могут простить Гаузеру продажу немцам того, что стало одной из сенсаций века.

Но французы в скором времени взяли эффектный реванш. Не успел любознательный люд опомниться от сообщений, раскрывающих обстоятельства и существо открытия Гаузера, как газеты снова ударили в литавры: 3 августа 1908 года три аббата, страстные любители археологии, братья Ж. и А. Буиссонье, Л. Бардон, а также самый младший из семейства Буиссонье — Пауль при раскопках в центре небольшой пещеры Буффиа в окрестностях села Ла Шапелль-о-Сен (департамент Коррез, юг Франции) под ненарушенным культурным слоем мощностью в 30—40 сантиметров с типичными для неандертальцев орудиями, с обломками костей вымерших животных обнаружили искусственно вырытую яму длиной 1 метр 45 сантиметров, шириной 1 метр и глубиной 30 сантиметров. Яма оказалась настоящей могилой — на дне ее головой на запад покоился превосходной сохранности скелет неандертальца. Огромный череп лежал, как и в Ле Мустье, на каменной выкладке, представляющей собой своего рода подушку, его окружало кольцо из камней, а сверху располагались четыре больших плоских фрагмента длинных костей и кости ноги быка, сохранившие анатомическую связь, что свидетельствовало о ненарушенности погребения с того времени, как обезьянолюди засыпали его землей. Вокруг умершего лежали кусочки охры, обломки костей и каменные орудия, но точную связь их с погребенным доказать было нелегко, поскольку могильную яму засыпали землей из культурного слоя, в котором находилось множество оббитых камней. Отделить намеренно положенные с мертвым изделия от случайно попавших в

могилу не представлялось возможным. Также было неясно, следует ли связывать с погребением запрятанные под двумя большими плитами позвонок быка и несколько превосходно обработанных кремневых орудий, обнаруженных правее ямы, около стенки пещеры. Земля здесь, как и стена пещеры, имела заметные следы воздействия на них огня.

Это была поразительная находка! Кто мог предполагать, что обезьянолюди столь заботливо обращались с умершими сородичами, снаряжая их в «дальний путь»? Судя по открытиям в Ле Мустье и Ла Шапелль-о-Сен, неандертальцы уже разработали строго определенный погребальный обряд, которому следовали всякий раз, когда лишался жизни один из членов орды,— ему вырывали могильную яму, размещали его в ней в позе спящего, а рядом клали необходимые для жизни в таинственном мире бессловесных и недвижимых запасы пищи для пропитания и орудия для успешной охоты и разделывания туш животных. Какого же высокого уровня достигло развитие мозга обезьяноподобного по внешнему облику человека, если он задумался о таких необыкновенно сложных проблемах, как жизнь и смерть! Впрочем, объем мозга неандертальца из пещеры Буффиа позволял смело предполагать значительную сложность мыслительной деятельности предка — согласно расчетам Марселена Буля, которому братья Буиссонье и Бардон незамедлительно выслали в Париж извлеченные из могилы кости, черепная коробка вмещала 1600 кубических сантиметров серого вещества. Далеко не каждый череп современного человека из антропологической коллекции Национального музея естественной истории Франции, где теперь хранится неандерталец из Ла Шапелль-о-Сен, имел такую огромную мозговую полость. Стоило в связи с этим кое о чем задуматься.

Газеты между тем продолжали трубить на всю Европу об удачливых аббатах. Всезнающие и всепонимающие журналисты с важностью рассуждали об открытии во

Франции недостающего звена с лицом обезьяны и мозгом человека. Тейяр де Шарден со смехом рассказывал Даусону о напечатанных в ежедневной прессе Парижа фотографиях Марселена Буля, держащего в руке череп гориллы. Вечно все путающие репортеры представляли ошеломленным читателям череп африканской обезьяны как находку Буиссонье и Бардона в «могильной траншее» пещеры Буффиа! Великая вещь жажда сенсаций, но издержки недоразумений искупались громкой славой и широкой известностью слуг господних, любимым увлечением которых велением провидения стала археология... Даусон трудился для науки не менее усердно и с пользой для дела, однако кто в Европе знает его?

В том же, на редкость обильном на открытия, 1908 году в Англии стали известны подробности на удивление счастливого открытия, сделанного в Германии около деревушки Мауэр 21 октября 1907 года. Именно тогда Даусон, вчитываясь в кричащие газетные столбцы и просматривая пестрые страницы популярных, предназначенных для широкой публики, журнальных изданий, окончательно уяснил для себя, что только находки, связанные с далекими предками человека, могут сразу привести к желанной известности и обеспечить памятью людей удачливого счастливца. Отто Шетензаку, профессору антропологии Гейдельбергского университета, повезло — его имя теперь навсегда связано с одной из самых интересных и интригующих находок недостающего звена в Европе, останки которого были обнаружены осенью 1907 года в 10 километрах к юго-востоку от Гейдельберга и в 500 шагах к северу от деревушки Мауэр, в песчаном карьере Графенрейн, расположенном в двух милях от берега притока Неккара речушки Эльзенц. В течение двадцати лет каждый воскресный день Шетензак выезжал в Мауэр узнать, кости каких животных нашли за неделю рабочие карьера (он разрабатывался уже 30 лет). Палеонтологическая коллекция из Графенрейна представляла особый интерес.

Она содержала костные остатки животных, бродивших по долинам рек Германии около миллиона лет назад, то есть во времена, когда в Европе появляются первые точно зафиксированные следы древнейшего человека в виде грубо оббитых камней шелльской культуры. Рабочие извлекли из песков Мауэра останки этрусского носорога, древнего слона, саблезубого тигра, льва, очень примитивных лошади и медведя, а также кабана, бизона, дикой кошки, собаки и бобров. Шетензак надеялся увидеть однажды среди собранных костей какую-нибудь часть скелета обезьяночеловека — питекантропа Европы и при посещениях Графенрейна внимательно осматривал стенки карьера, протянувшегося на сотни метров. Каждая заостренная кость вызывала его подозрение — не обработана ли она предком? Поэтому с фрагментов со всеми возможными предосторожностями удалялись плотно прилипшиеся песчинки. Все напрасно: ничто не выдавало присутствия обезьяночеловека в двадцатипятиметровой толще лесса и песка.

Однако Шетензак продолжал терпеливо ждать, и, наконец, судьба, сжалившись, вознаградила его. В конце октября из Мауэра в Гейдельберг пришла телеграмма от владельца карьера господина Иосифа Реша, который содействовал поискам, интересовался ими и сочувствовал при неудачах. В телеграмме сообщалось то, о чем Реш обещал поставить в известность Шетензака двадцать лет назад. «Вчера произошло желанное событие — на 20 метров ниже поверхности почвы и выше дна моего карьера в Графенрейне найдена хорошо сохранившаяся нижняя челюсть примитивного человека со всеми зубами». Шетензак выехал поездом в Мауэр, сгорая от нетерпения и почти не веря в реальность находки. Можно представить его удивление и радость, когда через полчаса в карьере ему действительно вручили огромную челюсть, которая не могла принадлежать никакому другому существу, кроме необыкновенно примитивного обезьяночеловека. Как и остальные кос-

ти из Графенрейна, челюсть оказалась инкрустированной песчинками, придававшими ей нейтральный серый цвет. Рабочий Даниэль Гартман, разбиравший песчаный слой, ударом лопаты сломал найденную челюсть как раз посредине. При этом неожиданном ударе обломились коронки четырех зубов первой ветви челюсти и их в песке найти не удалось. Но вторую половину челюсти Гартман со всеми предосторожностями извлек из слоя и тут выяснилось, что она при совмещении настолько точно подходит к первой, что даже не видно линии излома. Вторая неприятность случилась в момент, когда рабочие попытались отделить от зубов левой ветви плотно приклеившуюся галечку известняка: коронки предкоренных и первых двух коренных остались на поверхности камня. Гартман знал, что нужно сохранять ископаемые, встречающиеся в песке, а тут еще его удивило замечательное сходство находки с человеческой челюстью. Рабочие сразу же позвали в карьер Реша, и тот, подтвердив вывод Гартмана, сказал обрадованно, что Шетензаку будет несомненно интересно посмотреть эту кость. Первый же самый предварительный и беглый осмотр находки показал ее совершенно исключительную важность. Челюсть буквально поражала своей невероятной примитивностью даже при воспоминаниях об архаическом лицевом скелете неандертальского человека. Она отличалась непривычно большими размерами, удивляла массивностью, небольшой высотой и превосходящей почти в два раза нормальную ширину ветвей, соединявших ее с черепом, а также совершенно обезьяноообразным подбородком, лишенным выступа. Шейка была легкая, в чем она сближалась с челюстями человекообразных обезьян. Вообще челюсть из Мауэра при общем взгляде на нее напоминала челюсть гориллы... если бы не зубы. В отличие от других частей они удивляли сходством с человеческими — совсем небольшие, меньше, чем у неандертальцев, узор коренных сходен с узором коренных человека, клык не выступает выше уровня дру-

гих зубов, как наблюдается у обезьян, износ жевательной поверхности плоский, а не характерным образом скошенный, как у антропоидов... Контраст между обезьянообразной челюстью и почти в точности человеческими зубами был настолько разителен, что озадаченный Шетензак лишь развел в недоумении руками.

Учитывая важность случившегося, он решил составить официальный протокол, раскрывающий обстоятельства открытия. Из соседнего с Мауэром поселка Неккаргемюнда Реш пригласил нотариуса, и тот, дотошно расспросив Гартмана, а также возчика песка, еще одного рабочего и даже мальчика, присутствовавших на месте находки, записал самое существенное. В протокол включили также замеры Шетензака: оказалось, что челюсть залегала под толщей лесса и мощного горизонта песка, рассеченного глинистыми слоями, на глубине 24 метров 4 сантиметров. От дна карьера ее отделяла прослойка песка толщиной всего 87 сантиметров! Затем было сделано несколько эффектных фотографий разреза, на фоне которого телега и люди, стоящие у подножия рядом с местом находки, казались совсем крошечными, как букашки, и все присутствующие торжественно скрепили своими подписями листки, усердно исписанные нотариусом Неккаргемюнда. Все это Шетензак подробно описал в специальной книге, вышедшей в Лейпциге в 1908 году — "Der Unterkiefer aus Homo heidelbergensis aus den Sanden von Mauer bei Heidelberg."[1]

Большая древность челюсти превращала ее в одно из величайших антропологических сокровищ. Даже сам по себе вид кости раскрывал ее невероятно глубокий возраст: челюсть была настолько сильно минерализованной, что казалась выточенной из глыбы известняка — ее вес составлял 197 граммов! После удаления покрывающего че-

[1] «Нижняя челюсть гейдельбергского человека из песков Мауэра около Гейдельберга».

люсть песка на ее поверхности, как и на известняковой галечке, к которой приклеились коронки зубов, Шетензак увидел отпечатки дендритов, древних окаменевших растений. Кость имела цвет от желтовато-белого до красноватого, на фоне которого отчетливо выделялись крупные и мелкие черные точки. Коронки зубов челюсти были кремово-белые с черными пятнами на жевательной поверхности, а ниже эмали красноватые, как бы намеренно окрашенные. Шетензак сравнил челюсть из Гейдельберга со всеми известными к 1908 году архаическими челюстями и пришел к заключению, что примитивность ее не имеет себе равных.

Так мир впервые узнал о самой древней из открытых ранее в Европе кости обезьяночеловека, названного мауэрантропом. Но одновременно публика впервые узнала и о терпеливом преподавателе Гейдельбергского университета, знакомом ранее лишь узкому кругу специалистов, да и то из-за его странной приверженности нелепой теории первоначального появления людей в Австралии. Мало того — вместе с ним получили известность владелец карьера в Графенрейне, собиратель костей для Шетензака Реш и даже Даниэль Гартман, самый что ни на есть простой и заурядный землекоп, который по счастливому стечению обстоятельств копал песок там, где миллион лет назад вода завалила песком челюсть первого европейца — обезьянообразного мауэрантропа. Даусон вспомнил, с каким интересом, но в то же время и с трудом подавляемым чувством зависти слушал он рассказ только что приехавшего с континента своего друга сэра Артура Смита Вудварда. Знаменитый палеонтолог, обычно сдержанный и немногословный, оживленно живописал подробности поразительно удачных поисков во Франции и Германии костных остатков обезьянолюдей. Пожалуй, со времени, когда Вудварду посчастливилось в девяностые годы подержать в руках черепную крышку, бедро и зубы питекантропа, Даусон не видел его таким возбужденным. Про-

сматривая в европейских музеях коллекции костей динозавров и древних рыб, Вудвард, разумеется, не мог не интересоваться новыми находками ископаемого человека. В Париже он видел кости неандертальца из Ла Шапелль-о-Сен, в Берлине ему рассказали подробности открытия Отто Гаузера в Ле Мустье и подвели к витрине с выставленными в ней для обозрения останками обезьяночеловека. А чего стоят слухи о новых открытиях французского археолога Пейрони в пещере Ла Феррасси? Сначала в 1909 году он открыл одно погребение неандертальца, в следующем — другое, а теперь, говорят, найдены сразу четыре детских захоронения! Не приходится удивляться, что к Ла Феррасси проявили интерес такие известные в доисторической археологии специалисты, как Капитан, Картальяк, Брейль, Буль. Буиссонье тоже участвовали в работе. Однако наибольшее впечатление на Вудварда произвел осмотр челюсти мауэрантропа. До чего же наглядное свидетельство обезьяньего происхождения человека! Как жаль, что в Графенрейне не найдены кости черепа. Какой же был, интересно, череп при столь примитивной челюсти?

Не после этого ли разговора Даусон, размышляя о недостающем звене, написал в марте 1909 года в письме Вудварду следующие слова, наверное, немало удивившие палеонтолога: «Живу в ожидании великого открытия, которое, кажется, никогда не произойдет»...

Даусон вынул из кармашка брюк подвешанные на золотой цепочке часы, щелкнул крышкой с затейливой старинной монограммой и, взглянув на циферблат, тяжело вздохнул. Надо же, как незаметно пролетело время — скоро ленч. Пора, пожалуй, отправляться домой, иначе Елена рассердится. Он тяжело поднялся со скамейки и медленно, словно нехотя, зашагал к дому. В голове его продолжали роиться мысли о предках, смерти, славе и бессмертии. Открытие недостающего звена — вот чего недоставало ему за многие годы занятий наукой. Хотя, соб-

ственно, почему недоставало? Ведь кое-что есть, но кто виноват, что об этом мало знают? Можно ли, однако, утверждать, что найденное им достаточно древнее? Вся загвоздка в сложности выявления в Вилденском районе юга Англии геологических формаций, возраст которых приближался бы к миллиону лет.

Но разве его друг ювелир, превосходный часовой мастер и любитель-геолог высокой репутации Луис Аббот не говаривал ему много раз о необходимости изучения гравиевых отложений на высоких террасах долины реки Узы? Он утверждал, что эти гравии плиоценовые и, следовательно, в них могут быть открыты следы обитания древнейших людей в виде, например, эолитов, камней, обработанных самой природой или человеком на самой заре его истории.

Аббот знал, что говорил. Во-первых, он в течение долгого времени изучал плиоценовую геологию районов Вилда и Суссекса и поэтому знал ее настолько основательно, что мог, как оракул, предсказывать главные из возможных открытий в этой области. Во-вторых, он сам имел непосредственное отношение к находкам кремневых орудий типа эолитов. Дело в том, что Аббот был в свое время членом кружка видного энтузиаста-натуралиста Бенджамина Гаррисона, бакалейщика из Айтхема (Кент), который первым в Англии объявил в шестидесятые годы прошлого века об открытии на севере Даунса странных охристо-коричневого цвета кремней, по его мнению, обработанных человеком. Древность их, с точки зрения знаменитого английского геолога Прпствича, была огромна. Достаточно сказать, что Гаррисон собирал эти камни на террасах, возвышающихся над рекой на 122—183 метра. В кружке старого Гаррисона, как повсюду в Европе, много толковали об эолитах как орудиях необыкновенно древних людей, далеких предшественников шелльцев Франции, живших около миллиона лет назад. «Но если эолиты есть в красноватых глинах Кента на севере Даунса, то почему их нель-

зя найти на юге Даунса, в Суссексе?» — спрашивал торжественно Аббот, который в конце девяностых годов нашел в Норфольке в отложениях кромерского лесного слоя на уровне горизонта слонов кремневые эолиты дошелльского времени.

Даусон любил заходить в лавку-музей Луиса Аббота. У него можно было посмотреть коллекции костей вымерших животных, найденных им в скальных трещинах около Айтхема, после чего количество известных видов увеличилось раза в три, кости из «файрлайтских и гастингских кухонных куч», открытых им, собрание эолитов, римскую и средневековую керамику, ножи, фибулы, вазы, а также римскую бронзовую статуэтку, предмет особой гордости Аббота. А как мастерски выделывал он геммы любого вида, едва ли отличимые от подлинных древних образцов! Даусон в особенности подружился с Абботом, когда они после переезда из Лондона начали встречаться в музейном комитете Гастингского общества естественной истории. Здесь в 1909 году Аббот иллюстрировал своими находками раздел «Доисторические расы» на специально организованной выставке, а Даусон демонстрировал изделия из железа и написал объяснение к разделу «Суссекская культура железного века». Небольшого роста, смуглый, темноволосый Аббот терялся рядом с громоздким большеголовым Даусоном, но начинал прямо расти на глазах, когда темпераментно живописал перспективы открытий новых рас и новых обработанных кремней. Аббот любил говорить, что без его помощи никаких находок в Суссексе не будет. Не удивительно, что Даусон показал ему нечто, связанное с остатками предка. Аббот с обычной для него горячностью определил это нечто как величайшее открытие и, кстати, не преминул напомнить другу о своих давних предсказаниях на сей счет. Разве не он обратил внимание Даусона на древние гравии террас реки Узы?

«Нечто» не давало покоя Даусону. Он видел, каким

жадным интересом загорались глаза каждого человека, которому можно было без опасений показать необычную находку, чтобы проверить впечатление, какое она производит. Вот хотя бы куратор Гастингского музея Вильям Батерфилд, его особенно близкий друг и частый посетитель дома в Луисе. Когда он увидел «некий интересный объект», то сразу стал уговаривать Даусона поторопиться отправить его в Лондон экспертам Британского музея. То же впечатление произвела находка на хорошего знакомого семьи Сарджента, когда, развернув клочок газеты, Даусон показал ему свой особый секрет. Опережая советы, он сразу сказал, что намеревается показать экспонаты специалистам из Британского музея. Что же в таком случае говорить о Сэме Вудгиде, школьном учителе Акфилда, который особенно тепло относился к Даусону и помогал ему в исследованиях Гастингского карьера. Сэм был, пожалуй, первым, кто увидел находку Чарлза. Через несколько дней после осмотра они вместе посетили место открытия, долго искали хоть что-нибудь дополнительное, но увы — их постигла неудача. Последними, кто совсем недавно осматривал бесценные фрагменты, были мистер Эрнст Виктор Кларк и миссис Кларк, которые обедали у Даусонов здесь, в Луисе. Эффект тот же — «значение редкостной находки исключительное» и поэтому странно держать ее в тайне.

Такая ли уж, однако, это тайна, если столь много людей из Гастингса и Луиса знают о ней? Не исключено даже, что кое-кто в Париже поговаривает сейчас о Даусоне — разве не рассказал он о находке отцу Тейяру де Шардену при первом знакомстве с ним в Гастингском карьере? Правда, показать экспонаты Чарлз не решился — недостаточно ли на первый раз просто заинтриговать намеками? Если бы об этом услышал Марселен Буль! Но всему свое время... Сейчас же, прежде чем, наконец, решиться сообщить об открытии в Лондон людям, для которых наука профессия, а не любительскоо увлечение,

нужна серьезная подготовка. Никто теперь не верит на слово — древность останков предков доказывается с помощью точных наблюдений по геологии, палеонтологии и археологии места открытия, а факт его не лишне подкрепить заключением авторитетной комиссии или, в крайнем случае, мнением уважаемых и известных деятелей науки. На кого в мире большой науки произведут впечатление высказывания Сэма Вудгида, Луиса Аббота, Эрнста Кларка, Вильяма Баттерфилда и даже его, Чарлза Даусона? Нет, что ни говори, а Отто Гаузер правильно сделал, решив дождаться комиссии во главе с Германом Клаачем, прежде чем начать раскопки скелета неандертальца из Ле Мустье. Ему, Даусону, следует в ближайшее время закончить подготовку к работам в месте его особой удачи и подумать, кого удостоить чести лестного предложения провести дополнительные исследования.

Вместе с принятым, наконец, решением вернулось легкое расположение духа, обычное для Даусона состояние известного в Гастингсе, Луисе и даже Лондоне весельчака и балагура. Он заторопился домой. Елена будет довольна, заметив доброе настроение...

Поздней осенью 1912 года в научных кругах Лондона начали распространяться слухи о совершенно исключительном по значению открытии на юге Англии костей ископаемого человека, в корне менявших будто бы сложившиеся ранее представления о путях эволюции рода Homo. Туманные, во многом загадочные и в то же время предельно интригующие сведения об этом событии в ноябре достигли, наконец, сэра Артура Кизса, недавно возвратившегося в столицу из длительной поездки. Казалось бы, ему, по существу ведущему в Англии специалисту по ископаемым людям, следовало узнать о находке первому. Но не тут-то было. Мало того, что он узнавал подробности из вторых рук, ко всему прочему приходилось выслушивать

при этом намеки на то, что новая находка в корне подрывает его концепцию раннего, до эпохи неандертальцев, появления Homo sapiens — человека разумного, чему он отдал за последнее десятилетие столько энергии и сил. Когда Кизсу сказали, что среди лиц, причастных к сенсационному открытию, одним из главных называют палеонтолога сэра Артура Смита Вудварда, он сразу же понял, откуда дует ветер. Ведь Вудвард, так же как и его учитель, известный ветеран палеонтологии из Манчестера Вильям Докинз, никогда всерьез не принимал идей Кизса, связанных с доказательствами глубокой древности Homo sapiens. Постоянно подшучивая над ним, они характеризовали теорию Кизса не иначе, как забавную эволюционную ересь.

Не меньшее любопытство, переходящее в недоверие, вызвало у Кизса и утверждение о том, что новая находка ископаемого человека передана в Естественно-исторический музей Южного Кенсингтона. Можно ли придумать более неподходящее место для изучения древних гоминид, чем этот музей?! Конечно, в его фондах хранится достаточно разнообразная и многочисленная по образцам антропологическая коллекция, но тот, кто передавал найденные кости, должен был знать, что среди сотрудников музея нет ни одного профессионального антрополога! А разве слух о том, что за изучение найденных костей ископаемого человека принялся Артур Смит Вудвард не менее удивителен? Конечно, Кизс мог быть пристрастен в оценке способностей этого человека, который при встречах с ним в залах ученых заседаний или при полевых экскурсиях всегда поражал его гордым, холодным и независимым видом. Вудвард, пожалуй, единственный из круга известных ученых, с кем он затруднялся установить дружественные отношения. Однако факт остается фактом — Вудвард никогда не специализировался по антропологии и, следовательно, не имел нужного запаса знаний по анатомии человеческого тела. Другое дело палеонтология иско-

паемых животных. Здесь его опыт и репутация без сомнения высоки, и он ведущий авторитет по ископаемым рептилиям и рыбам. Вудвард начал заниматься ими с восемнадцати лет, когда стал ассистентом Британского музея, а затем, окончив вечерние классы Королевского колледжа, целиком посвятил себя исследованиям по палеонтологии, проявив исключительную тщательность, мастерство и наблюдательность. Выпущенный через пять лет усердных занятий каталог ископаемых рыб считается специалистами образцовым. Но человек не рыба и не рептилия!

К тому же, странно, что Вудвард, который, если верить слухам, имел самое непосредственное отношение к загадочному открытию, не сказал о нем Кизсу ни одного слова, хотя раскопки продолжались целое лето, и они не раз встречались в Лондоне. К чему такая таинственность? Неужто Вудвард опасается, что Кизс может лишить его славы первооткрывателя и первого интерпретатора? Какая чепуха! Все дело, очевидно, в желании представить находку как неожиданность и сенсацию. Но разве помешает публичному объявлению предварительное знакомство с ней специалиста-антрополога, признанного знатока анатомии человека и обезьян из Королевского колледжа Сардженс, консерватора знаменитого на весь мир анатомического музея Джона Хантера?..

Кизс, наконец, не удержался и написал письмо Вудварду, робко испрашивая разрешения взглянуть на находку, о которой в Лондоне ходят самые противоречивые слухи. Но, к своему удивлению, ответа он не получил. Впрочем, приглашение посетить музей Южного Кенсингтона все-таки последовало: оно достигло Кизса 2 декабря 1912 года, на следующий день после публикации в газете «Манчестер Гардиан» сенсационного сообщения об эпохальном открытии мистера Чарлза Даусона, юриста и антиквара из Луиса и известного палеонтолога, сотрудника Британского музея доктора Артура Смита Вудварда. В заметке, взбудоражившей Англию, отмечалось, что в раскоп-

ках на юго-востоке Англии, в Суссексе, около местечка Пильтдаун, расположенного в долине реки Узы, принял участие французский аббат, специализирующийся по палеонтологии и геологии, Пьер Тейяр де Шарден. Газета считала для себя высокой честью первой сообщить джентльменам, что подробности, связанные с находкой необычных останков древнейшего человека Европы, а следовательно, и первого англичанина, Даусон и Вудвард намереваются сообщить почтенной публике ровно через три недели, 18 декабря 1912 года, в лекционном зале Барлингтон Хауз Королевского геологического общества Британии.

Со смешанным чувством обиды, досады и недоумения выехал сэр Артур Кизс вечером 2 декабря в Южный Кенсингтон, чтобы осмотреть находку, призванную «ниспровергнуть» основы сложившихся представлений о путях эволюции человека и времени появления Homo sapiens. Это был почти унизительный визит не только потому, что его, по существу, пришлось вымаливать эксперту высокого класса, проконсультироваться с которым посчитал бы за честь любой из антропологов Европы и Америки, но и оттого, что Кизсу предоставлялось всего двадцать минут на осмотр фрагментов черепа. Многое ли можно отметить за такое короткое время?

Антрополог прибыл в Южный Кенсингтон поздним вечером. В большом зале музея, обычно ярко освещенном, все огни были потушены. Кизса пригласили пройти в кабинет. Когда он вошел в сумрачную комнату, из-за стола поднялся поджидавший посетителя суровый аскетичный Вудвард и сухо, предельно кратко приветствовал его. Кизсу не оставалось ничего другого, как быть столь же сдержанным: «Добрый вечер, сэр». Вудвард молча указал на стул, а затем, резко вытолкнув ящик стола, извлек из него несколько обломков костей и бережно разложил их перед Кизсом. «В вашем распоряжении 20 минут»,— напомнил он. В кабинете наступила гнетущая тревожная ти-

шина, прерываемая лишь легким стуком о дерево тяжелых костяных фрагментов. Каждый из настороженно молчавших собеседников сосредоточенно занимался своим делом — Кизс брал, внимательно со всех сторон осматривал обломок за обломком и осторожно возвращал каждый из из них строго на то место стола, куда положил его Вудвард, а хозяин кабинета отрешенно углубился в мысли о чем-то своем, вероятно, далеком от интересов гостя. Его, кажется, нимало не интересовало впечатление, которое производят на Кизса эпохальные находки, ознакомиться с которыми он приглашен в столь поздний час.

Вудвард думал о том, что не сложись жизненные обстоятельства столь удачно, то, возможно, их роли с Кизсом были бы как раз противоположными — он сидел бы в кабинете антропологии в Королевском колледже Сардженс и с трепетом рассматривал те же обломки черепа. Но что значат прочные связи с миром любителей науки — все началось с того, что его старый друг Чарлз Даусон, контакты с которым по вопросам древней фауны стали особенно частыми с 1909 года, прислал ему 14 февраля 1912 года письмо, где были такие строчки: «Я обнаружил между Акфилдом и Крауборо очень древний плейстоценовый слой, перекрывающий Гастингский горизонт. Мне он представляется тем более интересным, что в нем залегал толстый обломок черепа человека. Таким, по-видимому, должен быть череп гейдельбергского человека»... Можно представить, как удивился бы Кизс, узнай он тогда, что письмо со сведениями об открытии части черепа ископаемого человека прислано не ему, известному антропологу, а палеонтологу млекопитающих Вудварду. А почему бы, собственно, не получить такое письмо Вудварду с его большим опытом геолога и палеонтолога, авторитетного в суждениях, тем более, что они знакомы с автором послания более четверти века и неоднократно работали вместе?

Вудвард, зная разборчивость Даусона, сразу оценил важность открытия. Он тогда же написал ему письмо,

обещая приехать в Суссекс так быстро, как будет возможно, и подробно осмотреть находки и породы, в которых они сделаны. В записке содержался также беглый намек на нежелательность «преждевременных сообщений о находке». До чего же приятно иметь дело с понятливым человеком — в письме от 28 марта Даусон писал: «Я, конечно, соблюдаю осторожность, чтобы никто из тех, кто имеет какое-либо представление о предмете, не увидел обломков черепа, и оставляю его для Вас. Я поджидаю Вас, чтобы мы могли вместе посмотреть гравий. Место расположено недалеко от Акфилда и сделать это будет приятно». Даусон понял также нежелание его, Вудварда, совершать экскурсии с местными любителями — он уже ни слова не писал о совместной прогулке с его другом Эдгаром Вилбетом. О том, что место открытия обломков черепа действительно заслуживает внимательного осмотра, Вудвард не сомневался — ровно год назад до получения письма ему доставили из Луиса небольшую посылочку с двумя обломками зубов и камнем. Даусон просил: «Не определите ли его (зуб) для меня? Я думаю, что наибольший из обломков принадлежит гиппопотаму...». Вудвард ответил 28 марта 1911 года: «...Это предкоренной гиппопотама, а камень — кусочек песчаника».

К сожалению, намеченный на март 1912 года визит в Луис не состоялся из-за плохой погоды. Даусон сообщил, что «сейчас дороги, ведущие туда (к месту находки), развезло, а о раскопках и говорить нечего». К тому же, Вудварду в апреле пришлось выехать в Германию для изучения динозавров. Однако Даусон времени не теряя — в письмах от 20 апреля и 12 мая сообщалось о поисках «продолжения гравиевого горизонта в районе первоначальной стоянки». Наконец, 23 мая пришло еще одно письмо Даусона с волнующим известием: «Вчера мне принесли обломок черепа и некоторое количество разного хлама, найденного с ним или около него в гравиевом слое. Я осмотрел находку и заметил: «Ну, как это для Гейдельберга?».

Что ж удивительного в том, что уже на следующий день, 24 мая, Даусон прибыл в Лондон, и они встретились в одной из комнат Британского музея. Вудвард вспомнил, какое ошеломляющее впечатление произвели на него пять массивных темно-коричневых обломков черепа, найденных в слое с двумя зубами гиппопотама, зубом южного стегодонового слона и несколькими поблескивающими, как бы отлакированными кремнями с бесспорными следами обработки. Счастье само просилось в руки, и когда мистер Даусон, как всегда предельно ненавязчиво и непринужденно, еще раз пригласил Вудварда посетить Луис (письмо от 27 мая — «2 июня начинаем копать гравиевый слой, и Тейяр де Шарден будет со мной. Он совершенно очарователен! Вы присоединитесь к нам?»), он решил, наконец, совершить давно запланированный визит, тем более приближался уикэнд...

Прошло более полугода с того времени, как он и Тейяр де Шарден в сопровождении Даусона прибыли в Пильтдаун на ферму Баркхам Манер, которую арендовал мистер Кенвард, любезно разрешивший вести раскопки на территории усадьбы, однако в память врезалась каждая самая незначительная деталь хода работ, которые проводились в течение всего лета, большей частью в конце каждой очередной недели. Число участников раскопок было минимальным: помимо Даусона, Вудварда и Тейяра де Шардена, в них принял участие в качестве подсобной рабочей силы только один землекоп Венус Харгривс. Посторонних в Пильтдауне почти не бывало. Лишь изредка поинтересоваться ходом дел заходил любопытствующий Кенвард с дочерью Мэйбл и своими друзьями, да иногда заглядывали приятели Даусона Эдгар Вилбет и Луис Аббот, любители-геологи.

Все это позволяло сократить до предельно возможного преждевременное распространение слухов о результатах исследований пильтдаунского гравия.

Рассказать, между тем, было о чем, поскольку ни один

из участников раскопок не покинул к осени 1912 года Пильтдаун, не сделав какой-нибудь волнующей находки. В первый же или, возможно, второй день раскопок повезло Тейяру де Шардену — сначала он извлек из гравия обломок зуба стегодонового слона, а затем в горизонте над гравием обнаружил заостренное, темно-коричневое по цвету кремневое изделие, напоминающее по форме рубило, но со следами сколов лишь с одной стороны. Ни один из кремней, ранее найденных Даусоном в гравии, не мог соперничать по выразительности с находкой отца Тейяра! Позже последовали ряд следующих друг за другом открытий кремней, близких по внешнему облику эолитам, загадочным камням, обработанным не то природой, не то человеком. Даусон уверял, что именно первобытный человек имеет отношение к этим камням. Через некоторое время, чтобы проверить свое впечатление, он показал их, а также другие находки известному эксперту по эолитам Луису Абботу, тому самому Абботу, который нашел в 1897 году в так называемом слое слонов, отложений знаменитого Кромерского лесного горизонта в Норфольке, дошелльские кремневые орудия. Как потом написал в одном из июньских писем Даусон: «Аббот не сомневается в использовании пильтдаунских эолитообразных кремней человеком и в целом оценивает открытие в Баркхам Манер как величайшее». Что Аббот действительно так считает, Вудвард убедился лишний раз всего неделю назад, когда 24 ноября получил от него письмо, в котором тот обращал его внимание на свои заслуги в изучении пильтдаунских гравиев. Аббот старался убедить Вудварда в том, что если бы он настойчиво не подталкивал Даусона, то тот бы никогда не сделал открытия! Старая идея-фикс Аббота — именно он, как дельфийский оракул, предрекает все выдающиеся находки в Суссексе... Но разве не примечательно, что ему пришла в голову мысль связать свое имя с исследованиями в Пильтдауне, о чем и намекалось довольно прозрачно в письме? Он подталкивал Даусона, челове-

ка, который всегда старался засекретить от всех свои разведочные маршруты? Пожалуй, такое вряд ли возможно! Однако все это пустяки, суета сует...

Что же было потом?

Вслед за открытием Тейяром де Шарденом оббитого кремня удача, да еще какая, пришла к Даусону — в ненарушенной части гравия, лежащего на дне ямы, частично залитой водой, ему посчастливилось найти большой обломок правой половины нижней челюсти с двумя коренными зубами. Прошло немного времени и наступила очередь радоваться Вудварду: всего в ярде от места открытия челюсти, в небольшой кучке мягкой земли и гравия, выброшенных из ямы рабочими, он нашел небольшой обломок затылочной кости черепа человека. Немногим более чем через месяц снова наступил триумф Даусона — в присутствии Тейяра де Шардена он выявил среди россыпей гравия фрагмент правой теменной кости черепа!

Фортуна не оставляла удачливых исследователей до самого конца сезона — им посчастливилось выискать в гравии и желтоватой глине еще два обломка черепа человека, четыре зуба животных, в том числе мастодонта, носорога и бобра, а также кремень со следами обработки. Кроме того, на поверхности прилегающего к карьеру поля удалось найти зуб лошади и обломки рога оленя Cervus claphus. О том, что они происходили из слоя гравия или перекрывающего горизонта, не было сомнений — рога и зуб имели характерную темно-коричневую окраску. Работа требовала большого внимания и осторожности: гравиевый слой сначала разбирался с помощью лопат и ножей, а затем просмотренная земля просеивалась сквозь частое сито. Большую часть времени отняло просеивание гравия и глины, оставленных рабочими на краю ямы, где они добывали мелкий камень. Раскопки же в ненарушенных участках были большей частью случайными, но и они приводили, как правило, к счастливым открытиям. Под особо бдительным контролем держался все время впервые заня-

тый на археологических раскопках Венус Харгривс — ведь он мог просмотреть какую-нибудь кость или оббитый камень, а тем более эолит: темно-коричневый и красновато-бурый железистый цвет бесценных находок сливался с коричневато-ржавым фоном россыпей углеватых камней гравиевого горизонта. Все, однако, кончилось благополучно — двенадцать экземпляров разного рода культурных остатков удалось обнаружить в Пильтдауне в первый же сезон.

Вудвард взглянул на Кизса, продолжавшего с напряженным вниманием рассматривать фрагменты черепа из Пильтдауна, и попытался представить, какие мысли вызывают у него необычные экспонаты. Сделать это было не так уж трудно, поскольку сам Вудвард не так давно пережил сходные чувства, когда Даусон доставил в Лондон и показал ему пять обломков черепной крышки, кремни и зубы животных. Впрочем, впечатления Кизса должны быть еще более усилены не только тем, что фрагментов черепной крышки стало почти вдвое больше (девять), но главным образом оттого, что рядом с ними лежала совершенно потрясающая по неожиданности находка Даусона — часть нижней челюсти с двумя коренными зубами. Конечно, обломки черепа и сами по себе не могут оставить равнодушным даже видавшего виды антрополога — тяжелые, бесспорно минерализованные, темно-коричневые по цвету, что заставляет признать их большую древность, они, к тому же, имеют сразу же бросающуюся в глаза необычайно значительную массивность. Толщина фрагментов черепной крышки из Пильтдауна составляет 10—12 миллиметров, то есть почти вдвое превосходит по массивности черепные кости современного человека! А между тем в Пильтдауне все же найдены, судя по главным определяющим особенностям, части черепа Homo sapiens, а не обезьяночеловека вроде неандертальца, а тем более питекантропа.

Однако главная изюминка, раскрывающая глубинную

суть невиданного доселе открытия, состоит в том, что вместе с обломками черепной крышки человека разумного найдена совершенно обезьянообразная часть нижней челюсти. Вудвард помнит, как вначале ошеломила и поставила его в тупик правая ветвь челюсти, извлеченная Даусоном у него на глазах со дна ямы из прослойки гравия. Она сразу же вызвала в памяти вид челюсти шимпанзе и орангутанга, но это не была, Вудвард готов в этом поклясться, челюсть современной обезьяны: шоколадно-коричневый и коричневато-красный цвет глины, характерная сетка мелких трещин, покрывающих ее поверхность, сглаженность и мягкая округлость участков разлома в районе подбородка и там, где некогда располагались клык и предкоренные зубы,— все подтверждало глубокую древность находки...

Так что же — в Юго-Восточной Англии найдены ископаемые остатки антропоидной обезьяны? Как просто решил бы Вудвард проблему, если бы представилась возможность спокойно остановиться на этом выводе! Но все дело в том, что у него не было твердой уверенности в справедливости такого заключения: во-первых, точный диагноз затруднялся досадным отсутствием как раз тех частей челюсти, которые позволили бы без труда сделать определение — подбородка, участков восходящей ветви, которые раскрывают характер совмещения челюсти с черепом, и верхней части ее, где располагаются клык с предкоренными, а также краевой резец; во-вторых (и это по существу решало судьбу дела), жевательная поверхность коренных зубов имела, как у человека, почти идеально ровную, но не характерным образом скошенную, как у обезьян, плоскость износа, а это со всей определенностью свидетельствовало о том, что жевательные движения челюсти из Пильтдауна не отличались в существенном от движений челюсти Homo; и, наконец, в-третьих, можно ли сомневаться в принадлежности обезьянообразной челюсти массивному черепу Homo sapiens, если сам Вудвард все-

го в 92 сантиметрах от поразительной по неожиданности находки Даусона обнаружил затылочную часть того же черепа? Нельзя же, в самом деле, всерьез представить, что обломки черепной коробки и челюсти, вначале залегавшие, несомненно, в одном слое гравия на близком расстоянии друг от друга, принадлежали двум разным существам — человеку и обезьяне!

К тому же, чем внимательнее Вудвард анализировал особенности строения челюсти, тем больше убеждался в том, что она не могла принадлежать антропоидной обезьяне, современной или ископаемой, все равно. Разве не те же характерные черты отметил он, когда в Гейдельбергском университете осматривал обезьянообразную челюсть, найденную землекопами в карьере Мауэра? Зубы ее оказались человеческими по структурным деталям строения, а рама, напротив, отличалась ярко выраженными обезьяньими особенностями. Конечно, пильтдаунская челюсть совсем уж обезьянья, если не считать плоского износа жевательной поверхности коренных зубов. Она тонкая или, как говорят антропологи, грациальная, а коронки коренных, в отличие от соответствующих человеческих и гейдельбергских тоже длинные и узкие, как у обезьян. Однако кто знает, сколько времени разделяет обезьяночеловека из Гейдельберга и странное существо с челюстью обезьяны и черепом Homo sapiens, жившее миллион лет назад на берегу реки Узы в Суссексе? Нет, недаром Даусон, когда ему принесли из Пильтдауна очередной массивный обломок черепа, произнес поистине пророческие слова: «Как это для Гейдельберга?». Вудвард после недолгих колебаний пришел к выводу о том, что челюсть и череп принадлежали одному и тому же существу, древнейшему человеку Европы, а лучше сказать — всего Старого Света!

Было над чем поломать голову, и в этой ситуации особо примечательным фактом стало трехкратное появление в Пильтдауне на месте раскопок сэра Артура Конан-Дой-

ля, который работал в 1912 году над фантастическим романом «Затерянный мир». Знаменитого писателя с ходом раскопок и наиболее интересными находками знакомил сам Даусон. В письме Вудварду он с нескрываемой гордостью сообщал, что Конан-Дойль рассказ «записал и, кажется, очень взволнован черепом. Он любезно предложил поездить на его авто, когда я захочу!». Ох, уж этот Даусон с неистребимым пристрастием к общению с выдающимися личностями...

Кизс, между тем, размышлял над обломками черепа, перекладывая их на столе с места на место и стараясь представить точное взаимное расположение фрагментов. Вудвард в своих предположениях оказался прав — ход мыслей антрополога направлялся по единственно возможному руслу: в Пильтдауне действительно сделано открытие, поистине невероятное с точки зрения сложившихся у специалистов представлений о начальных этапах эволюции древнейших предков человека. Череп Homo sapiens и челюсть обезьяны — мог ли кто-нибудь додуматься до столь причудливой и, кажется, абсурдной комбинации? Но разве великий Дарвин и его выдающийся последователь Томас Гексли не рисовали в своем воображении сходный звериный образ предка — обезьянообразного по виду, вооруженного огромными клыками? Если верить заметке в «Манчестер Гардиан», в Пильтдауне вместе с обломками черепа найдены кости животных, живших на Земле в доледниковые времена более миллиона лет назад. Чего стоит, например, открытие обломков зубов слона стегодона, остатки которого никогда ранее в Европе не находили. Ведь это одна из древнейших и типичных разновидностей южноазиатского слона, современника питекантропа. Отсюда следовало, что на юго-востоке Англии найдена не только новая разновидность предка человека, но также ранее палеонтологам неизвестный фаунистический комплекс. Недаром же в списке костных остатков животных, обнаруженных при раскопках в Пильтдауне, помимо сте-

годонового слона, упоминаются не менее архаические и древние существа вроде этрусского носорога и слона меридианалис. А разве не удивительно открытие в северных широтах Европы гиппопотама? Да, такое редкостное открытие заслуженно призвано стать сенсацией века!

Кизс посетовал про себя на фрагментарность обломков черепной крышки — большая часть их не совмещалась друг с другом и поэтому при реконструкции ее встретятся трудности. Однако, разумеется, наибольшие сложности подстерегают Вудварда, когда он сделает попытку воссоздать облик всего черепа, ибо ему придется решать головоломную задачу гармонического совмещения по существу несовместимого: сапиентной крышки мозгового черепа с совершенно обезьянообразной по облику челюстью. Както Вудвард выйдет из затруднительного положения? Или он уже нашел выход?

Кстати, странно, почему в научных кругах Лондона распространились слухи о том, что новая находка в Пильтдауне подрывает его, Кизса, «еретическую эволюционную идею» о значительно более раннем появлении Homo sapiens, чем считают другие антропологи, отдающие предпочтение питекантропу и неандертальцам, как непременным ступенькам в эволюционном развитии человека. Разве не курьезно считать «бомбой, взрывающей идею-ересь», то, что, возможно, станет одним из самых блестящих подтверждений ее? В самом деле: одним из краеугольных положений гипотезы Кизса представляется очень раннее до эпохи неандертальцев и питекантропа появление на Земле сапиентного предка, обладающего большим по объему мозгом, заключенном в черепную коробку иного, чем у обезьянолюдей, типа. Ранее для подтверждения своего неожиданного для многих антропологов заключения он мог привести лишь факт открытия видным геологом Англии Е. Т. Ньютоном в 1896 году костей Homo sapiens в местечке Галли Хилл на берегу Темзы в графстве Кент. Они залегали в горизонте, который рассеянными в нем

костными остатками вымерших животных датировался временем около миллиона лет. К сожалению, открытию сопутствовало неблагоприятное стечение обстоятельств: пока Ньютон ходил за фотоаппаратом, чтобы зафиксировать условия залегания костей человека, их удалили из слоя, а затем участок открытия оказался уничтоженным при расширении карьера. Так что проверить наблюдения Ньютона не представлялось возможным. Не удивительно поэтому, что выводы его, которые он сделал в сообщении Геологическому обществу в Лондоне в 1896 году, встретили скептическое отношение. Знатоки вынесли вердикт: кости человека не могут датироваться древнее эпохи бронзы. Находки в Пильтдауне, хотя и вызывают сложные противоречивые впечатления, но встретят, судя по всему, иной прием. Но если случится именно так, то «забавная эволюционная ересь» получит очередное серьезное подтверждение!

— Благодарю вас, сэр, и поздравляю, — сказал Кизс, поднимаясь со стула.— Я не расспрашиваю о подробностях, надеясь услышать обо всем 18 декабря. Доброй ночи!

— Доброй ночи, сэр,— сдержанно ответил невозмутимый Вудвард.— Служитель откроет вам двери и проводит до ворот.

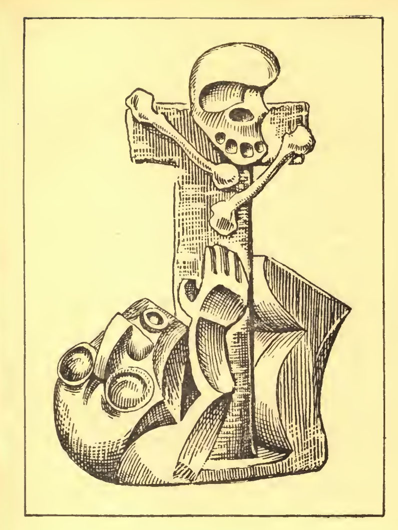
Кизс вернулся в Лондон поздним вечером и, несмотря на усталость, занес в дневник мысли, пришедшие ему в голову во время осмотра пильтдаунского черепа: «...Особенно интересны зубы челюсти и ее определенно обезьянообразный подбородок. Пожалуй, обезьяньи черты челюсти не должны удивлять, ибо если теория Дарвина разработана достаточно хорошо, то смесь обезьяньего и человеческого должна прослеживаться в самых ранних формах Homo. Не сомневаюсь, что открытие величайшее по значению и сделано оно в одном из самых невероятных мест: в Вилде Суссекса. Полезно все же, что историей занимаются не только специалисты, но также эсквайры, викарии, доктора, клерки и часовые мастера!..»

Вечером 18 декабря 1912 года огромный зал Барлингтон Хаус Геологического общества заполнился многочисленной и шумной толпой жаждущих услышать первое официальное сообщение об открытии в Пильтдауне, раскрывающем «неизвестную ранее фазу в ранней истории человечества, подтверждающем эволюционную теорию Дарвина и существование обезьянообразного предка». Старожилы не помнят, чтобы здесь собиралось такое огромное количество людей, наэлектризованных энтузиазмом. Великий подъем царил в кулуарах. Еще бы — наконец-то и Англия внесет свой вклад в решение проблемы происхождения человека! Волнующе прекрасная атмосфера ожидания сенсации охватила переполненный зал. Даже самые завзятые отшельники, которых в иное время не оторвать от бесконечных научных штудий и не извлечь из лабораторий, не могли удержаться и почтили своим драгоценным присутствием шумное собрание, хотя сделали они это лишь по случаю совершенной уникальности события.

Внимание всех привлекала реконструкция черепа, выставленная на небольшом постаменте рядом с председательским столом. Обломки черепной крышки и челюсть были искусно составлены вместе, а недостающие части восполнялись гипсом. Гостей поражала реконструкция сэра Артура Смита Вудварда: сразу же бросалось в глаза странное и причудливое смешение в черепе черт, характерных для обезьяны и человека. Черепная крышка не отличалась особо значительной высотой, теменная часть приплюснута, затылок — широкий. Вообще основание черепа было широким, как у всех примитивных образцов. Однако лобная часть выглядела почти прямой, как у черепов Homo sapiens, а не покатой, как у обезьянолюдей. Это впечатление усиливалось из-за отсутствия огромных надглазничных валиков, которые все привыкли видеть на черепах неандертальцев. В общем, несмотря на некоторый очевидный примитивизм мозговой коробки, она бесспорно могла

принадлежать Homo sapiens. Однако в каком резком контрасте с ней находилась лицевая часть, восстановленная на основании обезьянообразной челюсти! Огромные клыки выступали за линию зубного ряда. Они, как у обезьян, отделялись от предкоренных и боковых резцов диастемами, свободными промежутками, в которые как раз и вклинивались выступающие концы клыков. Ничего подобного никогда никто не видел у обезьянолюдей типа неандертальцев. На что уж примитивна гейдельбергская челюсть, но и у нее обезьяньих диастем не было. Не удивительно, что собравшиеся в зале, обмениваясь впечатлениями от осмотра реконструкции сэра Вудварда, говорили о недостающем звене, которое давно ищут последователи Дарвина. Слава создателю, на этот раз, кажется, до сих пор неуловимое дарвинское звено, наконец-то, поймано!

Председатель едва угомонил возбужденных джентльменов. Первое слово по праву предоставляется главному виновнику торжественного собрания — мистеру Чарлзу Даусону. Он расскажет об обстоятельствах, сопутствующих счастливому открытию, и остановится на геологической стороне дела. Давно желанный миг торжества наступил,— зал, затаив дыхание, приготовился слушать человека, о котором вскоре заговорят все. Он вышел к трибуне, спокойно улыбаясь, громоздкий, большелобый, лысеющий весельчак и энтузиаст, бескорыстный и преданный науке человек. Он начал говорить просто и скромно, без витиеватостей и волнений, приличествующих необычному моменту, и зал понял — с великим событием всегда соседствуют самые заурядные и обычные жизненные обстоятельства. Однажды летом 1908 года мистер Даусон прогуливался вдоль проселочной дороги вблизи общины Пильтдаун, что расположена в Флэтчинге графства Суссекс. Разумеется, это была не обычная бесцельная прогулка, поскольку таковых Даусон не предпринимает. Он отправился из Луиса, где теперь живет, в южные пределы Вилда, чтобы осмотреть попутно берега реки Узы. Неожиданно ему бросились



в глаза рассыпанные по дороге коричневатые кремни, необычные для этого района Суссекса. Вскоре удалось установить, что гравий для дороги добывают милях в четырех от участка, где он заметил кремни, на земле мистера Кенварда, который арендует ферму Баркхам Манер. Даусон отправился к месту деревенских разработок гравия и нашел примитивный карьер, а попросту говоря, яму в полутора километрах от русла реки Узы, на двадцатиметровом склоне древней террасы. Палево-желтые и темные железистые гравии, залегавшие сразу же под почвенным слоем на глубине от 35 сантиметров до 1,5—2 метров, показались ему очень древними, возможно, даже третичными по возрасту. Но уверенно об этом судить было нельзя, поскольку осмотр вскрытых ямой участков гравия не дал ни одной кости ископаемых животных. Рабочие, добывающие гравий для покрытия местных дорог, подтвердили, что они никогда не находили костей. Даусон попросил их присматриваться повнимательнее.

Разве не такая же просьба предшествовала открытию? Да, но развязка наступила значительно раньше.

В том же 1908 году последовало еще несколько визитов в Пильтдаун, однако, увы, безрезультатных. Но вот однажды при очередной прогулке в Баркхам Манер один из рабочих, копавшихся в яме, протянул постоянному посетителю странный предмет вроде конкреции, напоминавшей по цвету кусок железной руды. Землекоп назвал его в шутку, а может быть, и всерьез, обломком скорлупы кокосового ореха. Каково же было удивление Даусона, когда он установил, что фрагмент представляет собой правую теменную кость ископаемого черепа человека. Обломок поразил его необыкновенной толщиной, что намекало на неординарность открытия. Разочаровало лишь одно обстоятельство — несмотря на усиленные поиски в гравии в этот и последующие дни более никаких костей найти не удалось. Безрезультатными оказались также экскурсии в Пильтдаун в последующие три года, пока однажды в

1911 году Даусону не повезло еще раз — при осмотре размытых дождем гравиевых куч, представляющих собой выбросы из закопушки-карьера, он обнаружил фрагмент левой лобной кости того же массивного ископаемого черепа человека. После осмотра муляжа гейдельбергской челюсти ему показалось, что по пропорциям череп должен быть сходным с нею. Теперь он счел своим долгом поставить в известность о примечательном с его точки зрения открытии сэра Артура Смита Вудварда, который настолько заинтересовался находкой, что летом нынешнего года организовал на свои средства раскопки в Баркхам Манер. В результате удалось обнаружить обломки затылочной левой височной и правой теменной костей, а также фрагмент правой половины нижней челюсти с двумя коренными зубами. Удача сопутствовала также в открытии как изделий из камня, так и остатков ископаемых животных, что особенно важно, поскольку они позволяют датировать слой, в котором залегал череп, очевидно, разломанный рабочими при добыче гравия и частично выброшенный за пределы ямы.

Затем Даусон подошел к схеме геологического разреза, объяснил последовательность слоев и рассказал, какие находки встретились в каждом из них. Стратиграфия напластований оказалась предельно простой. В верхнем почвенном слое толщиной 35 сантиметров встречались керамика и кремневые орудия разных эпох. Глубже залегал непереотложенный горизонт палево-желтого гравия, в котором изредка прослеживались более темные включения. Толщина горизонта неравномерна — от нескольких сантиметров до метра. При раскопках его в средней части найдено триста сорок железисто-красных грубых палеолитических изделий шелльского типа, в том числе рубилообразный инструмент, зашифрованный в коллекции под № E606. Его посчастливилось найти отцу Пьеру Тейяру де Шардену. Однако наибольший интерес вызывает третий пласт, четко выделяющийся более темной окраской

на фоне двух предшествующих: именно в нем, в самом низу, среди окатанных угловатых железистого цвета кремней залегали обломки черепа, кости стегодона, мастодонта, бобра, носорога, а также коричневого цвета эолиты и, по крайней мере, один оббитый кремень дошелльского типа. Кости древнейших животных слегка окатаны водой — они, очевидно, вымыты из других горизонтов. Обработанные камни по технике изготовления подразделяются на дошелльские или шелльские и более ранние (эолиты). Согласно палеонтологическим и археологическим данным (шелльский кремень Е606 залегал выше, то есть в более молодом слое), череп человека следует уверенно датировать возрастом более или во всяком случае около миллиона лет. Следовательно, в Пильтдауне впервые на Земле открыт человек третичной эпохи, давно искомое недостающее звено!

Председатель предоставил слово сэру Артуру Смиту Вудварду. Он сначала методично и детально описал кости животных. Палеонтологические остатки, по его мнению, разделялись на две хронологические группы — древнюю (стегодон, носорог, мастодонт) и более позднюю (олень, лошадь, гиппопотам и бобер), которая, очевидно, и должна датировать череп. Затем Вудвард дал самое тщательное описание каждому найденному обломку черепа — их очертаниям, конструктивным деталям, форме, размерам, рельефу, раскрывающему характер прикрепления мускулов. Особенно подробно была представлена слушателям нижняя челюсть. В ней он не нашел почти ничего связывающего ее с человеческой челюстью. Лишь необычный для обезьян плоский износ коренных зубов, высота их коронки, форма внутренней полости да короткие обрубкообразные корни их, просвеченные с помощью рентгеновских лучей, отличали челюсть из Пильтдауна от антропоидной. В реконструированной из девяти обломков черепной коробке размещался мозг объемом в 1070 кубических сантиметров, что свидетельствовало о сходстве с черепом Homo sapiens,

хотя, впрочем, отмечались и некоторые обезьяньи черты. Вудварду, тем не менее, удалось выявить особенности строения, в согласии с которыми вынесен вердикт: обезьянья челюсть и черепная коробка принадлежали одному индивиду. Ясно, что такая комбинация должна занимать особое место в зоологической схеме. Поэтому сэр Артур Смит Вудвард имеет честь выделить новый род и вид человека. Что касается названия, то следует учесть глубокий возраст находки, «почти, если не абсолютно, соответствующий по времени гейдельбергской челюсти». По сути дела, это подлинная заря человеческой истории. Почему бы вследствие этого не назвать человека из Пильтдауна эоантропом — человеком зари? В имени его следует также подчеркнуть заслуги первооткрывателя мистера Чарлза Даусона, любознательности и усердию которого наука обязана многим. Итак, полное название нового недостающего звена — человек зари Даусона — Eoanthropos dawsoni. Он современник других первобытных людей Европы, но выгодно отличается от них. Что касается Англии, то по древности ни одна из находок не может сравниться с эоантропом. Фигурально выражаясь, он earliest Englishmen — самый первый англичанин!

Долго еще в Лондоне вспоминали шумный успех в Барлингтон Хаузе 12 декабря 1912 года, выпавший на долю Даусона и Вудварда. Пять из шести содокладчиков, которым была предоставлена честь высказать свои суждения о находках в Пильтдауне, поддержали в главном выводы участников раскопок. Знаменитый биолог Вильям Бойд Докинз согласился с Вудвардом в необходимости датировать эоантропа более поздним комплексом фауны из Баркхам Манер, а не остатками третичных животных. Ведь человек — продукт четвертичной эпохи и Англию он достигает лишь на средней ее стадии. Но и зто — глубокая древность, оправдывающая имя человека из Пильтдауна. «Что касается анатомической стороны дела,— продолжал Докинз,— то эоантроп предвосхищен воображением уче-

ных, разрабатывавших вопросы человеческой эволюции. Поскольку мозг развивался быстрее, чем происходили изменения в лицевых костях, в черепе эоантропа и наблюдается столь парадоксальное сочетание человеческой мозговой коробки и обезьяньей челюсти. Разве не такой образ предка рисовали Дарвин и Гексли?» Все было правильно, но что касается четвертичного, а не третичного возраста самого древнего англичанина, то, слушая рассуждения Докинза об этом, в зале посмеивались: что и говорить — Докинз и Вудвард известные консерваторы и люди осторожные. Слушателям более импонировал намек Даусона на третичный возраст человека зари. К тому же палеонтологи знали, что сам же Докинз датировал в 1903 году слои в пещере «Дыра дьявола» в Дербшире третичным временем, поскольку в них были найдены кости того же типа мастодонта, что в Пильтдауне. Но вот тот же мастодонт найден с черепом человека, и слой гравия датируется им четвертичным временем. Что и говорить — великие люди часто отличаются консерватизмом! «Парадокс человека и обезьяны» должен датироваться по крайней мере миллионом лет, какие тут могут быть сомнения? Кстати, к этому же склоняются известные геологи Клемент Рид и А. С. Кеннард, которые специально изучали древние отложения юга Англии. А разве не примечательно, что Кеннард датировал пильтдаунские гравии тем же временем, каким определяют возраст стофутовой террасы реки Темзы? Ведь именно в ее отложениях Е. Т. Ньютон обнаружил скелет в Галли Хилле и впервые заявил о существовании Homo sapiens в раннеледниковое время!

Сэр Рой Ланкастер не выразил никакого удивления по поводу совмещения Вудвардом обезьянообразной челюсти и человеческой мозговой коробки. Конечно же, то и другое принадлежало одному индивиду, поскольку находки располагались в одном слое и на небольшом расстоянии друг от друга. Основное внимание его, как и выступавшего несколько позже археолога департамента древ-

ностей Британского музея Реджинальда Смита, привлекли камни со следами обработки. Ланкастер определил их как атипичные и слабо подправленные. В целом каменная индустрия эоантропа не имеет, по его мнению, сходства с какой-либо известной или определенной индустрией. Грубость техники изготовления, а также коричневая патинизация, красноватая окраска изделий, очень близких по цвету с гравием третьего слоя, свидетельствуют о глубокой древности находок. Пожалуй, они в какой-то мере сходны с эолитами из Кромерского лесного слоя, и, кажется, лучший знаток их Рид Мойр согласен с такими аналогиями. Впрочем, если бы не столь специфическая окраска обработанных камней из Пильтдауна, то инструменты эоантропа можно было бы легко спутать с кремнями, что находят в изобилии на территории обрабатывающих мастерских и карьеров эпохи новокаменного века. «Поэтому нельзя не согласиться,— сказал в заключение сэр Ланкастер,— с выводом мистера Даусона о сходстве, за исключением, разумеется, железистой окраски, кремней из Баркхам Манер с грубыми каменными орудиями, которые встречаются иногда на поверхности около местечка Чокдаунса в окрестностях города Луиса».

Как бы, однако, ни были интересны геология, палеонтология и археология Пильтдауна, все же наибольшее внимание присутствующих в Барлингтон Хаузе привлекали вопросы, связанные с костными остатками эоантропа. Зал замирал в напряженном внимании, когда к трибуне подходили те, кто мог высказать суждение об антропологической стороне дела. После выступления орнитолога Пикрафта, полностью поддержавшего выводы Вудварда, слово взял признанный авторитет в области изучения мозга сэр Элиот Грэфтон Смит. Осмотр внутренней поверхности обломков черепной крышки и слепков с них привел его к выводу о том, что человек зари обладал самым обезьянообразным и примитивным мозгом из известных для Homo sapiens и обезьянолюдей образцов.

Особое внимание привлекли, конечно, высказывания лидера антропологов Англии Артура Кизса, поскольку все знали, насколько натянутыми и даже враждебными стали его отношения с Вудвардом после появления публикации в «Манчестер Гардиан». Кизс говорил о том, что он чувствует некоторую неуверенность, осматривая реконструкцию Вудварда, «хотя мысленно чувствует силу аргументов и логику фактов, приведенных им», что нужно некоторое время, чтобы взвесить силу и слабость позиции. Во всяком случае для него ясно, что в антропологии появилась «величайшая из проблем» и «замечательная головоломка», загадочность которой решить не легко. Антропологу трудно судить о периоде существования эоантропа, но судя по тому, что обезьянообразная челюсть его отличается от гейдельбергской, имевшей существенно человеческие черты строения, находку в Пильтдауне действительно следует датировать третичной эпохой, поскольку на изменения, заметные по гейдельбергскому образцу, требуется немалое время. В этом смысле эоантроп оправдывает свое название — он поистине человек зари. Кизс не видел ничего странного в совмещении обезьяньей челюсти и черепа Homo sapiens. Досадно, правда, что не сохранилась суставная часть восходящей ветви челюсти, но ямка в основании черепа показывает справедливость совмещения при том варианте реконструкции, которую предлагает сэр Вудвард. Правда, в целом реконструкция показалась Кизсу не совсем удовлетворительной. Он выразил удивление, как можно было из обломков, несомненно принадлежавших Homo sapiens, сделать столь шимпанзеобразный череп? Может быть, сделано это в угоду гармонии его с челюстью шимпанзе, которая хотя и восстановлена с замечательным искусством, но не придана ли ее раме, предкоренным и клыку слишком шимпанзеобразная форма?

А может быть, реставратор при восстановлении черепа эоантропа припоминал особенности строения черепа питекантропа с его шимпанзоидными структурами? Иначе

как объяснить такую небольшую высоту черепной крышки, ее приплюснутость и значительную ширину? Конечно, плоскость износа зубов коренных эоантропа действительно оказалась такой же, как и у коренного, найденного Дюбуа в Триниле, но стоит ли и в остальном оглядываться на питекантропа? Ведь теперь, после открытия в Пильтдауне, проблема недостающего звена с Явы выглядит совсем иначе. Во-первых, датировка питекантропа остается до сих пор неопределенной, даже после работ экспедиции миссис Зеленка, а геолого-палеонтологические проблемы, следовательно, и вопросы определения возраста отложений в Баркхам Манер не в пример Тринилу решаются удовлетворительно. Во-вторых, по полноте находок остатков черепа эоантроп не сравним со скудным материалом питекантропа. Какую бы часть проблемы недостающего звена ни взять, человек зари представляет значительно более полную картину древнейшей стадии эволюции человека. Эоантроп, судя по всему,— настоящее недостающее звено, а питекантроп — просто-напросто странный остановившийся в развитии на десятки миллионов лет пережиток обезьянообразного предка, не имеющий прямого отношения к родословной современного человека. Если человек зари Пильтдауна истинный предок Homo sapiens, то в таком случае и обезьянолюди типа неандертальцев представляют собой тупиковую ветвь эволюции. Вот в чем глубинное значение открытия в Баркхам Манер! Разве можно после находок мистера Даусона и сэра Вудварда сомневаться в очень раннем появлении на Земле человека разумного?

Кизс призвал вместе с тем продолжить работу над реконструкцией черепа. Ему казалось, что по объему мозга эоантроп приближался к 1500 кубических сантиметров, а что касается челюсти, то следует хорошенько подумать, каким должен быть клык, поскольку особенности строения его имеют принципиальное значение. Кизс высказал предположение, что клык эоантропа вряд ли должен быть

таким обезьянообразным и огромным, каким его представил при реконструкции Вудвард. В длину он должен составлять не 14,5 миллиметра, а около 10 и иметь почти человеческий вид, не выступая далеко за пределы зубного ряда.

Резким диссонансом со всеми остальными выступлениями прозвучала лишь речь профессора анатомии Королевского колледжа Ватерстона. Он удивился, как можно всерьез обсуждать вопрос сочетания чисто обезьяньей по типу челюсти и черепа, который мог принадлежать рядовому лондонцу. Функциональная ассоциация их, утверждал Ватерстон, попросту невозможна. Поэтому трудно говорить, что череп и челюсть принадлежали одному индивиду. Совмещать то и другое столь же противоестественно, как, скажем, пытаться приладить стопу шимпанзе к соответствующим костям ноги человека. Выход из затруднительного положения Ватерстон видел в признании разновременности челюсти и черепа. Ведь факт, что в Пильтдауне обнаружены кости животных, относящиеся к разным эпохам, да и каменная индустрия явно подразделяется на два обособленных хронологических блока!

В ответном слове Вудвард решительно отверг предположения Ватерстона. Он снова обратил внимание слушателей на сходство в цвете черепа и челюсти, их, по-видимому, одинаковую минерализацию, открытие их в непосредственной близости друг от друга, на отсутствие натяжки в функциональной связи сапиентного черепа и обезьяньей челюсти, поскольку у последней отмечен необычный для антропоидов плоский износ зубов. Логически абсурдно предполагать, что в одном слое рядом найдена челюсть обезьяны без черепа и череп человека без челюсти. Вудвард продолжал также настаивать на своей реконструкции внешнего облика клыка эоантропа. С помощью вылепленного из пластилина муляжа он доказывал оправданность ее и в заключение сказал, что если его интерпретация верна, то в случае открытия клыка он будет

определенно сходен с клыком шимпанзе. Лишь учитывая свободное передвижение челюсти, износ его будет отличаться от обезьяньего и напоминать человеческий...

Триумф Даусона и Вудварда был беспрецедентным. Председатель под ликующие возгласы наэлектризованных диспутом зрителей поздравил их с удачей и пожелал успеха в предстоящих раскопках, которые, как он надеется, конечно же, будут продолжены. Барлингтон Хауз опустел поздно ночью.

Среди публики, покидающей заседание, не было более недоумевающего очевидца знаменитого события, чем геолог Е. Т. Ньютон. Он никак не мог понять, почему корифеи, столь холодно встретившие в 1896 году его сообщение об открытии в Галле Хилле древнейшего Homo sapiens, теперь покровительственно приветствуют Даусона и Вудварда, которым повезло в том же самом. Может быть, все дело в том, что череп человека имел не обезьянью, а обычную человеческую челюсть?..

Зимние месяцы и весну заняла у Даусона и Вудварда подготовка предварительной публикации материалов Пильтдауна — в 69-м томе «Квартального журнала Геологического общества Лондона» резирвировалось место для статьи «Об открытии палеолитического человека и челюсти человека в кремнистом гравии, перекрывающем вилдские (гастингские) слои в Пильтдауне (Флэтчинг) Суссекс». Элиот Смит обещал написать к статье специальный «Appendix». В то же время лучший специалист Британского музея по изготовлению муляжей, ближайший сотрудник Вудварда доктор Барлоу изготовил превосходные гипсовые копии обломков черепа и челюсти эоантропа. Первооткрыватели европейского недостающего звена не могли себе позволить риска демонстрировать подлинные находки, не имеющие себе равных по ценности. К обломкам пильтдаунского черепа по-прежнему никто не до-

пускался. Специалисты получили возможность изучать останки самого древнего англичанина лишь после того, как получили слепки Барлоу. В апреле-мае 1913 года они были высланы Элиоту Смиту, Кизсу, Пикрафту, Ф. Г. Парсонсу, Ле Грос Кларку, А. С. Ундервуду, Г. Ф. Осборну, Г. Вейнерту, Алешу Хрдличке и Теодору Маккоуну. Тейяр де Шарден повез в Париж муляжи, изготовленные для Марселена Буля.

На середину лета планировалось еще более важное предприятие — сто членов Геологической ассоциации Британии получили специальное приглашение Чарлза Даусона посетить Пильтдаун и осмотреть гравий, в котором залегали остатки эоантропа, кости животных и камни со следами обработки. 12 июня 1913 года Баркхам Манер посетила многолюдная экскурсия джентльменов из Лондона. Среди них находились известные специалисты по геологии, палеонтологии, анатомии и археологии. Никогда еще арендатор Кенвард не видел такого количества важных господ, ступающих по его земле. Пояснения давал не только Даусон. Луис Аббот обратил внимание Кизса и Кеннарда на ряд примечательных особенностей гравия Пильтдауна. Джентльмены с удивлением осматривали склон древней террасы Узы, ставшей теперь историческим местом особого значения. Они, вероятно, со смущением думали о том, что с их не очень хорошей наблюдательностью они вряд ли обратили бы внимание на мало чем примечательную яму размером 10×50 ярдов. Да и с чисто профессиональной точки зрения Пильтдаун, пожалуй, самое невероятное место, чтобы предполагать открытие ископаемых человека и животных. К тому же надо учесть, что толщина гравия составляет всего 18 дюймов, но именно в нем, в одном, по существу, месте обнаружены кости, нигде более в Южной Англии не встреченные! Какой же проницательностью и интуитивным чутьем нужно обладать, чтобы, во-первых, обратить внимание на Пильтдаун, оценить его значение, а затем в течение ряда лет посе-

щать эти ямы для добычи гравия. Следует ли поэтому удивляться, что экскурсанты слушали Даусона с почтительным вниманием. Разумеется, находились и скептики — Барб, в частности, удивился, почему стоянка, если она столь древняя, так «мелка (слой почти на поверхности) и ограниченна», а А. Г. Вейдж высказал сомнение археологу Реджинальду Смиту относительно правильности геологической интерпретации вопроса. Но кто же, в самом деле, мог рассчитывать на единодушие такой огромной компании? Тем более известно, что вряд ли найдутся в мире два геолога, которые сразу же согласились бы с однозначным решением. Короче говоря, организаторы экскурсии и ее участники остались довольны друг другом.

Тем временем раскопки в Баркхам Манер продолжались в конце каждой недели летних месяцев 1913 года. Правда, вопреки ожиданиям, успех долго не возвращался к Даусону и Вудварду — их работа в гравиевой яме была безрезультатна до конца августа. Квадрат за квадратом просеивался специально рассыпанный за пределами ямы гравий, до этого многократно промытый дождем. Все тщетно! Но стоило Даусону пригласить на помощь в Пильтдаун возвратившегося из Франции в Гастингс Тейяра де Шардена, как удача сразу же стала сопутствовать друзьям. В субботу 30 августа в конце дня, просеивая гравий, извлеченный на участке рядом с местом открытия челюсти, гость из Парижа обнаружил то, что возбудило наибольшие споры в Барлингтон Хауз — клык правой половины челюсти эоантропа! Это была ошеломляющая по неожиданности находка, надежда выискать которую в россыпях гравия практически равнялась нулю. Вудвард, копавшийся рядом, похвалил Тейяра де Шардена за наблюдательность, взял у него клык и, бегло осмотрев его, показал ликующему Даусону, а затем положил в карман. Палеонтолог долго не мог прийти в себя — как бы это ни казалось невероятным, но клык по форме был идентичен вылепленному из пластилина муляжу! Прав-

да, длина клыка оказалась короче — миллиметров 11, близкой к цифре, названной Кизсом, а не им (14,5), но было не ясно — обломан ли приостренный, как у антропоидов, кончик зуба или изношен. Однако радовало главное — манера износа клыка напоминала человеческий: следов соприкосновения с верхним боковым резцом не наблюдалось. В то же время Вудварду показалось, что клык, по цвету близкий другим остаткам черепа, мог бы скорее происходить из челюсти гориллы, чем шимпанзе. Этого только не хватало в находках Пильтдауна!

Раскопки следующего дня снова привели к успеху и опять отличился Тейяр де Шарден — он нашел среди гравия разломанные на две половины хрупкие носовые косточки, в точности соответствующие косточкам, характерным для Homo sapiens. Во время работ 1913 года удалось, кроме того, найти четыре обломка зуба животных и три кремня, возможно, со следами искусственной подправки. Таким образом, общее количество находок составляло теперь двадцать экземпляров.

16 сентября 1913 года сэр Вудвард выступил в Бирмингеме на собрании Британской научной ассоциации с сообщением об открытии клыка и косточки переносья. Этот доклад, прочитанный затем еще раз в воскресенье вечером в декабре в Королевском колледже, привлек всеобщее внимание, поскольку каждый понимал, насколько важен клык для окончательного определения статуса челюсти. Позиция Вудварда представлялась теперь очень сильной — зубы эоантропа, оказывается, не обезьянообразны, а лишь «отличны в некотором отношении от человеческих». Следовательно, челюсть действительно можно совмещать с черепом. Находка клыка сломила многих скептиков в Англии, за исключением, впрочем, упрямца Ватерстона, который продолжал оставаться на «дуалистической позиции», убеждая, что в Пильтдауне обнаружены остатки двух индивидов — обезьяны и человека. Кизс тоже выразил удивление по поводу слишком большой изно-

шенности клыка — ведь в челюсти, которой он, судя по сходству окраски, принадлежал, третий коренной еще не полностью прорезался. О том, что такого износа не может быть, заявил также знаменитый зубник В. К. Лайн. Даусон оспаривал выводы Кизса и Лайна, высказав предположение о возможности частичного разрушения поверхности зуба земными бактериями. «К тому же,— недоумевал он,— разве клык почти не идентичен по форме муляжу, показанному в Барлингтон Хаузе?» Даусона поддержал А. С. Ундервуд: «Зуб абсолютно такой, как выставленный в Британском музее муляж. Судя по снимку, сделанному в лучах Рентгена, клык фоссилизован, ибо в полости его видны характерные мелкие зерна. Поверхность износа, видная на снимке, не вызывает каких-либо вопросов. В частности, в лучах заметен вторичный дентин, свидетельствующий о естественности износа».

Разумеется, все в действительности обстояло не так просто, как представлялось слушателям. Самого Вудварда не раз одолевали сомнения в связи с каким-то туманным сходством зуба с клыком гориллы. Лишь два письма Даусона, присланные в ноябре и декабре 1913 года, в которых он обращал внимание «доброго старого друга» на некоторые особые черты клыка из Пильтдауна, в какой-то мере внесли успокоение. Даусон привел детальное описание клыка самки гориллы и сопроводил письмо хорошим рисунком. Затем 26 ноября он прислал клык гориллы и просил, чтобы Барлоу сделал с него слепок. Вудвард имел случай воочию убедиться в том, что он превосходит его по размеру. Вообще их не имело смысла сравнивать. Что касается носовых косточек, то здесь Вудварду все было с самого начала ясно: они больше напоминали косточки носа меланезийских и африканских рас, чем евразийских. Однако ни о какой негроидности их не могло быть и речи. По толщине носовые косточки соответствовали черепной крышке, поэтому ни у кого не возникли сомнения о принадлежности их черепу человека зари.

О том, что Пильтдаун далеко не исчерпал своих сюрпризов, показали раскопки 1914 года. В этом сезоне Даусон и Вудвард обнаружили такое изделие, что впечатлительный и экспансивный в выражении чувств Кизс назвал его наиболее поразительным из открытого в Баркхам Манер и наиболее удивительным из всех пильтдаунских откровений. Речь шла о находке дубинкообразного изделия из кости, напоминавшего биту для игры в крокет. Следует сказать, что отношения Кизса и Вудварда вообще начали постепенно налаживаться. Их сближала одинаковая оценка «истинности значения» открытия в Пильтдауне, а также «любовь и расположение в отношении Чарлза Даусона, любителя-антиквара». Старые раны обид, вызванные тем, что череп эоантропа с самого начала не попал в его руки, постепенно зарубцовывались, и поэтому, когда однажды при входе в кабинет в колледже поджидавший Кизса джентльмен представился как Чарлз Даусон, известный антрополог радушно поприветствовал его и «приятно провел с ним вместе целый час». Как заметил потом Кизс, «открытая честная натура и широкие знания Даусона расположили его ко мне». Даусон, в свою очередь, высоко оценил внимание, которое Кизс «уделил его собственному ребенку — пильтдаунскому человеку». Позже состоялось более близкое знакомство с сэром Докинзом. И вот уже антрополог незаметно вошел в когорту «объединенных защитников прав эоантропа». Одним словом, как любил говорить Кизс, «все хорошо, что хорошо кончается». А противоречия в науке — признак жизни!

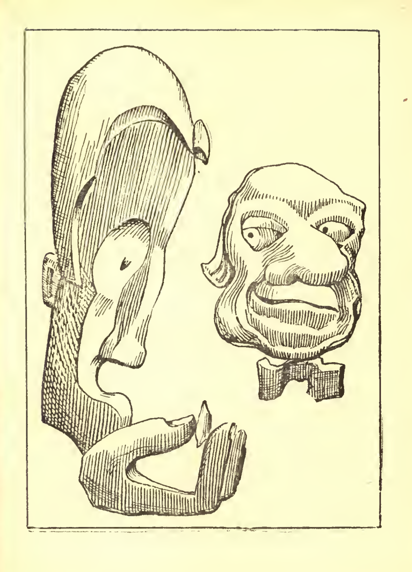
Поистине в Баркхам Манер не заскучаешь,— к такому выводу пришли Даусон и Вудвард, когда с разрешения Кенварда, сдвинув забор, расположенный в нескольких футах от кучи гравия и ямы, рабочий наткнулся на массивную крупную, разломанную на две части, кость, сколотую с верхней тыльной части бедра какого-то гигантского древнего слона. Кость залегала в темной растительной почве на глубине около фута, но по красновато-коричне-

вой окраске и прилипшим к поверхности кусочкам желтой глины Даусон и Вудвард определили, что она первоначально находилась в основании гравиевого горизонта, в котором обнаружены обломки черепа эоантропа. Около приостренного конца кости прослеживались следы ударов лопаты. Они были сделаны, очевидно, в момент, когда рабочие добывали гравий в яме, а затем выбрасывали его наружу. Нижний круглый конец кости и верхний острый несли на себе отчетливые следы срезов, сделанных острым орудием, конечно же, до того, как кость окаменела. Этот загадочный инструмент, нечто вроде примитивного наконечника или копалки, в длину достигал 41, а в ширину 9—10 сантиметров. Толщина острого конца составляла 5 сантиметров.

Открытие в Пильтдауне обработанной кости стало сенсацией первого ранга. Еще бы — до сих пор археологи предполагали, что использование первобытным человеком такого материала начинается около 50 тысяч лет назад, не ранее. И вдруг раскопки в Баркхам Манер начисто опровергают старые представления — более миллиона лет назад эоантроп с помощью примитивных каменных орудий успешно освоил технику строгания кости! Мастерство его и сила не могли не вызвать удивления: твердая, плотная кость с трудом поддавалась резанию стальным ножом, теслом и пилой, а также оббивке с помощью молотка, а тут простым камнем отделано такое орудие. С боку около острия были замечены, кроме того, следы сверления. Значит, и этот технический прием стал известным эоантропу. Назначение инструмента оставалось тем не менее неопределенным из-за уникальности формы его — никогда никто из археологов ничего подобного не находил. Разумеется, скептики не замедлили поздравить ученый мир с «новой проблемой Пильтдауна», а Реджинальд Смит заявил, что по его мнению, «кость, возможно, обрабатывалась и использовалась в недавнее время». А. С. Кеннард, к тому же, выразил сомнение в том, что кость обрабатывалась

в свежем состоянии. Порой выдвигались прямо-таки фантастические предположения: известный специалист по древнекаменному веку Анри Брейль всерьез утверждал, что обломок бедра слона грызли бобры. Ведь недаром в гравиях Пильтдауна найден клык древнего бобра! Стоит ли перечислять заявления вечно брюзжащих скептиков, если их голоса заглушили крики восторга многочисленных поклонников человека зари?

Кажется, бóльшую опасность представляли, однако, непрекращающиеся атаки на главный пункт концепции Вудварда — совместимость челюсти и черепной крышки. В Англии сомневающихся, кроме Ватерстона, почти не осталось, а вот отклики из-за рубежа после получения муляжей обломков черепа эоантропа были не всегда благоприятными. Марселен Буль объявил, что челюсть из Пильтдауна в точности соответствует челюсти шимпанзе, и если бы ее нашли отдельно, то антропоида, которому она принадлежала, следовало назвать Troglodytes dawsoni — шимпанзе Даусона. Что же касается интерпретации Вудварда, то хотя он и считал ее в пределах реально возможного, даже вероятного, но в целом оставлял вопрос открытым. Геррит Миллер из США тоже нашел челюсть эоантропа абсолютно идентичной шимпанзе, но, учитывая древний возраст антропоида, предложил назвать ее особым именем — Pan vetus. Сходные мысли высказали Вильям Грегори (Нью-Йорк), Генри Осборн и М. Рамстром (Упсала, Швеция). Другие антропологи, однако, считали, что челюсть принадлежала не шимпанзе, а ископаемому орангутангу. Об этом написали итальянец Ф. Фрассето, ученик Франца Вейденрейха Г. Фридрихс и Адольф Шульц, профессор Цюрихского университета. Они ссылались на необычную для зубов шимпанзе высоту коронки и форму внутренней полости. Вейденрейх, соглашаясь с таким определением, обратил внимание на отсутствие на нижнем крае челюсти определенных деталей рельефа, связанных с прикреплением мускулов. Такая



черта характерна для челюсти орангутанга. Фридрихс предложил выделить новый род антропоидной обезьяны и назвать орангутанга из Пильтдауна бореопитеком (Boreopithecus). Что касается черепа, то для него, по его мнению, характерны все черты любого из современных черепов англичан. По тем же, очевидно, причинам Антони протестовал против названия эоантропа и предлагал другое — Homo dawsoni, человек Даусона. К такому же заключению пришел одновременно Джуффрида-Руджери.

Таким образом, зарубежные антропологи поддержали в большинстве «дуалистическую позицию» Ватерстона — они предпочитали говорить о двух, а не одном индивидууме, открытом в Пильтдауне. В ответ английские антропологи обратили внимание на восемь характерных особенностей строения челюсти эоантропа, по которым ее не только следует считать человеческой, но и фундаментально отличной от челюстей высших обезьян. Страсти, как и в случае с питекантропом, накалились до предела,— Миллер в ответ язвительно заметил, что ни одна из восьми особенностей не делает «человечной» челюсть в том смысле, в каком считаются человеческими обломки черепной крышки и носовых костей эоантропа. Каждая из особенностей просто общая для антропоидов и человека, а потому в счет не может быть принята. Нельзя также не считаться с тем, что человек зари из Пильтдауна уникален. Ни одна из находок в других местах не подтверждает такого необычного сочетания обезьяньей челюсти и человеческого черепа. Это делает сомнительными попытки исключить из прямой родословной человека разумного обезьянолюдей вроде неандертальцев и питекантропа.

Критики наверняка были бы осторожнее, знай они, что случится на берегах Узы в 1915 году. Все началось с получения Вудвардом почтовой карточки Даусона, отправленной 20 января: «Я верю,— писал он,— что счастье снова возвращается к нам. Мне удалось получить обломок левой стороны лобной кости черепа с частью орбиты...»

26 февраля Даусон побывал в Лондоне и передал фрагмент Вудварду. Прямоугольный обломок черепа по цвету и толщине удивительно напоминал находки в Баркхам Манер, однако Даусон обнаружил его в другом месте — в 2—3 километрах от карьера в местности Шеффилд Парк среди груды камней, собранных граблями со вспаханного поля. В июле месяце последовали новые находки — часть затылочной кости черепа человека, первый (или второй) коренной зуб правой ветви нижней челюсти, близкий пильтдаунским коренным, и обломок зуба носорога. Поскольку этот вид животного найден в знаменитых Красных Крагах, да и по виду кость напоминала сборы оттуда, древность человека из Шеффилд Парка не вызывала сомнений. Его, как и пильтдаунские остатки, следовало датировать миллионом лет. Но главное заключалось в том, что новая находка Даусона разрушала уникальность открытия на Баркхам Манер — в Шеффилд Парке обнаружен тот же физический тип человека: мозговая коробка у него не отличалась от коробки Homo sapiens (сохранившаяся часть орбиты ясно показывала, что надглазничного валика череп эоантропа не имел), а челюсть, судя по зубу, была обезьянообразной. Знакомое сочетание, что, естественно, в значительной мере, если не сказать — решительным образом, усиливало позицию Вудварда. Не могла же, в самом деле, странная случайность повториться дважды!

Из-за войны весть о новом открытии Даусона распространялась медленно. Когда же, однако, после 1916 года антропологи узнали о находке, то в рядах скептиков произошло замешательство. Добрые вести пришли из Парижа — Буль признал реальность эоантропа. Немецкий антрополог Ганс Вейнерт осмотрел в Лондоне извлеченные из сейфа обломки черепа пильтдаунского человека и тоже стал сторонником Вудварда. Особенно непреклонный противник защитников человека зари лидер американских палеонтологов Генри Фэрфилд Осборн посетил

Британский музей, вместе с Вудвардом смотрел находки Пильтдауна, выслушал его аргументы и в конце беседы воскликнул удивленно: «Парадоксально — как это могло появиться, о Создатель, тем не менее это истина! Можно лишь возблагодарить господа, что бомбы цеппелинов миновали эту сокровищницу, Британский музей, и, главное, не уничтожили бесценные пильтдаунские находки». Вудварда не удивляли обращения к Создателю. Он знал, что престарелый лидер увлекся в последнее время религией.

Все это не означало полного прекращения критики концепции Даусона—Вудварда. Но теперь англичане ополчились против скептиков единым фронтом, причем каждый в отдельности выступал не в целом по проблеме, а «специализированно» — Пикрафт отбивал атаки Геррит Миллера и его коллег в связи с их наскоками на челюсть, сэр Ланкастер старался развеять сомнения по поводу орудий эоантропа, Ундервуд для защиты избрал необычные зубы обезьяньей челюсти. В связи с открытием новых обломков черепа оживилась работа по реконструкции черепа самого древнего англичанина. Элиот Грэфтон Смит и Джон Хантер нашли дополнительные примитивные черты в черепе, в частности затылок, по их мнению, должен быть короче. Подсчеты Смита показали, что объем мозга эоантропа составлял 1260 кубических сантиметров. Особенно много времени правильной реконструкции уделял Артур Кизс. Его теперь менее всего волновала проблема челюсти. Главное — доказать свою правоту в восстановлении конфигурации черепа. Новая его модель дала объем мозга в 1410 кубических сантиметров. Вудвард тоже внес кое-какие изменения в свою реконструкцию, но объем мозга эоантропа остался тем же — 1070 кубических сантиметров. В связи со значительными расхождениями и появившимися сомнениями в возможности восстановления черепа по столь фрагментарным и немногочисленным обломкам, Кизс согласился на предложение профессора Лондонской медицинской школы госпиталя Томаса

Ф. Г. Парсонса на проведение контрольного опыта. Анатомы, коллеги Парсонса вырезали из современного черепа четыре фрагмента, соответствующие по форме пильтдаунским, и за сутки до опыта доктор Дуглас Деррп из университетского колледжа вручил их Кизсу. Знаменитый антрополог блестяще справился с задачей: его реконструкция оказалась близкой контрольному черепу. Кизс торжествовал, однако переубедить Вудварда ему не удалось.

Даусон мог быть доволен — известность и слава, о которых он мечтал, щедро обрушились на него. Впредь описание ни одного из открытий останков предков не обходилось без сравнения с недостающим звеном из Суссекса, а следовательно, и без упоминания имени первооткрывателя. Но судьба распорядилась так, что наслаждаться желанным счастьем пришлось недолго — уже в конце 1915 года он заболел, а к лету 1916 года болезнь прогрессировала настолько, что он не принял участия в раскопках в Пильтдауне, которые, впрочем, оказались полностью безрезультатными. 10 августа 1916 года Даусон скончался. Ему было всего 52 года. Елена рассказывала потом, что муж перед самой смертью очень хотел что-то сказать, но так и не смог произнести ни слова, и его последнее желание навсегда осталось тайной...

Природа не любит раскрывать своих тайн. Она мстит любопытным.

А. Виноградов

История третья

БЭБИ РАЙМОНДА ДАРТА

— Хэлло, старина Бернард! Мне кажется, эта проклятая жара окончательно доконала вас — настолько пасмурно, угнетенно и, я бы сказал, меланхолично выражение вашего лица.

Редактор отдела новостей популярной вечерней газеты города Иоганнесбурга «Star» («Звезда») Бернард Георг Пауэр, вот уже добрый десяток минут задумчиво и без видимого интереса осматривавший выставленные за стеклом витрины книжные новинки, вздрогнул от неожиданного обращения к нему и повернул голову. Рядом стоял высокий стройный человек, одетый в белую с короткими рукавами рубашку, небрежно выпущенную поверх светло-серых парусиновых брюк. Его узкое сухощавое лицо с длинным, слегка приплюснутым на кончике носом и глубоко посаженными большими темными глазами, с арками густых бровей над ними, добродушно улыбалось. Большой

рот с энергичными узкими линиями губ, выступающий вперед мягко-округлый волевой подбородок, типичный для англосакса,— до чего же характерные черты облика!

— А, профессор Дарт, добрый день! — почтительно пожал смущенный Пауэр протянутую руку.— Рад вас видеть. Прошу извинить меня: задумался и никого не замечаю. Да, вы правы, жара убийственная. Ох уж этот мне засушливый сезон на юге Африки, который всегда так долго, медлительно, почти бесконечно тянется. Он всегда выводит меня из равновесия. Но, признаться, гораздо более печально другое. Полоса засухи с некоторых пор охватила и отдел новостей моей газеты. Чувствую — давно нужно нечто такое, что пощекотало бы и взбудоражило нервы читателей, но увы и еще раз увы... Одним словом, засуха, всюду засуха, и меланхолия прессы имеет некоторое оправдание. Не так ли?

— Пожалуй,— с готовностью согласился Раймонд Дарт с собеседником, которого он знал как большого и знающего любителя разных, но обязательно волнующих мир научных проблем, среди которых, вероятно, первое место занимала антропология. Эта страсть стала одной из главных причин их дружеских отношений. Встречаясь, Дарт и Пауэр подолгу беседовали на темы, связанные с анатомией и неврологией, чем профессору приходилось по роду своих занятий и интересов заниматься вот уже в течение двух лет в медицинской школе при университете Витватерсран Иоганнесбурга.

— Ваше сочувствие, дорогой Дарт, не скрою, приятно, но что мне от него? — продолжал сокрушаться Пауэр, вытирая платком мокрую от пота лысину.— Вы антрополог — так дайте мне что-нибудь интересное, вроде, например, питекантропа или, на худой конец, неандертальца. Вот тогда отдел новостей покажет зубы, а издатель «Star» вновь убедится, что редактор Бернард Георг Пауэр недаром ест свой хлеб! Я не случайно вспомнил о питекантропе. Вы слышали, что американцам удалось убедить

Дюбуа открыть сейф с черепной крышкой обезьяночеловека с Явы?

— Я читал об этом, но, к сожалению, не в вашей почтенной газете,— улыбнулся Дарт.

— Все газеты вновь помешались на темах, связанных с недостающим звеном,— воскликнул Пауэр с оттенком возмущения.— Мой отдел новостей, однако, сохраняет сдержанность, и не случайно. Ведь речь идет о старом открытии. Дайте нам новые факты, и «Star» тоже скажет свое слово о недостающем звене.

— Поистине сама судьба свела нас здесь с вами, Бернард,— торжественно, но с полной серьезностью сказал Дарт.— Поскольку вы требуете не только сочувствия, но также чего-то более весомого, а главное, полезного для отдела новостей, то так и быть скажу вам по секрету — «Star», вероятно, будет иметь скоро новость высшего ранга. Возможно, действительно в моих руках теперь есть нечто мировое по значению, и, разумеется, это нечто связано с вопросом происхождения человека...

Если бы внезапно в пламени разверзлась земля и поглотила все вокруг или при ясном солнечном небе загрохотал гром и на изнемогающий в пекле Иоганнесбург хлынул ливень, то и тогда вряд ли лицо Бернарда Пауэра отразило бы даже сотую долю того изумления, которое вызвали в нем слова Дарта.

В мгновение ока от меланхолии редактора не осталось и следа. Опомнившись от шока и взяв себя в руки (руководителя отдела новостей ничто не должно удивлять!), Пауэр прежде всего постарался удостовериться, не разыгрывает ли его Раймонд Дарт. Профессор, однако, сохранял серьезность, поэтому Пауэр мгновенно привел в действие все то, что обеспечивало в конечном счете успех в работе изворотливого репортера. Он превратился в само внимание, и Дарту внезапно показалось, что он видит перед собой азартного, беспредельно захваченного пылом борьбы игрока.

— Это «нечто» примитивнее неандертальца? — бросил пробный шар Пауэр.

— О, да! Несравненно примитивнее любого из неандертальцев,— ответил спокойно и даже несколько равнодушно Дарт.

— Может быть, в ваши руки попало «нечто» более примитивное и древнее, чем обезьяночеловек?

— О, значительно более примитивное и древнее, чем питекантроп! — с большой серьезностью подхватил игру Раймонд Дарт, который славился среди друзей как непревзойденный мастер подобного рода сцен.— Я называю это «нечто» — my baby[1].

Бернард Пауэр, сгорая от нетерпения, обрушил на посмеивающегося Дарта поток вопросов, демонстрируя незаурядную осведомленность в палеоантропологии. Он искусно расставлял сети-ловушки, стараясь выудить у профессора нужную информацию: речь идет о недостающем звене? Что представляет из себя бэби? Какие обстоятельства сопутствовали открытию? Как и кто первый узнал о находке? Где находится образец, и можно ли осмотреть его? Когда, наконец, появится первая научная публикация, и может ли он, Пауэр, сейчас же, немедленно объявить об открытии в разделе новостей вечерней газеты «Star»?

— Давай по порядку, дружище Бернард! — взмолился ошеломленный Дарт.— Не могу же я, в самом деле, отвечать на все сразу. К тому же у нас достаточно времени, чтобы поговорить спокойно и не торопясь, ибо ни о какой информации в газете не может быть речи до тех пор, пока не выйдет из печати статья, которую я послал в лондонский журнал «Nature»[2]. Бэби находится в моем доме, но фото его можно осмотреть сейчас же. Для этого стоит

---

[1] Мой малыш.

[2] «Природа» — один из популярнейших естественно-исторических журналов мира.

лишь зайти в редакцию «Star» и обратиться к моему старому другу и фотографу вашей газеты Лену Ричардсону...

— Как, Лен Ричардсон, с которым я объездил половину Африки, знал о находке и даже фотографировал ее, но ни словом не обмолвился мне? — возмутился Пауэр.— Хорошенькие дела: в поисках достойных «Star» новостей сбиваешься с ног, а в это время у меня под носом в редакции происходят события, о которых я понятия не имею. Клянусь — Ричардсону это даром не пройдет!

— Лен ни в чем не виноват, Бернард,— принялся успокаивать Дарт разбушевавшегося редактора.— Это я уговорил его хранить наш секрет в тайне, и, извини меня ради бога, специально предупредил относительно тебя. Мне не хотелось раньше времени возбуждать ненужные толки и ажиотаж. Обещай не терзать упреками Ричардсона, а я в знак признательности готов нести тяжкий крест интервью угодной тебе продолжительности...

— Обещаю,— примирительно буркнул Пауэр и, подхватив под руку Дарта, направился к подъезду соседнего с книжным магазином дома, в котором располагалась редакция вечерней газеты.

Они заскочили на несколько минут в лабораторию Лена Ричардсона, где Бернард Пауэр, не обращая внимания на хозяина, бегло осмотрел извлеченные из сейфа контрольные отпечатки с негативов «портрета» таинственного бэби, а затем направились в кабинет редактора отдела новостей. Шествуя по коридору, Пауэр на ходу отрывисто и резко отдавал распоряжения своему помощнику: «Новую пачку бумаги! Побольше остро очиненных карандашей! Полдюжины бутылок минеральной воды и виски со льдом! Через час доставьте нам ленч! В кабинет ко мне никого не пускать!..». Плотно прикрыв дверь кабинета, Пауэр усадил гостя в кресло, а сам, удовлетворенный, устроился напротив за громоздким, заваленным книгами редакторским столом и на минуту задумался, с чего же начать разговор. Размышляя, он пришел к выводу, что читателям

«Star» следует непременно представить не только бэби, но и, конечно, его «отца» — профессора медицинской школы университета Витватерсран Раймонда Дарта. Открытие определенно не случайно связано с его именем, а не кого-то другого из ученых Иоганнесбурга, занимающихся антропологией.

— Страсть к изучению человека проявилась у вас, очевидно, еще в мальчишеские годы? — задал свой первый вопрос Пауэр.

— Я должен сразу же разочаровать вас, Бернард, поскольку ничего подобного не могло быть в нашем семействе, одним из первых переселившихся из Англии в Австралию. В строгости и религиозности воспитывались как я, так и восемь моих братьев. На ферме отца разводился скот, и само собой разумеющимся считалось, что каждый из нас до того, как отправиться в школу, будет пасти животных. Если же говорить о детских мечтах, то мы, наблюдая, как изнемогают в труде родители, жаждали открыть золото и облегчить благодаря этому их жизнь. Правда, копаясь в земле, я с друзьями находил иногда кости животных, а порой даже шлифованные каменные топоры, однако и то и другое мало волновало меня.

— И все же, как мальчик, выросший на ферме, заинтересовался антропологией? — настойчиво допытывался Пауэр.

— Сначала проявилась, пожалуй, любовь к медицине. После окончания грамматической школы в Ипсвиче в 1911 году я решил специализироваться по медицине в университете города Квинсленда. Здесь впервые увлекся зоологией. По-видимому, были какие-то успехи, ибо меня в числе других студентов послали продолжать учебу в колледж Эндрю города Сиднея. Мы должны были совершенствовать знания по биологии. И вот тут-то и случилось то, что, возможно, послужило толчком к моим будущим увлечениям. В июле 1914 года в Сиднее открылась конференция Британской академии развития науки, и ме-

ня спросили — не хочу ли я стать на время ассистентом анатома Артура Смита, брата знаменитого антрополога Элиота Грэфтона Смита. Можно ли мечтать о более почетной привилегии для студента? Естественно, я согласился и в течение нескольких дней работал в специально отведенной для меня комнате, где отбирал кости конечностей и старался, согласно заданию, выделить на них определенные структурные детали. Затем открылась конференция, и я мог впервые воочию видеть выдающихся деятелей науки Европы и Америки, известных до этого мне лишь по изданным ими книгам и статьям. Это было десять лет назад, но я до сих пор помню, какое сильное впечатление произвела на меня популярная лекция главного гостя конференции Элиота Смита, он говорил об эволюции мозга. Я не спал всю ночь, думая о том, как было бы хорошо работать под его руководством.

4 августа работу конгресса прервали — началась мировая война. Многие наши преподаватели ушли в армию, но нас оставили завершать обучение. И здесь мне снова повезло: руководитель анатомического факультета профессор Джеймс Уилсон, продолжавший научные исследования ночью в свободное от военной службы время, предложил мне стать его ассистентом. Уилсона занимали неврологические проблемы, особенно эволюционная структура мозга, что оказалось созвучным моим интересам. Стоит ли говорить, как я обрадовался! В течение трех лет, до 1917 года, продолжалось наше сотрудничество, и влияние Уилсона на мое формирование как специалиста и даже на мои повседневные привычки оказалось настолько огромным, что, признаться, до сих пор иногда ловлю себя на том, что мыслю стандартами моего учителя из Сиднея. Не думаю, чтобы я отличался какими-то особыми способностями, вероятно, сыграли роль наши личные контакты, а также общность интересов, но факт остается фактом — профессор пошел на беспрецедентный в истории колледжа шаг, назначив меня на пост демонстратора анатомии.

Обычно это считалось привилегией аспирантов-медиков.

Особенно важные для моей судьбы события произошли после того, как я отправился в Англию для прохождения военной службы в Медицинском корпусе. Последний год мировой войны застал меня во Франции, и, когда со всей остротой встал вопрос о том, чем я буду заниматься после демобилизации, неожиданно выяснилось, что профессору Элиоту Смиту, который в это время возглавлял королевский университетский колледж Сарджен с, требуется демонстратор. Мне определенно везло с этой должностью! Можете представить, Бернард, какое волнение охватило меня, когда я услышал предложение работать рядом с одним из лидеров антропологии Великобритании. Но, отдавая отчет в сложности предстоящей деятельности, я ответил профессору Смиту, что не считаю себя достаточно подготовленным. Мне казалось, что на эту должность имеет больше оснований претендовать лейтенант Уиллард из Мельбурна, который значительно лучше меня знал анатомию. Элиот Смит сказал, что в таком случае он берет к себе нас обоих.

Годы работы и учебы рядом с выдающимся антропологом я считаю самыми счастливыми из прожитых. Профессор Смит оказался полной противоположностью тому представлению о людях гениальных, которое обычно складывается у простых смертных. Блестящий эрудит, человек, популярность которого среди антропологов безгранична, отличался исключительной простотой и доступностью. Высокий, всегда оптимистично и доброжелательно настроенный, румяный, седоволосый, он всегда был окружен теми, кто жаждал получить у него консультацию. Я сначала увлекся микроскопической анатомией, и Элиот Смит направил меня в Америку в Вашингтонский университет. Мне посчастливилось совершить путешествие по всей стране и ознакомиться с наиболее интересными научными центрами по медицине. Кстати, мою будущую супругу, очаровательную, как ты ее называешь, Дору Тай-

рек, уроженку Виргинии, я встретил во время этой поездки. Антропология по-настоящему стала моей страстью после возвращения из Америки в сентябре 1921 года. Не оставляя основной работы, я все свободное время возился с огромной «сравнительной коллекцией» мозга в музее королевского колледжа. Профессор Смит в это время увлеченно занимался новой реконструкцией пильтдаунского черепа, и палеоантропология, в особенности проблемы, связанные с происхождением человека, стали той областью интереса, которая захватила меня всего. Я не слишком многословен, Бернард?

— Напротив, совсем напротив, дорогой Дарт! Для меня теперь важна каждая деталь, поэтому продолжайте,— проговорил Пауэр, торопливо делая заметки на листе бумаги.— Почему же вы, однако, не остались работать в королевском колледже? А, понимаю — вы, как истинный почитатель Дарвина, конечно же, попросились работать туда, где, согласно идеям великого патрона, располагается родина человека — в Африку!

— Увы, дело обстояло далеко не так,— с грустью возразил Дарт и задумался, вспоминая сложные перипетии, связанные с отъездом в Южно-Африканскую республику.— Не скрою: я с удовольствием остался бы в Англии. ибо для ученого нет большего счастья, чем работать в кругу коллег, где он накапливает и совершенствует свои знания. Но что оставалось делать, если у Элиота Смита к моменту завершения моей учебы в колледже не предвиделось свободных вакансий. Начало двадцатых годов было тяжелым временем для Англии, и чтобы вы, Бернард, поняли, в каком тяжелом положении оказались специалисты, приведу лишь один пример. Выдающийся знаток микроскопической структуры нервной системы и анатомии человека профессор Кульчицкий, ученый с мировым именем, работал в колледже помощником лаборанта! Элиот Смит, понимая, что ему не удастся оставить меня при себе, после долгих дебатов со своим другом профес-

сором Артуром Кизсом, знаменитым исследователем пильтдаунской находки, нашли, наконец, вакансию и стали убеждать меня отправиться в Южную Африку.

После некоторых колебаний я согласился и зашел к Кизсу, который обещал подписать рекомендацию. Я с тоской слушал, как он, просматривая документы, хвалил меня за знания, «силу воображения и интеллекта», за неортодоксальность взглядов, «презрение к принятым мнениям и отчаянный порыв» в исследованиях. Все это хорошо, но отъезд в Иоганнесбург я все же рассматривал скорее как изгнание, а не водворение на профессорство. Кизс подписал рекомендацию. Единственное, что вызвало его возражения в бумагах, был мой ответ па вопрос анкеты о вероисповедании. Я написал: «свободомыслящий». Кизс, сокрушенно покачивая головой, настойчиво советовал написать — «протестант». «Не забывайте, куда вы едете,— предостерегал он меня.— В республике господствуют кальвинисты, а с ними лучше ладить миром». Я, однако, заупрямился и, считая этот вопрос принципиальным, не внес исправлений. Перед рождеством, в декабре 1922 года, «свободомыслящий специалист», ваш покорный слуга, вместе с Дорой отплыл в Африку. Можете представить, Бернард, мое настроение — вырван с корнем из центра антропологии, остались позади детство и любимые исследования, прощай общение с гигантами моей профессии, вроде Смита и Кизса. Впереди факультет анатомии и медицинская школа в новом и слабом университете Витватерсран....

При виде Иоганнесбурга наше настроение с Дорой испортилось окончательно. Мне кажется, этот печальный пейзаж с бесконечными рядами однообразных, покрытых железом и сложенных из красного кирпича построек, пустынные без единого деревца окрестности города могли убить наповал куда более крепких, чем мы. Добавьте к этому, что почти никто в Иоганнесбурге не знал, где находится медицинская школа, и мы с трудом нашли ее за

фортом, построенным еще во времена президента Крюгера. А затем началась работа в одном из зданий школы, во дворе которой не зеленело ни одного деревца. Недоставало элементарных пособий и инструментов, а коллеги не скрывали недружелюбия к выходцу из Австралии...

— Иначе говоря, ситуация не благоприятствовала размышлениям и мечтам о поисках предка человека в Африке? — спросил Пауэр, наливая в стакан Дарта доставленную из ледника минеральную воду.

— Признаться, в этом плане перспективы были с самого начала не из блестящих. По существу, к двадцатым годам Южная Африка все еще оставалась белым пятном на карте находок костных остатков ископаемого человека. Это не значит, что поиски его здесь не предпринимались. Еще в начале нашего века двадцатидвухлетний горный инженер Джонсон загорелся мечтой открыть следы древнего человека в Южной Африке. Он оказался талантливым разведчиком и обнаружил изделия из камня палеолитического облика. Они описаны в двух его книгах — «Каменные орудия Южной Африки», изданной в 1908 году, и «Доисторические периоды Южной Африки», вышедшей в свет в 1912 году. Согласно заключениям Джонсона, каменные изделия следовало датировать временем, начиная от современности и кончая эолитической стадией, то есть он выделил те же этапы, что и археологи в Европе. Эолитическая стадия! Это означало, Бернард, что человек мог появиться в Африке около миллиона лет назад. Возможно ли это? Не увлекается ли Джонсон? Очевидно, нет, поскольку последующие исследования миссионера любителя археологии Нэвиля Джонса на востоке пустыни Калахари подтвердили наблюдения горного инженера. К северу от Кимберлея около дороги на Булаваго в районе Таунгса и Тигрового ущелья Джонс нашел многослойное палеолитическое стойбище. В верхнем слое галечников и мергелей залегали орудия неандертальцев, ниже сильно окатанные водой изделия из кварцита ашельского типа, а еще ниже

шелльские и дошелльские. Это еще один показатель появления человека на юге Африки за миллион лет до нашей эпохи! Примечательно при этом, что стойбище найдено около Таунгса. Запомните это название, Бернард, мы еще вернемся к нему.

Но хотя и интересны оббитые рукой древнейшего человека камни, как все же обстояло дело с открытием костных остатков самого человека? Когда в лаборатории Элиота Смита я попытался найти какие-либо материалы из района, куда мне предстояло ехать, то выяснилось, что кроме слепка мозговой полости черепа так называемого боскопского человека в коллекции ничего более не хранилось. Как мне удалось установить, эта первая находка ископаемого человека в Африке сделана была в Трансваале, к северу от реки Вааль около Боскопа, милях в 150 к востоку от Таунгса. С юга в Вааль впадает река Моори, на восточном берегу которой фермер Бота построил дом и распахал поля. Летом 1913 года Бота задумал прокопать через поле дренажную канаву. И вот в ярдах 80 от реки на глубине почти 5 футов рабочий наткнулся на какие-то страшные кости. Бота созвал соседей, и они долго обсуждали вопрос — человеческие ли они. Затем все пришли к выводу, что как бы то ни было, а находку следует отослать в музей. Так и сделали — кости отправились в путешествие за 500 миль в порт Элизабет. Директор музея Фитцсимонс пришел в восторг от посылки — в ней оказались сильно минерализованные кости, вне сомнения принадлежащие ископаемому человеку, первому из найденных в Южной Африке! Фитцсимонс немедленно отправился в далекий путь на ферму Бота. Туда же вскоре выехали сотрудники Кейптаунского музея. Во время обследования места находки удалось найти еще несколько костей скелета и грубо оббитые камни. Так был открыт боскопский человек, оказавшийся близким аборигенам — бушменам и готтентотам. Вот тогда-то слепок мозговой полости и послали Смиту, а затем и череп переправили в Англию

Пикрафту, который передал его в Еестественно-исторический музей Южного Кенсингтона.

Королевское научное общество Южной Африки пыталось привлечь внимание антропологов к находке первого ископаемого человека на континенте, но тщетно — всех тогда увлекла полемика, связанная с пильтдаунским человеком, а затем разразилась мировая война. Лишь в 1917 году Сидней Хутон описал в Кейптауне череп из Боскопа и прочитал доклад перед королевским обществом. Стало сразу ясно, что ни о каком недостающем звене в данном случае не может быть и речи — объем мозга боскопского человека составлял 1832 кубических сантиметра! Это была, несомненно, ископаемая форма Homo sapiens, довольно широко распространенная в Африке. Во всяком случае, в 1921 году, через девять лет после открытия боскопского человека, Фитцсимонс вместе с сыном при раскопках на юго-восточном побережье Южной Африки в сотне миль от порта Элизабет открыл большое число новых погребений. Они располагались в одном из навесов богатого пещерами ущелья Цицикама прибрежной префектуры Кейп. Здесь на самом берегу моря в огромной раковинной куче, в которой встречались обломки древних горшков, а также орудия и украшения из камня и кости. Фитцсимонс нашел могилы, прикрытые плитами и камнями. На некоторых из плит были выгравированы изображения человека. В двадцати пяти погребениях, пять из которых располагались в древнейших горизонтах раковинной кучи, нашлись ожерелья из раковин, орудия из камня, россыпи красной охры. Умершие лежали в скорченном положении, как палеолитические гримальдийцы в Европе.

Фитцсимонс переслал мне в прошлом, 1923 году костные остатки, найденные в ущелье Цицикама. Я реставрировал один из черепов. Объем мозга его оказался равным 1750 кубическим сантиметрам. Это был все тот же боскопский человек, который по объему мозга превосходил

средний уровень, характерный для европейцев. У современных аборигенов Южной Африки объем мозга значительно меньше. Получалось так, что здесь люди с большим мозгом исчезли, а с малым остались и дожили до современности! Мой помощник Горден Лайинг изучил восемь черепов и пришел к заключению о возможности сопоставления их с представителями современных рас Африки. Мне кажется, эта находка впервые открывает возможность разгадки появления на континенте бушменов Калахари, которые вместе с пигмеями Конго представляют желтую расу Африки, черных негров центральных районов и коричневых хамитов севера. Итак, Африка — родина трех расовых разновидностей современного человека этой части света? Возможно. Однако наиболее сложный вопрос заключается в том, насколько глубоки в африканской земле «корни боскопцев», иначе говоря — имеют ли они местных предшественников, стоявших на стадии если не питекантропа, то хотя бы неандертальца?

— Очень интересно! — воскликнул Пауэр.— Меня чрезвычайно увлекает прелюдия вашего открытия, дорогой Дарт. Так как же — есть или нет корни?

— Думаю, да, но прослежены они пока на территории Родезии. За два года до моего прибытия в Иоганнесбург прошли слухи об открытии при работах в карьере Брокен Хилл загадочного черепа, который отличался необыкновенно примитивными чертами строения. Перед отплытием из Англии мне посчастливилось увидеть этот череп. Его впервые демонстрировали публике на заседании Анатомического общества...

— Извините, профессор, но читатели «Star» желают знать также и подробности открытия в Брокен Хилле!

— Вот как! — засмеялся Дарт.— Аппетит приходит во время еды? Ну что ж, извольте. Обстоятельства этого события известны теперь с достаточной подробностью, хотя сообщения африканских газет были в свое время полны противоречий, фантастических подробностей и несущест-

венных деталей. Район Брокен Хилл располагается в 150 милях к северу от реки Кафуэ, на северо-западе Родезии. Здесь страна большей частью плоская, почти полностью лишенная леса. В дождливый сезон она превращается в болото, и пристанище можно найти лишь на склонах невысоких округлых известняковых и песчанистых холмов, зато в засушливые сезоны нужно прокопать землю на глубину не менее 18 футов, прежде чем покажется вода. В середине девяностых годов прошлого века геологи установили, что холмы Брокен Хилла содержат богатые пласты руды цинка, свинца и ванадия. Начались их разработки, а лет через десять появились первые сообщения об открытии на склонах двух известняковых холмов навесов и трещин с обширными и мощными костеносными линзами. За редким исключением, кости животных в них оказались сильно раздробленными, а смешаны они были так, что никогда не встречались вместе остатки, принадлежавшие одному скелету. Находки примитивных орудий, изготовленных из кварца и кварцитовых галек, принесенных, определенно, издалека, раскрыли загадку скопления костей. Они представляли собой кухонные отбросы человека каменного века. Заметьте для себя, Бернард, что навесы на склонах Брокен Хилла до сих пор используются бушменами, которые, к тому же, не разучились выделывать орудия из камня, предпочитая кварц!

Но ближе к делу. Согласно сообщению инженера Франклина Вайта, в 1907 году шахтеры, разрабатывавшие северо-восточную сторону холма Брокен Хилл, неожиданно открыли вход в большую пещеру, заполненную песчанистой глиной. Крышу ее украшали превосходные белые, красные и коричневые кристаллы фосфатного цинка. Они же выступали на поверхности глины, в которой вскоре начали встречаться минерализованные кости животных, в большинстве раздробленные на части, а также кварцевые и кремневые орудия, напоминающие по виду бушменские.

Многие тонны костей пошли после дробления в печи на переплавку, поскольку содержали высокий процент полиметаллов. Только потом на кости и на обработанные камни обратил внимание Франклин Вайт. Он купил часть находок и передал в музей Булаваго, где их позднее изучали Мэннэл и Габб. Впоследствии кости передали в Британский музей. Их осматривал Эндрюс, высказавший уверенность, что они принадлежат в основном животным современных разновидностей.

Главное открытие, однако, случилось значительно позже — 17 июня 1921 года. К этому времени рудные разработки достигли глубины 90 футов относительно окружающей поверхности. Давно прошло удивление, вызванное первым открытием костей. Теперь на их обломки, часто сливающиеся со свинцовой и цинковой рудой, никто более не обращал внимания, и когда позже рабочих спросили, что это были за кости и где встречались, они ничего определенного не могли ответить. Известно, тем не менее, что сначала в глубине холма на пути рудокопов встретилось новое скопление костей, а затем со стороны, где первоначально велись работы, неожиданно раскрылась огромная дыра, которая наклонно уходила куда-то вниз. Содержимое пещеры, являющейся продолжением известной ранее, изымалось рабочими по мере углубления шахты. В тот день, 17 июня, шведского горняка Цвигелара и его помощника черного туземца Анджело послали добывать руду в самом глубоком из карьеров Брокен Хилла. Они приступили к работе, радуясь, что порода на их участке не камениста, а относительно мягка, а содержание свинца в камнях, которые откалывались от стенок ударами кайлы, кажется, довольно высоко.

Около 10 часов утра, после очередного удара кайлы Анджело, Цвигелар заметил, как из стенки шахты неожиданно вывалился какой-то «шар» и покатился к ногам. Бегло взглянув на него, Цвигелар разогнулся пораженный: на него уставились глазницы черепа. Но до чего же

странным и необычным оказался этот череп! Он был настолько зверообразным и не похожим на человеческий, что Цвигелар принял его за череп большой гориллы. Осмотр места, откуда вывалился «шар», показал, что на этом участке располагается мелкая труха и скопление костей летучих мышей. Череп покрывала неопределенная, плохо сохранившаяся масса, «защитное покрывало», возможно какой-то частично фоссилизованный материал или кожа животного, в которую некогда завернули череп. Ее обрывки валялись здесь же. Цвигелар, несмотря на свое не очень высокое образование, понял, что его и Анджело находка может представлять большой интерес для науки. Прервав работу, он направился в управление рудника, где намеревался показать череп чиновникам. Через несколько минут ему встретился инженер-металлург Армстронг, который немедленно направился в рудник и стал осматривать место находки. Там же в скором времени оказался рудный инженер Баррон, руководитель работ в копях Брокен Хилла, сделавший в своем блокноте беглые записи об условиях и обстоятельствах находки. Армстронг и Баррон попросили Цвигелара и Анджело обратить внимание на возможные находки других костей человека, особенно нижней челюсти.

Довольный оказанным ему вниманием, первооткрыватель отправился к владельцу рудника господину Макартнею и вручил ему череп. Затем они спустились в шахту, и хозяин отдал распоряжение сделать несколько снимков черепа на участке забоя, где он лежал тысячелетия. При съемках не были забыты и Цвигелар с Анджело, которых фотографировали вместе с находкой на фоне пластов поблескивающей при свете шахтерских ламп свинцовой руды. Затем Макартней передал череп физику компании Уоллесу с просьбой присоединить к нему другие находки, которые, возможно, последуют в скором времени, а Цвигелар и его помощник принялись с энтузиазмом дробить породу.

Однако новая удача последовала далеко не сразу. Лишь после полудня в трех футах в стороне от участка, где залегал череп, из каменистого грунта удалось извлечь берцовую кость левой ноги человека, а в 8—10 футах на значительно более низком уровне кайла Анджело наткнулась на огромный череп пещерного льва с великолепно сохранившимися зубами. Есть также сведения, правда, не подтвержденные самим Цвигеларом, что невдалеке от черепа найден кварцитовый шар, по-видимому обработанный человеком. Но совершенно точно известно, что нижнюю челюсть, которую искали и на следующий день, так и не посчастливилось обнаружить. Пласт мощностью около 30 футов, довольно бедный рудой, продолжался на некоторое расстояние в глубь пещеры. Выше его и дальше залегали толщи более богатые, и когда рудокопы разобрали их, то открылся новый участок пещеры, наполненный громадным количеством костей животных. Их, однако, вряд ли имеет смысл связывать по времени с захоронением черепа, обнаруженного Цвигеларом, ибо между ними лежит значительное пространство породы, лишенной находок. Большая часть костей попала в плавильные печи. Теперь, после более чем четверти века добычи руды в Брокен Хилле, особенности пещеры, где некогда загадочным образом оказался череп, стали известны значительно лучше. Вход в пещеру не заметили потому, что он обвалился в глубокой древности. На 120—150 футов уходила камера в глубь холма и опускалась до уровня 70 футов. Внутри пещера расширялась до 30 футов, а потолок поднимался до 60 футов. Камера сначала располагалась горизонтально, а затем внезапно опускалась вниз. В этом-то укромном месте и располагался череп, очевидно намеренно спрятанный от посторонних глаз в недрах горы.

— Но каким образом череп оказался в Англии? — спросил Пауэр.

— Череп из Брокен Хилла пролежал в оффисе Уоллеса около трех недель. Затем Уоллес по просьбе Макартнея.

который собирался в Лондон, упаковал череп, а также наиболее интересные, по его мнению, кости, найденные в пещере, в ящик, и Макартней подарил все это Британскому музею, откуда для изучения их брал сэр Вудвард.

— Вы сказали, доктор Дарт, что видели череп. Каков он из себя и чем интересен?

— Когда я впервые увидел череп из Брокен Хилла на заседании Анатомического общества, то мне стали понятны и удивление Цвигелара, и то, что он принял его за череп гориллы. По грубости и массивности костей он не имел себе равных среди черепов человека и, в самом деле, в какой-то мере напоминал череп крупной антропоидной обезьяны. Это были костные остатки настоящего монстра. Но размер и величина мозговой коробки не оставляли сомнений в принадлежности его чрезвычайно архаической форме человека. Какой именно? Это, пожалуй, самый интригующий вопрос. Дело в том, что при беглом осмотре создавалось впечатление, что в Родезии обнаружен африканский питекантроп: над крупными орбитами глазниц протянулись, далеко выходя за пределы узкого, сильно скошенного назад лба, огромные, в два раза более массивные, чем у неандертальцев, надглазничные валики, воистину сходные с костяными гребнями-козырьками обезьян. Поперек узкой, уплощенной лобной кости протянулся костяной валик, также вызывающий в памяти соответствующую структурную часть черепа обезьяны. В затылочной части резко выделялся поперечный валик — массивный и нависающий над нижерасположенными участками. Здесь крепились мускулы, поддерживающие тяжелую голову в нужном положении.

Однако, с другой стороны, у родезийского черепа имелись не менее ярко выраженные особенности, сближающие его с неандертальцем и даже современным человеком. По объему мозга он несколько превышал 1300 кубических сантиметров. Затылочное отверстие оказалось сдвинутым вперед, а форма зубов и широкая подковооб-

разная зубная дуга верхней челюсти напоминала Homo sapiens. Рост этого сорокалетнего мужчины из Брокен Хилла достигал, судя по длине берцовой кости, 180 сантиметров. Общее впечатление сходства родезийца с неандертальцами не вызывало сомнений. Можете представить, Бернард, как радовались антропологи Лондона,— ведь это была первая и единственная за пределами Европы находка неандертальского человека!

— Сведения о родезийском черепе опубликованы, конечно?

— Вы не знаете традиций английских антропологов, Бернард! — воскликнул Дарт.— Каждую новую находку они выдерживают как хорошее вино и, как правило, открытие хранят в строгом секрете. Сами же, между тем, изучают кости, осторожно прощупывая мнение коллег, и анализируют впечатления, вызванные их замечаниями о находке. Англичане в антропологии столь же консервативны, как и во всем остальном. А между тем исчерпывающая публикация результатов изучения черепа из Брокен Хилла открыла бы новые перспективы в разгадке проблемы происхождения человека.

— Но почему же вы, профессор, зная этот африканский секрет сэра Смита Вудварда, отплывали в Иоганнесбург, чувствуя себя изгнанником? — удивился Бернард Пауэр, закуривая третью с начала разговора сигару.— Если в Африке обитали неандертальцы, то почему здесь не могли бродить питекантропы, а может быть, и само недостающее звено?

— Вы забываете, Бернард, что я направлялся не в тропические районы Африки, а на юг континента,— возразил Дарт.— Ведь Южную Африку, насколько я знаю, никогда не покрывали джунгли. Здесь, как и десятки миллионов лет назад, расстилались бескрайние, опаленные солнцем пустыни или, в лучшем случае, саванны. Мне казалось, что юг континента, отделенный от тропических лесов широкой полосой открытых пространств, представлял собой

самое неподходящее место в Африке для обитания первых людей Земли, а тем более недостающего звена. Во всяком случае, мне трудно было представить тогда, какие силы могли заставить антропоидную обезьяну, предшественника человека, покинуть свой «дом» и отправиться в полное риска и смертельной опасности странствие по открытым безлесным плато и пустыням. Поэтому я с самого начала предельно скептически оценивал свои шансы на успех.

— Теперь вы и я знаем, что это было ошибочное представление,— резюмировал довольный Паузр.— Благодарю вас, дорогой Дарт, за столь подробный и терпеливый рассказ-прелюдию к главному открытию, рассказ о котором заставит, клянусь вам, цитировать иоганнесбургскую «Star» по всему свету! Перейдем теперь к главному. Когда у вас впервые зародилась самая робкая надежда на возможный успех поиска недостающего звена в пределах Южной Африки?

Дарт задумался, перебирая в памяти события, последовавшие за грустным отплытием из Лондона, а затем заговорил оживленно:

— Представьте себе, Бернард, первый проблеск надежды появился, как это ни невероятно, еще до прибытия в Иоганнесбург. На борту мы с Дорой познакомились с сестрой милосердия из Южно-Африканской республики. Не помню уж по какому случаю, но однажды у нас с ней зашел разговор об антропологии, о предках человека и его прародине, а также о недостающем звене и перспективах открытия его в Африке. Можешь вообразить мое удивление и радость, когда моя случайная попутчица, стараясь, очевидно, поддержать разговор, рассказала мне о том, как еще до войны один из ее пациентов, рабочий-горняк, добывающий в шахте алмазы, показал ей странный минерализованный череп. Шахтеры обратили внимание, что он по размерам меньше человеческого, но в то же время больше черепа павиана. Неужели антропоидная обезьяна жила некогда на юге Африки?.. Найти ответ на вопрос можно

было сразу же, осмотрев череп. Стоит ли говорить, что это стало делом отнюдь не легким. Прежде всего выяснилось, что череп не остался, к сожалению, в клинике, куда его принес горняк. По словам сестры милосердия, добытчики алмазов отличались безграничной суеверностью, и, по их поверью, если случайно найденный череп не запрятать подальше в землю, то надежда на счастье и богатство навсегда покинет того, кто нашел древние кости. Горняк, который показал сестре череп, не отличался по степени суеверности от остальных и, насколько она помнила минувшие события, снова закопал свою находку.

Я подумал тогда, что само провидение ниспослало мне такую счастливую попутчицу и, оказавшись в Иоганнесбурге, разумеется, первым делом попытался отыскать удачливого шахтера. Я действительно нашел его, однако все мои настойчивые попытки заставить искателя драгоценных камней повторить открытие ни к чему не привели. Его, по-видимому, все же мнимые, а не настоящие поиски остались безрезультатными. Однако тот разговор на пароходе с сестрой милосердия вселил в меня первую надежду на предстоящий успех. Но все же, насколько далеко заведут меня в Африке приключения с недостающим звеном, я тогда не знал. У африканцев есть пословица, которая на английский переводится приблизительно так: One never goes so far, as when one does not know, where one is going.[1] Мне теперь кажется, что эта сентенция придумана специально для меня и моих детективных приключений!

— Итак, обратимся, наконец, к развязке — что предшествовало событиям, оправдавшим надежды, и какие любопытные происшествия сопутствовали открытию? — спросил Пауэр.— Прошу вас, профессор, быть, как и ранее, предельно обстоятельным, ибо для нас, журналистов,

[1] Никто не заходит так далеко, как тот, кто не знает, куда он идет.

как и для детективов, нет подробностей, которые не приобрели бы в дальнейшем особый смысл...

— Я и далее буду честно отрабатывать прощение нашему общему другу фотографу Ричардсону, который не выдал меня вам раньше времени,— обреченно отшутился Дарт.— Все началось с того, что когда я однажды в один из первых дней июля 1924 года зашел в анатомический зал колледжа, чтобы провести очередное занятие, то сразу заметил, насколько необычно возбуждена моя единственная в группе студентка Жозефина Сэлмонс, которая помогала мне как лаборант-демонстратор. Ее обычно бледное лицо было красным, и, чтобы выяснить, в чем дело, я сразу же, как только поймал ее взгляд, спросил: «Вы что-то хотите мне сказать, мисс Сэлмонс?». Девушка еще более смутилась от десятков глаз, устремленных на нее, но нашла в себе силы ответить мне: «О профессор, смогу ли я как-нибудь поговорить с вами сегодня? Дело в том, что я прошлой ночью увидела у моих знакомых нечто такое, что, без сомнения, вас заинтересует!». Я ответил Жозефине, что мы можем поговорить с ней в перерыве во время завтрака, и продолжал лекцию.

Чтобы вам, Бернард, яснее стала ситуация, я снова должен сделать небольшое отступление. В моих лекциях в университете Витватерсран особое место занимала антропология — предмет, который Жозефина обожала безмерно, отчего стала моей наиболее увлеченной ученицей. Перед каникулами я вдохновил студентов идеей создания в медицинской школе собственного анатомического музея, для чего им предлагалось в воскресные дни попытаться найти кости самых разнообразных животных и привезти их в Иоганнесбург. Я назначил даже приз в пять фунтов стерлингов за самую лучшую находку. Никто не смог сравниться с Жозефиной по энтузиазму, с которым она приступила к поискам. Но каково же было ее разочарование, когда выяснилось, что приз достался не ей, а другому студенту. Я, однако, не мог обойти его, ибо он приволок

для будущего музея чучело крокодила, набитое соломой, кости полного скелета коровы, а также несколько любопытных камней и костей. Вспоминая эти события и досаду Жозефины, я подумал о том, что волнение ее на лекции связано, очевидно, с находками каких-нибудь костей, вряд ли представляющих особый интерес.

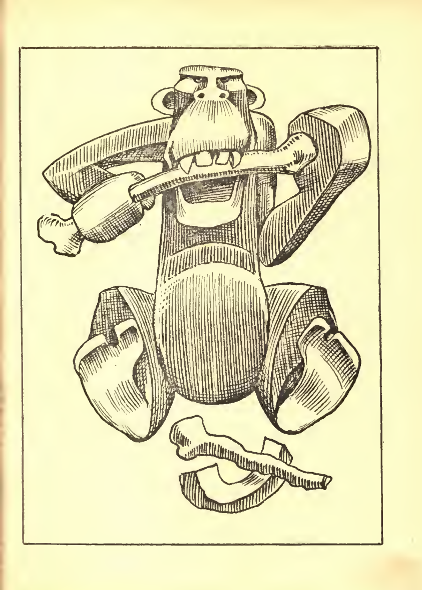
Дело, тем не менее, оказалось, к моему удивлению, значительно более привлекательным, чем я предполагал. Когда через полчаса мы отправились с Жозефиной завтракать, она рассказала мне интригующую историю. Накануне ей пришлось побывать в гостях в семействе друга родителей директора Северной компании по добыче известняка Изода. Зная мой особый интерес к ископаемым костям, она обратила внимание на череп, выставленный хозяином на надкаминной полке. Она тут же узнала, откуда происходит это несколько необычное украшение,— череп доставлен из карьера Таунгс, расположенного в префектуре Бечуаналенд на востоке пустыни Калахари к северу от города Кимберлея и к юго — юго-западу от Иоганнесбурга в юго-западном углу Трансвааля. Когда же я спросил Жозефину, что за череп хранился в квартире директора Изода, она долго не решалась высказать свое суждение. Тогда я стал настаивать, и Жозефина, смущаясь, ответила так: «Хорошо, только, пожалуйста, не смейтесь надо мной, если я ошибусь. Я почти уверена, что это череп павиана!». Мне очень не хотелось снова огорчать свою преданную ученицу, но все же пришлось высказать сомнения: ведь до сих пор в Африке, кроме родезийского черепа и остатков боскопского человека, не обнаружено ни одной кости приматов к югу от Фаюмского оазиса в Египте. Чтобы как-то сгладить, конечно же, неприятный для мисс Сэлмонс скептицизм, я высказал пожелание увидеть череп и изучить его: если она права, то эта находка будет представлять редкостный интерес. Жозефина заверила меня, что Изод разрешит ей забрать череп и передать для осмотра в медицинскую школу,

На следующее утро Жозефина принесла ископаемое из Таунгса. Представьте, Бернард, мое изумление и одновременно радость, когда я увидел, что моя ученица права: в известняковый блок был включен череп павиана. Бегло осмотрев его, я подумал, что им представлен какой-то новый и достаточно примитивный вид павианов, но меня несколько смутила одна особенность — в передней части черепа располагалось отверстие, похоже пробитое приостренным орудием. Жозефина, между тем, окончательно сразила меня, сообщив, не придавая этому особого значения, замечательную весть: оказывается, в карьере Таунгс черепа — обычные при ломке известняка находки!

Решение созрело мгновенно — через несколько минут я, захватив череп павиана, мчался на своем стареньком «форде» к своему другу и коллеге профессору геологии Юнгу, который, как мне было известно, хорошо знал известняки района Таунгса. Согласно контракту с владельцем карьера Спайэрсом, он не раз посещал гористые области на востоке Калахари в долине реки Гартс около Бакстона, которые разрабатывались компанией в течение вот уже двадцати лет. Залежи известняка в наших местах редкость, а при том обширном строительстве, которое там велось, тем, кто строит бизнес на добыче камня, следовало думать о перспективах. Юнг с готовностью согласился при очередной поездке в Таунгс передать мою просьбу Спайэрсу — обратить внимание рабочих на кости животных, которые попадаются при ломке известняка, и, если это возможно, при случае пересылать их в Иоганнесбург. Мои надежды найти в Таунгсе нечто, связанное с костными остатками древнейших людей, увлекли Юнга. В связи с открытием в Таунгсе проломленного ударом черепа павиана мы вспомнили с ним о находках Нэвиля Джонса в долине сухой теперь реки Гартс. Если в районе Таунгса встречаются примитивные изделия из камня, то почему среди костей в известняковых карьерах не попадется однажды часть скелета недостающего звена?

В ноябре 1924 года Юнг сошел с поезда на станции Таунгс и отправился вдоль Оленьей реки, ныне называемой Гартс, к известковому карьеру, где найден был череп павиана. Позже он рассказал мне, что представляет собой это место. На 70—80 футов поднимается там ослепительно белый известняковый обрыв, край плато Каар. Это идеальное место для разработок, ибо здесь встречается почти чистая белая известь. Она, как и травертины, отложена древним потоком, который прорезал долину. Вертикальные трещины рассекают склоны, протянувшиеся на полмили, и на белом фоне известняка отчетливо выделяются огромные, до 20 футов в диаметре, неправильной формы пятна красного или коричневого цвета. Они представляют собой не что иное, как линзы глинисто-песчаных или травертиновых, скрепленных намертво известняковым раствором, отложений, заполнявших древние трещины, ниши и пещеры. Эти-то отложения и содержали кости животных! В кусках породы, вырванной из линз, можно было видеть торчащие обломки разнообразных костей.

Юнг познакомился в Таунгсе со старым горняком мистером де Брайаном, который, как выяснилось, давно увлекался сбором и коллекционированием ископаемых остатков. Когда Юнг рассказал владельцу карьера о моем интересе к ископаемым из Таунгса, Спайэрс немедленно отдал распоряжение упаковать находки де Брайана в ящики и отправить их по железной дороге в Иоганнесбург по моему домашнему адресу. До отъезда Юнг стал свидетелем одного из взрывов, который вскрыл новое коричневое пятно диаметром около 10 футов. Эта древняя пещера, полностью заполненная глиной и песком, располагалась на 40 футов ниже края обрыва плато Каар, а дно ее находилось на высоте 20 футов от подножия склона. Взрыв выбросил большое количество материалов, скопившихся в пещере. Среди них находились твердые блоки с костями. Наиболее интересные из глыб присоединили к находкам де Брайана. Выяснилось также, что черепа павианов на-



ходили в Таунгсе и раньше. Рабочие карьера собрали их, и довольно большая коллекция была отправлена в Южно-Африканский музей Кейптауна. По словам Юнга, над черепами работал и описал их палеонтолог Хутон. 19 мая 1920 года он делал доклад перед Южно-Африканским королевским обществом об открытии в Калахари ископаемых павианов, но почему-то результаты своих исследований до сих пор не опубликовал.

Такова, Бернард, предыстория главного события, которое произошло вскоре после возвращения Юнга. Я, разумеется, с большим нетерпением ожидал прибытия в Иоганнесбург багажа, состоявшего из двух ящиков, и, кажется, надоедал Доре своими бесконечными разговорами и фантастическими предположениями. И вот в начале ноября 1924 года, когда я стоял у окна и размышлял о том, как много интересного может оказаться в Таунгсе, к дому с грохотом подкатил грузовик. Двое африканцев в форме железнодорожников с трудом сняли с него два громоздких ящика и с шумом поволокли их во двор. «Наконец-то!» — крикнул я и бросился к выходу. Однако на пути моем неожиданно встала Дора, которая, оказывается, за несколько мгновений до этого тоже выглянула во двор из окна соседней комнаты, чтобы узнать причину оживленной возни во дворе. «Боже мой, Раймонд! — воскликнула она испуганно.— Я думала, что подъехал свадебный кортеж, а мне еще надо одеваться. По-моему, там привезли те самые ископаемые, что ты ожидал из Таунгса. Вот дьявольское наваждение, надо же было их привезти именно сегодня!»

Должен признаться, дружище Бернард, что я при всем нетерпении, которое одолевало меня, не мог возмутиться Дориной резкостью. Дело в том, что после обеда к моему дому действительно должен был подъехать свадебный поезд моего большого друга Криста Байерса, в прошлом футболиста, игравшего в командах разных стран мира, а теперь преподавателя анатомии и хирургии в университе-

те Витватерсран. Его свадьбу с француженкой, которую он привез из Лондона, где учился, мы с Дорой решили сыграть в нашем доме. Кстати, мне на церемонии предназначалась почетная роль шафера. И надо же было случиться, что ящики с ископаемыми привезли за каких-нибудь полчаса до прибытия гостей, а также жениха и невесты! Дора, между тем, смотрела на меня, пожалуй, слишком уж деловито. «Ну, Раймонд,— сказала она,— гости вот-вот подъедут. Ты не посмеешь пойти к ящикам. Я знаю, как важны для тебя ископаемые, но прошу тебя — пожалуйста, оставь их до завтра. Ведь если ты начнешь копаться в этом хламе до свадьбы, то будешь продолжать до тех пор, пока не уйдет последний гость!»

Я всем видом показал неотвратимую покорность судьбе. Но стоило Доре оставить меня, как я стремительно помчался во двор, чтобы открыть ящики. Отдав распоряжение прислуге установить груз под навесом, я стал озабоченно искать какой-нибудь инструмент, с помощью которого можно сорвать крышки. Мое тайное бегство, однако, не осталось незамеченным. Как уверяла Дора на следующий день, она дважды принималась увещевать меня, но тщетно. Я просто не реагировал на ее слова. И, действительно, Бернард, я просто не припоминаю, чтобы кто-нибудь мешал начатому предприятию.

Но вот с треском слетела крышка первого ящика, и я лихорадочно принялся перебирать его содержимое. Крайняя степень разочарования — вот что я испытал, осмотрев последний из каменных блоков. Помимо панцирей черепах, обломков ископаемой скорлупы яиц страуса, а также нескольких фрагментарных кусков разрозненных скелетов животных, в ящике ничего не оказалось. Ни одна из находок де Брайана не представляла особого интереса. С надеждой и нетерпением я сорвал крышку второго ящика. Должен предупредить вас, Бернард, что я отнюдь не мечтал найти нечто сенсационное. Моя мечта не превосходила удовольствия взять в руки очередной череп павиана.

Но то, что я увидел сразу же после того, как сдвинул в сторону крышку, заставило меня затрепетать от волнения и неожиданной радости: поверх груды песчанистых блоков лежала правая половина окаменевшего слепка мозга антропоида с превосходно сохранившимися отпечатками извилин, желобков и ниточек кровеносных сосудов.

Дарт помолчал, остро переживая события прошлого. Редактор отдела новостей не торопил его, ибо более идеального человека, с такой готовностью и подробностями дающего ему, Георгу Пауэру, интервью, он в Иоганнесбурге еще не встречал. Дарту же хотелось, наконец, излить душу и высказать все, о чем он передумал за эти три месяца.

— В начале нашего разговора,—продолжал он,—я, Бернард, упомянул о своей детской мечте найти золото. Судьбе было угодно распорядиться так, что грезы о богатстве так и остались грезами, но судьба моя все же привела меня в город, построенный на золотых рудниках. Думая об увиденном во втором ящике из карьера Таунгс, мне порой кажется, что земля Южной Африки подарила тому, кто с такой неохотой ехал сюда, нечто более важное для счастья, чем золото! Но не буду забегать вперед.

Итак, слепок мозга антропоида... Если б даже дело ограничивалось только этим фактом, то и тогда следовало объявить о великом открытии в известняковых обрывах плато Каар пустыни Калахари. Ведь до сих пор антропологи ничего подобного в своих журналах не публиковали. Бесценным уникумом представлялась сама по себе находка окаменевшего слепка мозга какого-то вида ископаемой антропоидной обезьяны, и к тому же в каких-нибудь 1500 милях от ближайшего района джунглей, где встречаются шимпанзе и гориллы, в лишенной леса пустыне юга Африки, где на протяжении десятков миллионов лет не могло жить ни одно животное, привычное к лесу.

И этим, однако, не ограничивалось существо дела.

В том, что слепок мозга принадлежал антропоиду, у меня не осталось сомнений. Я с благодарностью вспомнил своего учителя профессора Элиота Грэфтона Смита, который уделял нам столько времени при изучении мозга. Но и в его единственном в своем роде собрании слепков, которое мы досконально изучили в лаборатории, отсутствовала, я мог биться об заклад в этом, «модель» мозга, доставленная из Таунгса. Дело в том, что даже не обращаясь к деталям строения слепка, чего я, естественно, не сделал в спешке и волнении, можно было с первого взгляда отметить его необычность. При общей антропоидной конфигурации его, он превышал по размерам мозг павиана раза в три, если не больше, и превосходил в значительной мере мозг взрослого шимпанзе. Слепок отличался заметной длиной. Он определенно принадлежал длинноголовому существу, в то время как вы, Бернард, знаете, что все высшие антропоидные обезьяны короткоголовые!

Пораженный увиденным, я окончательно забыл обо всем на свете и полностью отключился от всего, кроме ящика с песчанистыми блоками. «Окаменевший мозг», приготовленный самой природой слепок внутренней полости черепа... Где же в таком случае сам череп, нет ли его в ящике? Я желал немедленно знать, как выглядят черепные кости существа с таким необычайно крупным мозгом. С лихорадочной поспешностью я извлекал из ящика один каменный блок за другим, выискивая углубление, откуда мог вывалиться слепок. Руки мои, лицо и одежда покрылись слоем грязи, но кто в такие мгновения думает об аккуратности! Мне попались два черепа павиана, но теперь они не могли радовать, как это случилось бы ранее.

Успокоение пришло лишь тогда, когда мое усердие было наконец вознаграждено: в одной из каменных глыб оказалась депрессия, в которую превосходно вошел слепок. В разломанной плоскости камня виднелись очертания отдельных костей, в частности, я с радостью отметил уча-

стки нижней челюсти, что давало надежду на сохранность лицевого скелета. Его, как и остальные части черепа, скрывали скрепленные до твердости гранита пласты песка и глины, составляющие каменный блок. Затылочная часть и левая сторона черепа, так же как и левая сторона слепка мозга, были уничтожены при взрыве или во время разработок камня в карьере. Как я установил позже, блок с черепом и слепок мозга обнаружил де Брайан во время рубки камня на участке, где располагалась древняя пещера. Рабочий превосходно знал, как выглядят черепа павианов, и сразу же отметил, насколько резко отличается от них новая находка. Вот почему в тот же день он явился в контору к Спайэрсу и долго убеждал его, что ему посчастливилось найти череп ископаемого бушмена. Не знаю, поверил ли ему Спайэрс, но находку он взял и при отправке коллекций отдал распоряжение положить в ящик и «череп бушмена», и окаменевший слепок мозга.

Я стоял в тени навеса и, как скряга держит, трепеща, золото, не желал выпускать из рук окаменевший слепок мозга, а также впаянный в камень череп. Судя по всему, в Таунгсе сделано одно из интереснейших в истории антропологии открытий. Если объем мозга существа из Калахари превосходит шимпанзе, то не найден ли в Африке древнейший представитель человеческого рода? Нет, недаром мудрый Дарвин высказал в свое время мысль о том, что первых людей следует искать на черном континенте! Как замечательно, что волею судеб именно я предназначен стать «инструментом», приоткрывающим завесу над тайной недостающего звена! От этих мыслей я пришел в себя и только тогда почувствовал, что кто-то ожесточенно теребит меня за рукав. «Бог мой, Дора! Свадьба!» — с ужасом вспомнил я и оглянулся. Передо мной стоял в торжественном свадебном облачении... Крист Байерс. Стараясь сдержать ярость, он тряс меня за рукав: «Послушай, Рей! Ты должен, черт побери, сейчас же, немедленно привести себя в порядок и переодеться, или я

вынужден буду искать другого шафера. Свадебный автомобиль с невестой подъедет к дому с минуты на минуту!»

Сломя голову я бросился в спальню, чтобы одеть праздничный костюм, свежую рубашку и галстук. Дора лишь безнадежно махнула рукой, увидев, что я поволок к своему гардеробу и глыбу камня с черепом.

Свадьбу я припоминаю как полузабытый сон. Определенно шафер на ней был далеко не в ударе. Произносились тосты в честь жениха и невесты, гости веселились, в то время как я, да простит меня мой друг Байерс, думал лишь об антропоидной обезьяне из Таунгса и никак не мог дождаться, когда завершится пиршество, а гости разъедутся по домам. Дважды в течение затянувшихся свадебных церемоний мне удавалось под какими-то предлогами покинуть компанию, и оба раза я тайком, чтобы, избави бог, не попасться на глаза Доре, прокрадывался в спальню, открывал гардероб и, как Гобсек, жадно хватался за свои бесценные камни!

Как вы понимаете, Бернард, опасность быть позорно разоблаченным Дорой не создавала благоприятной и спокойной обстановки для продолжения исследований, а тем более для углубленных размышлений над слепком. Тем не менее, в те немногие минуты, которые мне удалось вырвать для осмотра находки, я отметил несколько важных особенностей строения мозга таинственного антропоида из Калахари. Они, эти особенности, с одной стороны, озадачивали и повергали меня в недоумение, а с другой — наполняли уверенностью в справедливости первого впечатления о необычности обезьяны из Таунгса. Помимо поразительно большого объема мозга, обращала внимание на себя глобулярная форма его и неожиданно сильновыпуклая лобная часть, что для антропоидных обезьян не характерно. Глобулярная, а не приплюснутая сверху форма мозга, возможно, являлась свидетельством прямохождения существа. Однако еще большее впечатление производило то, что передняя часть мозга оказалась настолько

большой и отчетливо отступающей назад, что в отличие от антропоидного полностью перекрывала заднюю часть. Если мозг современных антропоидов широкий, низкий и сплюснутый, то окаменевший слепок из Таунгса, напротив, заметно уже и выше и, естественно, примитивнее по своим очертаниям.

И, наконец, последнее, но далеко не последнее по значению,— на тыльной части внешней поверхности слепка отчетливо выделялись так называемые луновидная и параллельная щели, или бороздки. Элиот Смит специально обращал наше внимание на эти примечательные бороздки, которые он длительное время изучал и посвятил им несколько публикаций, что сделало их знаменитыми в среде антропологов, занятых исследованием мозга обезьян и человека. Дело в том, что на поверхности мозга обезьян луновидная и параллельная бороздки расположены в непосредственной близости друг от друга. В ходе эволюции увеличивался объем мозга, и мозговое вещество, расширяясь в значительной мере на участке между бороздками, отодвинуло на большое расстояние луновидную бороздку от параллельной. В высокоразвитом мозге человека эта «экспансия» мозгового вещества настолько значительна, что луновидная бороздка отходит далеко назад и полностью исчезает с внешней поверхности мозга. Так вот, Бернард, отметьте в своих записях: на слепке мозга обезьяны из Таунгса расстояние между луновидной и параллельной бороздками в три раза превышало расстояние, отмечающееся между ними на внешней поверхности мозга высших антропоидных обезьян вроде шимпанзе и гориллы. Вы можете сказать — ну и что из того? Отвечу на это так: если бы даже не нашлось ничего более, кроме окаменевшего слепка внутренней полости черепа существа из Калахари, то и тогда я все равно знал бы, что оно по уровню интеллектуального развития по крайней мере в три раза превосходит любую из ныне живущих обезьян! Вот что стоит за двумя невзрачными желобками, оттисну-

тыми в камне. Школа Элиота Смита что-нибудь да значит, не правда ли?

За свадебным столом мне не давала покоя еще одна мысль: как могла выжить и существовать на открытых травянистых плато и безлесных прериях Трансвааля антропоидная обезьяна с мозгом большим, чем у шимпанзе? Ведь совсем недавно я читал статью руководителя Геологической службы Южной Африки Роджерса, в которой утверждалось, что климат и географическая обстановка в этой части континента за последние 70 000 000 лет существенно не менялись. Что же могла найти для пропитания в Трансваале достаточно крупная антропоидная обезьяна? Ведь у нее не было инструментов, чтобы выкапывать из земли луковицы растений в периоды засух, как это делают аборигены пустыни Калахари. И здесь, в отличие от лесов Европы, не встретишь орехов и желудей, которые накапливают в своих потайных хранилищах белки. Без естественной для антропоидов пищи обезьяна с таким крупным мозгом обречена на гибель.

И вот когда я, истерзанный сомнениями, усадил в автомобиль последнюю пару гостей и потащился, как иголка к магниту, к гардеробу, меня осенило: павианы! Они могли быть тем источником пищи, что позволила антропоидам освоить Трансвааль. Я вспомнил о черепе павиана, доставленном мне Жозефиной Сэлмонс. Ведь его нашли в том же самом карьере Таунгс, где обнаружен череп и окаменевший слепок мозга. Я вспомнил о круглом отверстии на правой стороне черепа павиана. Что если этот удар нанесла крупная обезьяна с большим мозгом? Она была определенно достаточно умна и сильна, чтобы поймать павиана и убить его. Поедалось, очевидно, не только мясо животного, но и мозг, который извлекался через отверстие, пробитое в черепе. «Ты слишком далеко зашел в своих размышлениях,— урезонивал я себя.— Надо набраться терпения и подождать, что покажет расчистка черепа, спрятанного в каменном блоке».

Освобождение костей оказалось далеко не таким простым предприятием, как мне представлялось вначале. Прежде всего, я не имел опыта, и в Иоганнесбурге не нашлось ни одного человека, к которому я мог обратиться за советом. У меня отсутствовали элементарные инструменты. Пришлось довольствоваться тривиальными молотком и долотом, купленными на следующее утро в ближайшей скобяной лавке. Несколько позже набор расширился: мне пришло в голову попробовать царапать камень приостренными концами стальных вязальных спиц Доры, неосторожно оставленных ею на кухне. Я выскабливал спицами пирамидообразный выступ, а затем ловко скалывал его с помощью долота. Более ускорить расчистку, при всем моем жгучем нетерпении, не удавалось. Приходилось довольствоваться осмотром отдельных участков, постепенно появляющихся из камня.

Сначала я удалил окаменевшую породу с лобных костей и района глазниц. Первая неожиданность — лоб прямой, а не скошенный, у основания его отсутствуют надглазничные костяные валики, характерные для антропоидных обезьян. Затем освободил из каменного плена внешние стороны нижней и верхней челюстей, и сразу мне стало ясно, что в блоке сохранился полный череп, даже его лицевые кости. Второй сюрприз — челюсти, выступающие у обезьян далеко вперед, оказались определенно укороченными и как бы подтянутыми к лицевым костям и мозговой части черепа, отчего лицо существа из Таунгса должно выглядеть значительно менее зверообразным, чем у шимпанзе и гориллы. Далее началась максимально осторожная (промах мог стоить слишком дорого!) расчистка внутренних частей глазниц, зубов, основания черепа и тончайших, а оттого особенно хрупких, косточек носа. Рассматривая раскрывающиеся детали, я чувствовал настоятельную потребность обратиться к специальной литературе, чтобы уяснить значение увиденного, но, как и в случае с инструментом, найти в Иоганнесбурге нужные

пособия по палеоантропологии было нелегко, а в библиотеке университета держали лишь книги по анатомии и медицине. При каждом выезде в город я обегал книжные магазины в надежде найти хоть что-нибудь подходящее. Пока же приходилось довольствоваться теми немногочисленными изданиями, которые довелось привезти с собой из Лондона, а для сравнения использовать муляжи черепов, изготовленные во время работы в лаборатории Элиота Смита.

Накануне рождества, 23 декабря, на семьдесят третий день работы, основная часть расчистки была завершена. Хотя часть правой стороны черепа все еще скрывал слой камня, я мог, наконец, взглянуть в лицо древнего жителя Таунгса. К тому времени мне удалось осмотреть его зубы и установить, что двадцать из них принадлежали молочным, а постоянные коренные только начинали прорезываться. Это говорило о том, что в руки мои попал череп не взрослой особи, а существа, возраст которого не превышал семи лет. Это был бэби, и вряд ли кто из родителей в рождественские праздники 1924 года гордился так своим потомством, как я моим только что появившимся на свет ребенком!

А возгордиться, оставив в стороне ложную скромность было от чего: детский возраст антропоида из Калахари ставил последнюю точку над і в том комплексе неожиданного, что поражало меня в течение двух с половиной месяцев изучения черепа и окаменевшего слепка мозга. Объем мозга бэби, согласно моим расчетам, составлял 520 кубических сантиметров, и в этом-то, Бернард, крылся главный аргумент в поддержку взгляда о необычном характере антропоида. Посуди сам: объем мозга взрослой шимпанзе составляет 320—480 кубических сантиметров, а гориллы — 340—685. Следовательно, бэби по этому признаку превосходил шимпанзе, уступая, однако, горилле Но ведь это бэби, а не взрослая особь! К тому же следует учесть, что к семи годам ни шимпанзе, ни горилла не

имеют такого мозга, какой был у бэби. В то же время бэби в этом отношении, конечно, не мог конкурировать с человеком. Объем мозга семилетнего ребенка — 1225 кубических сантиметров, что составляет 84% объема мозга взрослого. Следовательно, темп роста мозга у человека значительно стремительнее, но ведь я и не утверждаю, что бэби — человек. Конечно, важен не только объем, но и внутренняя структура. Так, средний европеец имеет объем мозга 1350—1450 кубических сантиметров, у гениального Байрона он достигал 2350, у Оливера Кромвеля и Джонатана Свифта более 2000, но у не менее известных европейцев писателя Анатоля Франса и великого физиолога Франца Галля составлял всего 1000—1100 кубических сантиметров.

Продолжая расчистку еще скрытых породой частей, я занялся детальным изучением особенностей строения костей и сравнением их с костями черепов высших антропоидных обезьян и человека. К счастью, в моей домашней библиотеке оказалась книга Дакворта «Морфология и антропология», в которой опубликованы рисунки черепов гориллы и шимпанзе, сходных по возрасту с моим бэби. Чтобы яснее видеть различия и сходство их, я попросил одного из своих студентов Генри ле Хеллока сделать, по возможности, точную копию черепа из Таунгса в том же масштабе, в каком выполнены рисунки Дакворта. Первое графическое изображение бэби было сделано превосходно, и для меня сразу же стало очевидным большое его отличие от шимпанзе и гориллы.

Посудите, Бернард, сами, взглянув вот на эти графики. Видите, насколько значительнее развит череп в очень важных отделах — в лобном и теменном — по сравнению с черепом шимпанзе? Череп гориллы длиннее и выше, но вспомните — по объему мозга бэби превосходит гориллу! Это значит, что увеличение размеров черепа гориллы происходит за счет значительной массивности костей, а не большого объема. Далее, соотношение мозгового и лице-

вого отделов черепа из Таунгса ближе к характерному для человека, а не для обезьяны; нижняя челюсть и в целом лицо не выступают вперед, как у антропоидов, и в этом отношении сходство с человеком не вызывает сомнений; глазницы, нос, вследствие его широты, но не вогнутости, щечные кости и зигоматические арки — кости, соединяющие участок щек с районом уха, больше напоминают человеческие, чем антропоидные. Соотношения частей лица, в частности расстояние от корня носа до нижней границы нижней челюсти и до центра уха, а также от выступающей части нижней челюсти до уха, довольно близки человеческим. Если к этому добавить прямизну лба и отсутствие надглазничных валиков, о чем я уже говорил, то можно утверждать следующее: лицо бэби, за исключением может быть, участка носа, на удивление человеческое по характеру!

Конечно, очевидны и обезьяньи черты. Посмотрите, насколько массивнее челюсть по сравнению с челюстью ребенка человека. Это значит, что жевательный аппарат и двигающие мускулы у бэби отличались значительной мощью. Но, с другой стороны, суставная ямка для нижней челюсти — человеческая, как и форма зубов, включенных в верхнюю и нижнюю челюсти. На зубы я хочу особо обратить ваше внимание, Бернард. Смотрите — резцы расположены вертикально, коренные по сравнению с обезьяньими малы, хотя и превосходят по величине человеческие, а предкоренные совсем не похожи на обезьяньи. Они не режущие, а трущие. Но самое поразительное — это размеры клыков. Ведь они почти совсем не выступают за пределы зубного ряда, в то время как у гориллы и шимпанзе клыки громадны и придают поистине ужасные черты их физиономиям. Помните, Бернард, Дарвин, описывая предка человека, упоминал об огромных клыках, которые в процессе использования орудий стали постепенно уменьшаться, как и остальные зубы, а также челюсть? Бэби, если он действительно предок, опровергает

это заключение. Его физиономия отнюдь не ужасна. В ней преобладают, если хотите, инфантильные черты, что также представляет собой человеческую особенность. Столь резкое уменьшение клыков — показатель чрезвычайно важный. Я думаю, что бэби свободно ходил на двух ногах. освободив руки для иных дел. К этому времени челюсти и клыки давно перестали быть орудиями нападения и защиты и потому в значительной мере уменьшились. Кстати, о вертикальном положении тела бэби свидетельствует не только глобулярная форма мозга, сбалансированная вертикальным положением позвоночника, но также отчетливо сдвинутое вперед затылочное отверстие, через которое соединяются головной и спинной мозг. Эта особенность также сближает его с человеком.

Внимательное и неторопливое изучение окаменевшего слепка мозга бэби привело к не менее интересным выводам. Я уже говорил, что он отличался большей по сравнению с антропоидами длиной и высотой, а также узостью, то есть формы и пропорции его были человеческие. Если объем в семь лет составлял 520 кубических сантиметров то взрослая особь имела, очевидно, не менее 780. Подозреваю, что бэби — девочка, а отсюда следовало, что мужская взрослая особь по объему мозга, возможно, превосходила 800 кубических сантиметров! Никогда никакой из антропоидов не имел такого крупного мозга. Моего бэби стоит считать самым «мозговитым» из антропоидов. Важно также отношение веса тела к весу мозга. Ведь 780 кубических сантиметров мозга гориллы имеют при весе в 200—250 килограммов, а взрослый антропоид из Таунгса 780 кубических сантиметров приблизительно на 45 килограммов. Такое соотношение больше характерно для гоминид, чем для антропоидов. Структурно мозг бэби также показывал продвижение к человеческому статусу: лобные извилины на слепке обширнее, чем у шимпанзе, и хорошо развиты фронтальные затылочные и височные отделы мозга, а ведь это — отражение уровня развития речи, слу-

ха и зрения! Сложный характер извилин и большое распространение их по площади на нижней теменной дольке — показатель высокого развития у бэби центра ассоциативных связей, что свидетельствует о значительной усложненности его поведения.

Для подтверждения своей мысли о том, что череп павиана, доставленный мне Жозефиной Сэлмонс, проломлен ударом высокоразвитого существа, я отправился в Кейптаун, чтобы осмотреть черепа павианов, найденные ранее в Таунгсе и описанные Хутоном. Можешь представить мою радость, Бернард, когда я отметил, что проломы во всех черепах сделаны до того, как черепа окаменели! В пещере были найдены еще и кости зайцев, гигантских кротов, мелких грызунов, молодых антилоп, змей, черепах и пресноводных крабов, часть из которых, наверное, также стала жертвами взрослых сородичей моего бэби. Зачем крабам ползти в пещеру на полмили от ближайшего водоема?..

Я, кажется, слишком увлекся теми особенностями, что сближают бэби с человеком, и теперь опасаюсь, Бернард, чтобы вы не подумали об открытии в Таунгсе человека, а не его предшественника. Найдено, бесспорно, антропоидное существо, но оно по многим признакам ближе к человеку, чем к шимпанзе и горилле, и в этом-то и заключается величайшее значение находки де Брайана. Она характеризует самую раннюю и критическую стадию в эволюции обезьян и впервые позволяет представить предка человека, стоящего у самого основания родословного древа или в непосредственной близости от него. Существа, подобные моему бэби, отошли от антропоидов типа шимпанзе и гориллы и в эволюционной цепи заняли звено, связующее обезьян и примитивного человека. Следовательно, мой бэби и есть недостающее звено!

Последнее, о чем следует сказать,— возраст бэби. К сожалению, остатки животных не позволяют точно ответить на этот вопрос, ибо среди них отсутствуют кости слонов.

носорогов, свиней и лошадей, наиболее подходящих для решения. Однако, поскольку большинство выявленных животных, кстати исключительно жителей пустынь и саванн, давно вымерли, а также учитывая очевидную древность пещеры, в которой они залегали, можно со значительной степенью вероятности датировать находку более 1 000 000 лет. Думаю, что бэби в два раза старше питекантропа Евгения Дюбуа. Мой друг Юнг, который специально выезжал в Таунгс для изучения возможностей определения возраста пещерных слоев геологическими методами, пришел к этому же заключению. Вот, по существу, и все, что я могу вам пока рассказать...

Пауэр торопливо закончил запись и, в изнеможении откинувшись к спинке своего редакторского кресла, закрыл глаза. Целую минуту продолжалось молчание, пока Бернард приходил в себя от того, что ему пришлось услышать. Затем он извлек из коробки очередную сигару и с наслаждением закурил.

— То, что вы мне рассказали, профессор,— поразительно! — тихо и размеренно сказал он.— Никогда я еще не испытывал такого наслаждения от интервью, как сегодня. Благодарен вам безмерно. Клянусь, бэби в «Star» получит такую рекламу, что о нем заговорит весь мир. Извините, еще несколько мелких вопросов, и я не смею вас больше задерживать. Вы еще не окрестили бэби? С каким именем он выйдет в этот мир?

— Я назвал его Australopithecus africanus[1],— ответил Дарт, довольный тем, что Пауэр без настороженности и колебаний принял оценку открытия.

— Австралопитек? Это означает «южная обезьяна», не так ли? — снова потянулся к карандашу и бумаге Пауэр.

— Вы правы, Бернард. Я отдаю себе отчет в том, что это имя для бэби, пожалуй, не из лучших. Оно поневоле навевает мысли о моей родине Австралии, хотя этот ма-

[1] Австралопитек африканский.

терик никакого отношения к открытию в Таунгсе не имеет. К тому же я рискнул нарушить правила, составив имя не из латинских словосочетаний, как делается обычно, а из греческого australis — «южный» и латинского pithecos — «обезьяна». Меня лишь успокаивает мысль о том, что упреки по этому поводу — далеко не самое неприятное, что предстоит пережить после того, как статья выйдет в свет.

— Когда ее напечатают?

— Я отправлю ее в Лондон, как только получу фото от Ричардсона. Если редактор рискнет, она появится, по моим расчетам, в начале февраля.

— А если не рискнет? Вы позволите в таком случае нашей вечерней газете первой объявить об открытии?

— Пожалуй, да,— после некоторых размышлений сказал Дарт, далеко не уверенный в благоприятном отношении к статье редактора «Nature». Хорошо зная заведенные в антропологических кругах Лондона порядки, он опасался, что консультации редактора со специалистами, а их, в свою очередь, друг с другом могут затянуться надолго.

— Давайте примем следующий план,— оживился Пауэр.— 2 февраля «Star» телеграфирует в редакцию и спрашивает, получена ли статья и намерены ли публиковать ее. В случае отказа или молчания я выпускаю в свет свою статью вечером 3 февраля.

— Согласен.

— Ну что ж,— облегченно вздохнул Бернард, вставая с кресла,— в таком случае прошу вас, профессор Дарт, дать мне один экземпляр статьи, предназначенной для «Nature». Я буду при работе сверяться с нею, чтобы, избави бог, не напутать чего. Фото для иллюстраций попрошу отпечатать Лепа Ричардсона — я на него больше не сержусь...

Последнюю неделю перед началом февраля Дарт провел в мучительном ожидании известий из Лондона, но

столица Британии хранила загадочное молчание. Наступило 2 февраля. Бернард Пауэр позвонил утром в медицинскую школу и сообщил Дарту, что обусловленная их договором телеграмма подписана редактором газеты и послана в «Nature». Утром 3 февраля снова звонок — Лондон не ответил на телеграмму. «Star» готова немедленно печатать статью Бернарда Пауэра об открытии в Южной Африке недостающего звена. Дарту ничего не остается делать, как разрешить публикацию. По стечению обстоятельств все это происходило накануне дня его рождения — на следующий день, 4 февраля 1926 года, профессору Иоганнесбургского университета Раймонду Дарту исполнялось тридцать два года. Настанет ли для него звездный час, то счастливое мгновение в жизни ученого, за которым признают великое открытие?

4 февраля все ведущие утренние газеты мира напечатали под сенсационными заголовками изложение информации и комментарии, переданные телеграфом их корреспондентами из Иоганнесбурга: согласно статье отдела известий вечерней городской газеты, профессор Дарт открыл на юге Африки череп недостающего звена. Если бы «Star» объявила устами Бернарда Пауэра об изобретении Дартом вечного двигателя, об удаче в расщеплении атомного ядра или, на худой конец, об успешном путешествии вокруг Луны, то и тогда возбуждение публики едва ли достигло бы части того ажиотажа, который подняли газеты Европы, Америки и Азии. Пауэр был счастлив — уже его-то звездный час настал.

Дарту тоже казалось вначале, что он близок к нему. Он едва успевал отвечать на телефонные звонки, а Дора устала открывать двери почтальонам, которые несли и несли поздравительные телеграммы. Праздновался день рождения хозяина дома и его бэби! Особое удовольствие Дарту доставили телеграммы от его учителя сэра Элиота Смита и ведущего американского антрополога из Смитсоновского института в Вашингтоне Алеша Хрдлички. Ру-

ководитель Южно-Африканской ассоциации развития науки генерал Смутс, ботаник, философ и антрополог, бывший премьер республики, писал Дарту: «Я лично и как президент Ассоциации шлю теплые поздравления в связи с вашим важным открытием. Это поистине эпохальное открытие, которое имеет не только большое значение с чисто антропологической точки зрения, но также обращает внимание на Южную Африку как на возможное поле будущих научных поисков. Уникальное открытие Брокен Хилла теперь наследовано вашим открытием, которое раскрывает прошлое человека. Не сомневаюсь, что вам и в будущем будет сопутствовать триумф».

Дело дошло до того, что даже Жан Гофмейер, глава Трансвааля, известный своим подчеркнутым недоброжелательством к выходцам из Австралии, прислал телеграмму. Правда, она оказалась самой лаконичной — в ней стояло всего одно слово: «Поздравляю».

Затем прибыло письмо с поздравлениями от известного врача и палеонтолога Роберта Брума, который начал свою научную карьеру в Австралии, отчего, очевидно, тоже не пользовался в Южно-Африканской республике особым расположением власть имущих. Вообще-то он занимался вопросами происхождения млекопитающих, но проблема возникновения человека волновала его не в меньшей степени. Этот высокий, неистощимый на юмор и на удивление энергичный для своих шестидесяти лет человек пользовался особым расположением и авторитетом у своих друзей и коллег. Генерал Смутс боготворил Брума, а его склонности к противоречиям и так называемые странности, часто присущие людям незаурядным и талантливым, были поистине легендарны. Дарт ничуть не удивился, когда через две недели после письма в дверях лаборатории показалась знакомая громоздкая фигура Брума. На его лице с крупными характерными чертами — большой нос, приостренный подбородок, сильная костная структура — насмешливо поблескивали глаза, уютно расположен-

ные под густым козырьком черных бровей, резко контрастирующих с седой шевелюрой.

Брум не обратил внимания ни на Дарта, ни на его сотрудников. Его глаза искали то, ради чего он прибыл в Иоганнесбург из Претории — череп австралопитека. И когда Брум узнал бэби, лежащего на полке, то, сделав несколько шагов, на глазах изумленных ассистентов Дарта медленно опустился на колени. «Я преклоняюсь перед тобой, о предок!» — проговорил он так, будто читал священную молитву, и согнул в поклоне широкую спину. Затем поднялся и взял в руки череп. Его лицо приняло трагическое выражение: «Увы, бедный Йорик, я знал его хорошо».

До конца недели Брум не покидал лаборатории, занимаясь скрупулезным изучением черепа и делая всевозможные замеры. Его, как палеонтолога, мало занимал окаменевший слепок мозга с его необычными размерами, формой и извилинами, хотя он и определил его как предчеловеческий. Но что касается структуры зубов и особенностей строения других костей черепа, то Брум полностью согласился с выводами Дарта. Результатом визита в Иоганнесбург стали две краткие заметки, посланные в журналы «Nature» и «Natural History». В них Брум писал о том, что Дарт имел веские основания не определять австралопитека как ископаемую вариацию шимпанзе или гориллы. Во всяком случае, по структуре зубов австралопитек отличен от них. По размеру черепа, форме челюстей бэби, по мнению Брума, напоминает отчасти шимпанзе, но другие детали строения костей, а также мозга позволяют считать его антропоидом, из которого со временем мог возникнуть человек. По существу, заявил Брум, австралопитек — связующая форма между высшими обезьянами, к которым он расположен ближе, и одним из низших типов древнейшего человека. Он попытался даже реконструировать череп взрослого австралопитека. Реконструкция оказалась удивительно сходной с черепом питекантропа, если не считать

меньшего объема мозга и менее прямой посадки головы. Австралопитек, согласно заключению Брума,— предшественник пильтдаунского человека и «самая ранняя человеческая вариация».

Что же, однако, в это время происходило в Лондоне? За четыре дня до появления на полосах «Star» статьи Бернарда Паузра, 30 января 1926 года, к сэру Артуру Кизсу, который приготовился читать лекцию в колледже, примчался необычайно озабоченный редактор «Nature» Ричард Грегори. Он сообщил о получении от Дарта статьи, посвященной открытию, настолько беспрецедентному по характеру, что он сам затруднялся решить, следует ли печатать ее до того, как эксперты выскажут свои соображения. Кизс пожал плечами и сказал: «Почему бы и не напечатать?». Однако тут же попросил доставить к нему статью утром 3 февраля. Бегло просмотрев сочинение Дарта и ознакомившись с иллюстрациями, Кизс в тот же день пришел к заключению, что Дарт описал череп антропоидной обезьяны, «ближайшей кузины гориллы и шимпанзе». Как же он удивился, когда поздно вечером к нему ворвались репортеры лондонских газет, чтобы взять интервью в связи с получением телеграммы из Южной Африки об открытии недостающего звена. У Кизса не было настроения для многословного интервью. Он сказал всего две фразы: «Я не думаю, чтобы Дарт заблуждался. Если он достаточно полно изучил череп, мы готовы принять его выводы». От дальнейших разговоров Кизс отказался и последующие дни направлял всех репортеров к Элиоту Смиту.

«Illustrated London news»[1], одна из популярнейших и старейших газет столицы, напечатала впечатления Элиота Смита о существе открытия. Этот выдающийся антрополог, под руководством которого Раймонд Дарт четыре года изучал слепки мозга, высказался в решительных выраже-

[1] «Иллюстрированные лондонские новости».

ниях: «Это просто счастливое стечение обстоятельств, что находка такого рода попала в руки профессора Дарта, ибо он один из, по крайней мере, трех или четырех человек в мире, кто имеет опыт исследования такого материала и может определить его реальную ценность...»

Когда Дарт получил из Лондона известие о публикации 7 февраля в «Nature» его статьи об австралопитеке, ему показалось, что победа близка. Все же палеоантропология со времени Дарвина и Фульротта продвинулась достаточно далеко вперед, чтобы не встречать в штыки каждое новое открытие! Радость и уверенность в себе подогревались также продолжающимся потоком поздравлений, а также предложениями и просьбами написать статьи о находке в Таунгсе. «Сайнс ньюс сервис» из Вашингтона настойчиво призывала выступить с изложением идей на страницах своего издания. «Оксфорд юнивосити пресс» просила предоставить ей право публикации работ по ископаемому черепу в издательствах США, Британии и других стран. «Верлаг Паренс и комиссия» из Мюнхена торопилась заключить контракт на право публикации книги в издательствах, имеющих связи со всеевропейским книжным рынком! Никакой книги еще не было и в помине, да Дарт и не думал пока писать ее, надеясь в ближайшее время заняться раскопками в Таунгсе, тем более, что для этого важного дела складывались благоприятные обстоятельства — среди руководства медицинского факультета университета и в сенате начали поговаривать о необходимости сделать Дарта президентом Южно-Африканской секции развития науки и королевского научного общества Южной Африки. Если такая карьера будет способствовать его палеоантропологическим занятиям, то почему бы не порадоваться и этому?

Открытие австралопитека и всеобщее внимание к нему имели еще одно важное последствие, позволявшее надеяться на успех в предстоящих раскопках,— они вызвали огромный интерес к палеонтологии у людей, далеких от

нее по роду своих занятий. Рабочие каменоломен, близких к Иоганнесбургу, теперь упаковывали ископаемые кости в ящики и отправляли их Дарту в медицинскую школу. Интересные коллекции прибыли, в частности, из Стеркфонтейна, расположенного в 35 милях к западу от Иоганнесбурга. Среди костей Дарт обнаружил несколько крупных черепов павианов, отчасти близких современным, из чего он сделал заключение о более позднем возрасте Стеркфонтейна по сравнению с Таунгсом. Еще больше волнений доставили Дарту сборы учителя Эйтцмана в карьере Макапансгат, отстоящего от Иоганнесбурга на 200 миль к северу. Среди костей преобладали остатки скелетов крупных животных, особенно антилоп. Дарт с удивлением установил, что отдельные фрагменты костей, возможно, обожжены до того, как они окаменели. Химики, которым послали на анализ потемневшие кости, подтвердили, что они действительно побывали в огне! Значит в Макапансгате, пришел к заключению Дарт, располагался лагерь «великих охотников», научившихся жарить мясо в огне.

Однако триумф, сопутствующий дебюту бэби, неожиданно окончился трагически как для него, так и для его крестного отца. Все началось с того, что ровно через неделю после публикации статьи Дарта «Nature» напечатала мнения ведущих антропологов Англии по поводу австралопитека. В блицдискуссии приняли участие Артур Кизс, Артур Смит Вудвард, Элиот Грэфтон Смит и Вильям Дакворт. Дарт поразился резким отношением к его любимому детищу. Казалось, цвет английской антропологии очнулся от шока и наконец пришел в себя от неожиданного столкновения с неведомым.

Тон и направление атаки определило заявление Кизса. Он отнюдь не отрицал наличия деталей строения черепа и мозга австралопитека, сближающих его с человеком. Заявив, что вообще у антропоидных обезьян отмечаются отдельные структуры скелета человека, а у человека, на-

против, структурные особенности антропоидов, Кизс подчеркнул мысль о сходстве австралопитека во всех существенных чертах с обезьянами, в особенности с шимпанзе и гориллой. Во всяком случае, по его мнению, весомость человеческих особенностей не превышает значимости антропоидных. Мозг австралопитека, несмотря на всю его необычность, все же в наиболее существенных чертах антропоидный, и судя по тому, что объем его в семь лет достиг всего 520 кубических сантиметров, ни о каком даже частичном человеческом статусе его не может быть и речи. Ведь такой темп роста мозга характерен для обезьян, а не для человека. Зубы бэби навели Кизса на мысль о зубах гориллы. Посадка головы австралопитека должна быть типично обезьяньей, а говорить о прямохождении существа из Таунгса нет оснований, поскольку Дарт, кроме черепа, ничего не имеет. Что касается затылочного отверстия, то с возрастом оно переместилось бы назад и не занимало бы более переднего положения. Увеличив профиль рисунка черепа австралопитека до натурального размера и сравнив его с рисунками детских и взрослых особей обезьян, Кизс записал: «Те, кто знаком с характеристикой особенностей лица молодых горилл и шимпанзе, определил бы смешение их в лице австралопитека, но в определенных деталях отличных от них, особенно в малом размере челюсти». Кизс утверждал, что австралопитек жил, несомненно, в джунглях, которые покрывали в те времена Калахари.

Вывод из размышлений заключался в следующем: если бы удалось найти череп не детской, а взрослой особи, то без сомнений он оказался бы антропоидным; австралопитек по всем признакам не предок человека, а «вымершая кузина шимпанзе и гориллы». Австралопитек не предок еще и потому, что время его существования совпадает с периодом, когда на Земле уже появился человек. Такая обезьяна могла стать предком 70 000 000 лет назад, а не какой-нибудь миллион лет. Итак, грубая ошибка — назы-

вать австралопитека недостающим звеном, поскольку он не заполняет пробел между обезьянами и человеком. На это в какой-то мере может претендовать питекантроп, поскольку у него самый малый для человека объем мозга, но недостающее звено между питекантропом и австралопитеком следует еще найти. «Если открытие питекантропа,— писал Кизс,— со всей остротой подняло вопрос о том, что есть человек, то находка в Таунгсе поставила проблему, что есть обезьяна». Вероятно, желая подсластить пилюлю, в заключение он писал о замечательности факта открытия антропоидной обезьяны на юге Африки, но начисто «забыл» о своей готовности «принять выводы Дарта».

Еще более непримиримую позицию занял Вудвард. Суммируя свои впечатления от осмотра фото черепа австралопитека, он заявил о том, что не видит ничего такого в строении орбит, носовых костей и клыков, что сближало бы существо из Таунгса с человеком и отличало его от современной молодой шимпанзе. Вудвард сетовал на отсутствие костей мозговой коробки черепа, что позволило бы установить кривизну свода. Для него осталось не ясным, округла или уплощена лобная часть мозга австралопитека и каковы размеры мозжечка. По мнению Вудварда, открытие ископаемого антропоида на юге Африки мало разъясняет вопрос о том, где находится прародина человека и где следует искать его прямых предков — в Азии или в Африке. Ведь в Индии пока найдены лишь зубы и челюсти антропоидных обезьян и о характере их черепов пока ничего определенного сказать нельзя. «Чтобы опубликовать определенные впечатления,— писал Вудвард,— нужны новые находки».

Дружественный и благожелательный тон отчетливо прослеживался в разделе, написанном Смитом, хотя и он не остался до конца последовательным, поскольку не принимал, но и не отвергал главных заключений Дарта. Учитель, однако, поддержал выводы ученика о человеческих

особенностях в строении челюстей и зубов и, конечно же, не мог не обратить внимания на положение луновидной бороздки на слепке мозга австралопитека, характерной человеческой черте. Смит посоветовал уточнить дату существования австралопитека, подробнее описать условия находки и точную форму зубов. Пожалуй, наиболее благосклонным к бэби оказался Дакворт, согласившийся со многими заключениями Дарта и обративший внимание на другие тонкие детали строения черепа, свидетельствующие о сходстве его с примитивными человеческими черепами. Однако и Дакворт оговорился, что, к сожалению, оценивается череп слишком молодой особи.

Затем последовали новые удары. Известный антрополог и геолог Оксфордского университета Соллас выразил согласие с Кизсом и Вудвардом относительно близкого родства австралопитека с антропоидными обезьянами. В августе 1926 года Иоганнесбург посетил Алеш Хрдличка, намереваясь лично познакомиться с бэби и его «домом» — пещерой в Таунгсе. Он согласился с Дартом в том, что австралопитек, конечно же, не лесной житель, ибо Калахари вряд ли когда покрывали джунгли. «Это, несомненно, недостающее звено, одно из многих все еще недостающих звеньев в цепи предков человека». Но что стоило это замечание, если позже в докладе на очередной специальной конференции Королевского антропологического общества, на котором, кстати, председательствовал Кизс, он неожиданно изменил свои взгляды и объявил об открытии Дартом «нового вида, если не рода, высшей антропоидной обезьяны», об отношении которой к человеку, а также к шимпанзе и горилле еще следовало разобраться. Видный эксперт по антропологии Артур Робинзон, выступая в Эдинбурге, объявил об открытии в Таунгсе «черепа шимпанзе четырех лет». Заколебался и Смит, старый добрый учитель Дарта. Выступая в университетском колледже с докладом, который затем полностью перепечатала лондонская «Таймс», он сказал: «Несмотря на то, что пер-

вооткрыватель объявил австралопитека недостающим звеном, нет сомнения в том, что он отнюдь не то действительно значительное (!) звено, которое ищут. Это бесспорно обезьяна, близкая шимпанзе и горилле... К несчастью Дарт не имел в своем распоряжении черепов молодых шимпанзе, горилл и орангутангов, чтобы сравнить их и понять, что посадка головы, форма челюстей и многие детали строения носа, лица и в целом черепа, которые он принял за особенности, связывающие австралопитека с человеком, в сущности идентичны с особенностями, характерными для молодых горилл и шимпанзе...»

А вот какие мысли высказал в Вене на конференции австрийских ученых Вальтер Абель, сын знаменитого палеонтолога Отенио Абеля: детальное сравнение с черепом гориллы убеждает в том, что австралопитек имеет общего с нею предка. Разумеется, есть параллели с человеческим черепом, и в этом отношении Дарт во многом прав. Возможно, это свидетельствует об отделении австралопитека от одного с человеком предкового ствола. Однако такое событие произошло не менее 70 000 000 лет назад. Если бы в Таунгсе нашли череп взрослого австралопитека, то, по мнению Абеля, сразу же стало бы ясно, что подобную обезьяну нельзя считать предком человека.

Темпераментный, экспансивный Брум, наблюдая зигзаги глубокомысленных заключений, бушевал и не стеснялся в выражениях, направленных в адрес противников бэби.

— Это поразительно! — язвительно восклицал он, встречаясь с Дартом.— Мы приглашаем в Иоганнесбург величайшего американского антрополога Хрдличку, показываем ему почти полный ископаемый череп интереснейшего существа вместе с превосходным слепком внутренней полости его черепа, и что же узнаем? Оказывается, эксперт не способен, да, да, не способен высказать свое мнение о ценности открытия и требует не чего-нибудь, а «добавочных образцов»! Я уже не говорю об этом новоявленном

лидере антропологии Вудварде. Он проявляет странную и поразительную неуверенность в себе. Будь моя воля, я никогда бы не послал в Лондон и Вашингтон ни одного образца кости ископаемого человека. Тамошние антропологи способны десятилетиями глубокомысленно сидеть над образцами, пока не покроются вместе с ними пылью и паутиной! Где, я вас спрашиваю, публикация черепа из Брокен Хилла? Сколько еще нужно времени Вудварду, чтобы «изучение», наконец, завершилось изданием, нужным всем позарез?

Дарт смущенно бормотал что-то о вреде поспешности в таком важном деле и о мудрой осторожности знатоков. Однако такие речи еще более распаляли Брума.

— Вот-вот, именно об этом больше всего думают в Лондоне! — возмущался он.— Кизс и Вудвард, очевидно, шокированы и смущены тем, что вы слишком быстро, всего через три месяца после открытия, опубликовали череп бэби. Как же — это беспрецедентно! Это дурной тон! А что если задержка с публикациями, столь характерная для лондонцев, признак их неуверенности и некомпетентности? Я никак не могу понять, в чем состоит ваша вина. Может быть, они недовольны тем, что вы не приехали к ним на предварительную консультацию или, того лучше, не догадались преподнести им череп австралопитека? Вообще у меня создается впечатление, что в Лондоне проявляют мало интереса к тому, что тесно родственно предкам человека. Вы думаете, газеты случайно заняты педантичным вопросом — хороша ли латынь в имени бэби — Australopithecus? Они, видите ли, как и Кизс, ломали голову над проблемой — велик ли Дарт как анатом и можно ли его отнести к ученым классикам! Какое это имеет значение? Их коллега сделал одно из величайших открытий в мировой истории, которое я бы поставил в один ранг по значению с книгой Дарвина «Происхождение видов», а в это время представители английской науки и культуры третируют его, будто он бездарный школьник!

Должен сказать, кстати, что меня чрезвычайно привлекает и кажется интересным ваш вывод об охоте австралопитека на павианов. В моей коллекции есть пара черепов этих обезьян. Трещины и проломы на том и другом не оставляют сомнений — они были убиты целенаправленными и сильными ударами. Один из черепов с особенно выразительной округлой депрессированной трещиной я решил показать эксперту. И что же? Он сделал вывод об ударе каким-то тупым инструментом вроде небольшого молотка. Я немедленно приготовил слепок черепа и послал его Кизсу. Недавно из Лондона получен ответ — мэтр британской антропологии пришел к выводу, что череп павиана проломлен человеком. Но ведь не было в пещере Таунгс человека! Мы же не нашли в ней ни зубов, ни костей, ни орудий человека, а лишь череп австралопитека... Да что тут говорить, если на днях после моей лекции о недостающем звене Южной Африки один достаточно известный ученый всерьез предположил, что павиан проломил свой череп, упав с дерева! Знаменитости, привыкшей высказывать безапелляционные суждения, и в голову не пришло поинтересоваться — видел ли кто когда павианов на деревьях. Он пропустил также мимо ушей мои рассуждения о пустынных условиях ландшафта Трансвааля в те далекие времена — не мог павиан забраться на дерево хотя бы уже потому, что оно не росло около пещеры! Ваше заключение, Дарт, о том, что австралопитек — охотник и собиратель, поистине гениально. Да, такие существа могли охотиться, но не в одиночку, а стаей. Они подстерегали свои жертвы у водопоя или на тропинках к нему и убивали их камнями и палками. Кротов и зайцев австралопитеки выкапывали из нор с помощью палок или приостренных камней. Тема австралопитеков вдохновляет меня потому, что дает возможность мыслить и фантазировать. Вы недостаточно энергично и настойчиво защищаетесь, мой юный друг...

Дарт тяжело переживал крутой поворот в оценке кол-

легами его открытия. Разумеется, он готовился к огорчениям, помня о страданиях Дюбуа, убеждал себя в полезности критицизма, но то, с чем ему вскоре пришлось столкнуться, превзошло допустимые нормы. Антропологи столь усердно обсуждали обезьяньи черты его очаровательного милого бэби, что вскоре малыш превратился под пером популяризаторов-журналистов и научных комментаторов газет в символ безобразия и уродства. Неблагодарные служители прессы, которые совсем недавно умоляли Дарта об интервью, теперь старались превзойти друг друга в остроумии по адресу юного «чудовища из Таунгса». В состязание включились даже респектабельный лондонский еженедельник «Spectator»[1] и консервативная газета «Morning Post»[2]. Конферансье разыгрывали сценки на подмостках мюзик-холлов Британии: «Послушай, Билл, та девушка, с которой я видел тебя вчера, она что — из Таунгса?». Композиторы сочиняли чарльстоны и песенки, посвященные обезьяне из Трансвааля. Под эти модные ритмы юнцы и девицы лихо отплясывали в дансингах Англии и Южно-Африканской республики. В парламенте, который заседал в Иоганнесбурге, один из почтенных депутатов, распаленный дискуссией, обратился к своему противнику со следующими словами: «Если это действительно так, как сказал почетный член Таунгса...». Оскорбленный коллега обратился с решительным протестом к председателю, который серьезно и торжественно призвал «почетных членов обращаться к другим почетным членам, учитывая их внешний облик». Австралопитек приобрел настолько скандальную известность, что даже путешествовавший по Южной Африке принц Уэлльский высказал милостивое желание осмотреть череп из Таунгса. В Иоганнесбурге он заявил: «В Южной Африке я, кажется, не о чем более не слышу, как о бэби профессора Дарта!».

[1] «Очевидец».
[2] «Утренняя почта».

Шутки шутками, но за ними определенно стояло нечто более значительное, чем просто веселье расшалившихся юмористов. Недаром «Observer»[1] именно в это время с яростью обрушился на дарвинистов и эволюционистов, а церковные круги тоже не удержались от разъяснений и напоминаний о «божественном происхождении человека». Эти шаги дали немедленный эффект: в медицинскую школу университета посыпались разгневанные и наполненные угрозами письма религиозных фанатиков. Вот один из образцов почты Дарта тех дней: «Как можете вы с даром гения, вложенным в Вас богом, а не обезьяной, изменить создателю и стать пособником дьявола, а также его послушным орудием?». Дело, наконец, дошло до призывов упрятать Дарта в дом для умалишенных.

Дарт не терял присутствия духа и яростно продолжал борьбу. Остро переживая несправедливость, он не отказывался от лекций, изготавливал муляжи черепа бэби для рассылки их по музеям и антропологическим учреждениям старой Европы и Америки. Ему помогали немногочисленные друзья, работающие в Южной Африке. Так, Брум направил ряд писем в Оксфорд Солласу с дополнительными аргументами относительно сходства австралопитека с человеком, в частности великолепные иллюстрации, опубликованные в популярном журнале «African Pictorial»[2]. Дарту приятно было узнать, что Соллас теперь иначе взглянул на его бэби. В письме Бруму английский антрополог писал: «Мои собственные наблюдения базировались ранее на схематичных иллюстрациях, сопровождавших сообщение Дарта в «Nature», и поэтому я думал, что он описал череп нового вида шимпанзе или гориллы. Но Ваши письма и иллюстрации в «African Pictorial», которые Вы так любезно послали мне, вселили новый дух уверенности в меня... Предмет этот кажется мне настолько важ-

[1] «Наблюдатель».
[2] «Африка в иллюстрациях».

ным, что требуется не что другое, как полное монографическое издание... Разрез представляет дело в совершенно новом свете. Мы, правда, не имеем большой коллекции черепов молодых шимпанзе, но их все же достаточно, чтобы сравнить с находкой в Таунгсе. Я теперь вижу, как много проявляется человеческих особенностей у австралопитека. Я даже назвал бы его Homunculus[1]. В статье для «Nature» я показываю, как значительно отличается австралопитек от шимпанзе даже по разрезу, а теперь работаю над другой статьей, где покажу, как он близок человеку. Лоб бэби совершенно человеческий, а не антропоидный... Мне абсолютно ясно, что по ряду важных особенностей... австралопитек ближе гоминидам, чем к любой из современных антропоидных обезьян!»

Соллас действительно опубликовал свои «крамольные» заключения в «Nature», а затем оказал Дарту значительную поддержку, напечатав статью в «Quarterly journal of the Geological Society»[2]. В ней он писал: «Я принимаю заключения проф. Дарта. Австралопитек несомненно в значительной мере отличается от антропоидных обезьян и по этим важным особенностям сближается с гоминидами».

Вдохновленный Дарт с помощью студента-медика реконструировал полный череп австралопитека, а затем шею и плечи. Реконструкция, выполненная художником Бэнсоном, была представлена в выставочный комитет Лондона вместе со схемой родословного древа человека, у основания которого Дарт поместил австралопитека (следующие звенья — питекантроп, гейдельбергский человек, неандерталец). Стенд венчала решительная надпись: «Африка — колыбель человечества». Но тут-то и выяснилось, что переубедить скептиков не так просто. Посетивший выставку Кизс придирчиво осмотрел реконструкцию бэби, взглянул

---

[1] Человек искусственный.

[2] «Квартальный журнал Геологического общества».

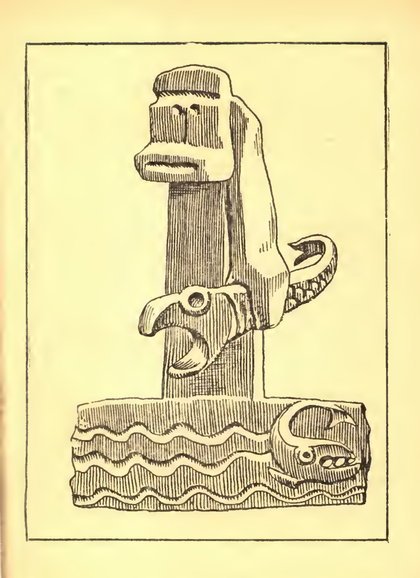
на родословное древо и сказал репортерам: «Нельзя считать, что таунгский череп принадлежал недостающему звену. Осмотр муляжей убеждает в неверности заявлений Дарта. Австралопитек — молодая антропоидная обезьяна, и я не испытываю никаких колебаний, предлагая поместить эту ископаемую форму в группе гориллы и шимпанзе. К тому же бэби слишком поздний по времени, чтобы оставаться среди предков человека». Ласковое слово «бэби» приобрело теперь насмешливо-ироническое звучание. Лидеры антропологии стали называть ископаемое из Таунгса не австралопитеком, а просто «бэби Дарта». Первооткрывателя недвусмысленно обвиняли в невежестве. Каково было слышать упрек: «Если вы решились вступить в игру, то прежде всего потрудитесь изучить правила». Или того лучше: «Профессор Дарт не понимает пристрастности своих обид!». Что же удивляться тому, что Кизс, председатель конгресса развития науки, который проходил в Лидсе в 1927 году, ни словом не упомянул об австралопитеке, но зато превозносил значение эоантропа и даже признал питекантропа.

Четыре года потребовалось Дарту, чтобы закончить книгу о черепе австралопитека. И вот, наконец, в 1929 году она была написана и отправлена в Лондон Элиоту Смиту. Конечно, не случайно — от других издательств предложений давно нет, а в Иоганнесбурге не находят средств для ее публикации! Все эти годы продолжалась и кропотливая расчистка зубов для того, чтобы разъединить верхнюю и нижнюю челюсти. 10 июля 1929 года Дарт блестяще выполнил эту задачу и впервые взглянул на жевательную поверхность зубов. По характеру стертости коренных, выступам и желобкам они удивительно напоминали человеческие зубы и в то же время резко отличались от зубов антропоидных обезьян. За выводом такого рода стояло многое, в том числе сходство с человеком по характеру питания, то есть всеядность, а не вегетарианство, как у высших обезьян. Чтобы окончательно убедиться в

справедливости своих заключений, Дарт послал муляжи зубов выдающемуся антропологу профессору отдела сравнительной анатомии Американского музея естественной истории Нью-Йорка Вильяму Грегори. Он не замедлил с ответом: из двадцати шести признаков зубов австралопитека, которые удалось выделить, близких шимпанзе не оказалось; с гориллой его объединяли два признака; с шимпанзе и гориллой — один; с шимпанзе, гориллой и примитивным человеком — три; а переходных к человеческим или близким зубам примитивного человека Грегори насчитал двадцать! Иронизируя, он писал: «Если австралопитек снова не станет недостающим звеном, то кто же он. в конце концов?»

Дело оказалось, однако, не таким простым, как представлялось Грегори. Через два года, тщательно изучив муляжи костных остатков австралопитека, он на нью-йоркском симпозиуме, посвященном антропоидным обезьянам, изменил свое мнение. Как сообщили газеты, Грегори говорил теперь об открытии в Таунгсе «замечательной сохранности черепа молодой обезьяны». Правда, она, по его мнению, имела «больше человеческих черт, чем любая другая из прежде открытых». Грегори даже готов был признать, что австралопитек — «определенное звено между человеком и обезьяной», но все же «недавно потерянное недостающее звено» Бэби Дарта, утверждал Грегори, просто обезьяна, которая развивалась отчасти вдоль человеческой линии. Ведь в то время уже существовал настоящий обезьяночеловек, который отделился от антропоидного ствола до появления австралопитека.

Дарт, наконец, рискнул идти ва-банк. Воспользовавшись необходимостью поездки Доры в Англию для продолжения медицинского образования, он решил отправиться в Лондон для встреч и объяснений с главными из своих критиков — Кизсом и Вудвардом и примкнувшим к ним Смитом. В конце мая 1930 года он упаковал череп бэби в специально изготовленный деревянный ящик и присое-



динился к итальянской экспедиции Аттилио Гатти, который намеревался пересечь континент с юга на север. Дарт загорелся мечтой познакомиться ближе с Африкой и населяющими ее людьми. Восемь месяцев путешествовал бэби по земле прародины человека. Дарт любовался рекой Конго, озерами Танганьика и Киву, джунглями Ирима, Итури, Уило-мото, Аба, руинами Зимбабве и наскальными рисунками Солвези. Наибольшее впечатление на него произвели холмы Брокен Хилла и поход с пигмеями в горные джунгли, где ему посчастливилось увидеть стадо горилл.

Полный впечатлений, загоревший и бодрый, Дарт прибыл в Лондон в феврале 1931 года, готовый ринуться в драку за место австралопитека в родословной человека. Никто, однако, сражаться не думал. Кизс и Вудвард оставались воплощением приветливости. Они не скупились на выражение дружеских чувств, но при разговорах с Дартом настойчиво уклонялись от обсуждения тем, связанных с бэби. Выступления Дарта в середине февраля на заседаниях Зоологического общества и Королевского общественного клуба Лондона сопровождались демонстрацией черепа австралопитека и прошли, несмотря на его волнение, с очевидным успехом. Судя по явному интересу и многочисленным вопросам, которыми засыпали докладчика, присутствовавшие на лекциях (Дарт мог сказать об этом с уверенностью) не думали, что им подсовывают какую-то незначительную и не представляющую особого значения антропоидную обезьяну. Но победа оказалась пирровой — когда Дарт обратился к Элиоту Смиту, который только что вернулся из Китая, с просьбой содействовать публикации книги (рукопись была выслана ему год назад), то выяснилось, что вследствие многочисленных препятствий в королевском комитете ее, пожалуй, стоит почесть за благо увезти поскорее назад в Иоганнесбург и подождать лучших времен. Смит, Кизс и Вудвард, как бы сговорившись, предпочитали толковать с Дартом не об

австралопитеке, а о далеком Китае, где на холмах под названием Чжоукоудянь Дэвидсон Блэк нашел остатки синантропа — обезьяночеловека, близкого питекантропу и умеющего делать орудия и пользоваться огнем. Смит только что вернулся оттуда и мог обсуждать увиденное часами. Дарту ничего не оставалось делать, как отправиться в Африку. По существу, он растерял почти всех своих сторонников, кроме, разумеется, Брума, который продолжал до конца самоотверженно защищать своего «юного коллегу». Брум увлекся реставрацией головы австралопитека. На его рисунке глаза и уши бэби выглядели как у человека, губы выступали вперед, а нос был плоский, немного кнопочный по виду. Ну чем не благодатная пища для потехи остряков?

А тут еще надо было случиться тому, что бэби неожиданно стал в Лондоне героем отдела происшествий. Перед отъездом в Иоганнесбург Дора, задержавшаяся на несколько месяцев в Лондоне, зашла к Смиту попрощаться и забрать заветный деревянный ящик с черепом австралопитека, с которого Барлоу по просьбе Дарта изготовлял муляжи. Смит, как истинный джентльмен, проводил даму в такси до отеля и, выпив с нею по чашечке кофе, откланявшись, отправился домой. Приготовившись спать, Дора с ужасом спохватилась — а где же ящик с бэби?! И тут выяснилось, что за разговорами Смит и она начисто забыли о черепе: ящик остался в багажнике такси! Машина была отпущена сразу же, как они вышли у отеля, а номера ее, разумеется, не думали запоминать — скажите на милость, какой резон обращать внимание на подобные мелочи?

Дора теперь любила бэби не меньше, чем его любил Дарт. Она верила, что отвергнутый почти всеми «малыш» когда-нибудь будет признан и станет недостающим звеном. Но что сделать, чтобы череп по нелепой случайности не потерялся? Дора лихорадочно набрала номер телефона Смита, хотя время перевалило за полночь. Конечно, Смит

с некоторых пор разочарован в бэби и уклоняется от обсуждения его значения, однако в любом случае он понимает важность находки в Таунгсе и не откажется помочь. Так оно и случилось. Смит разволновался и огорчился не меньше Доры, и они договорились немедленно встретиться у стоянки такси. Когда Дора пришла в условленное место, ее уже ждал Смит, который тут же позвонил в ближайший полицейский участок. Сержант долго не мог понять, что за череп, какое такси, но, уразумев, с готовностью вызвался объехать все ближайшие станции. А в это время, в четыре часа ночи, таксист обнаружил в багажнике таинственный деревянный ящик, упакованный в коричневую бумагу. Ясно, что его забыл какой-то рассеянный пассажир. Находка была доставлена в полицейский участок Фулхам, и ею сразу же занялся дежурный. Никаких указаний на адрес хозяина обнаружить не удалось, поэтому сержант принял решение вскрыть ящик и осмотреть содержимое. Газеты долго потом потешались, расписывая в деталях чувства полицейского, который ожидал увидеть внутри все что угодно, только не обезьянообразный череп величиною с кулак. Разумеется, дежурный шерлок холмс сразу же подумал о загадочном убийстве, которое теперь предстояло раскрыть. Сержанта, оказывается, распирала гордость при мысли, что он стоит у начала разгадки «убийства века». Однако звонок с соседнего полицейского участка прервал его честолюбивые помыслы в самом начале. Бэби торжественно доставили Доре в отель...

Удивительно одинаковой оказалась судьба черепов питекантропа и австралопитека: за счастливым открытием следовала полоса мучительной борьбы за признание их значения, оканчивающаяся поражением. Их даже сходным образом трагически теряли, но, к счастью, находили вновь, чтобы продолжить борьбу за истину.

Дарт после визита в Лондон был окончательно выбит из седла. Его охватила апатия. При воспоминаниях о сто-

личных разговорах пропадало всякое желание браться за перо, инструменты для расчистки костей, а тем более за лопаты, чтобы продолжать раскопки в Таунгсе. Он и мысли не допускал, что когда-нибудь наступит время и ему придется вновь, окунувшись в борьбу, взбудоражить ученый мир. Правда, Дарту потребовалось почти четверть века, чтобы снова решиться вступить на усыпанный терниями путь, но если в его жизни такое событие все же в конце концов произошло, то, пожалуй, главным «виновником» этого следует считать его старого неутомимого и неугомонного друга Роберта Брума...

В серии форм, связывающих обезьянообразное существо и человека, чрезвычайно трудно зафиксировать определенную точку, когда должно применить термин «человек».

Чарлз Дарвин

История четвертая

МИССИС ПЛЕЗ И ЕЕ РОДИЧИ

В воскресные дни в Стеркфонтейне, известняковом карьере, расположенном в шести милях к северо-западу от местечка Крюгерсдорф и всего в тридцати милях от Иоганнесбурга, устанавливалась благодатная тишина. Казалось, что окрестности холма, где шесть дней в неделю велись интенсивные разработки камня, наслаждались желанным покоем, получив короткую передышку от адского грохота взрывов, разносящих вдребезги пласты известняка, от скрежета погрузочных механизмов и камнедробилок, а также рева грузовых автомобилей. Идиллическая картина утра 9 августа 1936 года неожиданно настроила Роберта Брума на приятные воспоминания о далеких невозвратимых годах детства. Этому помогли и медленно поднимающиеся от печей для обжига известняка почти прозрачные, тающие в воздухе струйки дыма, вдруг напомнившие дом бабушки на берегу моря в Шотландии, куда в 1873 году отправил его, шестилетнего ребенка, отец —

своенравный Джон Брум. У мальчика оказались слабыми легкие, и глава семейства решил, что деревенская жизнь и море укрепят его здоровье.

Роберт Брум с нежностью вспоминал счастливое время, проведенное у бабушки. Тогда он впервые слегка прикоснулся к таинствам науки, захватившей его впоследствии всего без остатка. Как благодарен он своему отцу, отставному армейскому лейтенанту, научившему его любить охоту за насекомыми и долгие походы вдоль моря, когда они усердно собирали юрких крабов, медлительных морских звезд и всевозможные ракушки причудливых форм! Бабушка вскоре смирилась с батареей банок с трофеями, выстроившихся на одной из ее кухонных полок. А чем плох 1875 год, когда отец купил дачу в Липлгуде и перевез туда семью? Часами бродили Джон и его повзрослевший сын Роберт по берегам шотландских речушек. Старший Брум увлекся ботаникой, и младший не захотел отставать от него. С того далекого времени горожанин Роберт Брум не мог без волнения видеть поднимающиеся над трубами столбы дыма, без которых невозможно представить картину шотландских деревень и дачных поселков в окрестностях городка Пэйсли, где он родился в 1866 году.

Боже мой, как, однако, быстро летит время — это было ровно семьдесят лет назад!

Но, может быть, воспоминания о юных годах навеяли пещеры в известняковых обрывах Стеркфонтейна, которые он осматривает вместе со студентами профессора Дарта Шеперсом и Ричем? Это они вдохновили его на поездку из Претории, где он работает куратором палеонтологии позвоночных и физической антропологии Трансваальского музея, и вот теперь их знакомит с достопримечательностями Стеркфонтейна сам управляющий — Джон Вильям Барлоу, единственный из администрации карьера, кто остался на воскресенье «присматривать за порядком». Не рвение к службе и отнюдь не бескорыстие заставляли его в дни отдыха торчать здесь. Дело в том,

что по воскресным дням из Иоганнесбурга и других окрестных городов в Стеркфонтейн наведывались туристы, жадные до осмотра огромных пещер, протянувшихся в глубь каменных пластов. Лучшего гида, чем Барлоу, который проработал на руднике несколько лет, им не сыскать, и он не отказывался от обязанностей экскурсовода, поскольку подобные прогулки, не особенно обременяя его, давали дополнительный доход в несколько фунтов. А если к этому прибавить некую толику денег, которую можно было иногда выручить от продажи отдельным чудакам ископаемых костей, часто попадавшихся в древних пещерах, то увлечение Барлоу воскресным бизнесом вряд ли вызовет удивление.

Управляющий и на этот раз старался угодить посетителям. Высокий почтенный старик лет семидесяти, который приехал в Стеркфонтейн с двумя молодыми людьми, определенно знал толк в пещерах и, конечно, в том, что в них можно найти.

Немногим более сорока лет назад Роберт Брум впервые провел многомесячные раскопки открытых им костеносных пещерных отложений в северной части Квинсленда, одного из районов Австралии. На этот отдаленный материк его забросило желание найти подходящий климат для «хлипкого», как считали его родители, здоровья, а если говорить откровенно, то жажда приняться за изучение уникальных австралийских сумчатых. К тому времени прошло шесть лет, как он получил степень доктора медицины и окончил университет в Глазго, где ему посчастливилось учиться у великого лорда Кельвина. Тогда же Брума увлекли проблемы происхождения млекопитающих, и он подумал, что Австралия может стать подходящим местом для поиска ответов на мучившие его вопросы. Раскопки оказались и впрямь удачными — Брум обнаружил интереснейшие останки вымерших сумчатых, а также собрал большую коллекцию пресмыкающихся. Двенадцать опубликованных работ — таков итог его заня-

тий наукой в Австралии. Не следует забывать, что все это он совмещал с интенсивной врачебной практикой.

Нет, что ни говори, а красоту австралийских гротов не сравнить с пещерами Стеркфонтейна, как бы велики они не были! Что это за камеры, где уже несколько лет назад сколоты, раздроблены и сожжены в печах тонкие сталактиты, подлинное украшение подземелий! И все же, опускаясь к подножию холма, Брум радовался, что представился случай вернуться к пещерам.

Как любопытно складывалась его судьба, какие причудливые зигзаги выписывал его жизненный путь, думал Брум, направляясь вслед за Барлоу, который вел их к центральному пункту маршрута — так называемой «чайной комнате» управления рудника, где обещал показать гостям «нечто примечательное».

В Австралии Брум долго не задержался. В 1896 году он уже выехал в Южную Африку, где к этому времени открыли странные ископаемые рептилии, по облику напоминающие млекопитающих. «Вот где следует искать разгадку появления на Земле первых млекопитающих»,— решил Брум. В январе 1897 года его можно было встретить на улицах Кейптауна. Однако организовать поиски ископаемых оказалось не так-то просто. Охотников выделить деньги не нашлось, и Бруму не оставалось ничего другого, как снова заняться медицинской практикой в Литл Намэйяналэнде.

Но не таков доктор Роберт Брум, чтобы смириться и отказаться от мечты. Заглянув как-то в район Кароо, известный фантастическим обилием ископаемых костей, он перевелся туда на работу, чтобы в свободное от службы время иметь возможность заниматься изучением костеносных слоев. Заметив, что дающая ему 1000 долларов годового дохода медицинская практика мешает серьезным занятиям палеонтологией, Брум без колебаний расстался с нею и занял место профессора геологии и зоологии колледжа Виктория в Стелленбохе с жалованием всего в

450 долларов в год. Семь лет продолжалась интенсивная работа, и около сотни статей, которые написал Брум о ископаемых Кароо, сделали его имя знаменитым в кругах палеонтологов. Недаром Генри Фэрфилд Осборн, выдающийся американский специалист по древним животным, познакомившись в 1906 году с Брумом в Лондоне, сразу же предложил ему приехать в Нью-Йоркский музей естественной истории и попытаться решить спорный в среде американских палеонтологов вопрос о сходстве или различиях рептилий Нового и Старого Света. Продолжение работ в Кароо позволило Бруму в конце концов решить для себя проблему происхождения млекопитающих. Он без колебаний присоединился к точке зрения Коупа о том, что предков их следует искать среди рептилий, напоминающих по облику млекопитающих.

К сожалению, те, от кого зависело продолжение работ, не проявили особого интереса к выдающимся открытиям Брума. Из-за постоянных материальных затруднений ему пришлось оставить почетяую профессорскую должность и вернуться к лечению больных. Что касается собранных им огромных коллекций, то, поскольку правительство Южно-Африканской республики не высказало желания сохранить их в местных музеях, разгневанный Брум немедленно упаковал кости и отправил их в Нью-Йорк в Музей естественной истории. Американцы в благодарность обещали, как только он пожелает, предоставить возможность выехать в Нью-Йорк для обработки этих коллекций.

Потом началась мировая война, и Брум, выехав в Англию, до 1916 года работал в лондонском госпитале. Вернувшись в Южную Африку, он снова продолжил изучение ископаемых рептилий в свободное от практики время. Открытие австралопитека впервые заставило его задуматься над проблемами происхождения человека. Брума всегда привлекало решение загадок возникновения нового в животном мире. Недаром он посвятил свою жизнь исследованию древнейших млекопитающих. Брум первым поддер-

жал выводы Дарта и приложил массу усилий для разъяснения справедливости его заключений. Не имея возможности вести раскопки, он не давал покоя Дарту, вдохновляя «юного коллегу» продолжить исследования, и не переставал ругать его за недостаточную энергичность и настойчивость в дискуссиях с противниками. Брум продолжал изучение черепа бэби даже тогда, когда большинство антропологов разочарованно отступилось, решив, что в Таунгсе открыта заурядная антропоидная обезьяна.

Возможно, мечта заняться проблемой происхождения человека так и осталась бы для Брума несбыточной, тем более, что за плечами был уже груз шестидесяти лет, однако очередной зигзаг жизненного пути неожиданно представил ему шанс на склоне лет попытать счастье и в этой области. Генерал Смутс, руководитель научной ассоциации, обратил внимание на скромного врача из провинциального городка Магасси, и он был удивлен, что один из выдающихся специалистов-палеонтологов, заслуги которого в науке неоспоримы, не может посвятить оставшиеся годы научным исследованиям. Подумав, Смутс предложил Бруму занять пост куратора Трансваальского музея Претории, и в августе 1934 года Брум покинул Магасси. Ему исполнилось шестьдесят девять лет, но он мог дать фору любому из сотрудников Трансваальского музея. За последние полтора года он собрал великолепную коллекцию ископаемых рептилий и обработал ее, выделив 23 новых рода и 44 новых вида животных. Свои выводы Брум изложил в шестнадцати статьях. И теперь, когда репутация с лихвой подтверждена, можно приступить к охоте за австралопитеками, причем обязательно за взрослыми, чтобы сразу выбить почву из-под ног лондонских авторитетов!

Охота началась в старых, давно заброшенных известняковых карьерах, расположенных в 13 милях к западу от Претории в долине Геннопс Ривер. Сначала Брум выехал туда вместе с лидером южно-африканских палеонто-

логов Робертсом, которого давно волновала твердая каменистая брекчия, заполненная большим количеством черепов и костей каких-то мелких животных. В свое время здесь работал великий американский натуралист Герберт Ланг. Собранные образцы он отправил Вильяму Мэтью в Музей естественной истории Нью-Йорка, но тот отказался дать определения, ссылаясь на отсутствие современных мелких млекопитающих Южной Африки, нужных для сравнения и точной диагностики ископаемых. Робертс скептически относился к возможности определения разновидностей животных из брекчии, учитывая фрагментарность костей. Однако Брум за несколько недель работы на основании тщательного анализа найденных зубов ископаемых пришел к выводу об открытии новых видов древних крыс и кротов, с помощью которых можно было теперь особенно точно датировать геологические горизонты. Но самые волнующие находки последовали несколько позже. Брум в один из визитов в долину Геннопс Ривер обнаружил кости саблезубого тигра и какую-то крупную челюсть, не уступающую по размерам челюсти взрослой гориллы. Вот тогда он впервые поверил в реальность надежд на открытие австралопитека. Ему казалось, что если челюсть действительно антропоидная, то она, конечно, должна принадлежать взрослому австралопитеку. Можно представить, с каким волнением Брум приступил к освобождению ее от каменной матрицы. Однако, как выяснилось вскоре, ему не повезло — челюсть принадлежала гигантскому павиану.

Лиха беда начало. Брум по складу своего характера при временных, эпизодических, как он считал, неудачах не впадал в меланхолию и не терял присутствия духа. Разве одиссея Дарта началась не с открытия черепа павиана? К тому же, находка саблезубого тигра и челюсти неизвестного ранее вида ископаемого павиана сама по себе представляет исключительный интерес, и об этом факте должны знать не только специалисты, но также широкая

публика, которая всегда взахлеб читает сообщения о всевозможных открытиях в различных областях науки. Брум давно взял за правило, что вызывало удивление, а порой и негодование «серьезных ученых», просвещать «простых смертных» через газеты и научно-популярные издания. «Я убежден,— любил повторять он,— что тот, кто работает с прессой, получает в конечном счете больше, чем тот, кто предпочитает трудиться в тайне. Люди должны знать, что ты делаешь и как нужно правильно понимать результаты твоей работы. Разве случайно, что большинство открытий в палеонтологии сделано любителями? Не нужно пренебрежительно относиться к публике и игнорировать ее. Вместо того, чтобы третировать любителей, как возможных преступников, следует всеми мерами заинтересовывать людей и превращать их в любителей науки, а следовательно, в своих помощников!»

Брум не отступил от своего кредо и на этот раз. Газеты Претории, а также других городов Южной Африки сообщили о его открытиях в долине Геннопс Ривер и о надеждах найти новые доказательства обитания недостающего звена в пещерах пустынных районов Калахари. Результаты газетной деятельности не замедлили сказаться. Брума, однако, удивило не то, что однажды к нему в Трансваальский музей пришли молодые люди Шеперс и Рич и принесли два черепа небольших павианов, а то, что они оказались студентами его друга... Раймонда Дарта! Кажется, профессор из Иоганнесбурга окончательно потерял интерес к недостающему звену, и это сразу почувствовали его ученики. Во всяком случае, черепа павианов они нашли в районе известняковых карьеров Стеркфонтейна, а ведь именно оттуда за год до этого, в 1935 году, несколько подобных черепов получил один из талантливейших учеников Дарта Трэвор Джонс. Брум читал его статью и все ожидал, что последует дальше. Однако вместо сообщений о начале раскопок Дарта в Стеркфонтейне последовал визит его студентов в Транс-

ваальский музей. Шеперс и Рич пригласили Брума в ближайшее воскресенье посетить карьер.

Брум отнесся к поездке со всей ответственностью. Прежде всего, по изданным материалам ему удалось уточнить, что огромные пещеры в районе Стеркфонтейна открыты давным-давно — в 1895 году о них писал Дрейнер, а в 1897 году Фреймз опубликовал описание найденных в этом районе костей ископаемых животных, в том числе лошадей, антилоп, мартышковых обезьян, павианов, дикобразов, крыс, летучих мышей. Он высказал предположение, что кости затащили в пещеру хищники. Но Брум хорошо знал о другом возможном объяснении скопления костных остатков — недостающее звено! Вообще, как выяснилось, район Стеркфонтейна давно славился ископаемыми. Еще во времена знаменитой золотой лихорадки, вспыхнувшей на юге Африки во второй половине восьмидесятых годов прошлого века, мальчишки из рудных лагерей часто находили в рыхлых заполнениях известняковых трещин окаменевшие черепа и кости животных. Известному американскому геологу, профессору университета Цинциннати Георгу Барбуру один из видных юристов Иоганнесбурга рассказывал позже, как он вместе со своими сверстниками-мальчишками играл в футбол каменными черепами, которые часто попадались у подножий известняковых холмов.

С тех пор прошло много лет. Миллиардные прибыли получили те, кто финансировал рудные разработки в этом районе. Рядом со Стеркфонтейном вырос целый город Крюгерсдорф. Однако с 1897 года, когда появилась статья Фреймза, и до 1935 года, когда заметку о черепах павианов напечатал Джонс, никто, к удивлению Брума, не интересовался ископаемыми из пещер Стеркфонтейна. А находились-то они всего в тридцати милях от Иоганнесбурга с его техническим колледжем и университетом и в сорока милях от Претории, славящейся своим геологическим обществом! Неужели не нашлось среди десятков профессо-

ров и сотен студентов ни одного, кто бы заглянул в Стеркфонтейн за прошедшие сорок лет? Увы, как это ни печально,— не нашлось! И это в то время, когда даже владелец известнякового карьера Купэр, прельщая туристов грандиозными пещерами, соорудил на улицах Претории броские рекламные щиты с интригующим призывом: «Посетите Стеркфонтейн! Там вы найдете недостающее звено!»

Роберт Брум не относился к тем, кому следовало намекать дважды. Он с готовностью решил посетить Стеркфонтейн.

В тесной «чайной» комнате здания управления, куда после осмотра пещер Джон Вильям Барлоу привел любопытствующих гостей, стоял большой стол, а на нем, как на выставке-витрине, лежало огромное количество образцов всевозможных ископаемых, намертво включенных в породу. Каждый из туристов мог при желании приобрести на память о визите в Стеркфонтейн любую приглянувшуюся кость. Брум ахнул, увидев собранные Барлоу экспонаты. Все вместе они составляли своего рода миниатюрный музей с некоторым количеством уникальных, очевидно, образцов, о каких можно было только мечтать. Если посетители могли в любой момент стать владельцами разбросанных по столу палеонтологических сокровищ, то, наверное, из карьера Стеркфонтейн уплыл на сторону уже не один череп австралопитека! Брум обратил внимапие па какие-то легкие трубчатые кости и подумал, что, возможно, это части конечностей обезьяночеловека, но, может быть, и саблезубого тигра. До освобождения ископаемых из каменного плена ничего определенного сказать было нельзя...

— Мистер Барлоу,— обратился Брум к любезному гиду,— а вы слышали что-нибудь об открытии черепа в Таунгсе? Это случилось немногим более десяти лет назад. Газеты много писали о той находке.

— Я знаю о черепе, профессор,— с гордостью сказал Барлоу.— Дело в том, что в то время я работал в Таунгсе

и видел, как носился с черепом бушмена де Брайан. Его находку отправили потом в Иоганнесбург, не так ли?

— Правильно. Но если вы видели то, что де Брайан определил как череп бушмена, можете мне сказать, встречаются ли подобные черепа у вас в Стеркфонтейне?

— Я не мастер разбираться в черепах. Мое дело найти получше место для добычи известняка и организовать разработки. Однако мне представляется, что не будет пустым хвастовством ответ: да, пожалуй, встречались и, по-видимому, далеко не один раз. Во всяком случае, однажды я продал череп, по-моему, очень похожий на череп из Таунгса, любителю ископаемых из Претории. Но не спрашивайте меня, пожалуйста, кому продал и когда. За эти годы здесь перебывало множество любопытных и редко кто из них не покупал кости!

— Но нельзя ли, дорогой мистер Барлоу, впредь оставлять для меня черепа, которые покажутся вам интересными? Меня особенно волнуют кости, вроде найденных де Брайаном в Таунгсе. Ведь ему посчастливилось обнаружить древнейшего предка человека, возраст которого превосходит миллион лет! Мне кажется, Стеркфонтейн по возможностям ни в чем не уступит Таунгсу. Что касается вознаграждения за находки, то не беспокойтесь, мистер Барлоу,— вы получите за них настоящую цену.

Барлоу с готовностью согласился «присматривать за черепами». Договорившись с ним об очередной встрече в среду 12 августа, Брум вышел из здания управления рудника, и для него вопрос о большей перспективности Стеркфонтейна по сравнению с карьером в долине Геннопс Ривер был решен. Перед отъездом он еще раз осмотрел издали вершину холма, где карьер вскрыл богатую костеносную брекчию. Это в ней залегали черепа павианов, а возможно, и никем не замеченные бесценные костные остатки австралопитеков. Никто теперь не скажет, какие сокровища, связанные с предысторией человечества, отправлены вместе с глыбами известняка в печи для обжига

извести! Около четырех десятилетий поднимаются клубы голубого дыма над прожорливыми печами Стеркфонтейна, и кто знает, сколько черепов необыкновенных обезьян из пустынь Южной Африки безвозвратно потеряны для науки?

В Претории Брум в течение двух дней упорно пытался найти у любителей палеонтологии череп, о котором рассказывал Барлоу. Тщетно — неведомого обладателя счастливой находки, как всегда бывает в таких случаях, не удалось отыскать. Небольшой тонкий зуб животного — единственное из проданного Барлоу — попал в руки Брума. Все остальное исчезло без следа.

На третий день, в среду, как и было условлено, гость из Претории вновь появился в Стеркфонтейне. Управляющий всерьез принялся выполнять обещанное — в руки Брума попало сразу три небольших черепа павианов и обломок черепа саблезубого тигра. Превосходное начало! Но как бы ни были интересны находки, главное пока ускользало. Брум жаждал немедленного свидания с австралопитеком, и поэтому сам отправился на охоту за ним, но, увы, встреча не состоялась — как ни был внимателен Брум, ему в тот день так и не удалось превзойти Барлоу в удаче.

В воскресенье 17 августа 1936 года начался третий за последние девять дней визит в Стеркфонтейн. Барлоу не пытался скрывать торжества — он подал Бруму небольшой продолговато-округлый камень, испещренный желобками и неровными выпуклостями, и сказал многозначительно:

— Вы это хотели иметь?

Гость принял камень, бегло осмотрел его и воскликнул:

— Знаете ли вы, дорогой Барлоу, какой ценности подарок преподнесли мне? Если бы я захотел по-настоящему рассчитаться с вами, то мне не хватило бы всего золота, добытого в рудниках Трансвааля за полвека!

Экспансивный Брум имел право произнести такую во-

сторженную тираду — в руках его покоились почти две трети слепка мозговой полости черепа взрослого австралопитека! Брум достаточно долго занимался изучением черепа бэби Дарта и его окаменевшим мозговым слепком, чтобы теперь, бросив беглый взгляд, сразу по достоинству оценить находку Барлоу — подобной величины и своеобразной формы мозг мог принадлежать или такой необыкновенной антропоидной обезьяне, как австралопитек, или даже обезьяночеловеку. Какое, однако, странное совпадение: как и в случае с Таунгсом у Дарта, в Стеркфонтейн его, Брума, привели находки черепов павианов; затем последовали новые открытия черепов этих низших обезьян и вот теперь окаменевший слепок мозга. Нужно и дальше следовать по стопам первооткрывателя австралопитека — искать череп.

Брум торопливо и по-юношески легко, будто сразу сбросив бремя лет, направился к тому месту, где, согласно рассказу Барлоу, после очередного взрыва был обнаружен слепок мозга. До темноты старый куратор ползал по камням у подножия известнякового обрыва и до боли в глазах осматривал каждую пядь земли, усыпанную щебенкой. Столь же внимательно вглядывался он и в расколотую взрывом стенку брекчии, надеясь увидеть кости на плоскости свежего обнажения. Если поиски среди хаотического нагромождения камней оказались, к его досаде, безуспешными, то на одном из участков каменной стены наметанный взгляд Брума отметил примечательное углубление. Вряд ли кто другой обратил внимание на едва заметную в неровном рельефе обрыва вмятину, но в том-то и состоит величие настоящего разведчика древностей, что его глаз способен выхватить из тысячи несущественных деталей единственную главную, решающую успех дела, отметить необычное в обычном. Углубление в каменной стенке при внимательном осмотре оказалось не чем другим, как отпечатком верхушки черепа австралопитека! Бруму, таким образом, посчастливилось определить место,

где залегал череп, слепок мозговой полости которого нашел Барлоу за день до его визита.

Разумеется, след — не сама кость. Но, во-первых, по углублению в камне опытный реставратор без труда восстановит конфигурацию верхней части мозговой коробки взрослого австралопитека, что уже само по себе удача не из заурядных, во-вторых, открытие отпечатка подогрело надежды на возможные находки среди каменных блоков.

Итак, очередной тур охоты за недостающим звеном начался. Брум забыл на время проблемы, связанные с выяснением обстоятельств появления на Земле первых млекопитающих. Вся его энергия отныне отдана предкам человека. Как человек появился на Земле — вот вопрос, который волнует его теперь как никакой другой!

На следующее утро Брум поспешил в Стеркфонтейн. Его сопровождали помощник Вайт, сотрудник музея Фитцсимонс, имевший в свое время отношение к открытию боскопских черепов, а также геолог Герберт Ланг. Искать обломки черепов им помогали местные мальчишки. Затянувшаяся на многие часы охота окончилась удачей: при раскопках, разборе завалов и распиливании травертиновых блоков удалось выявить основание черепа с остатками окаменевшего слепка мозга, а также часть затылочной и лобной костей. При последующей расчистке каменного блока, в котором оказалось основание черепа, выяснилось, что от него сохранились обе половины верхней челюсти с предкоренными и двумя коренными зубами, участки глазниц и передние части надбровных дуг. Насколько тщательно и ювелирно тонка была работа, выполненная Брумом, показывает то, что ему даже удалось обнаружить в камне превосходный отпечаток зуба мудрости австралопитека! Лицевая часть черепа оказалась почти полностью разрушенной, но что касается остальных отделов, то после нескольких недель работы удалось реставрировать почти весь образец. У черепа, однако, отсутствовала нижняя челюсть. Ее так и не удалось найти.

Брум сразу установил несколько своеобразных рекордов в сроках поисков и открытия черепа недостающего звена: не три месяца, а всего девять дней понадобилось ему, чтобы обнаружить череп, а на расчистку костей потребовалось всего три недели. Не заставила себя ждать и первая публикация — 19 сентября 1936 года, через месяц после того, как Барлоу передал Бруму окаменевший слепок мозга, Брум направил в журнал «Nature» первое сообщение о находке нового черепа австралопитека в Стеркфонтейне. Казалось, что эти рекорды снова вызовут возмущение законодателей мод в антропологии. Но как, однако, меняются времена! У редактора «Nature» не возникло никаких сомнений в необходимости срочной публикации заметок Роберта Брума, а популярный еженедельник «Illustrated London news» дал сообщение об открытии под заголовком, придуманным его редакторами, а не тем, кто обнаружил череп: «Новое предковое звено между обезьяной и человеком!».

Такой поворот в настроениях вызван, конечно, не только окончательным признанием питекантропа как одного из древнейших обезьянолюдей, а также открытиями черепов синантропа, обезьяночеловека, подтвердившего статус питекантропа. Описание черепа австралопитека из Стеркфонтейна не оставляло сомнений в справедливости многих выводов, сделанных в свое время Раймондом Дартом после изучения черепа бэби. Существо, заселявшее сотни тысячелетий назад пещеру в Стеркфонтейне, принадлежало к той же разновидности высших антропоидных обезьян, что и австралопитек Дарта. Брум, подчеркивая связь с бэби, назвал древнейшего обитателя известнякового холма в Стеркфонтейне Australopithecus transvaalensis[1], но затем в процессе изучения, все более и более убеждаясь в значительных чертах сходства взрослого австралопитека с человеком, дал ему еще более примечательное имя —

[1] Австралопитек трансваальский.

Plesianthropus transvaalensis[1], что означало «соседний с человеком». Тем самым выделялся новый род в семействе австралопитеков.

Многие из предсказанных антропологами черт взрослого австралопитека удалось выявить при изучении черепа плезиантропа. Обезьянообразность, которая скрадывалась в нежных косточках черепа бэби, выпирала наружу в отдельных структурах новой находки: надглазничные валики оказались достаточно массивными, лобная кость убегала назад, верхняя челюсть выступала, заостренные клыки отличались массивностью и выходили за пределы зубного ряда, затылочное отверстие было сдвинуто назад, объем мозга вряд ли превышал 440 кубических сантиметров. Однако по строению резцов, коренных и предкоренных зубов, не очень резкому выступанию скуловых костей, не особенно уплощенному лицу, длинноголовости, а также по пропорциям слепка мозговой полости плезиантроп все же показывал бóльшее сходство с человеком, чем с высшими антропоидными обезьянами!

Этот замечательный вывод нашел блестящее подтверждение. В течение нескольких месяцев Брум продолжал каждую неделю, а часто и дважды в неделю посещать карьер Стеркфонтейн. Почти каждый из визитов приводил к новым открытиям: к коллекции костей плезиантропа Трансваальского музея добавлялись обломки черепов, отдельные зубы, а вскоре удалось обнаружить другие части скелета австралопитека — бедренные и берцовые кости, лопатки, позвонки, ребра, часть фаланги пальца. Многие часы утомительной, но в то же время беспредельно увлекательной охоты за костными остатками предка, а также за представляющими не меньший интерес костями животных, современных плезиантропу, Брум вел вместе с туземными мальчишками. Для них эти поиски превращались в захватывающе интересную игру, тем более желанную,

[1] Плезиантроп трансваальский.

что гость из Претории щедро одаривал счастливцев шиллингами — важным подспорьем в семейном бюджете полунищих родителей.

Анализ особенностей строения костей конечностей со всей определенностью показал, что плезиантроп полностью освоил прямохождение. Отличия затрагивали малосущественные и незначительные детали. Устройство стопы не противоречило выводу о прямой посадке тела австралопитеков, хотя при ходьбе большая часть веса приходилась на переднюю ее часть, что считается характерным для антропоидов. Как бы то ни было, не оставалось никаких сомнений в том, что передние конечности плезиантропа вследствие их тонкости (ненадежная опора) не использовались при передвижении. Они были свободны от опорных функций, и поэтому австралопитеки могли с помощью их манипулировать предметами. Детали строения плечевых и локтевых костей, очень сходных с человеческими, также подтверждали такой вывод. В частности, примечательно, что большой палец противопоставлялся другим. Около полутора сотен зубов плезиантропа, большинство из которых были сходны с человеческими как по структурным особенностям, так и манере изнашивания, подтверждали вывод Дарта об эврифагии, то есть всеядности австралопитеков, человеческого, а не антропоидного способа питания. Небольшого роста (высота этого существа составляла 122—152 сантиметра), с прямой посадкой тела, свободными для всевозможных действий руками, юркий, сильный, ловкий — австралопитек представлял огромную опасность для животных, поскольку поступки его контролировались необычайно большим (до 550 кубических сантиметров) мозгом.

Наконец, Брум пришел к заключению, что материалов и наблюдений накопилось достаточно много, чтобы спокойно и уверенно вывезти плезиантропа в «большой свет», благо вскоре представился удобный случай. В конце 1936 года он получил приглашение принять участие в Фи-

ладельфийском конгрессе антропологов, программа которого специально предусматривала анализ проблем, связанных с древнейшим человеком. В конце января 1937 года Брум отбыл из Южной Африки и до отъезда в США посетил Лондон. На заседании Зоологического общества он сделал небольшой доклад о находках в Стеркфонтейне и выставил для обозрения окаменевший слепок мозга плезиантропа. Рассказ Брума произвел сильное впечатление на английских антропологов. От их пренебрежительного отношения к австралопитеку не осталось и следа, хотя противоречивость в суждениях отнюдь не исчезла. В частности, противники не замедлили прибегнуть к обычному трюку: они заявили, что, возможно, кости конечностей принадлежали не плезиантропу, а настоящему человеку, современнику австралопитека, который все же представляет собой антропоидную обезьяну. С этими «выкручивающимися скептиками» не имело смысла вести дискуссии.

Поистине триумфальный успех ожидал Брума в Филадельфии, где 20 марта он прочитал краткий доклад перед собранием ведущих антропологов Америки, Европы и Азии. Его с нескрываемым энтузиазмом слушали Алеш Хрдличка, Гордон Чайльд, Ральф Кёнигсвальд, Пьер Тейяр де Шарден, Альберт Хутон... Диапозитивы позволили наглядно представить как место выдающегося открытия, так и разнообразные находки. Брум стал популярнейшим человеком в Америке. Колумбийский университет присвоил ему почетную степень доктора наук, крупнейшие научные центры, вроде Гарвардского университета, приглашали его нанести им визит. С апреля по июнь Брум путешествовал по США и читал лекции в Чикаго, Беркли, Лос-Анжелесе, Кливленде, Солт Лэйк Сити, Нью-Гавене, Линкольне. Две тысячи человек в самом большом лекционном зале Нью-Йорка затаив дыхание следили за перипетиями драматических поисков недостающего звена. Дебют плезиантропа в большом свете удался! Более того, он стал триумфальным!

Но как ни приятно принимать всеобщие восторги, Бруму не давали покоя мысли о событиях в Стеркфонтейне. Сколько костных остатков плезиантропов потеряно за полгода его отсутствия, когда разработки известняка проходили без надлежащего контроля. Скорее, скорее назад, в Южную Африку! Когда в августе он вернулся в родные места, то не узнал карьера. Оказывается, Барлоу недавно прекратил разработку из-за бедности известняковых пластов. Теперь сырье добывали в нижней части возвышенности. Брум опасался, что «золотой родник доистории» станет теперь бесполезным, но его волнения оказались напрасными: под холмом продолжали встречаться участки костеносной брекчии. Бруму не понадобилось много времени, чтобы открыть превосходно сохранившуюся верхнюю челость женской особи и часть лицевого скелета и нижней челюсти пожилого плезиантропа. Зубы первой челюсти представляли собой отличные образцы для изучения особенностей строения жевательного аппарата австралопитековых антропоидов. У второй они оказались сильно стертыми. Затем последовали открытия нижнего конца бедренной кости, запястья, многочисленных костей всевозможных животных.

Хотя к 1938 году в Стеркфонтейне была открыта невиданная по объему коллекция остатков недостающего звена, первый череп плезиантропа, обнаруженный 17 августа 1936 года, оказался наилучшим по полноте, и Брум позже восстановил его почти полностью. Одновременно с контролем за известковыми разработками в Стеркфонтейне он расширил маршруты разведочных экскурсий. Однако его долго преследовали неудачи.

И тут, как это ни удивительно, к нему на помощь снова пришел Барлоу. Когда утром 8 июня 1938 года Брум, как всегда, появился в Стеркфонтейне, он встретил его загадочной улыбкой.

— Доброе утро, профессор Брум,— сказал он.— Я имею нечто весьма приятное для вас!

Барлоу, держа что-то за спиной, смотрел на собеседника, как школьник, которому известен какой-то совершенно необыкновенный секрет. Затем он протянул своему постоянному клиенту довольно крупный обломок кости. Бруму с первого взгляда стало ясно, что его партнеру опять повезло: он обнаружил часть нёба и верхней челюсти с первым коренным зубом, вне всяких сомнений принадлежавших австралопитеку. Барлоу определенно делал успехи в палеоантропологии! Что касается Брума, то его приятно поразили два обстоятельства. Во-первых, новый обломок черепа австралопитека имел непривычно большие размеры. Это означало, что фрагмент принадлежал какой-то очень крупной разновидности человекообразного антропоида Южной Африки, отличающегося от бэби и плезиантропа. Неужели третий вид австралопитека? Во-вторых, нёбо и участок челюсти с зубом размещались в каменной матрице иного характера и цвета, чем окаменевшие пласты заполнений пещер Стеркфонтейна. Отсюда следовал вывод о том, что находка, по-видимому, сделана за пределами карьера. В таком случае Барлоу оказался удачливее в открытии нового местонахождения с остатками австралопитеков!

— Да, это действительно приятный сюрприз,— сказал равнодушно, стараясь не выдать волнения, Брум.— Я думаю, мистер Барлоу, что такая находка стоит не менее пары фунтов стерлингов, и мне доставляет удовольствие вручить их вам незамедлительно.

Брум опустил кость в карман, достал чековую книжку и выписал названную сумму. Довольный Барлоу принял чек, и Брум, став владельцем обломка черепа неведомой пока разновидности австралопитека, спросил:

— Где и при каких обстоятельствах вам удалось найти эту кость?

Однако, как и следовало ожидать, Барлоу ответил настолько путанно и уклончиво, что у Брума не осталось сомнений в нежелании его раскрыть секреты фирмы. Кто

же, в самом деле, находясь в здравом уме, станет добровольно выдавать тайны, обеспечивающие процветание бизнеса? Дружба дружбой, а денежки врозь!

Но и Брум был не лыком шит: зная упрямство Барлоу, он решил не оказывать на него давления, а найти обходные пути — попросту говоря, как бы теперь сказали, заняться промышленным шпионажем. Узнав, что в ближайшее воскресенье Барлоу не собирается оставаться на руднике, Брум с утра явился в Стеркфонтейн. Поджидавшим его мальчишкам он показал последнюю находку Барлоу и спросил, видел ли кто из них эту кость. Помощникам не было резона обманывать своего патрона — они единодушно заявили, что за последние дни ничего подобного в карьере не находили. Именно это более всего желал услышать Брум. Он почувствовал твердую уверенность в том, что фрагмент черепа найден за пределами Стеркфонтейна. Теперь следовало снова нажать на Барлоу.

Во вторник Брум прибыл на территорию карьера.

— Послушайте, мистер Барлоу,— сказал он после обмена приветствиями,— я все же прошу вас рассказать, где вы добыли кость, которую передали мне неделю назад. Посмотрите — здесь совсем недавно обломаны два зуба. Они, наверно, лежат там, где найден этот образец. Мне ли рассказывать вам, как важна для антрополога каждая лишняя косточка черепа!

Барлоу оказался в затруднительном положении. Не мог же он, в самом деле, обманывать старого почтенного профессора и вести его к первому попавшемуся на пути участку карьера. Он ведь не менее упрям и будет там переворачивать камни неделю, а если понадобится, и другую, и третью, не давая никому покоя. Брум, между тем, наблюдая колебания компаньона, призвал на помощь все свое ораторское искусство. Пылкую речь он завершил неожиданно: грозно обвинил Барлоу в том, что, скрывая место открытия челюсти, он выступает не только против

местных ученых, но также, по существу, против «всего мира»! Последний довод возымел действие.

— Извините меня, профессор, но прошлый раз я ввел вас в заблуждение,— пробормотал смущенный Барлоу.— Образец найден не в Стеркфонтейне. Его передал мне Герт Тэрбланч.

— Кто такой этот Тэрбланч? — сердито спросил Брум.

— Герт Тэрбланч — школьник. Он живет недалеко отсюда, в Кромдраае, всего в двух милях от Стеркфонтейна. Я знаю его потому, что по воскресным дням он часто водит журналистов по окрестным пещерам.

— Вот как! В таком случае я немедленно еду к Тэрбланчу! — воскликнул Брум и решительно направился к своему автомобилю.

— Не торопитесь, профессор,— попытался остановить его Барлоу.— Герт сейчас в школе, я это точно знаю, а проехать туда в автомобиле невозможно!

— Ну, такие препятствия для меня пока не помеха — я еще достаточно молод, чтобы дойти пешком. А пока скажите-ка мне покороче, как добраться к ферме Тэрбланчей?

...Через 15 минут автомобиль, оставляя за собой столб пыли, остановился около небольшого фермерского дома.

— Откликнетесь, есть ли кто здесь? — раздался шумный и нетерпеливый возглас Брума.— Мне нужно срочно видеть школьника Герта Тэрбланча. Надеюсь, я не ошибся — это его дом?

На пороге показались женщина в летах и девушка, очевидно, ее дочь.

— Вы не ошиблись, мистер, это дом Герта Тэрбланча, а я его мать,— испуганно сказала женщина.— Неужто Герт опять натворил что-то! Вы из полиции?

— Успокойтесь, миссис Тэрбланч, ваш сын нужен мне совсем по другому поводу. Не знаете ли вы, где он нашел окаменевшую кость с крупными зубами? Герт передал ее

недавно мистеру Барлоу, что работает в карьере Стеркфонтейн.

— О, господи! А я так перепугалась. Он нашел эту кость на вершине вот того холма. Если хотите, сестра Герта проводит вас.

Брум сразу же воспользовался предложением миссис Тэрбланч. Девушка привела гостя к месту находки, и не понадобилось много времени, чтобы найти несколько обломков черепа австралопитека, а также два зуба. Однако сестра удачливого школьника, осмотрев собранное, сказала, что Герт, очевидно, куда-то припрятал значительно более крупные и лучше сохранившиеся части черепа. Она советовала подождать, когда он вернется из школы и покажет свой тайный клад. Кстати, ей кажется, что Герт унес в школу четыре больших зуба, найденных здесь же, на вершине холма. Они очень похожи на те, что нашел мистер Брум.

Подождать! Девушка определенно не знала, с кем разговаривает. Нетерпеливый, жаждущий деятельности Брум все равно направился бы в школу, а известие о том, что мальчишка унес в своем кармане четыре зуба австралопитека, лишь подхлестнуло его. Ведь зубы могли пойти по рукам, разыскивай их потом в необозримой школьной ораве. Нет, он не мог ждать. Лучше сразу отправиться в путь. Брум посадил сестру Герта в машину, и они поехали.

Барлоу был прав: дорога оказалась отвратительной, а последнюю милю ее покрывали такие ужасные кочки, что пассажирам пришлось бросить авто и добираться пешком. Они пришли к школе в половине двенадцатого, когда дети занимались играми. Отыскав директора, Брум разъяснил причину своего неожиданного визита, и тот отдал распоряжение найти Герта и привести его в кабинет. Мальчик, узнав, зачем его вызвали, извлек из кармана четыре отлично сохранившихся зуба, которые показались Бруму самыми прекрасными из когда-либо найденных в мировой

истории. Брум тотчас извлек из кармана обломок верхней челюсти, выкупленный у Барлоу, и на глазах изумленного директора установил, что два зуба — второй предкоренной и второй коренной — в точности входят в альвеолы! Два других зуба сохранились значительно хуже. Они, очевидно, долгое время находились на поверхности земли и сильно выветрились. Во всяком случае, для Брума стало ясно, что эти зубы Герт, вероятно, извлек из нижней челюсти. Гость так выразительно посмотрел на школьника, что тот поспешил рассказать о том, что припрятал на холме около фермы Кромдраай еще один обломок кости.

Конечно, Герта Тэрбланча следовало немедленно тащить к тайнику, но, несмотря на жгучее нетерпение, Брум рассудил, что в данном случае нет смысла торопиться. Во-первых, не дело отрывать мальчика от занятий, какими бы экстраординарными причинами это ни объяснялось, а во-вторых, не полезнее ли воспользоваться благоприятным случаем, чтобы привлечь на свою сторону армию вездесущих мальчишек и девчонок, досконально знающих в окрестностях каждый бугорок? Если рассказать им, как интересно охотиться за ископаемыми и почему кости важны для ученых, то, кто знает, какие сокровища попадутся им в руки, направь он их неиссякаемую энергию в нужное русло. Брум подарил Герту несколько шиллингов и, проводив его, предложил директору рассказать детям и учителям об охоте за недостающим звеном.

Более часа сто двадцать детей и четыре преподавателя слушали зажигающий рассказ Брума об обезьянолюдях Южной Африки, об открытиях в Таунгсе, Стеркфонтейне и, наконец, в знакомом всем Кромдраае, где отличился один из учеников школы, Герт Тэрбланч. Брум был в ударе. Он говорил ярко и с воодушевлением. К концу рассказа вся классная доска покрылась рисунками, среди которых особое оживление вызвали обезьянообразные физиономии предков людей, сотни тысячелетий назад заселявших места, где теперь расположились известняковые

копи. После беседы, естественно, ни о каких уроках не могло быть и речи. Брум вместе с героем дня, необыкновенно гордым всеобщим вниманием Гертом, направился в Кромдраай. Они пришли к знакомому холму, и мальчик торжественно извлек из тайника превосходную нижнюю челюсть с двумя зубами. Бруму не составило труда совместить с нею обнаруженные ранее обломки.

В последующие дни Брум, к досаде Барлоу, стремительно проскакивал мимо Стеркфонтейна, прямо в Кромдраай. Участок холма, где Герт Тэрбланч нашел обломки черепа, тщательно обследовался пядь за пядью. Земля осторожно счищалась, а затем просеивалась сквозь сито. В результате кропотливой работы удалось найти новые обломки, в том числе несколько зубов. Когда кости освободили от каменных матриц и соединили вместе, выяснилось, что в Кромдраае обнаружена большая часть левой половины черепа. Отсутствовала лишь выветрившаяся макушка. Однако недостающее легко восстанавливалось.

Изучение черепа из Кромдраая привело сразу к неожиданному сюрпризу: он несомненно принадлежал австралопитеку нового рода и вида! Возможно ли это — третье место, где открыты в Южной Африке остатки австралопитеков и третья их разновидность? Однако своеобразие особенностей было настолько ярко выраженным, что Брум нисколько не сомневался в справедливости такого поистине сенсационного заключения. Лицо нового австралопитека отличалось большей, чем у плезиантропа, уплощенностью, а зубы и нижняя челюсть характеризовались исключительной массивностью, что сближало его с обезьянами. Однако, с другой стороны, зубы оказались при наличии ряда примитивных черт (увеличение размеров от первого к третьему коренному) очень близкими человеческим: клыки были небольшого размера и не выдавались за уровень других зубов; жевательная поверхность коренных по округлости бугорка почти не отличалась от человеческих; предкоренные имели по два округ-

лых бугорка — щечный и язычный. К этому следует добавить: человеческую форму височной кости, отличное от антропоидов строение области слухового прохода, заметно переднее расположение затылочного отверстия, свидетельствующее о прямохождении, менее крутую скошенность подбородка, большую ширину зубной дуги, а главное — необыкновенно большой объем мозга — шестьсот пятьдесят кубических сантиметров. Если череп принадлежал женской особи, то объем мозга мужчины должен был превосходить 700 кубических сантиметров! Брума настолько поразило сходство австралопитеков из Кромдраая с человеком, что он назвал его Paranthropus robustus[1], то есть «стоящим рядом с человеком».

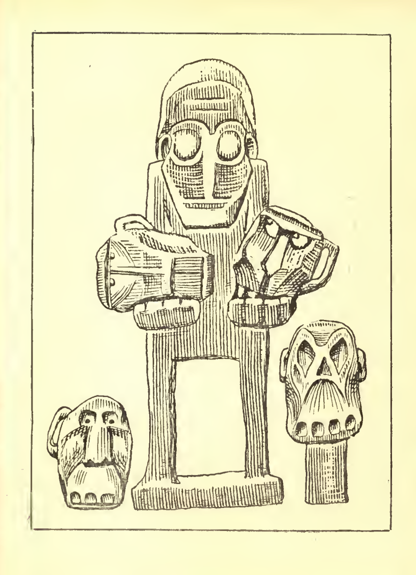
20 августа 1938 года в «Illustrated London news» появилась статья Брума, в которой рассказывалось о новом открытии в Южной Африке. К сенсационному названию ее «The missing link no longer missing»[2] автор, по его собственному признанию, не имел никакого отношения. Это был, как и при публикации сведений о плезиантропе, результат творчества редактора отдела науки знаменитого еженедельника. Вопреки ожиданиям, никакого возмущения в кругах чопорных и сдержанных в выражениях чувств английских антропологов не последовало. Очевидцы событий отметили лишь некоторое смущение английских ученых, призывающих, как всегда, к осторожности. Еще бы — такого до сих пор не бывало, чтобы две кряду палеоантропологические находки из одного, по существу, небольшого района принадлежали двум родам недостающего звена! Можно поэтому понять некоторое раздражение и даже возмущенное недовольство антропологов Юлиана Гексли и Кэйва, которые заявили о том, что это уж слишком: «терминологические упражнения Брума построены на зыбкой почве». Им казалось, что

[1] Парантроп робустус.
[2] «Недостающее звено больше не недостающее!».

парантроп просто-напросто взрослый австралопитек. Когда, однако, эти слова передали Бруму, он лишь посмеялся: «Конечно, конечно, но все дело в том, что мои критики не знают всех фактов. Вообще, когда имеешь ревнивых оппонентов, то не следует сразу предоставлять им возможность знать все!»

Брум действительно имел дополнительные, помимо чисто антропологических наблюдений, факты, которые придавали ему уверенность в оправданности выделения нового рода и вида австралопитеков. Дело, прежде всего, заключалось в том, что каждая из трех разновидностей австралопитеков сопровождалась специфическим сообществом животных, указывающих на их разновременность. Так, Стеркфонтейн и Кромдраай отстояли друг от друга всего на две мили, но в первом пункте отсутствовали кости лошади, обильные во втором, резко отличались виды шакалов, павианов и саблезубых тигров; в Кромдраае не удалось найти ни одной кости свиньи, в то время как в Стеркфонтейне они встречались в изобилии... Как же можно, в таком случае, удивляться родовым и видовым различиям австралопитеков, если эпохи их существования отстоят друг от друга на сотни тысячелетий? По мнению Брума, бэби Дарта жил в Калахари около 2 000 000 лет назад, плезиантроп — 1 200 000 лет, а «стоящий рядом с человеком» — самый юный из них: ему исполнилось «всего 800 000 лет»!

В феврале 1941 года Брум окончательно «добил» своих оппонентов: при расчистке небольшого участка костеносной брекчии Кромдраая он вместе с Джоном Робинсоном и двумя добровольными помощниками — мальчишками — обнаружил глыбу породы, заполненную обломками костей. Они залегали всего в двух ярдах от места, где Герт Тэрбланч нашел первые обломки черепа парантропа. Когда глыбу доставили в Преторию и препараторы Трансваальского музея разбили ее, Бруму сразу же удалось выявить нижнюю челюсть австралопитека. Правда, она сохрани-



лась плохо, но включенные в нее зубы выглядели превосходно. Они были молочные, почти совершенно не изношенные. Едва прорезавшийся коренной позволил сравнительно точно установить возраст новой особи парантропа. Это был бэби, возраст которого вряд ли превышал три года. Таким образом, появилась возможность сравнить бэби парантропа с бэби Дарта и плезиантропа, и тут-то выяснилось, насколько они отличаются друг от друга. Клык ребенка, «стоящего рядом с человеком», отличался заметно меньшими размерами при сравнении его с клыками австралопитеков из Таунгса и Стеркфонтейна. В то же время первый предкоренной был более примитивный, чем у них, и в этом отношении отличался от предкоренного человека. Поэтому Брум считал возможным выделить не только новый род австралопитековых, но даже новое подсемейство! Критикам не оставалось ничего другого, как признать несостоятельность своего скептицизма.

Между тем обработка блока привела к открытию новых обломков черепа и костей конечностей. Возможно, в брекчии залегал почти целый скелет. Новые находки подтвердили сделанный ранее вывод о значительной близости костей конечностей австралопитеков соответствующим частям скелета человека и отличии их от антропоидных. Во всяком случае, в прямохождении австралопитеков и освобождении их рук для трудовой деятельности вряд ли теперь мог сомневаться даже самый закоренелый скептик. Правда, предстояло еще собрать дополнительные факты и опубликовать наблюдения и выводы в специальной книге. Обстоятельства, однако, не благоприятствовали продолжению исследований — началась вторая мировая война, резко сократился объем строительства, и, в связи с падением цен на известь, прекратились работы в карьере Стеркфонтейн. В 1939 году умер Барлоу, постоянный помощник в поисках костей австралопитеков. Бруму не оставалось ничего другого, как засесть вместе с Шеперсом за детальное описание своих коллекций. К концу войны книга «Южно-

африканский обезьяночеловек» была завершена. Она оказалась настолько увесистой, что опубликовать ее без значительной финансовой поддержи Трансваальский музей не мог. Издавать же ее по частям не имело смысла, ибо только представленные воедино факты могли стать достойными величия самого открытия. Когда, преодолев многочисленные препятствия, Бруму и Шеперсу (тому самому студенту Дарта, который некогда привез Бруму череп павиана, найденный в Стеркфонтейне) с помощью Национального исследовательского фонда удалось все же напечатать книгу, выход ее в свет 31 января 1946 года произвел настоящую сенсацию. Достаточно сказать, что Национальная Академия наук США присудила Бруму золотую медаль Даниэля Жиранда за наиболее выдающееся исследование в области биологии 1946 года. Медаль вручило также Королевское научное общество Лондона. Особая роль Африки в решении проблемы происхождения человека стала очевидной.

А как же неистощимые на скептицизм критики? Они не могли, естественно, не считаться с новыми материалами и заключениями выдающихся экспертов. Коренной поворот в отношении к австралопитекам начал наблюдаться с конца тридцатых годов. Сначала Франц Вейденрейх, который досконально изучил и подготовил к изучению материалы, связанные с синантропом, высказал убеждение в близком сходстве зубов австралопитека и гоминида из Чжоукоудяня. Затем Вильям Грегори и его коллега Хеллман опубликовали специальную статью о южноафриканских ископаемых человекообезьянах и происхождении зубной системы человека. Авторы согласились с выводами Дарта, сделанными тринадцать лет назад, относительно необычного для антропоидов образа жизни австралопитеков: «Так как они жили в такой же открытой местности, какой представляется Южная Африка сейчас, то им приходилось, как гиенам, подбирать то, что осталось от львов. Переходные черты строения зубов подтверждают начало

постепенного отказа от растительной пищи и появление привычек хищников».

Если это действительно так, то австралопитеков нельзя более присоединять к растительноядным шимпанзе и горилле. Ранее скептически настроенный Грегори посетил Иоганнесбург и заявил в лекции, прочитанной перед членами Ассоциации научных и технических обществ Южной Африки, следующее: «Дарт сделал в свое время вывод о том, что его австралопитек представляет шаг в направлении человеческой эволюции. Но я тогда не поверил в это. Однако после самого внимательного и критического анализа я и мои коллеги пришли к заключению, что несправедливо исключать австралопитека из родословной человека. Недостающее звено не стало больше недостающим. Это действительно структурное связывающее звено между обезьяной и человеком, и Дарвин прав в том, что человеческую прародину следует искать в Африке... Весь мир благодарен этим двум людям, Дарту и Бруму, за их открытия, которые отражают вершину более чем вековых исследований по великой проблеме происхождения и становления человека. Они также заложили основы для изучения зарождения высших способностей человека, ибо на начальной стадии очеловечивания пролегла грань между человеческим типом мышления и поведением обезьяны». Так обыкновенные зубы австралопитека стали прямым свидетельством степени развития его умственных способностей!

Любопытно также проследить эволюцию взглядов одного из самых последовательных и упорных противников Дарта и Брума — сэра Артура Кизса. В 1931 году он опубликовал книгу «Новые открытия, имеющие отношение к древности человека». Основываясь на изучении не подлинных материалов, а слепков с черепа и зубов, Кизс повторил свой вывод об открытии в Таунгсе антропоидной обезьяны с «некоторыми человеческими особенностями». После выхода в свет книги Брума и Шеперса «Южноафриканский обезьяночеловек» он 12 марта 1946 года напи

сал Бруму: «Я теперь согласен с Вами, что части конечностей... действительно принадлежат парантропу и плезиантропу, что зубы их имеют все черты человеческих зубов, что руки их были свободны, а походка бипедальной. И все же парантроп не человек, а антропоид». В письме, присланном несколько позже, Кизс уточнял: «Нет сомнения, что южноафриканские антропоиды более человекообразные, чем я предполагал». И, наконец, в 1947 году в журнале «Nature» появилась его статья, названная совсем уж неожиданно: «Australopithecinae or Dartians?»[1], Кизс сделал еще один шаг к примирению с южноафриканскими исследователями: «После того, как Дарт опубликовал в 1925 году заметку о юном австралопитеке, я высказал точку зрения о том, что когда будет найдена взрослая форма, то она окажется ближе к горилле и шимпанзе. Теперь я, как и Ле Грос Кларк, при ознакомлении с фактами, приводимыми Брумом, должен признать справедливость выводов Дарта и ошибочность моих. Австралопитеки располагаются в линии или около линии, из которой развился человек. Поэтому я предлагаю изменить название австралопитека на дартианцев. Дартианцы — это жившие на земле антропоиды, имевшие человеческую осанку, походку и зубы, но обезьяньи лицо и объем мозга. Можно утверждать, что была «фаза Дарта» в эволюции человека».

Даже в самые лучшие времена Раймонд Дарт не мог и мечтать о таком обороте дела. Это была почти победа, но поскольку после войны споры вокруг австралопитековых отнюдь не утихли, Брум и его ближайшие помощники не думали успокаиваться. Они не оставляли надежды на возобновление поисков новых остатков предков человека Южной Африки, которые внесли бы ясность в дискуссию. К счастью, впечатление от публикации описания открытий в Стеркфонтейне и Кромдраае оказалось на-

[1] «Австралопитековые или дартианцы?».

столько ошеломляющим, что руководители южноафриканской науки, предвкушая новые мировые сенсации, приковавшие лестное внимание ученых и публики к Южной Африке, сочли возможным выделить средства для продолжения исследований пещер. Смутс, поддержавший в свое время Дарта, позвонил Бруму и пригласил посетить его оффис. Во время беседы философ Смутс говорил о важности проблемы происхождения человека и высказал удовлетворение тем, что благодаря самоотверженным усилиям Брума Южная Африка стала местом, где открылись новые перспективы решения великой загадки. «Вы внесли важный вклад в вопрос происхождения человека,— сказал Смутс,— но следует продолжить поиски недостающего звена. Я прошу вас организовать работы в пещерах. Это важно не только для пополнения общих знаний, но и в интересах развития южноафриканской науки. Что касается финансовой стороны дела, то я уже отдал распоряжение Гофмейеру перечислить музею столько денег, сколько потребуется...»

Стоит ли говорить, что Брум не заставил упрашивать себя ни секунды и немедленно приступил к подготовке раскопок, решив начать их в Кромдраае, где ему в последний раз сопутствовало счастье. Однако, когда в декабре 1946 года группа сотрудников Трансваальского музея собралась выехать в поле, неожиданно возникло почти непреодолимое препятствие. Комиссия исторических памятников Южной Африки во всеуслышанье заявила, что профессору Бруму запрещается вести раскопки пещер до тех пор, пока в состав его экспедиции не будет включен компетентный полевой геолог, в сотрудничестве и при консультации с которым следовало проводить работы во избежание грубых ошибок в датировке находок. И нашла коса на камень: Брум воспринял этот демарш как неуместный и оскорбительный для себя. Как может какая-то неведомая ему до сих пор комиссия публично выражать недоверие к его компетентности в вопросах геологии, по-

дозревать в дилетантизме того, кто еще шестьдесят лет назад был медалистом по геологии в университете Глазго, кто семь лет работал профессором геологии в Стелленбохе, кто известен своими многолетними успешными раскопками австралийских известняковых пещер, где найдены уникальные ископаемые,— кто, наконец, лучше, чем кто-либо, знает известняковые карьеры и пещеры Южной Африки?! Разве не он, Брум, в течение последних десяти лет неустанно наблюдал карьер в Стеркфонтейне и изучал холм в Кромдраае? Попытки успокоить Брума объяснениями о принятом в республике законе, согласно которому Комиссия исторических памятников призвана контролировать изучение древностей и высказывать пожелания исследователям во избежание нарушения принятых правил, ни к чему не привели. Строптивый Брум холодно ответил: «Надо ликвидировать тот закон, который плох». Он не спешил пригласить в экспедицию геолога. Гофмейер с трудом уговорил его не начинать раскопки до возвращения в Южную Африку Смутса, который находился в это время в Америке.

Как и ожидал Брум, Смутс решительно поддержал своего протеже. Когда философу рассказали о конфликте, он рассердился и сказал: «Продолжайте работу! Я разберусь в этом потом». Брум сразу же выехал в Кромдраай, и в январе 1947 года его помощники начали раскопки, не дожидаясь официального разрешения Комиссии. Сразу же удалось обнаружить череп саблезубого тигра, затем превосходной сохранности череп новой разновидности крупного павиана и тонкий череп малого павиана, а позже множество других костей животных — современников австралопитеков, позволяющих уточнить время обитания в пещерах недостающего звена. Правда, самое желанное — костные остатки парантропа на этот раз так и не попали в руки сотрудников Брума, а сам он в январе выехал по неотложным делам в Найроби.

Работа в Кромдраае продолжалась до конца марта, и

слухи о них наконец достигли членов строгой и непреклонной Комиссии исторических памятников, перед которой трепетали археологи. Но что оставалось делать стражам порядка, если непослушного исследователя недостающего звена явно боготворили высшее начальство, пресса и радио?! Комиссия для поддержания собственного престижа сделала вид, что ничего противозаконного не произошло — в Кромдраай на имя Брума было направлено письменное разрешение вести раскопки. Члены Комиссии явно недостаточно хорошо представляли, с кем имеют дело. Последовал характерный для Брума ответ: «Ах, так вы все же разрешили мне работать в Кромдраае? Превосходно, но почему, собственно, лишь в Кромдраае? Почему в письме не упомянут Стеркфонтейн? Если вы возомнили, что я не имею права копать там, то ошибаетесь, и я не премину доказать это!». Брум, не медля ни дня, отдал приказ приостановить раскопки в Кромдраае и, словно стараясь до конца испепелить Комиссию, возомнившую о себе невесть что, начал работы в Стеркфонтейне не когда-нибудь, а 1 апреля и, как он писал позже, «разумеется, без разрешения».

Трудно сказать, чем бы окончился очередной вызов «строптивца», если бы его переезд в Стеркфонтейн не оказался на удивление счастливым. Раскопки начались в том месте, где в 1936 году был обнаружен череп плезиантропа. Этот участок карьера с тех пор остался заброшенным, поскольку Барлоу не устраивали каменистые пласты, бедные известняком и к тому же рассеченные бесполезными для обжига доломитом и кремнем. Брум, однако, не случайно принял решение начать расчистку слоев именно тут — он надеялся обнаружить отсутствующую у черепа плезиантропа нижнюю челюсть, а также, если повезет, другие части скелета. Удача не заставила себя ждать — Бруму и его помощникам потребовалось всего несколько дней, чтобы извлечь из окаменевшего слоя раздавленную лицевую часть черепа взрослого плезиантропа и части

верхней челюсти с отлично сохранившимися, почти совсем не изношенными зубами. Клык и резцы оказались потерянными, но альвеолы, гнезда, в которых они располагались, позволяли представить их особенности. Прошло два дня, и снова счастливая находка — обломок лицевой части черепа ребенка плезиантропа, несколько молочных зубов и изолированный коренной зуб взрослого плезиантропа, очевидно, женской особи.

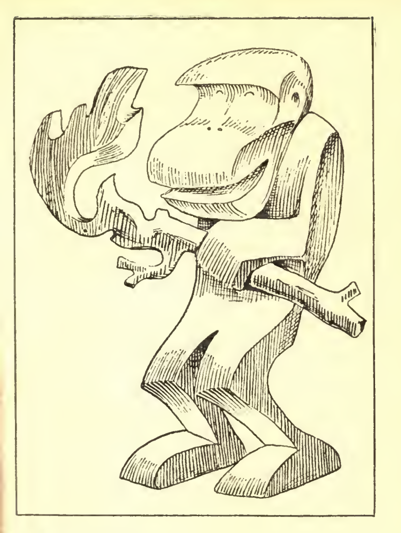
Но эти удачи, как выяснилось через полмесяца, стали лишь прелюдией к выдающемуся открытию, сделанному 18 апреля. В этот день Брум принял решение взорвать участок каменистой брекчии, представлявшейся ему малоперспективной. Когда пыль улеглась и он вместе с помощниками подошел к обнажению, то все остановились, пораженные. Такими находками судьба балует антропологов далеко не часто: на темном фоне разломанной взрывом скалы, подобно бесценному изваянию из слоновой кости, выделялся крупный череп плезиантропа. Его сломало на две части — верхушка торчала в блоке, а нижняя, бóльшая половина осталась в скале. Внутреннюю часть черепной коробки заполняли мелкие кристаллы извести, таинственно и призывно, как грани драгоценных алмазов, поблескивающие в лучах утреннего солнца. Бруму на мгновение даже показалось, что череп действительно инкрустирован мелкими, тщательно ограненными алмазами! Разумеется, это была ошибка, но могла ли она хоть в малой степени уменьшить ликование счастливого руководителя раскопок? Нет, поистине Стеркфонтейн неиссякаемый «золотой клад палеоантропологии»!

— Я видел много блеска за мою долгую жизнь,— с воодушевлением воскликнул Брум, обращаясь к окружающим,— но, клянусь, эти отсветы кристаллов известняка самые чудесные! Хотел бы я видеть сейчас физиономии блюстителей законности из Комиссии исторических памятников. Не будем, однако, торопиться извлекать череп — нам нужны не только документальные снимки, но

и художественные портреты нового плезиантропа. В этом деле нам без прессы не обойтись. К тому же, следует учитывать, что, пригласив кого-то из них в Стеркфонтейн, мы приобретем могущественных союзников. Я всегда говорил — пресса самый первый помощник исследователей, а теперь добавлю — в особенности тех, кто рискует ссориться с Комиссией! Репортеры помогут привлечь на нашу сторону большую часть народа.

До Претории от Стеркфонтейна сорок миль, а до Иоганнесбурга всего тридцать, к тому же это столица, и там находится редакция вечерней газеты «Star», возвестившей почти четверть века назад об открытии в Таунгсе. «Кто, несомненно, с энтузиазмом примет приглашение прислать репортера и фотографа, так это, конечно, издатели «Star»,— решил Брум и немедленно отправился за две мили на ферму ван Питтинса, ближайшее от Стеркфонтейна место, откуда можно было позвонить в Иоганнесбург. Рассказав редактору об открытии, Брум пригласил сотрудников газеты побывать на месте и запечатлеть пером и объективом подробности исторического события — обстоятельств находки первого целого черепа плезиантропа.

Традиции Бернарда Георга Пауэра с его интересом к ископаемому человеку и недостающему звену оказались в «Star» необычайно живучими — через полтора часа после телефонного разговора в Стеркфонтейн примчалась запыленная машина и из нее вышли возбужденные репортер и фотограф, немедленно приступившие к делу. Череп снимали в самых различных ракурсах — пожалуй, ни одна знаменитость не удостаивалась ранее в Южной Африке столь благоговейного и трепетного отношения. Фотографических пластинок было изведено достаточно много, чтобы успокоиться — портрет плезиантропа появится на полосах «Star». Затем наступила очередь виновников торжества. Брум, продолжая давать интервью репортеру, склонился над неровной каменистой породой, указывая



рукой на частично расчищенный череп. В это мгновение — «одно из величайших и прекрасных в моей жизни»,— как говорил Брум,— щелкнул затвор фотоаппарата. Затем последовали фото Брума в окружении его ближайших коллег — блестящего ассистента Джона Робинсона, удачливого охотника за ископаемыми Даниэля, которого шеф, по его словам, ценил на вес золота, и палеонтолога ван дер Неста. Снимки делались на эффектном фоне обрывистых склонов карьера.

Когда закончилась, наконец, суета, Брум сразу забыл о представителях прессы. Следовало с величайшими предосторожностями спустить к подножию холма Стеркфонтейна каменную глыбу с включенной в нее верхушкой черепа; затем с помощью железных ломов с трудом удалось сдвинуть с места и доставить туда же огромный каменный блок с основанием черепа. После этого, убедившись, что на месте находки никаких более остатков плезиантропа не сохранилось, обколотые блоки с наиболее ценными образцами ископаемых предшественников человека погрузили в автомобиль и через час доставили в Преторию. «Прекраснейшее,— по словам Брума,— из найденных ископаемых» заняло подобающее ему место в одном из сейфов Трансваальского музея.

После черновой расчистки стало ясно, что в Стеркфонтейне открыт череп взрослой женской особи плезиантропа, который ярче и полнее, чем любая из предшествующих находок, раскрывал особенности «критической стадии эволюции человека», когда происходил «прыжок» из мира антропоидов в мир человека. Новые костные остатки недостающего звена, в шутку любовно названного Брумом и его сотрудниками «миссис Плез», помогали четче представить тех «около людей», которые связывали обезьян и Homo. Миссис Плез сохранила многие обезьяньи черты — ее нос был плоский, верхняя челюсть удивляла размерами и тяжестью, костяные надглазничные валики поражали массивностью. Вместе с тем, не менее очевидными бы-

ли и чисто человеческие особенности строения черепной коробки и лица. Приходилось только сожалеть, что в блоке не оказалось нижней челюсти, а зубы из верхней вывалились и потерялись. Но и без того явление миру миссис Плез произвело сенсацию. Ровно через месяц после открытия, 17 мая 1947 года, лондонская «Nature» опубликовала сообщение о находке в Стеркфонтейне и графический рисунок черепа, а «Illustrated London news», как всегда, напечатали броский популярный очерк, сопровождавшийся эффектными фотографиями, полученными от репортера «Star». Затем последовала публикация в не менее широко распространенном научно-популярном издании Америки «Natural History». Весь ученый мир и бесчисленные любители научных сенсаций заговорили об удачливом Бруме.

Восхищались и поздравляли все... кроме, разумеется, членов Комиссии по историческим древностям. Шокированные и смертельно оскорбленные непослушанием Брума, они в эти дни подлинного триумфа и воодушевления не нашли ничего лучшего, как направить Смутсу особо авторитетную депутацию с резким протестом против нарушения правил раскопок в Стеркфонтейне и ведения работ в этом месте до получения официального разрешения Комиссии. На заседании ее произносились речи о том, что Брум не уделяет достаточного внимания вопросам условий залегания находок в пещерах и, более того, «разрушает ценные данные, помогавшие датировать их». Разъяренные пренебрежением члены Комиссии настаивали на немедленном прекращении раскопок Брума в Стеркфонтейне.

Брум понимал, насколько неосновательны и тенденциозны эти нападки, но, удовлетворенный открытием миссис Плез и откликами на открытие в прессе, на этот раз решил уступить. Он вновь приехал со своими сотрудниками в Кромдраай и начал раскопки там, где Комиссия, члены которой явно не блистали логикой своих поступков и пре-

тензий, почему-то разрешила вести раскопки. Как будто в Кромдраае Брум не сталкивался с теми же проблемами геологии, которые он, согласно утверждениям Комиссии, не мог удовлетворительно решить в Стеркфонтейне! В течение месяца продолжались работы, пока в Претории подбиралась кандидатура для инспекционного осмотра участка работ в Стеркфонтейне. Наконец, туда выехал профессор геологии университета Претории Б. В. Ламбаард. Как и следовало ожидать, геолог не обнаружил каких-либо нарушений установленных принципов исследований и дал благожелательный отзыв па проведенную работу. Членам Комиссии не оставалось ничего другого, как выдать разрешение Бруму на проведение раскопок в Стеркфонтейне, правда, оговорив их условиями, тут же названными соперником абсурдными, не стоящими внимания!

Брум не замедлил перебазировать работы в столь счастливое для него место, и оно снова оправдало надежды. Кажется, Стеркфонтейн оставался неистощимым на сюрпризы: 24 июня удалось открыть давно желанную нижнюю челюсть с одной хорошо сохранившейся ветвью и второй раздавленной. Челюсть принадлежала взрослому самцу плезиантропа и неожиданно оказалась по некоторым особенностям больше сходной с человеческой, чем с обезьяньей. В частности, клыки, хоть и отличались большими размерами, но не выдавались за пределы зубного ряда, а манера изношенности жевательной поверхности не отличалась в существенном от манеры, характерной для износа зубов человека. Во всяком случае, ничего подобного у взрослой обезьяны не наблюдалось, и поэтому новая находка Брума стала своего рода ключом к сравнительному изучению нижних челюстей антропоидов и человека.

Казалось, Брум получил в Стеркфонтейне все, о чем может только мечтать удачливый охотник за недостающим звеном. Однако Брум, несмотря на преклонный возраст, имел такой поистине неиссякаемый энтузиазм, такую не-

одолимую жажду поиска, отличался таким поразительно неутомимым рвением в полевых исследованиях, что ни о каком прекращении работ в Стеркфонтейне не могло быть и речи. Брум наверстывал упущенное за предшествующее десятилетие, и его помощникам, хорошо знающим характер шефа, не оставалось ничего другого, как смиренно подстраиваться под раз и навсегда заданный ритм. С утра до позднего вечера со стороны карьера доносились четкие, как пулеметные выстрелы, удары кайлы, жалобно позванивали лопаты, а когда на короткое время наступала тишина, окрестные фермеры знали, что за нею последует глухой взрыв. Это с помощью динамита Брум дробил на мелкие куски непреодолимые для традиционных орудий археолога и палеонтолога участки заполнения древней пещеры. Каждый день из Стеркфонтейна в Преторию отправляли блоки породы с включенными в них костями. Среди них наибольший интерес представляли найденные в конце июля черепа павианов и антилоп.

Интуитивное ожидание очередного значительного открытия, трудно объяснимая уверенность в том, что оно рано или поздно должно произойти, не подвели Брума и еще раз. 1 августа при очередном разломе окаменевшей породы его глазам предстала плита с прочно впаянными в нее крупными и мелкими костями. Внимательный осмотр не оставил у присутствующих ни малейших сомнений в том, что Стеркфонтейн преподнес счастливцу новое сокровище — часть скелета недостающего звена. Чтобы оценить значение этой находки и представить торжество Брума и его помощников, достаточно сказать, что по значению открытие 1 августа было позже приравнено их коллегами к событиям, связанным с первыми сенсационными удачами в поисках черепа и челюсти австралопитеков. На этот раз в каменистом блоке оказались обе половины таза, несколько позвонков и большая часть берцовой кости. Наибольшее волнение вызвали результаты осмотра тазовых костей недостающего звена, впервые увиденные антро-

пологами. Несмотря на то, что некоторые участки таза оказались раздавленными и частично нарушенными, у Брума не оставалось ни малейших сомнений в принадлежности костей прямоходящему существу с такой же приблизительно посадкой тела, как у человека. Это заключение подтверждалось размерами таза, конфигурацией его отдельных частей и наиболее существенными деталями строения.

Конечно, до окончательного «приговора» следовало подождать результатов препарации, но неожиданности по отношению к главному выводу Брума исключались — плезиантропы, так же как другие разновидности австралопитековых, передвигались на двух конечностях. Руки их были освобождены и могли использоваться для любых операций. То, что Дарт, а затем Брум упорно и самоотверженно отстаивали на основании достаточно существенных, но все же косвенных данных анализа строения черепа австралопитеков и слепков мозговой полости, теперь нашло блестящее подтверждение. Таз плезиантропа во многих чертах поразительно напоминал человеческий. Достаточно сказать, что когда позже Брум показал фотографию каменной плиты с включенными в нее частями таза одному знаменитому антропологу, тот, не колеблясь ни минуты, определил их принадлежность скелету человека, а не антропоида. Дело оказалось все же сложнее. Когда тазовые кости удалось освободить от камня, выяснилось, что они, хоть и сходны с человеческими, тем не менее обладают и некоторыми антропоидными чертами строения. Таз плезиантропа на 85% напоминал соответствующие кости скелета человека. В длину он был почти наполовину меньше таза шимпанзе и резко отличался от таза гориллы.

— Хотел бы я послушать, о чем станут говорить теперь наши критики! — воскликнул по этому случаю Брум.— Впрочем, им не занимать изворотливости. Вспомните, когда были открыты первые черепа австралопитеков

и мы с Дартом объявили, что они не похожи на шимпанзе, наши оппоненты снисходительно поучали нас, что в недостающем звене юга Африки нет ничего сближающего его с человеком. Стоило затем обнаружить в пещере кости конечностей, поразительно сходные с конечностями Homo, как скептики тут же нашлись: «Ах, так это останки человека! Вы нашли обломки скелета человека, перемешанные с черепами шимпанзе...». Вот почему я не завидую ситуации, в которой оказались мои оппоненты после открытия таза плезиантропа. Положение их тяжелое, если не сказать безвыходное — ведь такой таз не мог принадлежать ни антропоиду, ни человеку. Кому же, как не недостающему звену? Наши противники загнаны в угол, не так ли, Даниэль?

— Как вам сказать, профессор,— пожал плечами Даниэль.— Могу, впрочем, поведать недавнюю историю посещения Стеркфонтейна местным пастором. Из газет он узнал об открытии в карьере костей странного существа, которое считается далеким обезьянообразным предком человека, и поэтому специально пришел в Стеркфонтейн, чтобы посмотреть знаменитую скалу. Пастор долго ходил по россыпям камней, с грустью посматривал на обрывы, отчего-то сокрушенно покачивал головой, а затем подошел ко мне и спросил: «Это верно, что череп найден в этой скале?». «О, да,— ответил я ему.— Если хотите, святой отец, я покажу вам фотографию черепа обезьяночеловека». Быстро сбегав к нашему лагерю, я принес гостю тот номер еженедельника «Illustrated London news», в котором напечатана статья о черепе, открытом 18 апреля. Пастор долго и внимательно рассматривал фотографии и вдруг неожиданно для меня брезгливо бросил журнал на землю: «Я не верю всему этому»,— раздраженно буркнул он и, не попрощавшись со мной, поспешил покинуть Стеркфонтейн!

— Вот так происшествие! — удивился Брум.— А я не слышал о нем. Чувства пастора, впрочем, можно понять и

объяснить, а следовательно, и простить его эксцентричную выходку, тем более — господь призывает к прощению заблудших. Но как быть с теми, кто, возможно, сознательно и даже злонамеренно искажает существо дела, хотя по роду своих занятий обязан сначала спокойно выслушать мнение тех, кому принадлежит честь открытия, скрупулезно разобраться в новых, большей частью неожиданных фактах и их оценках и только после этого выносить окончательный вердикт? К сожалению, у меня до сих пор более чем достаточно оппонентов, которые хоть и не бросают мои статьи на землю, но свои заключения подтверждают глубокомысленными рассуждениями, существо коих сводится все к той же поистине очаровательной в ее наивности и простодушии фразе почтенного пастора: «Я не верю всему этому!». Так вот просто — не верю, и баста, что хотите, то и делайте со мной, милостивые государи!

Брум, кажется, вознамерился раз и навсегда искоренить, высмеять, уничтожить иронией столь удобную и ни к чему не обязывающую позицию брюзжащего скептика от науки. Верная гарантия победы — наступление, поэтому — раскопки, раскопки и еще раз раскопки. Надо не дать возможности счастью и удаче ускользнуть из рук. И упорство Брума вознаграждается сторицей. Достаточно сказать, что в том же 1947 году ему посчастливилось найти сначала второй почти полный череп плезиантропа, у которого на две трети сохранились лицевые кости, затем третий с наполовину уцелевшими костями лица и верхней челюсти с превосходными зубами и, наконец, четвертый, у которого отсутствовали лицевые кости, но зато имелись части верхушки и основания. Помимо этого в коллекцию Брума попали фрагменты еще трех черепов, а также нижняя челюсть ребенка плезиантропа с полным набором молочных зубов. Как ни странно, но последняя находка доставила Бруму особое удовольствие. Еще бы — анализ строения челюсти и зубов вне каких-либо сомнений свидетельствовал о том, что высказанная им десять лет назад

мысль о родовых различиях плезиантропа и австралопитека нашла теперь блестящее подтверждение. Скептики вновь были посрамлены!

Счастье не оставляло Брума и в последующие годы. В сентябре 1948 года он в содружестве с Вэнделом Филлипсом из Калифорнийского университета начал раскопки нового местонахождения костеносных брекчий в местечке Сварткранс, расположенном всего в миле от Стеркфонтейна. Филлипс знал, с кем стоило связать свою судьбу: почти немедленно после начала работ в Сварткрансе Брум обнаружил нижнюю челюсть существа, родственного австралопитековым. Самой поразительной особенностью новой находки были необычайно огромные зубы, оказавшиеся тем не менее очень сходными по строению с человеческими. Брум тут же окрестил новое существо парантропом крупнозубым и объявил о том, что антрополог Вейденрейх, пожалуй, прав, выдвигая гипотезу о предках-гигантах. Он спокойно определил новую разновидность австралопитеков, хотя вряд ли мог забыть неистребимых скептиков, которые, конечно же, не преминули возмутиться: «Вот видите, новый пункт раскопок,— и новая разновидность недостающего звена». Уверенность Бруму придавали не только очевидные и характерные антропологические особенности «крупнозубого», но также на удивление своеобразный мир вымерших теперь животных, которые окружали его,— примитивная древняя гиена, жившая более миллиона лет назад, новые неизвестные ранее типы антилоп, павианов, золотистого крота, а также несколько хищников. Во всяком случае, ничего подобного не находили ни в Стеркфонтейне, ни в Кромдраае.

Последовавшие затем находки отдельных верхних коренных зубов и резцов парантропа, а также большей части верхней челюсти с фрагментами лицевых костей подтвердили правоту Брума. А затем и Джон Робинсон в отсутствие учителя, уехавшего в Америку, обнаружил в Сварткрансе огромнейшую обезьянообразную челюсть.

После возвращения Брума удалось найти еще три черепа, два из которых хорошей сохранности. Напряженный ритм раскопок не позволил сразу приступить к извлечению черепов из каменных матриц. На это тдебовались многие недели скрупулезного труда. Но когда Робинсон частично расчистил один из черепов, обнаружив черепную крышку, участки лица, верхнюю челюсть и основание, то стало ясно, что в Сварткрансе обнаружен мальчик плезиантропа крупнозубого — возраста приблизительно лет семи.

Удивительным и неожиданным оказался объем мозга этого загадочного существа. Предварительные подсчеты показали, что он составляет 750, если не более, кубических сантиметров! Если это действительно так, то взрослый плезиантроп крупнозубый имел объем мозга по крайней мере 850 кубических сантиметров, а может, и больше. По этому важнейшему показателю, свидетельствующему об умственном статусе, плезиантроп из Сварткранса приближался к питекантропу! Брума настолько поразило такое заключение, что он сгоряча пришел к выводу об открытии в Трансваале не обезьяночеловека, а настоящего человека. Затем, успокоившись и поразмыслив, Брум высказался в том смысле, что, пожалуй, плезиантроп крупнозубый представляет нечто иное, он — «наиболее подходящее связующее звено между обезьяночеловеком и настоящим человеком».

Брум, однако, имел про запас еще одну находку — небольшую челюсть, открытую Робинсоном в более поздней по времени костеносной брекчии Сварткранса. Она по размерам, структуре и коренным зубам оказалась чрезвычайно близкой челюсти питекантропа, а бросающаяся в глаза небольшая высота ее восходящей ветви дала право Бруму объявить о большом мозге у этого существа. Он был уверен, что им найдено «еще более важное звено, связывающее обезьяночеловека и человека... возможно, древнейший из известных людей». Поэтому Брум с одобрением отнесся к названию, придуманному Робинсоном,— телан-

троп. Telos — означает цель, и, следовательно, в имени этом заключен глубокий смысл: обезьянолюди в ходе длительной, полной зигзагов и неожиданных поворотов эволюции достигли, наконец, цели — превратились в настоящих людей!

Триумф Брума на нелегкой стезе поиска предков человека полон великолепия. Кто еще из палеоантропологов может похвастать открытием костных остатков более тридцати существ, относящихся к критической стадии эволюции людей? Никто! Совершенное Брумом — настоящий научный подвиг, величие которого тем грандиознее, что совершал он его на восьмом и девятом десятке лет жизни, когда подавляющее большинство исследователей обычно отходит от активной деятельности и в лучшем случае консультирует молодых. Поэтому глубокой данью уважения друзей и коллег, символом широкого международного признания выдающихся заслуг ученого стал коллективный том статей в честь Роберта Брума, опубликованный 30 ноября 1946 года в честь его восьмидесятилетия. В издании представлено блестящее созвездие имен — Грегори, Вейденрейх, Лики, Ле Грос Кларк, Дарт... Почетные страницы отведены Бруму: он написал статью о новых типах рептилий, близких млекопитающим. К этому приложена была и огромная библиография работ юбиляра, насчитывающая более четырехсот разного рода публикаций. Ее составил сам Брум. При этом он сказал издателям: «Лучше уж пусть сам ученый подбирает библиографии своих статей, чем оставлять работу для других после смерти!»

На торжественном обеде, отвечая на приветственные тосты, Брум так в шутку объяснил причину своих успехов: «В таком деле, которое судьбой было предназначено выполнить мне, или бог оставался на моей стороне, или я на стороне бога!». Но все-то прекрасно знали, что впечатляющие результаты достигнуты им потому, что в любимом деле он сам был настоящим богом. Недаром на самой, может быть, волнующей части чествования, — выезде к австра-

лопитековым пещерам Трансвааля, восьмидесятилетний Брум, в то время как гости сменили парадные костюмы на полевую форму цвета хаки и переобулись в приличествующие случаю ботинки, остался во фраке, блестящих парадных туфлях и с таким воодушевлением носился по каменистым склонам карьеров, что умотал вконец респектабельную ученую братию!

Брум познал до конца, каким невыносимо тяжким трудом достигается успех, и, очевидно, поэтому равнодушно относился к своей громкой славе, хотя совершенно искренне гордился тем, что друзья-палеонтологи назвали его именем двух грызунов: Gebrillus paeda broomi и Otomys unisulcatus broomi — и выглядел безгранично счастливым, узнав о подключении его имени к названию одной из разновидностей летучей мыши — Pipstrellus Kihli broomi.

Так кто же все-таки эти таинственные австралопитеки — недостающее звено, примитивнейшие из людей или, может быть, просто наземные обезьяны? Ответить на такой вопрос далеко не просто. Трудность заключалась и в том, что находки поступали в лаборатории Трансваальского музея в таком непривычно большом количестве, что их не успевали препарировать и изучать с должной детальностью, и в том, что при столь причудливом сочетании обезьяньих и человеческих особенностей определить точный таксономический статус миссис Плез и ее родичей было весьма сложно.

Роберт Брум, разгадывая эту головоломку, привлек для сравнения с черепами австралопитеков девяносто черепов высших антропоидных обезьян, которые хранились в фондах Британского и Оксфордского музеев. На первый взгляд, кажется, не могло возникнуть сомнений в решающем сходстве их с черепами австралопитеков: объем мозга тех и других не отличался значительной величиной и не достигал низшей границы объема мозга обезьянолюдей, до которой им не хватало 200—400 кубических сантиметров;

нижние челюсти отличались массивностью, а соотношение размеров лицевой части черепа и мозговой коробки у австралопитеков было типично антропоидным. Обращали на себя внимание также сильный прогнатизм (выступающая вперед лицевая часть черепа) и мощное развитие таких костных структур, как надглазничные валики у основания лобной кости и различные костяные гребни на черепной крышке.

Однако детальный анализ особенностей конструкции черепа и строения отдельных частей его, в частности зубов, показывал, что однозначный ответ при решении вопроса об антропоидности австралопитеков невозможен. Обезьяньи черты самым причудливым образом комбинировались с человеческими, хотя таксономическое и эволюционное значение последних было не всегда ясным. Примечательно, однако, что строение затылочной части черепа австралопитека свидетельствовало о посадке головы, больше сходной с человеческой, чем с антропоидной. Строение структур верхней части лица и участка лба заметно отличается от того, что характерно, например, для гориллы.

Особенности строения черепа не единственное, что ставит австралопитеков в особое положение по отношению к высшим антропоидным обезьянам. Близкие человеку по строению кости конечностей и таза, свидетельствующие вне каких-либо сомнений о прямохождении «южной обезьяны», позволили ряду антропологов сделать вывод о необходимости включения миссис Плез со всеми ее родичами в группу ранних представителей гоминид и объявить их «людьми, находящимися в процессе становления». Впрочем Брум высказывался несколько осторожнее. Австралопитеки, по его мнению, это «группа высших приматов, очень близких человеку, или, возможно, они — люди с малым объемом мозга». Во всяком случае, они настолько близки человеку, что можно без какой-либо опасности впасть в преувеличение назвать их обезьянолюдьми

и самыми ранними представителями гоминид. Вместе с тем не исключалось, что австралопитеки располагаются всего лишь «близко к генеральной линии эволюции человека» или, в худшем случае, представляют собой модифицированных потомков группы высших приматов, истинных предков человека, которые, очевидно, были очень близки «южным обезьянам». Брум, однако, верил, что именно от австралопитеков два-три миллиона лет назад отделился ствол гоминид.

Не перевелись и сторонники крайностей в оценках. В то время как одни упорно твердили о том, что в пещерах Южной Африки найдены костные остатки антропоидных обезьян, другие с энтузиазмом отстаивали идею о необходимости включения австралопитеков в семейство гоминид. Так, профессор Адлоф из Кенигсберга высказал мысль о необходимости считать австралопитеков примитивными, но «истинно человеческими существами», а Дарт и Ральф Кёнигсвальд в пылу полемики назвали их людьми. Соблазнительная идея! Однако если австралопитека действительно можно считать человеком, то где главный признак, позволяющий с уверенностью говорить о том, что «южная обезьяна» навсегда рассталась с миром животных и присоединилась к клану людей, где выделывались орудия, использовать которые не додумался самый изощренный животный ум? Открытие в красноцветных костеносных толщах Трансвааля небольшой коллекции камней с самой что ни на есть примитивной оббивкой сразу же положило бы конец бесконечным дискуссиям, участники которых неутомимо, но в равной мере не убедительно разъясняли друг другу значимость отдельных особенностей строения черепов и других частей скелета недостающего звена. Антропологам недоставало чисто археологических данных, чтобы окончательно решить проблему статуса австралопитеков.

Но, может быть, они не умели изготовлять и использовать орудия. Если это действительно так, то австралопи-

теки навсегда оставались за великой переходной чертой, отделяющей мир животных от мира людей. Им не суждено было пересечь ее! Брум, однако, не торопится делать категорический вывод. Еще десять лет назад, 10 августа 1938 года, он получил из Берлина от Пауля Альсберга письмо, в котором его коллега приводил чисто логические доводы непременного использования австралопитеками орудий. Альсберг признавал, что действительно трудно решить, по какую сторону черты следует расположить австралопитеков, поскольку эти обезьяны имеют «исключительные человеческие особенности». Важно вместе с тем подчеркнуть, что они не лесные обезьяны, что они не спасались от врагов на деревьях и не защищались от них мощными клыками, поскольку таковых не имели. Отсюда следовало заключение: австралопитеки отбивались от противников каким-то родом орудий. Альсберг писал Бруму об использовании орудий современными антропоидными обезьянами, но одновременно обращал его внимание на особенности строения руки антропоида как лазающего органа. У обезьян использование орудий не могло быть определяющим признаком — эволюция завела их в тупик. Обезьяны и человек представляют два диаметрально противоположных эволюционных принципа, утверждал Альсберг, и в то время как у первых возобладало приспособление тела к окружению, у второго оно реконструировалось посредством искусственно обработанных орудий!

Конечно, можно было на худой конец допустить возможность использования австралопитеками так называемых естественных орудий — речных галек, обломков камней с острыми режущими краями, увесистых дубинок. Но такой ход рассуждений не решал дела, поскольку обезьяны, согласно наблюдениям зоологов, временами умеют приспособить для своих нужд попавшиеся под руки предметы. Даже примитивные павианы, как удалось установить антропологу из Чикаго Шервуду Вэшбурну, который специально наблюдал в Африке за их жизнью, приспособи-

лись с помощью палки рыхлить землю, добывая себе пропитание в засушливое время года. Что же в таком случае говорить о таких высокоорганизованных приматах, как австралопитеки? Следовало поэтому найти доказательства целенаправленных попыток обработки камня, дерева, кости или хотя бы признаки подбора серий подходящих естественных орудий — показатель тяжких аналитических усилий мозга, скованного тесными рамками примитивного обезьяньего черепа. Роберт Брум искал эти доказательства, но, увы, не находил. Правда, однажды его коллегам показалось, что в одной из пещер удалось найти несколько оббитых галек. Однако, как выяснилось вскоре, радость была преждевременной — следы сколов выглядели настолько сомнительно и неопределенно, что даже самым пылким сторонникам пришлось в конце концов отступить и признать их случайность. Казалось, Брум и его помощники зашли в тупик, хуже того — в лабиринт идей, по сравнению с которым легендарное сооружение царя Миноса казалось пустяком.

И вот, когда решение загадки, казалось, навсегда отодвинулось в неопределенное будущее, на арене, где развертывались жаркие схватки непримиримых соперников, внезапно появился Раймонд Дарт — герой драмы, наполовину уже забытой ее зрителями. Забыть, однако, было не мудрено — главный виновник очередной бури в антропологии не появлялся на сцене почти четверть века! Он как бы выжидал кульминационного пункта развития событий, чтобы в решительный момент вмешаться в них и помочь тем, кто начинал терять уверенность. Возвращение ветерана в ряды охотников за недостающим звеном было столь же неожиданным, как был неожидан в свое время разрыв с блестяще начатым предприятием в карьере Таунгс. Если кто-то думает, что Дарт обратился вновь к австралопитекам потому, что Брум, кропотливо и неутомимо уничтожая стену недоверия, позволил ему вступить на ровную без завалов и ловушек дорогу поисков, то он

жестоко ошибается. «Отец» легендарного бэби вступил на арену для того, чтобы сражаться. Главное оружие его в борьбе то же, что ранее: выявить необычное в обычном, заметить в обыденном значительное, выдвинуть парадоксальную идею, объясняющую глубинную суть таинственного явления.

Какие только объяснения не выдвигались при попытках понять отход Дарта от заманчивых поисков «предков Адама», столь удачно начатых им! Писали даже, возможно намеренно, о «драматическом отступничестве» от недостающего звена. Личные, часто оскорбительные по форме и тону выпады против Дарта действительно отчасти привели к тому, что его «очаровательный бэби» стал в глазах публики чем-то вроде курьеза, а сам первооткрыватель был задет за живое.

Трудно сказать, насколько справедливы завистливые утверждения о том, что австралопитека из Таунгса «забыли в Южной Африке на долгие годы», но обвинения в отступничестве и странном нежелании Дарта возобновить дальнейшие исследования, чтобы доказать свою правоту, лишены оснований.

Обиды — обидами, а почти десятилетний перерыв в исследованиях австралопитеков или мнимый, или объясняется другими причинами. Прежде всего не следует забывать, что в начале тридцатых годов Дарт продолжал изучать череп бэби. Ему пришлось, в частности, немало времени затратить на окончательное освобождение костей от каменной матрицы и на разъединение нижней и верхней челюстей. Новые детали, выявленные в процессе расчистки, в особенности структура строения жевательной поверхности коренных зубов, подтверждали сделанные в 1925 году выводы о большей близости бэби человеку, чем антропоидным обезьянам. Дарт не замедлил объявить об этом. Кроме того, на несправедливую оценку фактов и тенденциозность обвинения в отступничестве наложило отпечаток то обстоятельство, что критики не заметили возвра-

щения Дарта к его первой любви — к занятиям сравнительной неврологией.

Позже, развенчивая легенды, окружающие его имя, Дарт писал о том, с каким удовольствием он обратился к микроскопическим исследованиям, прерванным после переезда в Иоганнесбург из-за недостатка средств и специального оборудования. В тридцатые годы у него появилось то и другое, а также способные помощники Гэлловаг и Уэлл. К тому же, в 1934 году сотрудником департамента стал специалист по ископаемым Роберт Брум, а в университете профессор Ван Рит Лоув начал специализироваться по археологии, уделяя особое внимание палеолиту. Дарт, которого в антропологию завели нелегкие обстоятельства, с облегчением оставил поле деятельности крепнущим и растущим командам Брума и Лоува. Он признался, что не испытывает той всепоглощающей, как у Брума, жажды к поискам и изучению ископаемых костей и не претендует на лавры прорицателя — мессии Дюбуа, предсказавшего открытие недостающего звена. Это не означало, тем не менее, его полного равнодушия к исследованиям преемников. Напротив, Брум и Лоув часто консультировались и советовались с Дартом, который тем самым всегда знал об их достижениях. Он даже любил пошутить над Брумом, утверждая, что тот далеко не случайно обнаружил остатки плезиантропа не когда-нибудь, а в конце 1936 года. Именно в это время новой супругой Дарта стала Мариора Фру, руководитель медицинской лаборатории университета Витвасерсран... С особым интересом Дарт следил за тем, насколько оправданными оказываются его предсказания относительно сближения австралопитека с далекими обезьянообразными предками человека, но ему редко приходила в голову мысль о возвращении к охоте за черепами недостающего звена, а тем более о возможности когда-нибудь снова окунуться в пекло противоречивых идей, связанных с происхождением человека.

Однако сама судьба предназначала Дарта возбуждать

штормы, как ни старался он уклоняться от этой неспокойной роли. Все началось с незначительного случая: в 1944 году в университете, по желанию инженера-электрика и филантропа Бернарда Прайса, покровителя работ Брума, был сформирован комитет содействия поискам ископаемых и подготовки курса палеонтологии. Дарта пригласили принять участие в работе комитета, и он... согласился. Это, конечно, не означало еще возвращения к активной деятельности, но когда в 1945 году один из его учеников профессор анатомии Филипп Тобиас вознамерился посетить местечко Макапансгат, на Дарта хлынули волнующие воспоминания. Еще бы, двадцать лет назад ему впервые довелось побывать в этом уединенном уголке Центрального Трансвааля, где располагалась грандиозная пещера. На языке коренного населения банту «гат» означало буквально «дыра». Банту возглавлял вождь Макапан, так что Макапансгат следовало переводить как «пещера Макапана». Белые поселенцы называли ее также «пещерой Сердец». Более века назад в этих местах произошли трагические события, о которых в Южной Африке вспоминали с ужасом.

Белые поселенцы появились там в 1835 году, когда бур Луис Тричард провозгласил поход на север и в 1852 году помог пяти тысячам семей переселенцев захватить лучшие земли, построить крупные фермы и провозгласить независимую республику Трансвааль. Нетерпимость к туземным племенам создала предельно напряженную обстановку.

Вскоре между белыми и банту начались кровавые столкновения. В Трансвааль для наведения порядка направляются войска, вооруженные пушками. Среди карателей находился, кстати, будущий президент республики Крюгер. Макапан, спасая соплеменников, увел их в пещеру. Более трех тысяч человек, включая детей и женщин, скрылись в огромной камере, вход в которую защищали специально сооруженные баррикады.

25 октября 1854 года пещера была блокирована и началась ее осада, продолжавшаяся двадцать пять дней. По пещере палили из ружей и пушек, пытались дымом выкурить ее пленников... Макапан заготовил достаточно богатые запасы пищи, чтобы люди не страдали от голода, но им постоянно не хватало воды. Приходилось по капле собирать влагу со стен. Как выяснилось потом, в километре от входа в глубине горы находился источник, но неясно — открыли или нет люди Макапана подземную галлерею, которая вела к нему. Всему, однако, приходит конец, и вот, когда белые решили, что туземцы достаточно обессилены осадой, начался решительный штурм. Ни о каком серьезном сопротивлении не могло быть и речи. Началась страшная в безжалостности и бессмысленности резня. Около тысячи человек, очевидно, главным образом воинов, стремившихся остановить противника, погибло у входа в Макапансгат, а остальные — внутри пещеры. Племя Макапана было уничтожено полностью. Когда через несколько десятилетий в долине Макапансгат появились туристы, то они были потрясены чудовищными завалами из человеческих костей в «пещере Сердец». Впрочем, нашлись и такие, кто захотел иметь в доме сувениры из Макапансгата, а это в конце концов привело к тому, что через некоторое время в пещере не осталось ни косточки. Шесть черепов отсюда Дарт видел в Лондоне в коллекции музея Королевского колледжа Сардженс.

В пору увлечения бэби из Таунгса Дарт посетил Макапансгат, о котором ему рассказал Эйтцман. Крутые склоны долины с разбросанными краалями поселенцев понравились ему. На склонах обрывов он отметил скопления костей, которые, очевидно, залегали в древних пещерных отложениях. И тогда же он обратил внимание на то, что некоторые из костей отмечены были следами огня. «Кто, кроме австралопитеков, мог жечь кости?» — подумал Дарт и сделал более чем смелое заключение о знакомстве какой-то из их разновидностей с огнем. Это были поистине

первые прометеи Земли. Дарту в то время не посчастливилось найти останков австралопитека, но отчаянной решительности ему не занимать, и он объявил о том, что в долине Макапансгат обитал австралопитек прометей (Australopithecus prometheus). Авторитеты дружно пожали плечами — выходка в стиле Дарта! Как можно столь упорно и бесшабашно выставлять себя на посмешище специалистов? Ему, по-видимому, мало истории с бэби!

Макапансгат находился в 200 милях от Иоганнесбурга, часто посещать его не представлялось удобным, и поэтому долину надолго оставили в покое. Однако, когда в 1936 году пещеру навестил Ван Рит Лоув, она вновь привлекла внимание. Археолог проник в камеры через проход, пробитый рабочими известнякового карьера, и при раскопках пола со сталагмитовыми натеками, среди глыб доломита и прослоек песка обнаружил участки золотистого культурного слоя с костями животных и обработанными человеком камнями. Среди законченных изделий особенно выразительными были оббитые с двух сторон ручные топоры-рубила. Стало ясно, что пещеру Макапансгат заселяли обезьянолюди типа синантропа, южноафриканские ашельцы, знакомые с огнем и вооруженные превосходными орудиями. Можно представить радость Дарта, когда он узнал об этом от Лоува. Когда выдающийся французский археолог Генри́ Брейль посетил Южную Африку, то одной из главных достопримечательностей страны, представленных ему для осмотра, стал Макапансгат. К пещере он поехал в сопровождении Дарта, Брума и Лоува. «Это второй Чжоукоудянь!» — воскликнул пораженный Брейль. Во время войны раскопки пещеры не проводились, однако рабочие карьера продолжали ломать известняк и напали на вход еще в одну камеру, заполненную настолько яркими и разноцветными пластами различных пород, что ее окрестили Радужной. Макапансгат объявили историческим памятником особого значения и взяли под охрану государства...

Вернувшись из Макапансгата, Тобиас сразу направился к Дарту. Чем больше подробностей узнавал Дарт, тем большее волнение охватывало его. Ох, до чего же он коварен, этот бес-искуситель Тобиас! Он-таки добился своего и растеребил казалось бы давно уснувшие чувства учителя... Но только рассказав о коллекциях каменных орудий ашельского времени и о выразительных изделиях из камня, выполненных неандертальцами, Тобиас выложил главный козырь — результаты осмотра серой брекчии, открытой в миле от Макапансгата ниже по долине. Неважно, что он, Тобиас, не может положить на стол Дарта каменных орудий, извлеченных из брекчии,— они просто-напросто еще не найдены, но это-то и делает брекчию необычайно привлекательной для исследователей! Не означает ли отсутствие оббитых камней глубочайшую древность ее, превышающую, конечно же, возраст слоев с орудиями в других пещерах?

Но довольно говорить загадками — Тобиас знает ответ. Он выкладывает на стол главный приз путешествия: череп примитивной обезьяны.

— Не правда ли, профессор, знакомый субъект? — торжественно спрашивает Тобиас Дарта.— Если не ошибаюсь, этот череп принадлежал ископаемому павиану Брума.

У Дарта радостно вспыхнули глаза.

— А, старый приятель, здравствуй! — тихо сказал он и осторожно взял череп в руки.— Ты прав, Филипп. Тебе действительно посчастливилось найти Parapapio broomi. Такие черепа впервые обнаружил Трэвер Джонс в 1936 году в Стеркфонтейне, а что последовало затем, ты знаешь...

— Значит, серая брекчия Макапансгата формировалась в эпоху австралопитеков?

— Я догадывался об этом с того времени, как Эйтцман двадцать лет назад привез мне из Центрального Трансвааля образец костеносной брекчии серого цвета,— подтвердил Дарт.— Твоя находка решает вопрос окончательно.

— Но не думаете ли вы, сэр,— не унимался Тобиас,— что, судя по виду ископаемого павиана, Макапансгат может оказаться значительно более древним, чем Таунгс, Стеркфонтейн, Сварткранс и Кромдраай?

Дарт с удивлением взглянул на ученика — с каких это пор Тобиас научился читать чужие мысли?

— В таком случае, появился шанс открыть самого древнего представителя семейства австралопитековых,— подвел итог разговора Тобиас.— Так не возвратиться ли вам вновь на стезю антропологических исследований?

Взволнованный Дарт резко поднялся из-за стола и направился к двери.

— Может быть. Со временем...— пробормотал он и вышел.

За стеной послышался неясный шум, грохот отодвигаемых вещей, а затем звонкий перестук металлических предметов. Дверь распахнулась, и в комнате снова появился Дарт. Он держал в охапке молотки, совочки, кайлы, тесла, лопаты и груду каких-то других «специализированных» орудий, предназначенных для раскопок.

— Что же, вот мой ответ,— с воодушевлением сказал Дарт.— Я действительно возвращаюсь в лоно антропологии. Попытаемся найти не только самого древнего австралопитека, но и его скелет.

Чтобы представить решительность Дарта, достаточно сказать, что даже в очередное воскресенье весь анатомический класс университета выехал вместе с ним в Макапансгат. Не избежала общей участи и Мариора, супруга Дарта, захватившая с собой малолетних дочерей Диану и Джейлин. Целый день шумная компания лазала по склонам, выискивая ископаемые кости. Дарт установил, что брекчия представляет собой древнее заполнение пещеры, крыша которой исчезла без следа. Пещера имела невиданные размеры — брекчия прослеживалась на многие сотни метров вдоль склонов долины.

В 1946 году изучение Макапансгата продолжалось,

Дарт со студентами и помощниками регулярно выезжал в долину и каждый раз привозил новые коллекции. Сборы вскоре заполнили кабинет и лабораторию, но Дарт не чувствовал удовлетворения. Причин было много — все еще не удавалось найти костные остатки австралопитеков, не хватало денег, много времени уходило на разъезды — 200 миль не близкая дорога! Пытаясь решить финансовые затруднения, Дарт пригласил Бернарда Прайса и показал ему сборы из Макапансгата. Ход оказался верным — покровитель палеонтологов, увлекавшийся ранее поисками ископаемых рептилий, загорелся жаждой копать Макапансгат. Черепа павианов настроили его на оптимистический лад, и он тут же пообещал выделять по 1000 фунтов стерлингов в год на поиски недостающего звена.

В апреле 1947 года начались раскопки Макапансгата. Дарту помогали опытные полевые работники Джеймс Китчинг и Георг Гарднер. Вопреки ожиданиям, первые три месяца оказались полностью безрезультатными — среди сотен костей животных, извлеченных из брекчии, не было ни одной, которая принадлежала бы австралопитекам. Правда, однажды удалось выявить нижнюю челюсть подростка лет двенадцати, но внимательное изучение ее показало, что она сходна с челюстями боскопского человека и, следовательно, датируется очень поздним временем. Работа тем не менее велась со старательностью и энтузиазмом. Одновременно с расчисткой брекчии братья Китчинги Бэн и Шеперс разбирали старые завалы породы, оставленные рабочими карьера. Усердие принесло плоды: в сентябре Дарт получил, наконец, сообщение, подтверждавшее его предположение о том, что Макапансгат представлял собой стойбище австралопитеков. Китчинг писал об открытии затылочной части черепа недостающего звена. Когда находку освободили от породы, Дарт, осмотрев обломок черепа, понял: мечта его осуществилась — это был давно предсказанный австралопитек прометей!

Значительно удачливее оказался полевой сезон 1948 го-

да. Сначала в июне месяце повезло Алану Хьюзу, главному помощнику Дарта по лаборатории медицинской школы, и Шеперсу Китчингу. Они нашли нижнюю челюсть двенадцатилетнего подростка австралопитека прометея. Дарт был поражен видом челюсти — ее сломали, очевидно, перед самой гибелью ребенка чудовищным ударом по подбородку. Четыре передних резца вылетели из гнезд. Кто ударил юного австралопитека и чем — кулаком, дубиной? Через три месяца удача пришла к Хьюзу. Он извлек из брекчии правую часть лицевого скелета взрослой женской особи австралопитека, а в ноябре выявил еще четыре обломка. Потом Дарта порадовал Бэн Китчинг: он нашел верхнюю челюсть необычайно старого австралопитека (такого почтенного возраста недостающее звено ранее не встречалось!), а несколько позже обломок черепной крышки молодого. Раскопки завершились эффектным открытием двух крупных фрагментов тазовых костей подростка двенадцати лет (ему, возможно, принадлежала найденная ранее нижняя челюсть). Примечательно, что через восемь лет там же удалось обнаружить тазовые кости девочки-подростка того же примерно возраста. Это дало возможность Дарту полушутя-полусерьезно заявить об одновременной гибели двойняшек австралопитека прометея, брата и сестры.

Лишенный юмора критик мог увидеть в «очередном безответственном заявлении» удобный предлог для глубокомысленных рассуждений о том, как нужно по-настоящему делать науку. Но Дарт отличался тем, что делал ее легко, свободно, вдохновенно, без оглядок на рамки канонов и предписаний. Другой на его месте после открытий в Макапансгате в лучшем случае бы описал, строго придерживаясь законов систематики, новые находки, сделал обтекаемые выводы, а затем стал терпеливо ожидать авторитетных откликов. Но не таков Дарт. Разумеется, он напишет статьи и представит антропологам, как того требуют правила, новую разновидность австралопитеков. Но

главное теперь заключается не в уточнении каких-то пусть даже существенных анатомических деталей, а в решении, наконец, кардинальной важности проблемы — можно ли считать австралопитеков недостающим звеном, предком человека, оставившим позади себя мир антропоидных обезьян? Сами по себе необычные для антропоидов особенности строения черепа обитателей трансваальских пещер использованы для доказательства этого тезиса максимально и исчерпали себя. Ведь новое открытие в Макапансгате обломков тазовых костей всего лишь очередное подтверждение сделанного на год ранее наблюдения Брума о прямохождении плезиантропа. Кто может теперь всерьез утверждать, что в Макапансгате, так же как в расположенном в 200 милях от него Стеркфонтейне, человеческие кости таза найдены смешанными с костями черепа австралопитековых обезьян? На такое не решится даже самый недобросовестный и пристрастный противник, если, конечно, не хочет быть высмеянным!

Тем не менее, даже учитывая всю важность оправданности заключения о прямой посадке тела австралопитеков и бипедальной манере их передвижения в открытой местности, следовало привлечь новые веские аргументы, подтверждающие человекообразность недостающего звена из Южной Африки. Дарт понял, что доказательства нужно искать в той области, на которую ранее меньше всего обращали внимание — в культурном статусе австралопитеков: образе их жизни, особенностях «хозяйствования», способностях отбирать и использовать орудия, естественные и искусственно обработанные, структуре примитивной общественной организации... Так начался новый шторм в антропологии, виновником которого стал Дарт.

Прежде всего он, как и четверть века назад, вновь настойчиво обратил внимание коллег на примечательную и весьма характерную особенность черепов павианов, найденных в одних с австралопитеками пещерных отложениях: они имели пробоины с радиально расходящимися

трещинами. Такой неизменно повторяющийся дефект мог появиться не от случайного соприкосновения черепа с грубым объектом, а в результате сильного, точно рассчитанного и целенаправленного удара тяжелым предметом. Удар наносился по правой стороне черепа обезьяны. Далее, судя по проломам на макушке или со стороны основания, следовала операция по извлечению мозга, особенно лакомой пищи. Для подтверждения своих давних выводов Дарт внимательно изучил сорок два черепа, найденные при раскопках в Таунгсе, Стеркфонтейне и Макапансгате. И сразу же раскрылась поразительная картина ярко выраженных закономерностей — двадцать шесть черепов (64%) оказались проломленными ударами спереди, семь черепов — ударами с левой стороны лица и спереди и только два черепа — с левой стороны. Те же особенности прослежены на черепах австралопитеков и слепках их мозговой полости. Удары наносились справа и спереди, а иногда слева. Вмятины обнаружены также на затылочной части черепов с правой их стороны. На полдюйма в глубь коробки погружены раздробленные фрагменты кости одного из черепов австралопитека. А до чего впечатляющ был вид нижней челюсти из Макапансгата! Можно лишь подивиться, с какой поразительной точностью и даже аккуратностью пришелся удар в левую точку челюсти. Право, такой меткости мог бы позавидовать и чемпион мира по боксу. Несмотря на массивность и значительную величину крепких зубов, челюсть оказалась разломанной и буквально сплюснутой от удара. Незаросшие трещины на челюсти и черепах показывают, что жертвы умерли вскоре после атаки охотников за головами.

Для уточнения и проверки своих наблюдений Дарт решил показать череп с вмятинами и трещинами на поверхности эксперту судебной медицины доктору Макинтошу. Примечательно, что в качестве образца он выбрал череп павиана, доставленный ему двадцать пять лет назад Жозефиной Сэлмонс. Макинтош не замедлил с пригово-

ром: «Поверьте мне, дорогой профессор Дарт, за свою жизнь я достаточно насмотрелся на черепа людей, изуродованных сходным образом. Так выглядит кость, когда в нее попадает пуля. Поскольку недостающие звенья были не настолько цивилизованными, чтобы палить друг в друга на охоте из карабинов и пистолетов, то остается предположить, что они дрались деревянными дубинками или увесистыми трубчатыми костями крупных животных...»

Дарт поражен ответом: так, значит, не камнем ударяли, как он предполагал ранее, а дубинкой! Ему следовало подумать о том, что в костеносной брекчии пещер никогда не встречаются подходящие камни. Нельзя ли в таком случае установить точнее, что же представляла собой дубинка? Он принялся за повторный осмотр вмятин и вскоре заметил, что орудие нападения оставляло обычно след, имеющий вид литеры γ. Нет ли среди тысяч костей, извлеченных из австралопитековых пещер, таких, какие могли при ударе оставить на поверхности кости двойные округлые углубления? Долго раздумывать не пришлось — чаще других из костеносной брекчии извлекались верхние плечевые кости антилоп с двумя суставными выступами-гребнями на конце. Теперь осталось приложить конец плечевой кости к двойным проломам и решить загадку. Дарт оказался прав: выступы костяной дубинки в точности соответствовали размерам вмятин на черепах! Он отметил также, что повреждения на концах плечевых костей антилоп появились до того, как они окаменели. В каждой из раскопанных пещер Трансвааля нашли орудия нападения такого типа и черепа павианов с отметками ударов. Значит, все австралопитеки на территории протяженностью в 200 миль имели сходное оружие. Примечательное этнографическое и производственное единство!

Итак, австралопитеки — охотники, вооруженные костяными дубинками. Они успешно преследовали и убивали павианов, а также себе подобные существа из других стад, чужих и враждебных. Вот к каким далеким временам вос-

ходят корни каннибализма. Дарта, однако, занимали во всех этих обстоятельствах не только выводы о хищническом образе жизни австралопитеков, их очевидном предпочтении мясной диете и бесспорно наземном обитании. Он впервые обратил внимание на огромную значимость факта систематического использования костяных дубинок с чисто физиологической точки зрения. Дело в том, что среди живущих только человек способен одновременно, а главное — длительное время, контролировать и соотносить движение собственного тела и отдельных его частей с другими, в том числе перемещающимися объектами, соседними с ним. У человека, как и у антропоидных обезьян, стереоскопическое зрение, позволяющее наблюдать в глубину взаимное расположение вещей, но только он может видеть их во взаимосвязи со своими движущимися руками. Шимпанзе, напротив, как и человеческий младенец, не способна длительное время следить за несколькими объектами, ее глаза контролируют действия рук главным образом, когда животное сидит. Стоя обезьяна не может ни «боксировать», ни использовать дубинку. У австралопитека его стереоскопическое зрение стало мощным оружием — при прямой посадке тела он правильно судил о расстоянии, точно рассчитывал направление удара, умел длительное время координировать движение тела, рук и головы. Судя по преобладанию вмятин на черепах спереди и слева, австралопитек сталкивался с жертвами лицом к лицу и бил большей частью правой рукой. Он действовал как человек, а не антропоид. Все это, очевидно, отражало и структурные изменения мозга, как разумно управляющего органа. В таком случае австралопитеки не антропоиды, а формирующиеся обезьянолюди, истинное недостающее звено!

Когда Дарт раскрыл тайну убийств павианов, он сделал следующий логически оправданный шаг, объявив костеносную брекчию Трансвааля кухонными кучами австралопитеков. Еще в двадцатые годы ему приходила на ум

мысль о том, что кости разнообразных животных далеко не случайно оказались в пещерах в столь огромных количествах. Их поразительное видовое различие, причудливая смешанность, характерный внешний облик, в чем они напоминали скопления костей в пещерных жилищах первобытного человека, кажется, не допускали никакого другого объяснения, кроме заключения о целенаправленной деятельности какого-то разумного существа, всеядного по природе и с привычками хищника. Теперь Дарт вплотную занялся поисками доказательств справедливости такого смелого вывода. Для этого следовало прежде всего разобраться в накопленных палеонтологических коллекциях, освободить кости от окаменелой глины, расколотить каменные блоки пещерных заполнений, извлечь из них сотни раздробленных косточек, а затем самым внимательным образом изучить каждую из них, расклассифицировать находки, определить характерные для них особенности, попытаться выявить главные закономерности, которые с неотразимой силой логики привели бы к заключению о том, что костеносные пласты представляют собой отбросы пищи австралопитеков, высокоорганизованных разумных существ.

С большим трудом, преодолевая бесчисленные, часто унизительные и нелепые препятствия, Дарт с энтузиазмом «выколачивал» деньги, необходимые для продолжения исследований. Чтобы наглядно представить огромные масштабы проделанной им и его коллегами работы, достаточно сказать, что за время раскопок в пещерах удалось отделить от тысячи тонн пустой известняковой породы девяносто пять тонн костеносной брекчии. Примерно треть ее относилась к серой окаменевшей породе, накопившейся в пещерах в эпоху австралопитеков. Каждая тонна брекчии после поистине адски трудоемкой и часто хирургически тонкой обработки в лаборатории с помощью специальных молотков, долот, скальпелей и прочих инструментов давала в среднем около пяти тысяч обломков ко-

стей. Отсюда следовало, что сотрудникам Дарта предстояло извлечь из австралопитековой брекчии не менее ста пятидесяти тысяч костяных фрагментов! Приятная, но одновременно обезоруживающе трудоемкая перспектива.

Дарт с отчаянной решимостью принялся за дело. Пять тысяч тонн пустой породы пришлось перелопатить в Макапансгате, прежде чем удалось отделить двадцать тонн серых блоков с торчащими из них обломками костей. Для препарации в первую очередь ассистенты отобрали тонну наиболее перспективных каменных глыб. Препарация дала семь тысяч сто пятьдесят девять фрагментов костей и рогов. Палеонтологи выделили из них те экземпляры, которые поддавались точному определению. Итоговые подсчеты преподнесли Дарту первый сюрприз: оказывается, в блоках залегали остатки по крайней мере четырехсот тридцати трех животных, на удивление разнообразных по видовому составу. Скучная вещь — оперировать цифрами, когда речь идет о человеке или его предках, по данном случае каждая из них раскрывала такие стороны бытия недостающего звена, что звучала весомее и значительнее самых ярких, изысканных и проникновенных слов. Разве не поразителен факт подавляющего преобладания среди костей остатков антилоп, животных предельно чутких, осторожных и стремительных, как вихрь? 92% костных обломков и целых костей принадлежали именно им. Примечательно, к тому же, что антилопы представлены в коллекции не одной, а сразу четырьмя разновидностями. Среди костей 293 животных выявлены остатки 39 крупных видов антилоп, 126 средних, 100 мелких типа газелей и 28 совсем миниатюрных ланей. Нужно было отлично знать повадки каждого вида антилоп, чтобы охота на них завершилась удачей.

Остальные животные составляют всего 8% находок, но до чего же примечательным и выразительным оказался подбор их, далекий, по-видимому, от случайности, поскольку кости накапливались в пещере в течение многих

тысячелетий. Это была, по существу, представленная в жалких палеонтологических остатках четко запрограммированная картина отбора охотничьих жертв за сотни тысячелетий, сменившихся в примитивном стадном обществе недостающего звена, отчего значимость наблюдений и следовавших из них выводов повышалась во много раз. В препарированной тонне брекчии удалось найти кости четырех крупных лошадей, вымерших ископаемых родственников зебры, пяти носорогов, шести ископаемых жираф, шести халикотериев, восьми дикобразов, в том числе двух гигантских, двадцати свиней, сорока пяти павианов, двух зайцев, одного гиппопотама, а также остатки гигантских водных черепах, диких собак, буйволов, шакалов, леопардов, саблезубого тигра, ящериц, грызунов и нескольких видов птиц. В пещерных отложениях часто встречались также обломки скорлупы птичьих яиц. Кто, кроме человекообразного существа, мог успешно охотиться на столь разнообразных по привычкам и образу жизни обитателей степей и пустынь Трансвааля? Нужно было не только уметь выловить из воды черепах, но и, добираясь до вкусного мяса, раздробить их исключительные по твердости панцири. Какое из хищных животных могло сделать это? Степных зайцев лучше всего ловить, раскапывая их земляные норы, а за птичьими яйцами приходится забираться на деревья. На свиней и гиппопотама устраивались засады на берегу водоемов; павианов подстерегали среди камней на склонах каменистых возвышенностей; терпеливо подкрадывались, прячась за кусты, к стадам лошадей, носорогов, жирафов. Австралопитек-охотник оказался настолько опытным и изощренным в искусстве добывания пищи, что даже тигров и леопардов не спасали их страшные клыки.

Изучение костей показало, что в брекчии явно преобладали остатки или молодых, или старых животных. Следовательно, недостающее звено умело использовать неопытность и слабость своих жертв. Преобладание костей одних

животных над другими раскрывало в какой-то мере вкусы обитателей пещер. В особенности они ценили, оказывается, мясо антилоп, затем следовали павианы, свиньи, жирафы, носороги, лошади. Что касается грызунов, то явное предпочтение отдавалось дикобразам. Впрочем, последнее, возможно, объясняется другими причинами, о чем будет сказано несколько позже.

В списке разновидностей, обнаруженных при препарации пещерных блоков из Макапансгата, пока не упомянуто лишь одно, пожалуй, центральное по значению — гиена. Особый интерес ее не только в том, что среди хищных обитателей древнего Трансвааля кости гиены по количеству преобладали над другими, но главным образом вследствие того, что именно она считалась обычно хозяйкой пещер, а груды костей в них принимались за остатки ее пиршеств. На европейцев сильное впечатление произвели в свое время рассказы путешественников по заснеженным полям России о прожорливых и бесстрашных волках, нападавших на запоздалых путников. Французы, отступавшие с Наполеоном из Москвы, распространяли поистине фантастические легенды о волках. Не теми ли качествами обладала гиена? Дарт понимал, что до тех пор, пока ему не удастся развеять прочно укоренившийся миф о гиене — обитательнице скальных навесов, усеивающей костями свое логово, его идеи о кухонных кучах австралопитеков в Макапансгате, а следовательно, и об охотничьем образе жизни недостающего звена, надолго останутся не более чем сказочно-увлекательной гипотезой.

Дарт принялся за дело с обычной для него основательностью. Просмотр литературы по истории вопроса показал, что первым мысль о гиене, как обитателе пещер, высказал президент Лондонского королевского геологического общества Дин Букланд. В 1822 году он представил обществу статью, в которой описал найденные при обследовании пещер Европы кости носорогов и гиппопотамов. На их обломках остались следы зубов, очевидно, тигров,

волков и гиен. Букланд высказал предположение, что кости затащила в пещеру и грызла, по всей видимости, гиена, поскольку у нее самые мощные челюсти. Ни о каком допотопном человеке в начале прошлого века большинство исследователей не помышляло. Поэтому не удивительно, что теория Букланда произвела впечатление на членов Королевского общества, и докладчику, отмечая его усердие, вручили почетную медаль. Затем одна за другой последовали находки каменных орудий, залегавших в пещерных слоях вместе с костями вымерших животных, и как следствие этого была выдвинута гипотеза о человеке древнекаменного века, обитателе пещер и охотнике. Идея вызвала яростное сопротивление ретроградов. Одним из их аргументов в борьбе стало предположение Букланда, получившее широкое распространение. Не в малой степени этому способствовал Чарлз Лайель, блестящий ученик Букланда. В своей широко известной и многократно издававшейся книге «Принципы геологии» он популяризировал представление учителя о гиене как собирателе костей в пещерах. Парадокс заключается в том, что Лайель одновременно широко использовал в книге факты, связанные с археологией древнекаменного века. Теория Букланда оказалась необыкновенно живучей: в конце тридцатых годов нашего века австрийский натуралист Цапфе написал целую книгу о пещерных гиенах ледникового времени Европы и о значении этого хищника, затаскивающего в логово кости и уничтожающего их. Когда Дарт во время одной из поездок по странам Европы высказал мысль о том, что скопления костей в Трансваальских пещерах оставлены австралопитеками, он не встретил поддержки.

Между тем, как удалось установить Дарту, критика представлений Букланда началась почти сразу после публикации его статьи. Вернувшийся в 1822 году из Южной Африки медик Роберт Кнокс немало подивился, прочитав ее. Дело в том, что он специально изучал многочисленные логова гиен и ни разу не встретил в них скоплений костей.

Гиены, напротив, обычно оттаскивали свои жертвы на открытые площадки около места удачной охоты, устраивали на них пир, а кости, беспорядочно разбросанные, оставались лежать там же до очередного визита хищников. Кнокс написал на доклад Букланда критический отклик, но напечатали его в редком научном журнале, а поэтому знали о нем лишь немногие специалисты. Затем Дарт обратился к книге выдающегося практика-натуралиста Стефенсона-Гамильтона «Жизнь животных в Африке». Автор ее сорок лет возглавлял администрацию национального парка Крюгера и превосходно знал повадки обитателей степей и пустынь Южной Африки. Описывая всеядность гиен, он тем не менее утверждал, что они никогда не пожирают своих сородичей. Но именно привычками каннибализма объяснялось всегда присутствие костей гиен в пещерных отложениях! Значит, эти хищники сами становились жертвами удачливой охоты, а их останки затаскивались в пещеру.

Кто, однако, охотился на них? Ведь известно, что мясо гиен не привлекает ни одно из плотоядных животных, а из птиц его едят лишь хищные ястребы. Для Дарта ответ не составлял труда — гиен убивали и съедали австралопитеки, самые неприхотливые и неразборчивые из хищников! Проблема, таким образом, ставилась с головы на ноги — не гиены накапливали кости, а напротив, их останки представляют собой одну из составных частей кухонных отбросов недостающего звена. Имеет смысл в связи с этим отметить, что среди костей подавляющее большинство составляли остатки гиены. Следовательно, ее необходимо включить в список животных, охотиться на которых по тем или иным соображениям предпочитали австралопитеки.

Дарт предвидел возражения своему выводу — люди сейчас не едят гиен, так было и в древности. Но в том-то и дело, что десятки и сотни тысячелетий назад тяжелые обстоятельства заставляли человека и его предков забы-

вать о привередливости. Вот почему в пещерах неандертальцев и синантропа находят кости гиены. Они продолжают встречаться на становищах, возраст которых составляет пятнадцать-тридцать тысяч лет, а также на стоянках совсем близкой к нам по времени эпохи новокаменного века (V—III тысячелетия до нашей эры). Египтяне начала III тысячелетия до нашей эры упоминают гиен как одомашненных животных или объект охоты, а в списках строителей пирамиды Хуфу гиена зарегистрирована среди съеденной пищи.

Изучая привычки гиен, Дарт обратился к опытным охотникам Южной Африки. Они рассказали, что большинство местных хищников — львы, шакалы, пятнистые гиены — обычно избегают устраивать логова в пещерах или скальных навесах и предпочитают жить на открытых пространствах. Правда, леопард и коричневая гиена, когда у них появляются детеныши, могут ютиться под навесами или в скальных трещинах, но и они поедают свою добычу на открытых площадках. Чтобы окончательно решить вопрос о скоплениях костей в логовах гиен, Дарт попросил Алана Хьюза написать в газеты — не видел ли кто из читателей чего-то подобного? Ответы оказались единодушными — никто завалов костей в местах обитания гиен никогда не наблюдал. И, наконец, последовал практический эксперимент — Дарт после долгих хлопот добился разрешения раскопать логово гиены в заповеднике национального парка Крюгера. Четыре дня помощники Дарта Хьюз и Харингтон, а также четыре африканца копали самую большую из дыр, уходящих под землю. Тоннель разветвлялся на глубине шести футов на четыре отдельные камеры — две короткие и две длинные. Несмотря на самые тщательные поиски, в логове ничего, кроме блох, обнаружить не удалось. Правда, попался скелет черепахи, но гиена не имела к нему отношения — черепаха случайно свалилась в дыру и не смогла из нее выбраться. Раскопки около входа также оказались безрезультатными.

Кое-где невдалеке валялись панцири черепах, но гиены определенно не проявляли к ним интереса — панцири в отличие от подобных в Макапансгате не были разломаны.

Могли ли вообще гиены при их жадности, прожорливости и неразборчивости, вечном голоде, который они испытывают, позволить себе бросать кости убитых животных? Нет, конечно. Челюсти гиен способны раздробить любую часть скелета, а мощные и твердые зубы легко разотрут его на части, удобоваримые для крепкого, приспособленного к грубой пище желудка. Студент Дан Мэриз провел серию наблюдений над гиеной, пойманной вскоре после рождения. За восемнадцать месяцев она уничтожила без остатка голову, челюсти, зубы и шкуру теленка, а в два года за три дня с легкостью расправилась с головой осла, не оставив от нее ни частицы. Сходные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что гиены в древности тоже не накапливали кости, а пожирали их, неоднократно возвращаясь к месту гибели жертвы.

Итак, Дарт после завершения «исторического экскурса» и практической проверки сведений о гиенах мог с уверенностью утверждать, что скопления костей в Трансваальских пещерах оставлены австралопитеками. Костеносная брекчия — не что иное, как культурный слой жилища недостающего звена, его кухонные отбросы. Гиена, конечно, могла заходить в пещеры, по каким-то причинам покинутые австралопитеками, и грызть разбросанные кости, в том числе останки своих сородичей. Следует, к тому же, учитывать следующие обстоятельства: гиены, возможно, неотступно сопровождали сообщества австралопитеков, как они сейчас следуют по пятам более удачливых в охоте семейств могучих львов, тигров и леопардов, каждый раз терпеливо поджидая конца их кровавого пира, чтобы поживиться остатками. Назойливые спутники в охотничьих экспедициях недостающего звена сами порой становились жертвами предков людей, голодных или выведенных из себя нахальством непрошеных нахлебников...

Разве не сенсационен подобный шторм в антропологии, взрывающий спокойное и, казалось бы, совершенное естественное представление о трансваальских пещерах, как логовах животных? Разве не поражает неожиданностью объяснение скоплений костей в пещерах Южной Африки хозяйственной деятельностью недостающего звена? А выводы об охоте австралопитеков на обитателей степей, пустынь и саванн, а также о собирательстве, как важном подспорье в обеспечении пищей? Каждое из новых заключений Дарта и способ их обоснований били в одну точку: австралопитеки принадлежат к той разновидности антропоидов, которые вступили на стадию очеловечивания. Они — искомое недостающее звено. Во всяком случае, как с чисто антропологической точки зрения, так и по образу жизни австралопитеки более чем какое-либо другое из ископаемых приматов имели шанс занять вакантное место в цепочке предшественников человека, связывающих его с миром антропоидных обезьян.

Впрочем для окончательного решения все еще недоставало одной весьма существенной особенности, не дававшей покоя самым последовательным сторонникам возведения австралопитеков в почетный ранг недостающего звена,— они, австралопитеки, как считалось, не умели изготвлять и использовать орудия, что определяется как первый и самый, пожалуй, весомый признак человеческого статуса. Дарт поистине жадно и нетерпеливо наверстывал упущенное за предшествующие десятилетия. Не давая передышки противникам, он высказал мысль о том, что австралопитеки представляли особую стадию в культурной эволюции человечества, когда в качестве орудий использовались не камни, а кости, зубы и рога животных. Дарт даже предложил особое название для этапа недостающего звена — osteodontokeratic kulture, «культура кости, зубов и рогов».

Несмотря на неожиданно дерзкий и вызывающе смелый вывод, нельзя не признать строгой последовательности и

логической оправданности умозаключений Дарта. Действительно, если костяная брекчия Макапансгата не случайное скопление останков погибших животных, а кухонная куча, то почему бы не определить часть культурных остатков пещеры как своеобразные и непривычные для археолога инструменты, служившие орудиями труда австралопитеку прометею! В самом деле, постоянные неудачи в поисках оббитых камней не могли не заставить Дарта обратить особое внимание на изучение фрагментов, составляющих кухонные отбросы, с целью выделения как естественных инструментов, так и искусственно подправленных обломков, которые использовались на охоте и при разделывании добычи. Вскоре помимо плечевых костей антилоп, служивших дубинками, он выявил дистальные кости конечностей лошадей с такими же, как у антилоп, двойными суставными выступами. Примечательно, что части конечностей, расположенные выше поджилок, в Макапансгате не были найдены, а копытных фаланг обнаружено всего пять штук. Дистальные ниже колена концы ног с массивными суставными выступами не представляли, конечно, ни малейшего интереса для тех, кто хотел утолить голод. Но поскольку в пещере найдено огромное количество именно этих костей, то «подрезыватели поджилок» явно накапливали и сохраняли их как ценное и эффективное орудие охотничьих экспедиций.

Просматривая фаунистические коллекции, Дарт отметил поразительную деталь — среди костных остатков преобладали фрагменты черепов; на сто сорок животных, не относящихся к семейству антилоп, найдена всего одна часть скелета, иная, чем черепные кости (шейный позвонок павиана, сохранившийся, очевидно, при отделении головы от туловища животного). Вывод напрашивался сам — австралопитеки были настоящими охотниками за головами. Они приносили на стойбище голову жертвы, оставляя в степи туловище. По мнению Дарта, такая операция преследовала две цели: с одной стороны, в пещеру

доставлялась самая питательная часть убитого животного — мозг, а с другой — последующая обработка черепа давала австралопитекам новые разновидности естественных орудий: челюсти гиен, леопардов, свиней, саблезубых тигров, павианов, дикобразов, шакалов. Их острые зубы, резко выделяющиеся клыки и теслообразные резцы могли использоваться как превосходные режущие инструменты. Естественное оружие своих жертв австралопитеки обратили против них самих.

Триста шестьдесят девять нижних челюстей антилоп найдено было в Макапансгате, и все они, согласно заключению Дарта, могли использоваться как режущие и ударные орудия. Действительно, взяв крупную челюсть за переднюю часть, можно ею резать мясо, резцовыми зубами можно колоть кости, а с помощью обломанного нижнего края вскрыть брюхо убитого зверя. Замечательный инструмент — нижняя челюсть самых мелких антилоп. Коренные и предкоренные зубы их образуют острое лезвие, напоминающее по виду школьный перочинный или малый кухонный нож. Примечательно в связи с этим отметить, что останки мелких антилоп представлены в Макапансгате исключительно только костями черепов, а из них подавляющую часть составляют нижние челюсти. Верхние челюсти антилоп также могли использоваться как инструменты. Африканские аборигены и сейчас употребляют их для очистки шкур от мездры. Австралопитеки с помощью нижних челюстей, очевидно, отделяли мясо от костей, а в голодное время растирали шкуры, чтобы можно было использовать их в пищу. Как скребки, возможно, использовались сотни изолированных зубов из верхних и нижних челюстей. В принципе каждая приостренная кость могла применяться в примитивном труде, который слабым огоньком теплился в трансваальских пещерах. Во всяком случае Дарт не сомневался в оправданности такого подозрения. В частности, хорошим колющим инструментом могли быть иглы гигантского дикобраза. Далеко не слу-

чайно оказались они среди костей, поскольку известно, что гиена не охотится на дикобразов и иголки их затащить в пещеры не могла.

Но Дарт, разумеется, отдавал отчет в том, что его идея не лишена уязвимых мест: чрезвычайно трудно было доказать использование большинства естественных орудий, поскольку следы работы на них, по существу, не прослеживались. Тогда в поисках подтверждения он стал изучать не отдельные изолированные кости, а весь комплекс, вместе с окружающими остатками. Случайно ли в одном блоке залегала масса расщепленных костей и клыков свиньи? Почему такой же клык свиньи расположен рядом с несколькими черепами антилоп, включенных в глыбу камня? Не примечательно ли открытие в блоке брекчии размером около одного кубического фута черепов павианов и австралопитека с расположенными между ними нижними челюстями еще двух павианов? Как объяснить факт расположения костяных обломков или даже целых сравнительно тонких объектов внутри трубчатых костей конечностей? Одна находка такого рода оказалась совершенно уникальной: в нижней половине обломанной бедренной кости крупной антилопы прочно застрял рог газели. Очевидно, австралопитек, добывая мозг или пытаясь разломать кость, настолько основательно вогнал рог в трубку бедра, что так и не смог извлечь ее обратно. Подобное манипулирование костью и рогом не могла бы выполнить ни одна обезьяна.

Стараясь доказать использование обломков трубчатых костей и искусственную обработку части их, Дарт обратил внимание на очень высокий процент приостренных костяных отщепов, сколотых при продольном расщеплении трубчатых костей антилоп. Видимо, они раскалывались по строго определенному плану: сначала отделялась головка, а затем с проксимального конца с помощью лопаток, нижних челюстей, рогов или массивных обломков расщеплялась трубка. Отколотые фрагменты можно было

превратить в любой инструмент. Иногда части костей ломали руками. В результате появлялся характерный спиралевидный разлом. Из таких обломков делали спиралевидные ножи, толкушки и даже, по утверждению Дарта, ложки, разумеется, древнейшие в мире. С помощью их из черепов павианов извлекался мозг. Такое предположение позволили высказать Дарту особенности краев проломов в черепах («бахрома, свисающая внутрь мозговой полости»). Австралопитек, по-видимому, заметил, что острый край или конец расщепленных костей быстро тупился и терял эффективность. Поэтому для увеличения долговечности инструментов и усиления результативности труда рабочий край ретушировался, то есть вдоль него снимался последовательный ряд чешуек, вследствие чего лезвие становилось прочным, устойчивым, как зубной ряд челюсти антилопы. Дарту посчастливилось выделить девять обломков, края которых имели следы дополнительной подправки — ретуширования.

Обобщая наблюдения, связанные с раскрытием образа жизни австралопитеков и использования ими орудий, Дарт пришел к выводу об открытии им костяного века, который представлял собой древнейший этап доистории человечества, предшествовавший веку обработки камня. Последующий переход предков человека из костяного в каменный век столь же революционен по характеру, как прыжок из каменного в век металла, а от него в век атома. Таким образом, найдена была просмотренная ранее археологами ступенька эволюции человечества. Ее проглядели из-за того, что слишком много усилий пришлось затратить на доказательство искусственности обработки камней, встречавшихся в пещерах и на берегу рек вместе с костями «допотопных» животных, а потому на следы использования костей не обращали должного внимания. Значение открытия костяного века трудно переоценить. Если Дарт прав в своих заключениях, очередная буря в антропологии поднята им не напрасно: австралопитеки не

могли более включаться в семейство антропоидных обезьян. Эти существа, вооруженные орудиями из кости и рога, следовало расположить у основания родословного древа человека, отдав им на откуп место недостающего звена!

Концепция Дарта была встречена с нескрываемым скептицизмом — никто не хотел верить в «костяную индустрию» австралопитеков. Дискуссия грозила стать бесконечной и, по существу, бесперспективной. Однако Дарт не складывал оружия и не терял присутствия духа — разве Дюбуа пришлось в свое время легче в борьбе с пересмешниками и скептиками? Исследования продолжались, и Дарт не терял надежды получить факты, подтверждающие его правоту.

Они, к счастью, не замедлили появиться. Однажды в лабораторию Дарта пришел геолог Брэйн, занимавшийся детальным изучением почв, прослеженных в разрезах Макапансгата и Стеркфонтейна, и сказал:

— Помните, профессор, красный гравиевый песчаник Стеркфонтейна, который располагается на двадцать пять футов выше серой австралопитековой брекчии? Так вот, при раскопках в нем я нашел сто двадцать девять камней со следами оббивки!

— Вы шутите, Брэйн,— усомнился Дарт.— Ведь красный гравий, насколько я знаю, древнее любого из горизонтов стоянок человека древнекаменного века в Южной Африке.

— В том-то и дело! Я занес камни Риту Лоуву, а он сказал мне, что подобные изделия напоминают ему орудия из галек, которые он собрал на высоких берегах рек Кафуа и Кагера.

— Он, наверное, ошибся. Это невозможно! — взволнованно воскликнул Дарт.— Кафуанские гальки считаются самыми древними изделиями человека.

— Давайте зайдем в университет и взглянем на камни,— предложил Брэйн.

Через полчаса Рит Лоув демонстрировал в своем каби-

пете Дарту и Брэйну семнадцать галечных орудий, отделенных им от остальной коллекции. Он говорил торжественно и со значением:

— Я абсолютно уверен, что эти гальки представляют собой каменные орудия кафуанского типа. Точно такие же изделия я привез из Уганды и Танганьики. Ну, хорошо,— добавил он, заметив недоверие Дарта,— давайте сразу же сравним их с гальками, подобраннымп на берегах Кафуа и Кагера.

Лоув достал пз шкафа деревянный лоток с камнями и поставил его на стол рядом с гальками из Стрекфонтейна. Сходство действптельно очевидное. Предельно примитивные орудия, современники поистине подлинной зари человечества, выделывались из малоподходящих для обработки галек кварца, кварцита и доломита.

— Это действительно порог начала обработки камня,— задумчиво сказал Дарт.— Примечательно, однако, что оббитые гальки найдены в Стеркфонтейне. Человеческая история не прерывалась в тех неуютных местах на стадии австралопитеков, а продолжалась далее!

— Да, камни из Стеркфонтейна, пожалуй, древнейшие из выявленных пока орудий человека Южной Африки,— с готовностью согласился Лоув.— Ведь они залегают в слое, расположенпом сразу же над австралопитековым. В этом и состоит величайшее значенпе открытия Брэйна. Оббитые камни Стеркфонтейна заполняют провал между обезьянами и человеком — пх использовало в работе недостающее звено. Так что, кто бы ни приехал в Африку из Европы, Азип или Америки — он возвращается в дом своих предков.

Дарт не стал вступать в спор с Ритом Лоувом по поводу того, где следует искать недостающее звено — в красной илп серой брекчии Стеркфонтейпа. Спор был беспредметен, поскольку Брэйн не обнаружпл костных остатков существа, оббивавшего кварцевые и кварцитовые галькп. Но когда через год Алан Хьюз и Ревил Масон, археолог

из объединенного археологического общества, просматривая тысячи галек красной брекчии Стеркфонтейна, нашли обломок верхней челюсти австралопитека, Дарк торжествовал. Вот оно, наконец, весомое подтверждение его мысли о том, что австралопитекам потребовалось еще несколько сот тысяч лет, прежде чем они отказались от костяных орудий и приступили к обработке камня. Всему свое время!

Это не значило, однако, что концепция Дарта получила всеобщее признание. Борьба продолжалась с прежним ожесточением. Критики, в частности, прибегли к традиционному приему, объявив австралопитека, найденного вместе с каменными инструментами, жертвой человека, изготовившего орудия. По-прежнему считалось невероятным, чтобы существа со столь малым объемом мозга, как у австралопитеков, умели делать и использовать орудия труда. То ли дело «человек зари» Даусона с его огромным мозгом. Даже верный Брум, последовательный противник ретроградов и ортодоксальных представлений, не замедлил откликнуться сочувствующей по тону статьей на странное известие об открытии в коллекциях «джентльмена удачи» еще одного, третьего по счету, черепа эоантропа, ранее никому из антропологов не известного.

Но в этот момент в пильтдаунской истории наступил настолько потрясающий воображение финал, что даже предельно закаленный и привычный ко всему на свете ученый мир буквально замер от неожиданности...

При расследовании преступления невозможное обычно отвергается, но оно часто и есть истина.

Шерлок Холмс

История пятая

ПИЛЬТДАУНСКАЯ ХИМЕРА

Когда Артур Конан-Дойль посещал в 1912 году Пильтдаун и дотошно расспрашивал Даусона, стараясь по возможности реальнее представить обстоятельства, в которых предстояло действовать героям «Затерянного мира», ему и в голову не могла прийти мысль о том, что он находится на месте, где через несколько десятилетий мог бы во всем блеске проявить свой редкий талант его самый известный персонаж Шерлок Холмс, не знавший затруднений в самых головоломно запутанных историях. Во всяком случае 5 августа 1958 года доктор Д. С. Вейнер, сотрудник Оксфордского университета, и видный антрополог из Кембриджа Ле Грос Кларк, направляясь по приглашению профессора Кеннета Окли в Британский музей, чувствовали себя весьма и весьма неуютно, ибо представить не могли — кого объявить преступником, если сейчас снова подтвердятся самые худшие из подозрений. Приходилось лишь сожалеть, что визит наносился в от-

сутствии прозорливого Холмса! Окли ожидал гостей в комнате, где руководство крупнейшего на Земле собрания научных сокровищ хранило особо ценные экспонаты. Мягко щелкнули замки сложной конструкции, неслышно распахнулась дверца сейфа. Окли, не говоря ни слова, извлек из него челюсть эоантропа и передал ее Ле Грос Кларку. Затем он достал оттуда же знаменитый клык и протянул его Вейнеру, который в обмен дал ему коренной зуб шимпанзе. Все по-прежнему молча и подчеркнуто сосредоточенно стали рассматривать кости.

Этой странной на первый взгляд немой сцене предшествовали неожиданные события, начало которых восходит к 1949 году. Именно тогда Окли впервые пришла в голову идея использовать разработанный еще в 1892 году французским минералогом Корнотом флюориновый метод определения древности ископаемых костей для сравнения возраста обломков, найденных в одном слое. Суть дела заключалась в том, что с течением времени флюорин, содержащийся повсюду в почве и воде, переходит в погребенные зубы и кости. Чем более велик процент флюорина в ископаемых, тем более древним возрастом следует датировать их. Разумеется, насыщенность почв флюорином в разных районах Земли неодинакова, однако, если сопоставлять кости, найденные в территориально ограниченной области, а тем более в одном местонахождении, то по разнице процентного содержания флюорина можно установить ориентировочную древность находок относительно друг друга и, конечно, современности. Окли первый понял и оценил особое значение флюоринового метода для проверки разного рода спорных или сомнительных находок и не замедлил воспользоваться им. Захоронение человека в Галли Хилле, обнаруженное Ньютоном, и кости ископаемых животных, найденные в отложениях той же террасы реки Темзы, были подвергнуты специальному химическому анализу, и вот неожиданный результат: в то время как останки человека имели сотые доли про-

цента флюорина, что свидетельствовало о сравнительно недавнем времени их захоронения, обломки костей животных успели «впитать» в себя за десятки тысячелетий в сотни раз большее количество флюорина!

Но ведь человек из Галли Хилла описывался некоторыми антропологами, в частности сэром Артуром Кизсом, как одно из веских подтверждений идеи глубокой древности Homo sapiens — человека разумного! Нельзя ли в таком случае провести еще одну проверку на содержание флюорина в костях самой интригующей из находок сапиентного предка — человека зари Чарлза Даусона? Кстати, такой анализ, возможно, помог бы, наконец, получить ответ на главный вопрос, по которому антропологи и палеонтологи никак не могли прийти к соглашению — к одной или разным эпохам относятся обломки черепной крышки и нижняя челюсть? В случае положительного ответа позиция сэра Артура Смита Вудварда и Даусона получила бы основательное подкрепление, а при отрицательном — торжествовали бы те, кого называли «дуалистами» и кто всегда уверял, что в Пильтдауне найдены остатки не одного существа, а двух: человека и антропоидной обезьяны, живших в периоды, отделенные друг от друга сотнями тысячелетий.

Проверка костей из Баркхам Манер на флюорин представлялась тем более желательной и необходимой, что открытия последних трех десятилетий отнюдь не способствовали прояснению «головоломки Пильтдауна». Напротив, если даже Кизс в предисловии к книге Вудварда «Самый древний англичанин», опубликованной посмертно в 1948 году, написал о том, что «пильтдаунская загадка еще далека от окончательного решения», то можно представить, насколько серьезными оказались затруднения и сколь значительны были сомнения даже у самых последовательных сторонников загадочного эоантропа из Суссекса. Оснований для беспокойства оставалось более чем достаточно. Многочисленные открытия костей обезьяноо6-

разных предков, ставших известными антропологам после 1912 года, отнюдь не разрушали уникальности эоантропа. Это недостающее звено, от которого, по мнению Вудварда, непосредственно происходил Homo sapiens, располагалось особняком и в гордом одиночестве, не имея себе подходящих аналогий в многочисленной теперь компании претендентов на почетное звание. Если раньше с человеком зари соперничали лишь скомпрометированный в дискуссиях питекантроп, геологический возраст которого оставался неопределенным, да единственная в своем роде гейдельбергская челюсть мауэоантропа, то теперь для подкрепления своих позиций скептики, отвергавшие особое значение эоантропа, обращались к целой коллекции черепов обезьянолюдей, открытых в Чжоукоудяне и на Яве, а также к останкам обезьянообразных обитателей трансваальских пещер, выявленных Дартом и Брумом в Южной Африке. В том, что питекантроп и близкий родственник его и современник синантроп представляют собой древнейшую из известных стадий примитивных людей, сомнений не оставалось. Ведь недаром в пещерных логовах китайского обезьяночеловека обнаружены груды обработанных камней и мощные пласты золы на местах, где полыхали первые зажженные предком костры.

Изучение черепов недостающего звена, открытых на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Африке, как, впрочем, и анализ особенностей строения черепных костей неандертальцев Европы, привело подавляющее большинство антропологов к выводу о том, что эволюционная перестройка костной структуры головы предка человека проходила иначе, чем у эоантропа Даусона. Действительно, поскольку увеличение объема мозга проходило, судя по всему, чрезвычайно медленно, то черепная крышка долгое время сохраняла черты строения крышки антропоидных обезьян — огромные надглазничные валики, убегающий назад лоб. Высота ее была незначительна, а ширина, напротив, велика. В то же время

несравненно быстрее происходили изменения в лицевом скелете. Во всяком случае, человеческие особенности строения челюсти и зубов отмечаются уже на стадии питекантропа. В этом отношении они резко отличны от челюстей антропоидных обезьян, а следовательно и пильтдаунского человека. Итак, налицо явное противоречие: в то время как эоантроп имел лицо человека (черепная крышка и носовые косточки как у Homo sapiens) и обезьянью нижнюю челюсть, недостающее звено, выявленное в результате последних открытий, обладало обратной комбинацией — у него было обезьянообразное лицо и, по существу, не обезьянья челюсть! Концепция Вудварда о двух несовмещающихся эволюционных линиях — тупиковой для питекантропа, синантропа, неандертальцев и прогрессивной, давшей в итоге Homo sapiens, вызывала теперь большие сомнения.

Не могло также не обратить на себя внимание то обстоятельство, что в Пильтдауне с 1916 года, несмотря на все усилия Вудварда, никак не удавалось найти что-либо расширяющее и дополняющее коллекции Баркхам Манер. Раскопки, проведенные Вудвардом и его помощником Торнолсом после смерти Даусона, оказались безрезультатными. Им не удалось найти ни одного обломка костей ископаемых животных, не говоря уж о фрагментах черепа или челюсти человека зари. В последующие годы Вудвард неоднократно посещал Пильтдаун, безуспешно осматривая ямы для добывания гравия. Иногда он нанимал рабочего и проводил раскопки на собственные средства. Увы, каждый раз его постигало разочарование! Впрочем, в 1931 году во время одной из экспедиций ему удалось найти зуб домашней овцы. Тем не менее Вудвард продолжал боготворить Пильтдаун. Он был поистине фанатично предан своему детищу эоантропу — с некоторых пор с ним ни о чем более невозможно стало беседовать. Вудвард при этом увлекался, глаза его вспыхивали огнем, он оживленно жестикулировал и говорил, говорил не останавливаясь. Человек

с чувством открытой игры, гордый, самолюбивый и честолюбивый, он, не колеблясь, резко порвал с Британским музеем, когда при очередном повышении сотрудников в должностях его осмелились обойти вниманием. Он немедленно подал в отставку и никогда более его нога не переступала порога прежней службы. Он переселился из Лондона в местечко Хэйвардс Хис, недалеко от Пильтдауна, и построил небольшой домик. Отсюда было рукой подать до фермы Баркхам Манер и полей Шеффилд Парка. Вудвард «присматривал» за местами счастливых открытий и время от времени посещал их, упорно подстерегая удачу. Своих редких гостей он даже в дождь возил к ферме Баркхам Манер и там, стоя под большим зонтом, показывал место бесценного открытия. 22 июня 1938 года, когда исполнилось двадцать пять лет открытию в Пильтдауне, по инициативе Вудварда и на его средства около гравиевой ямы Баркхам Манер был установлен памятный камень, которому предстояло увековечить славу Чарлза Даусона, безвременно ушедшего из жизни. В торжественной, но скромной и немноголюдной церемонии открытия памятника по личному приглашению Вудварда принял участие сэр Артур Кизс. От былого соперничества с Вудвардом не осталось и следа. Их давно объединила и даже можно, пожалуй, сказать сдружила необходимость защиты «прав» эоантропа от постоянных нападок скептиков. Кизс произнес у камня прочувствованную речь, напечатанную на следующий день лондонской «Таймс». Он сравнивал результаты поисков Даусона в Пильтдауне с находками Буше де Перта в долине реки Соммы, где удалось обнаружить и понять назначение грубо оббитых рубилообразных орудий «допотопного человека», и открытием первого неандертальского черепа. Резонанс ученого мира в каждом из этих случаев поразительно одинаков — прежде чем наступает желанный миг победы и признания, «счастливцам» приходилось переживать отчаянное сопротивление, сталкиваться с оскорбительными сомнениями и выслушивать на

удивление противоречивые заключения. Следует ли поражаться, что эоантроп вызвал к жизни величайшую из проблем? Кизс, к неудовольствию Вудварда, не скрывал сложностей, с которыми в свете новых открытий сталкивались антропологи, объясняя появление в родословной человека странного существа из Баркхам Манер. В такой ситуации оставалось лишь призывать к дальнейшему изучению обломков черепа эоантропа да надеяться на очередную счастливую удачу в Суссексе или каком-нибудь другом месте Европы. Пока же почти ни одна из выходящих в свет книг, посвященных происхождению человека, не обходилась без раздела об эоантропе. О нем сочувственно писали такие видные специалисты, как Марселен Буль и Эрнст Хутон, на международных симпозиумах и конгрессах в яростных дискуссиях скрещивали шпаги сторонники и противники человека зари.

Кеннета Окли, возродившего к жизни полузабытый флюориновый метод датировки костей, соблазняла перспектива одним махом разрубить гордиев узел. Он не без труда добился разрешения высверлить дрелью минимально возможное количество костной ткани из бесценных образцов Пильтдауна — челюсти, обломков черепа, а также из костей ископаемых животных, залегавших, как известно, в том же горизонте гравия Баркхам Манер. Когда тесты были завершены и Окли вычислил результаты их, то его поджидал величайший сюрприз: в то время как зуб слона содержал 2% флюорина, что подтверждало «глубочайшую, около миллиона лет, древность», кости, челюсть и череп имели соответственно $0,2\pm0,2\%$ и $0,2\pm0,1\%$, что не позволяло предполагать возраст их более древним, чем 50 000 лет! И те, кто отстаивал совместимость черепа и челюсти (монисты), и те, кто утверждал, что они принадлежат двум разным индивидам, человеку и обезьяне (дуалисты), ожидали чего угодно, только не такого ошеломляющего поворота событий. Пильтдаун породил новую проблему, которая, по словам В. Л. Страуса, оказалась

«даже более ужасной, чем предшествующие ей». В самом деле: если эоантроп по возрасту столь поздний, то считать его предком, а тем более недостающим звеном, разумеется, невозможно. В таком случае законен вопрос — каким же должен быть предок человека зари, не связанный с питекантропом, если до столь позднего времени дожил такой примитивный человек с обезьяньей челюстью, и, наконец, кто его потомки? Создавалась предельно парадоксальная ситуация — свержение эоантропа с почетного пьедестала недостающего звена лишало его как предков, так и потомков! Монистам оставалось теперь лишь невразумительно бормотать нечто туманное о загадочной «пережиточности в условиях предельной изоляции», о «крайней специализации», о «побочной линии эволюции, которая завела в тупик»... Как мгновенно переменились роли — теперь уже соперник питекантропа пытается удержаться на поверхности, обрекая себя на пребывание в тупике. Вот она, ирония судьбы: тупик, куда с такой настойчивостью загонялся десятилетиями питекантроп, оказался единственным местом, спасающим престиж эоантропа. Не в менее тяжелом положении оказались также дуалисты. Во-первых, флюориновый анализ Окли разрушал их довод о несовместимости вследствие разного времени попадания в гравий черепа и нижней челюсти; во-вторых, если продолжать настаивать на своем, то как объяснить использование эоантропом в такое позднее время столь примитивных орудий и даже эолитов; в-третьих, пришлось бы признать совершенно недопустимое — судя по челюсти, в Англии в ледниковое время, всего 50 000 лет назад, жил шимпанзе, обитатель жаркого климата и тропических лесов! Значит, разгадку пильтдаунской тайны следует искать не там, где ее вот уже почти сорок лет ищут монисты и дуалисты.

Предварительное сообщение Окли о результатах флюоринового анализа костей из Пильтдауна вызвало жаркую дискуссию. Никогда еще посторонние наблюдатели споров

антропологов не сталкивались с таким хаосом противоречивых мнений: наиболее горячие и нетерпеливые требовали немедленно и навсегда выбросить эоантропа из эволюционного ряда предков человека как существо в «высшей степени сомнительное по происхождению»; оправившиеся от шока монисты говорили, что челюсть эоантропа совсем не обезьянья, «если правильно реконструировать ее»; дуалисты, как это ни парадоксально, пользовались наибольшей симпатией коллег, продолжавших верить в пильтдаунского человека. Часть антропологов, наученных горьким опытом скороспелых и безапелляционных суждений, основанных на так называемом «здравом смысле», предпочитала сохранять нейтралитет. Они ожидали появления новых фактов и свидетельств, которые действительно могли появиться, ибо в следующем, 1950 году на террасе в Баркхам Манер около знаменитой ямы был заложен большой раскоп. Тонны земли и гравия прошли сквозь специальные сита, однако энтузиасты не могли похвастать ни одной находкой. Пришлось ограничиться уточнением разреза слоя, выставленного за стеклом в одном из залов Британского музея, а раскоп в Пильтдауне объявить ради сохранения престижа национальным монументом страны. Подобного рода жалкие манипуляции не могли, естественно, устранить зарождающихся у людей подозрений. Недаром оппозиция в палате общин английского парламента не замедлила нанести сокрушительный удар своим соперникам — премьер-министр должен был экспромтом ответить на коварный по неожиданности вопрос противника: «Не скажет ли сэр Клемент Эттли, за что получают жалование антропологи Британского музея?» Если бы судьба правительства ее королевского величества зависела от искренности, а не остроумия ответа, то кабинету лейбористов пришлось бы, пожалуй, немедленно уйти в отставку!

Страсти в последующие три года накалились настолько, что под угрозой полной дезорганизации работ съездов

ученых, дебатирующих тему происхождения человека, пришлось наложить форменное табу на обсуждение вопросов, связанных с эоантропом. К такому, во всяком случае, негласному соглашению пришли участники состоявшегося в конце июня 1953 года в Лондоне конгресса палеонтологов, на котором всеобщее внимание привлекли проблемы ископаемого человека. Чтобы сказать что-то новое и полезное о человеке зари, следовало осмотреть оригиналы находок из Пильтдауна, а демонстрация их, по мнению организаторов конгресса, сразу же спровоцировала бы дискуссию, поскольку в многолюдном сборище палеонтологов и антропологов, конечно же, нашлись бы и те, кто с рвением стал доказывать «гармоничное сочетание» челюсти и черепа, и те, кто с не меньшей убежденностью и пылом бросился бы утверждать обратное. Поэтому все сочли за благо не вспоминать об эоантропе. Но не напоминала ли эта ситуация ту, к которой применима пословица: «В доме покойника не говорят о покойнике»? Напоминала, хотя далеко не каждый понимал, что дело приближается к драматической развязке.

Однажды вечером за ужином в конце работы конгресса Кеннет Окли совершенно конфиденциально сообщил антропологу из Чикаго С. Л. Вэшборну и Д. С. Вейнеру странную новость — оказывается Британский музей остается в неведении, где именно в Шеффилд Парке располагается место открытия остатков второго черепа эоантропа. Этой находке, как известно, придавали особо важное значение, поскольку она разрушала представление об уникальности черепа из Баркхам Манер. Естественно предположить, что там следовало в первую очередь начать контрольные раскопки, но осуществить их не удалось по простой до нелепости причине — никто не знал, где находилась та куча камней, в которой Даусон обнаружил кости! Даусон, человек, по словам Тейяр де Шардена, скрупулезный и, согласно восторженным отзывам Кизса, подчеркнуто аккуратный, не удосужился, оказывается,

оставить точного указания места находки, имеющей принципиальное значение. Необъяснимо было также равнодушие к этому вопросу «педантичного, в высшей степени тщательного, усердного и наблюдательного» Вудварда. Если даже допустить, что по деликатности своей он не хотел тревожить больного Даусона, непонятно, почему ни тот ни другой не нашли способа обойти это препятствие раньше.

Пильтдаунская история представлялась теперь настолько запутанной, что разгадать ее противоречия мог лишь, пожалуй, Шерлок Холмс, роль которого рискнул взять на себя Вейнер. Ни одно из объяснений, предлагавшихся ранее, не казалось ему убедительным. Вскоре он отверг и свое предположение о пильтдаунском человеке как аномалии, для понимания которой следует подождать дальнейших находок. Несерьезной и невероятной выглядела также мысль, что на Земле сохранился всего один эоантроп. И вообще Вейнер пришел к заключению, что главная головоломка связана с челюстью — ведь не случайно даже установить, обезьянья ли она, затруднительно было из-за отсутствия главных определяющих частей — подбородка и суставных отделов восходящей ветви, где особенно ярко прослеживаются различия челюстей обезьяны и человека. Если бы удалось определить, кому принадлежит челюсть, возможно, прояснилось бы, почему у клыка такие необычные черты строения. Поскольку все детали рельефа челюсти из Пильтдауна за исключением плоского износа зубов указывали на ее антропоидный характер, у Вейнера возникло подозрение, что «кто-то ошибочно бросил челюсть в яму». Но как в таком случае объяснить открытие в Шеффилд Парке той же загадочной комбинации из обезьянообразного коренного с плоским износом жевательной поверхности и обломков черепа Homo sapiens? А что если коренной принадлежал не обезьяне, а фрагменты черепной крышки представляют собой, несмотря на сходство с эоантропом, остатки «обычного

рядового человеческого скелета»? Однако челюсть по всеобщему убеждению ископаемая, и как бы ни решался вопрос о том, какая разновидность древнего антропоида представлена ею, «ошибочное» появление челюсти в Баркхам Манер может быть только в том случае, если она не ископаемая, а современная! Почему же тогда жевательная поверхность коренных современного антропоида имеет такой странный плоский износ и отчего столь необычно изношен клык? Не решается ли тайна Пильтдауна так: челюсть с искусственно подточенными коренными зубами и специально обработанный клык были подброшены в яму, где добывался гравий?

Чудовищное подозрение! Но как бы оно ни казалось невероятным, Вейнер стал искать пути проверки его. Прежде всего предстояло выяснить, насколько точен флюориновый метод и каково содержание флюорина в костях, которые недавно оказались в земле. Окли ответил, что его методика допускает ошибку в $\pm0,2\%$, но поскольку в челюсти флюорина всего $0,1\%$ или, может быть, меньше, а в недавно погребенных костях флюорина, согласно контрольным опытам, содержится столько же, то нет оснований сомневаться в предельно молодом возрасте этой части черепа эоантропа. Вейнер, удовлетворенный ответом, предпринял следующий шаг — вместе с Ле Грос Кларком осмотрел муляжи челюсти и клыка эоантропа, которые хранились на факультете анатомии Оксфордского университета. Слепки, изготовленные в свое время Барлоу, оказались достаточно точными, чтобы, не обращаясь пока к подлинным остаткам, отметить при целенаправленном изучении муляжей некоторые настораживающие особенности. Вейнер и Ле Грос Кларк были поражены подозрительно идеально точной плоскостностью жевательной поверхности второго коренного челюсти и отсутствием следов заполированности на участках, где коренные соприкасались друг с другом. Вейнер тут же подобрал коренной зуб шимпанзе, сходный по размеру с коренным эоантропа.

и ради эксперимента сточил его жевательную поверхность. Сходство даже при отсутствии полировки оказалось на удивление точным. Изучение опубликованных фотографий коренных эоантропа подтвердило сенсационное наблюдение об искусственном характере износа их жевательных поверхностей. Но разве Ундервуд, ссылаясь на рентгеноскопию зубов, не писал об естественном характере износа их жевательной поверхности? Если же он ошибался в этом, то, может быть, не прав и в том, что корни коренных, судя по рентгенограмме, человеческие по характеру, а не антропоидные, как утверждал вначале Кизс?

Затем Вейнер, следуя лучшим традициям детективов, внимательно перечитал статьи Окли, в которых описывался ход анализа образцов костной ткани, извлеченной из пильтдаунской челюсти. Его надежды найти в текстах нечто, разъясняющее пильтдаунскую тайну, блестяще подтвердились — Окли в одном месте бегло упомянул о том, что при сверлении зуба темно-коричневый поверхностный слой сменился на глубине белой тканью. Такая особенность характерна для «свежего зуба», а не ископаемого, и, значит, челюсть содержит органические остатки, нитроген, определять содержимое которого в костях умели уже в начале второй половины прошлого века. Во всяком случае, когда рабочие в 1863 году подбросили Буше де Перту в один из раскопов в Аббевилле современную человеческую челюсть (он всегда мечтал найти останки «допотопного предка»), то английские геологи Баск и Риствич разоблачили подделку французов, установив высокое содержание нитрогена в ставшей было знаменитой челюсти Moulin Quignon. Были ли, однако, проведены химические анализы на нитроген челюсти из Пильтдауна? Вейнер обратился к публикациям Даусона и Вудварда, и снова сюрприз: челюсть по иронии судьбы анализу на нитроген не подвергалась, поскольку джентльмены нашли возможным ограничиться установлением отсутствия нитрогена в

обломках черепной крышки, считая, очевидно, само собой разумеющимся, что уж в челюсти-то нитрогена тем более не должно быть, поскольку по внешнему виду (цвет, сохранность) она выглядит как ископаемая! Не странно ли это, тем более, что проблемы временного сопоставления черепной крышки и нижней челюсти Пильтдауна вызывали особенно яростные споры?

Для Вейнера стала очевидной необходимость проведения физических, химических, радиологических и биологических тестов на образцах, найденных в Пильтдауне. Он обратился к руководству Британского музея с просьбой разрешить провести новые исследования. Глава отдела геологии В. Н. Эдэрвардс, на которого аргументы Вейнера произвели сильное впечатление, позволил, учитывая важность предприятия, высверлить из челюсти и черепа такое количество костной ткани, которое в другое время вряд ли кто осмелился затребовать. Окли был готов пустить в ход самое совершенное оборудование и использовать самые последние достижения физики и химии, чтобы с максимально возможной точностью провести определение кристаллической структуры костной ткани и дублированную несколько раз серию тестов на содержание в образцах железа, нитрогена, коллагена, органического карбона и органической воды.

Начало работы сразу же привело к интересным наблюдениям: в то время как сверло легко и мягко погрузилось в челюсть, в глубь обломка черепной крышки оно проникло после приложения некоторых усилий. Это означало, что челюсть имела, по-видимому, структуру свежей, не ископаемой кости. Далее последовали беспристрастные результаты химических тестов — обломки черепа содержали 0,1% флюорина, а челюсть — 0,03%. Образцы из Шеффилд Парка дали соответственно 0,1 и 0,01% флюорина. Свежая кость контрольного опыта имела 0,03 ± 0,1% флюорина. Таким образом, челюсть из Пильтдауна была, наконец, оторвана от черепной крышки эоантропа. Кук и

Хэйзер провели анализ на содержание нитрогена, и результат оказался тот же: в то время как обломки черепа содержали 0,6 — 1,4% нитрогена, зубы и челюсть — 3,9—5,1%. Коренной зуб современного шимпанзе имел 3,2% нитрогена. Осмотр образцов с помощью электронного микроскопа, проведенный профессором Рэндоллом, подтвердил химический тест: в срезах челюсти и зубов были отчетливо видны пояски обильного коллагена, но ничего подобного не отмечалось для обломков черепа. Что касается органического карбона, то, согласно анализам Окли, в челюсти его содержалось 14,5%, а в обломках черепа 5,3%. Свежая кость имеет 14% органического карбона. Эти цифры вряд ли требуют комментариев. Современность челюсти не вызывала теперь никаких сомнений.

Такой категорический вывод вызывал недоумение — ведь внешне челюсть выглядела как ископаемая. Ее темно-коричневый цвет, исчезавший, правда, ниже поверхности, дисгармонировал со слегка желтоватой окраской челюстей современных антропоидов. К тому же поверхность пильтдаунской челюсти покрывали мелкие трещины, а края излома были сглажены. Чтобы разобраться во всем этом, химики Британского музея М. Х. Хэй и А. А. Мосс провели анализы на процентное содержание железа как в челюсти, так и в обломках черепной крышки. Результаты оказались поистине удручающими — как то, так и другое было в большинстве случаев окрашено искусственной краской, содержащей соли железа (бихромат-поташ). Правда, из публикаций известно, что Даусон покрывал бихроматом фрагменты черепа, найденные до начала раскопок летом 1912 года. Как позже объяснил Вудвард, Даусон сделал это, наивно полагая, что бихромат закрепит кость. Но почему в таком случае оказались окрашенными челюсть, которую Даусон извлек из гравия в присутствии Вудварда и Тейяра де Шардена, а также один из обломков черепа, найденный в Шеффилд Парке в 1915 году? Ведь Даусон отказался затем от такого более

чем странного метода закрепления костей! Что касается трещинок на поверхности, то они оказались результатом специальной обработки кости для придания ей фоссилизованного вида: ее слегка декальцинировали с помощью просушивания, а затем, видимо, погрузили в слабый раствор кислоты, которая сгладила участки разломов и создала впечатление окатанности обломка челюсти. Знаменитый клык, найденный Тейяром де Шарденом и тут же переданный Вудварду, тоже был окрашен темно-коричневой краской типа коричневый вандейк с какой-то битуминозной металлической примесью. Краска покрывала клык тонким, в виде пленки, слоем, под которым залегала белая костная ткань современного антропоидного зуба. Бихроматпоташом окрашивать клык было, очевидно, опасно, ибо искусственность цвета стала бы очевидной. Вот почему использовался вандейк коричневый! Рентгеноскопия, проведенная с помощью новой аппаратуры, позволила установить и другие обстоятельства. Выяснилось, в частности, что кальцийфосфат содержится в челюсти, а в черепе отсутствует. То же касалось и наличия сульфата.

Когда 5 августа 1953 года Вейнер и Ле Грос Кларк прибыли в Британский музей для осмотра подлинных остатков черепа эоантропа, то ни у них, ни у Окли, который извлек из сейфа фрагменты крышки, челюсть и коренной зуб, не было ни малейших сомнений в том, что антропологов мира сорок лет дурачили искусно скомбинированной подделкой. Участников контрольного осмотра в данном случае интересовал чисто академический вопрос: можно ли, не применяя специальных тестов, заподозрить неладное при изучении внешнего облика обломков черепа и, прежде всего, наиболее загадочной из находок — челюсти? Не закрывали ли намеренно глаза на нечто настораживающее те, кто представлял миру новое открытие недостающего звена? Если да, то не этим ли следует объяснить странное, но совершенно очевидное нежелание допускать специалистов к осмотру находок Даусона, ограничивая и

удовлетворяя их любопытство муляжами Барлоу, сотрудника Вудварда?

Вейнер, Ле Грос Кларк и Окли после осмотра клыка, коренного зуба из Шеффилд Парка и коренных челюсти пришли к единодушному мнению о том, что все зубы имели достаточно отчетливые следы искусственной обработки: на клыке без труда можно было заметить царапины, появившиеся при искусственной пришлифовке, призванной имитировать естественный износ; такие же царапины видны на жевательной поверхности коренного из Шеффилд Парка. Значительно тщательнее и осторожнее была проведена шлифовка на коренных челюсти, но и ее искусственный характер не подлежал сомнению, поскольку предательские царапины все же просматривались на вершинках отдельных выступов. Муляжи зубов, сделанные Барлоу, отражали также следующую характерную особенность: окраины пришлифованных участков были не мягко округлыми, как обычно наблюдается при соответственном износе, а приостренными, что особенно четко прослеживалось на краю жевательной поверхности; края выступов ее около углублений тоже имели приостренность, однако придонные части не были изношены в той мере, в какой следовало предполагать, учитывая интенсивность стачивания выступающих участков жевательной поверхности! Вообще странно было видеть, что у столь молодого индивида, каким был «хозяин» челюсти, износ оказался равным таковому у пожилой особи. Не менее удивительна и почти одинаковая степень стачивания жевательной поверхности первого коренного, который, как известно, прорезывается раньше и, следовательно, должен быть изношен сильнее, и второго коренного, появляющегося позже первого! Таким образом, плоский, необычный для антропоидов износ зубов, один из главных аргументов в комплексе доказательств совместимости черепной крышки эоантропа и челюсти, оказался при достаточно внимательном анализе фикцией.

Вейнер и Ле Грос Кларк отметили далее еще одну особенность, которая должна была насторожить антропологов: мягкий дентин, в нормальных условиях непременно перекрытый твердой эмалью, оказался в результате искусственной подшлифовки обнаженным и сточенным вместе с нею. Поверхность дентина, обычно вогнутая, на зубах эоантропа была плоская, а канал нерва открылся, не защищенный эмалью. С какой же интенсивностью пережевывалась пища, чтобы до такого плачевного состояния довести зубы! Не от дикой ли зубной боли скончался, в таком случае, эоантроп? Все объяснялось проще — только искусственное стачивание и пришлифовка жевательной поверхности могли объяснить появление на поверхности незащищенного эмалью дентина. Антропологи просмотрели также и то, что значительно более сточенными были не окраинные бугорки коронки, как у нормально изношенных зубов человека, а те, что располагались ближе к центру жевательной поверхности.

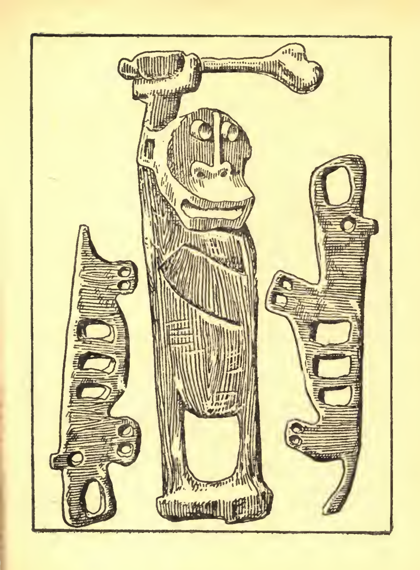
Проведенная несколько позже рентгеноскопия дала новые подтверждения искусственной обработки зубов. Поскольку внутренние полости их выглядели большими и открытыми, челюсть принадлежала подростковой особи. Почему же никто не задумался о несоответствии возраста недостающего звена Суссекса со степенью износа зубов, согласно которой его следовало считать стариком? В рентгеновских лучах не было видно отложений вторичного дентина, перекрывающего полость зуба, а при таком сильном износе он обязательно появился бы. Ундервуд, правда, где-то усмотрел его, но это наблюдение следует оставить на совести исследователя. Та тонкая прослойка материала, что была, возможно, принята Ундервудом за вторичный дентин, оказалась на самом деле какой-то пластической массой, нанесенной на жевательную поверхность. Использование рентгеноскопии позволило также понять, почему корни коренных в челюсти выглядели явно укороченными и обрубковидными: их просто намеренно обло-

мали и специально обработали, и эти манипуляции из-за слабости рентгеновских установок начала века остались незамеченными. Девятнадцать «зерен песка», прослеженных в полости пульпы зубов еще в 1913 году, оказались, когда некоторые из них извлекли наружу, шариками лимонита. Поразительно, что мелкий песок пильтдаунских гравиев в полость не попал. Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что шарики привнесены искусственно и не представляют собой результата естественного заполнения. А ведь «зерна песка» при рентгеноскопии создавали картину фоссилизованности (ископаемого состояния) челюсти! Чисто анатомический анализ строения ее показал, что она принадлежала не шимпанзе, как утверждало большинство антропологов, а орангутангу, о чем в начале тридцатых годов писали Фрассето, Фридрихс Шульц и Вейденрейх. Они ошибались лишь в том, что челюсть ископаемая, но стоит ли осуждать их строго, если вспомнить, что изучали они не подлинные находки, а муляжи Барлоу.

Столь же тщательное изучение остальных находок Баркхам Манер привело к не менее сенсационным выводам. Осмотр срезов на обломке бедра древнего слона и эксперименты с костью убедительно показали, что пильтдаунская «дубинка» обрабатывалась с помощью железного ножа. Кость, разумеется, была в тот период не свежей, а фоссилизованной. Следов царапин или скобления, как обычно наблюдается на обломках костей, которые подвергались воздействию кремневых орудий, обнаружить не удалось. Разве не странно, что ни Реджинальд Смит, ни А. С. Кеннард, высказывавшие сомнения относительно обработки фрагмента бедра до его фоссилизации, не провели экспериментов и не сравнили «дубинку» с костями из стоянок первобытного человека? Ведь свежую кость каменными орудиями резать нельзя — ее можно лишь ретушировать, пилить, скоблить или затачивать. Химический анализ поверхности кремневых отщепов и знаменитого

рубилообразного орудия Е 606, извлеченного из слоя Тейяром де Шарденом, показал, что все они окрашены бихроматпоташом — под слоем краски располагалась белая поверхность кремня! Отсюда следовал вывод, что все шесть кремней были подброшены в гравиевую яму Пильтдауна и датировались не одним миллионом лет, а вторым или третьим тысячелетием до нашей эры. Как установил химик Х. Л. Болтон, бихроматпоташом были окрашены и обломки зубов стегодонового слона и зуб гиппопотама. Высокая, необычайная для ископаемых Англии радиоактивность стегодонового зуба, установленная физиками Боуви и Дэвидсоном, а также неожиданно низкий процент флюорина в зубе гиппопотама показывали, что эти фаунистические остатки происходят из коллекций, собранных, по-видимому, в Северной Африке и на острове Мальта. Их тоже подбросили в гравий Пильтдауна. Окрашенными бихроматом оказались также резец бобра и челюсть оленя. Что касается других костей, якобы найденных в Баркхам Манер и Шеффилд Парке, в частности остатков мастодонта и носорога, то на поверхности их бихроматпоташ не выявлен. Но они и не нуждались в дополнительном окрашивании, поскольку имели естественный темно-коричневый цвет. Такие кости, сильно минерализованные, с высоким содержанием флюорина в ткани, древние по морфологии, часто находят в районе Красных Краг (Восточная Англия). Можно не сомневаться, что именно оттуда они и происходят, а в Пильтдаун их доставил «таинственный благожелатель», заинтересованный в том, чтобы гравии Баркхам Манер датировались временем около миллиона лет!

Итак, из девятнадцати находок, обнаруженных в Пильтдауне в 1912—1914 годах, десять можно смело определить как подделки. Имело ли смысл сомневаться, что остальные экспонаты Британского музея из пильтдаунской коллекции Даусона — Вудварда тоже фальшивы? Если бы скептики все же нашлись, то Вейнер, Ле Грос Кларк и



Окли могли привести еще один неотразимый по силе аргумент — в 1953 году профессор Х. де Врис провел радиокарбоновый анализ на предмет определения абсолютного возраста челюсти и черепа эоантропа. К этому времени методика радиокарбоновых тестов усовершенствовалась настолько, что было достаточно десятой доли грамма костного вещества, чтобы получить точную дату. Руководство Британского музея еще раз разрешило взять образцы кости с «наиболее изученных участков челюсти и фрагментов черепной крышки». Осторожность была напрасной. Тесты Х. де Вриса поставили точку над i: челюсть датировалась временем 500±100 лет, а череп 620±100 лет! Следовательно, челюсть принадлежала орангутангу, который резвился в тропиках Явы и Суматры полтысячелетия назад, а черепная крышка действительно представляла часть скелета англичанина, но не самого раннего, как утверждал Вудвард, а средневекового, возможно, современника Вильяма Шекспира. Согласно сведениям Окли, в средневековых кладбищах Англии иногда встречаются черепа, толщина стенок которых не уступает пильтдаунским фрагментам. Так что вопрос Даусона: «А как это для гейдельбергского человека?» — мог быть в Англии повторен многократно.

Даусон успел произнести его лишь дважды. Но не собирался ли он произнести его и в третий раз? — в 1917 году, по просьбе Вудварда, его жена Елена передала в Британский музей обломки черепа, найденные в речном гравии Узы около местечка Баркоумб Миллз. В 1951 году Ашлей Монтэгю из университета Филадельфии описал эти находки и установил, что они принадлежат двум или трем индивидам. По морфологии части черепов Баркоумб Миллз ничем примечательным не отличались от черепных крышек Homo sapiens. Но интересно, что содержание флюорина в них оказалось очень низким, а цвет был знакомый — темно-коричневый, как у окрашенных бихроматпоташом фрагментов черепа и челюсти человека зари.

Что ж удивляться тому, что Роберт Брум охарактеризовал обломки черепа из Баркоумб Миллз как остатки третьего эоантропа? Не об этих ли находках безуспешно пытался сказать умирающий Даусон? Приходится лишь пожалеть, что бумаги его погибли вскоре после смерти, и тайна «официально необъявленного открытия» навсегда осталась лишь тайной.

Однако Вейнера, естественно, больше волновали загадки того, что «официально объявлено». Он задался целью уяснить для себя, как могло произойти, что искусственно сконструированным недостающим звеном в течение сорока лет морочили головы антропологов, вызывая сомнения относительно почти каждого из открытых обезьянолюдей, препятствуя разработке научной схемы родословного древа человека. Почему шитая белыми нитками фальшивка осталась неразоблаченной теми, чьи обширные знания и авторитет исключали даже мысль о возможности внезапного приступа у них слепоты и беспомощности? Неужели в Англии ни у кого не возникло подозрений в дерзком обмане, и кто, наконец, должен нести главную ответственность за беспрецедентную в археологии и палеонтологии мистификацию — «компания дьявольски хитрых шантажистов», ловко предусматривавшая каждый ход своих жертв: Даусона, Вудварда и Тейяра де Шардена, или некий «сумасшедший эволюционист», вознамерившийся своей комбинацией недостающего звена поддержать доктрину Дарвина о развитии Homo, или просто «человек удивительной амбиции», охваченный болезненной жаждой известности и славы?

Следовало признать удачный выбор момента «открытия», когда находки одна за другой представлялись изумленному и заинтригованному миру, охваченному жаждой познать родословную человечества. Пильтдаунская сенсация стала одной из ряда последовавших за невероятной удачей Евгения Дюбуа. Примечательно, однако, что открытие в Баркхам Манор готовилось в годы ожесточен-

ных атак на оправданность и справедливость интерпретации Дюбуа костных остатков существа из Тринила, что в конце концов заставило его решиться на беспрецедентный шаг — закрыть находки в сейф и отказаться от сотрудничества с коллегами. Эоантроп Даусона, в какой-то мере компрометируя обезьяночеловека с Явы, в то же время прикрывался критицизмом, проявленным по отношению к питекантропу: сомнения по отношению к человеку зари, как к необычной и, кажется, невероятной находке, не выглядели странными на фоне тех, что были проявлены многими антропологами к недостающему звену с Явы. Разве новое не всегда с боем и потерями завоевывает место в жизни? С другой стороны, находка в Пильтдауне на удивление точно соответствовала отдельным чаяниям и концепциям начала XX века. Разве не мечтали в течение десятилетий английские палеонтологи и геологи открыть на юго-востоке Англии горизонты, возраст которых приближался бы к миллиону лет? Кто в Европе, Африке и Азии не стремился открыть плиоценового предка людей, человека зари? Кто, как не такой предок, использовал эолиты — загадочные камни, дискуссия о которых более полувека волновала умы археологов? А гипотеза о глубочайшем возрасте Homo sapiens — не такие ли, как в Баркхам Манер, обломки черепа человека разумного ожидали найти в слоях миллионной древности лидеры английской науки? Дарвинизм при этом, конечно же, не сбрасывался со счетов. Напротив, парадокс состоял в том, что скрытая борьба с дарвинизмом, органическое неприятие или непонимание его существа, велась демонстративно и даже назойливо подчеркнуто под флагом самого дарвинизма! Вот почему сторонники эоантропа торопились подкрепить авторитетом Дарвина естественность совмещения черепной крышки Homo sapiens и челюсти обезьяны; вот почему на парадной «исторической картине», украшавшей стену Британского музея, позади группы английских авторитетов, сгрудившихся у стола с черепом эоантропа (Киэс,

Вудвард, Даусон, Пикрафт, Смит и другие), виден портрет задумчивого и сумрачного Дарвина! Он смотрит в сторону, но если бы даже случилось чудо и портрет ожил, то вряд ли Дарвин увидел бы череп — его закрывали спины стоящих в полный рост загадочно улыбающегося Даусона и чопорно холодного Вудварда. Художник, добросовестно и старательно выполнивший заказ администрации музея, не предполагал, что его картина со временем приобретет неожиданно зловещий смысл...

Но все это случится потом, а в годы триумфальных открытий в Пильтдауне всех поражала оправданность большинства желаний и надежд: в Суссексе найдены, наконец, кости плиоценовых (миллион лет) и плейстоценовых, как в знаменитых Красных Крагах Англии, животных; обломки черепа и антропоидная по характеру челюсть, обнаруженные вместе с ними, позволили, наконец, объявить о реальности существования давно предсказанного человека зари — эоантропа; а сколько радости доставила эта находка собирателям эолитов — во-первых, доказывался плиоценовый возраст загадочных, будто бы обработанных самой природой камней, во-вторых, теперь их использование можно было смело связывать с деятельностью человека совершенно определенного типа! Древность Homo sapiens, как и предполагали, выходила за пределы миллиона лет; мозг современного по структуре и объему типа сформировался необычайно рано, но нижняя часть лицевого скелета отставала в развитии и поэтому сохраняла в значительной мере антропоидные черты строения; обезьянолюди, питекантроп и неандерталец, представлялись теперь не предками человека, а чудом сохранившимися «этнографическими пережитками недостающего звена», загнанными в тупик и обреченными на вымирание. Сомнения и скептицизм по отношению к человеку зари, естественные в таком сложном деле, рассеивались новыми находками в Пильтдауне, которые следовали одна за другой: клык оказался в точности таким, каким его предска-

зывал Вудвард, обработка кости подтверждала «высокий умственный статус» эоантропа, а открытие в Шеффилд Парке разрушило представление об уникальности существа из Пильтдауна.

В эоантропе, таким образом, кое-кто видел то, что желал и хотел видеть. Осуществление мечты притупляло настороженность и критицизм. К тому же, поскольку с открытием связывались имена людей почтенных, известных и уважаемых в мире науки, абсурдной казалась самая осторожная мысль о возможности подделки или преднамеренного обмана. Неудивительно, что критицизм в среде антропологов Англии, Франции, Германии и США в подавляющем большинстве случаев не перерастал в подозрения. Споры велись главным образом относительно возможности совмещения обезьяньей челюсти и человеческой черепной крышки в единое целое, о видовой принадлежности антропоида, которому принадлежала челюсть, о возрасте эоантропа и оправданности возведения его в ранг недостающего звена.

Кому же предъявить обвинение в содеянном? Этот вопрос со всей остротой встал перед Окли, Вейнером и Ле Грос Кларком. Следовало с самого начала избежать поспешных заключений, основанных на эмоциях и пристрастиях. Облик человека, затеявшего пильтдаунскую аферу, рисовался пред новоявленными Шерлоками Холмсами достаточно определенно: во-первых, он бесспорно находился в курсе главных проблем недостающего звена и отчетливо представлял, каким оно должно быть; во-вторых, он знал, в каких геологических слоях и в сопровождении какого по видовому составу комплекса вымерших животных можно ожидать открытия «самого древнего англичанина»; в-третьих, он довольно свободно ориентировался в археологии древнекаменного века и поэтому неудивительно, что в гравиевой яме Баркхам Манер были обнаружены эолиты, грубые отщепы и камень Е 606, напоминающий рубилообразное орудие шелля; в-четвертых,

он достаточно хорошо разбирался в анатомии человека, чтобы предусмотреть многое из того, на что обратят внимание антропологи и о чем будут спорить: он сломал подбородочную часть нижней челюсти и суставные части восходящей ветви, зародив у антропологов сомнения — антропоидная ли она, и предотвратив согласованность специалистов в реконструкции черепа; подпилил коренные зубы, имитировав характерный для человека плоский износ жевательной поверхности; обломал корни зубов, зная, что челюсть будет просматриваться в рентгеновских лучах; среди обломков черепа подбросил ту часть, которая позволяла предполагать у восходящей ветви челюсти такие же, как у человеческой суставы; не забыл ввести в альвеолы зубов крупные зерна песка, которые при просмотре челюсти в рентгеновских лучах создавали видимость фоссилизации; в-пятых, он оказался опытным в химии и мастерски подобрал цвет красящего вещества, с помощью которого большинство находок не отличалось по окраске от железисто-кремнистого пильтдаунского гравия; в-шестых, он достаточно знал обстоятельства и условия открытия питекантропа, гейдельбергской челюсти и неандертальцев, чтобы, «сконструировав» недостающее звено, разработать правдоподобный сценарий предстоящего открытия. Герою Пильтдауна не откажешь ни в специальных знаниях, ни в богатом воображении, ни в отчаянной настойчивости в достижении однажды поставленной и ясно осознанной цели.

Очевидная эрудиция, проявленная в «пильтдаунском деле», в какой-то степени ограничивала круг возможных кандидатов, которым следовало предъявить обвинение. К подделке, конечно, не имели отношения арендатор фермы Баркхам Манер Кенвард и его дочь Мэйбл, рабочие Венус Харгрейвс, Стефансен и Том Пэйгит, а также, как бы это иронически ни звучало, Конан-Дойль, трижды посетивший берега Узы в первый год раскопок. Из подозреваемых следовало также исключить давнего друга Дау-

сона Сэма Вудгида, школьного учителя из Акфилда, который, пожалуй, первым узнал об открытии, первым участвовал в предварительном осмотре гравиевой ямы, а затем производил химический анализ обломков черепа, подтвердив его ископаемый характер. Дело в том, что интересы Вудгида ограничивались химией и не распространялись на палеонтологию и геологию. Примечательно также, что Вудгид гордился своей причастностью к знаменитому событию, о чем неоднократно говорил жене и сыну. Вудгид был среди тех, кто хоронил Даусона в 1916 году после его смерти в городе Луисе. Вне подозрений оставался также второй друг Даусона — Эдгар Вилбит; он также специально не интересовался ни палеоантропологией, ни палеонтологией и поэтому не мог разработать коварный план.

Наибольшее подозрение в этой ситуации вызывало имя знаменитого суссекского оракула выдающихся событий, любителя-геолога и ювелира, члена кружка Бенджамина Гаррисона Луиса Аббота. Разве не он неустанно твердил о возможности открытия на юго-востоке Англии плиоценовых горизонтов и, по его собственным словам, советовал Даусону осматривать гравии высоких террас реки Узы на предмет поисков там остатков ископаемого человека? А авторитет Аббота в области палеонтологии и археологии, что заставило Даусона апеллировать к нему после открытия в Пильтдауне эолитов и костей животных (знаменитое «Аббот не сомневается!» — с явным облегчением написанное Даусоном в письме Вудварду в июне 1912 года)? Все, кроме того, знали, что Аббот увлекается эволюционной биологией Гексли и любит порассуждать относительно антропоидных и человеческих черт строения в останках недостающих звеньев. В его домашнем музее находились многочисленные коллекции эолитов, разнообразные кости животных и человека. Примечательна также оценка Аббота пильтдаунского открытия как «величайшего по значению». Он опередил Даусона и Вудварда,

напечатав в феврале 1912 года в газете «Hastings Observer» статью с рассуждениями об анатомических особенностях черепа эоантропа, смешении в нем черт шимпанзе, гориллы и человека, о шимпанзоидных деталях строения челюсти. Поскольку детальное описание находки Даусона и Вудварда появилось в «Квартальном журнале Геологического общества» лишь в марте 1913 года, а популярная статья Даусона в «Hastings naturalist» 25 марта, то отсюда следовало, что Аббот имел возможность изучить челюсть и череп по крайней мере летом 1912 года. Во всяком случае ясно, что факты, сообщенные 18 декабря 1912 года в лекционном зале Барлингтон Хауза, были слишком общими, чтобы составить базу для рассуждений Аббота в «Hastings Observer».

Однако с уверенностью объявить Аббота виновником пильтдаунской подделки было невозможно. Прежде всего, учитывая личную амбицию и жажду популярности ювелира, непонятно было, почему он решил подбрасывать то, что могло стать для него желанной сенсацией, Даусону? Ведь сколько стараний пришлось позже приложить Абботу, чтобы все узнали из газет и писем о его предсказаниях возможности открытия ископаемого человека в плиоценовых гравиях Пильтдауна, о его «подталкивании» Даусона, о правильной оценке первых фрагментов черепа как ископаемых костей, которые «друг» будто бы принял вначале за «природные конкреции»! С какой стати Абботу нужно было рассказывать геологу Эдмондсу в 1924 году о том, что он изучал с Даусоном череп эоантропа за шесть месяцев до того, как о нем узнал Вудвард, и что они с другом окрасили обломки в бихромат, «чтобы они затвердели»? Следует также учитывать, что, согласно сведениям, собранным Вейнером, Аббот рассорился с Даусоном в 1915 году в связи с его нападками на теорию эолитов. Дело дошло до того, что Аббот написал Даусону «оскорбительное письмо». Если Аббот действительно хотел зло подшутить над другом, то почему он не воспользовал-

ся случаем отомстить ему за предание забвению любимых эолитов, объявив о мистификации? Этого не случилось. Напротив, вплоть до смерти в 1933 году, когда Абботу исполнилось восемьдесят лет, он не переставал подчеркивать свою роль в пильтдаунской истории.

Ко всему прочему открытия в Баркхам Манер происходили так удачливо, так гладко, а главное своевременно и в нужном, как бы заранее предопределенном плане, что трудно было увидеть в участниках раскопок на террасе Узы только жертв «коварного шантажиста со стороны», предугадывающего их шаги и в нужный момент подбрасывающего именно то, что требовалось для ликвидации трудностей, с которыми сталкивались открыватели человека зари. Не означало ли это, что наступила, наконец, пора обратиться к тем, заподозрить кого представлялось чудовищным,— к Даусону, Вудварду и Тейяру де Шардену? Чудовищным и невероятным потому, что, по словам Вейнера, подделка была «необъяснима для принципов известных нам людей признанного почета и высокого опыта в палеонтологических исследованиях». Ведь недаром, когда подтвердились первые подозрения Ле Грос Кларка, Окли и Вейнер смущенно писали: «Те, кто вел раскопки в Пильтдауне, стали жертвами тщательного и необъяснимого обмана»! Из них в живых остался лишь Пьер Тейяр де Шарден. На запрос Кеннета Окли он написал: «Конечно, никому даже на ум не придет подозревать сэра Артура Смита Вудварда, а тем более Даусона. Я достаточно хорошо знал Даусона, поскольку работал с ним и сэром Артуром трижды или четырежды в Пильтдауне. Он поразил меня методичностью и энтузиазмом в работе... К тому же их глубокая дружба с сэром Артуром делает совершенно недопустимым предположение, что он мог систематически в течение нескольких лет обманывать своего коллегу. Будучи в поле, я никогда не замечал чего-либо подозрительного в его поведении».

Но круг окольных поисков замкнулся, и теперь стало

очевидным, что наглый обманщик все же находился среди тех, кого сгоряча приняли за обманутых. Вейнер приступил к тщательному изучению и сравнению опубликованных Даусоном и Вудвардом статей, связанных с пильтдаунским открытием, а также просмотру писем и других бумаг Вудварда, оказавшихся после его смерти в архиве Британского музея. Он решил затем отправиться на юго-восток Англии в Суссекс, поработать в местных музеях и встретиться с людьми, которые, возможно, слышали нечто, раскрывающее обстоятельства аферы в Баркхам Манер. Настораживающие признаки не замедлили появиться. Поражала прежде всего небрежность, с которой в изданиях освещались обстоятельства открытия эоантропа. Даже такой вопрос, как дата первой находки черепа, оказался запутанным: в путеводителе Британского музея и книге «Самый ранний англичанин» Вудвард писал о 1912 годе, а в отдельных статьях начало поисков отодвигалось к 1908 году. Странную забывчивость Вудвард проявлял также в рассказах об открытии знаменитого клыка; выступая на конференции членов Британской ассоциации антропологов в Бермингеме 16 сентября 1913 года и в Королевском колледже в декабре того же года, он представил ход раскопок так, что можно было подумать о его отсутствии в Пильтдауне в момент, когда Тейяр де Шарден извлек из гальки клык человека зари, объект ожесточенных споров в последующие несколько месяцев. Вот слова Вудварда: «К счастью, Даусон продолжил раскопки в Пильтдауне последним летом, и 30 августа отец Тейяр, который работал с ним, нашел клык». Однако в путеводителе и книге Вудвард недвусмысленно дает понять, что был на раскопе вместе с Даусоном, когда Тейяр де Шарден обнаружил сенсационную находку: «В следующий сезон 1913 года мы (с Даусоном) продолжали работу без какого-либо успеха до 30 августа, когда к нам присоединился отец Тейяр». Забывчивость более чем странная, учитывая важность открытия. Тейяр де Шарден в письме

Окли подтвердил, что Вудвард определенно находился в Пильтдауне в момент, когда ему посчастливилось найти клык: «Он (Вудвард) похвалил меня за наблюдательность и положил зуб в карман». Не заподозрил ли Вудвард неладное, когда в его руках оказался клык эоантропа, и не успокоили ли его затем разъяснения Даусона и специалиста по зубам Ундервуда? Но почему в таком случае он столь решительно отбрасывал критические замечания «знаменитого зубника» В. К. Лайна, отметившего невозможность наличия такого сильного износа на столь молодом (с большой пульпой) зубе, и не присоединился к высказываниям Кизса, выразившего удивление «слишком интенсивному износу клыка в челюсти, в которой третий коренной еще не прорезался полностью». Неужто Вудварда могло убедить невнятное бормотание Даусона о действии на клык «земных бактерий» или его самоуверенное заключение о том, что «два коренных изношены так же, как клык»? Как бы то ни было, но факт остается фактом: Вудвард отбросил мнения критиков и, признав правоту Даусона и Ундервуда, смело связал свое имя с открытием клыка.

Вейнер далее обратил внимание на разногласия относительно последовательности открытий разного рода и количества их на каждом из этапов поисков. В книге «Самый ранний англичанин» Вудвард писал, что четыре из девяти обломков черепа эоантропа найдены после 24 мая 1912 года, когда его посетил Даусон и впервые сообщил об открытии в Баркхам Манер. Отсюда можно сделать вывод о том, что пять фрагментов черепа были обнаружены до начала раскопок. Из книги Вудварда также следовало, что Даусон помимо обломков черепа принес ему зуб гиппопотама, зуб стегодона и кремни. Не следует забывать и о том, что Вудвард определял по просьбе Даусона зуб гиппопотама и камень еще в марте 1911 года. Вудвард, кроме этого, отмечал открытие Даусоном третьего обломка черепа в 1911 году. Тейяр де Шарден также припоминал, что

до обращения в Британский музей Даусон имел несколько обломков черепа. Более двух фрагментов он показывал своему знакомому Кларку. Поразительно, но сам Даусон в своих статьях никогда не писал более чем о двух обломках черепа, которые он нашел до его визита к Вудварду — один в 1908 году и один осенью 1911 года. При этом Даусон никогда не упоминал об открытии им до 1912 года зубов гиппопотама, стегодона, а также обработанных кремней, и поэтому могло создаться впечатление, что все это было обнаружено при раскопках в 1912 году. Правду можно было узнать лишь из его личного письма Вудварду от 28 марта 1911 года, в котором он просил высказать мнение относительно зуба гиппопотама и обломка камня, не оцененного, впрочем, должным образом. Из публикации неясно также, когда Даусон обратил внимание на пильтдаунские гравии: «незадолго до открытия обломков черепа», «за несколько лет до открытия черепа» или «в конце XIX века»? По статьям в периодических изданиях Вейнер установил, что это могло случиться или 4 августа 1911 года, или 10 мая 1907 года, или 3 октября 1904 года, или 27 мая 1899 года. Так когда же точно?

С не меньшей путаницей и разнобоем мнений столкнулся Вейнер, когда попытался установить обстоятельства открытия обломков черепа: Аббот утверждал, что первый фрагмент «после долгих поисков» нашел сам Даусон. Он попросту подобрал на одной из гравиевых куч обломок «кокосового ореха», раздробленного рабочими. В книге Вудварда также приводится история с «кокосовым орехом», но обломок его попадает в руки Даусона от землекопа. Даусон же ни разу не упоминал о «кокосовом орехе», и его рассказ противоречит подобной версии: он считал, что рабочим попался целый череп с нижней челюстью; они раздробили его, не заметив находки, а обломки перемешали с гравием. Сами по себе раскопки производили более чем странное впечатление — они не отличались методической четкостью и тщательностью хотя бы уже по-

тому, что среди документации отсутствовал план взаимного расположения находок и оставались неизвестными измерения, касающиеся глубины залегания их. Да и о какой точности можно было говорить, если большинство культурных остатков было извлечено из гравия, уже разрушенного ранее рабочими, а in situ залегали лишь находки особой важности — «рубило» и нижняя челюсть! Внимательный анализ первых отчетов, появившихся в печати, привел Вейнера к выводу о том, что клык не был найден в слое: ведь, согласно Вудварду, гравий сначала произвольно рассыпался на поверхности земли, где его промывало дождем, а песок выдувался ветром, и лишь потом этот искусственно созданный слой расчерчивали на квадраты, тщательно просматривали гальку и просеивали ее сквозь сито. Можно ли было в таких условиях с уверенностью говорить, где первоначально залегал клык эоантропа?! Осборн, правда, рассказывал, что во время визита его в 1920 году в Британский музей Вудвард показывал ему «рабочий план расположения разных находок внутри и вне ямы» Пильтдауна, но имел ли какую научную ценность этот загадочный чертеж при той странной даже для начала XX века методике раскопок «уникального памятника с сенсационными остатками» недостающего звена? Почему никто из скептиков не обратил внимание на эту сторону пильтдаунского открытия?

А чего стоит настораживающий разнобой в сообщениях, касающихся весьма существенных деталей и обстоятельств, в которых делались отдельные находки! Так, Вудвард писал, что затылочную часть черепа он нашел на груде гравия, выброшенного рабочими из ямы, а обломок нижней челюсти Даусон извлек из прослойки не затронутого лопатами гравия на дне ее. Даусон не противоречит Вудварду в части, касающейся челюсти, но затылочную кость, по его утверждению, тот нашел «на расстоянии одного ярда от челюсти и примерно на том же уровне»! Казалось бы, Вудварду, упорно отстаивающему совмеще-

ние челюсти и черепа, следовало поддержать версию Даусона, но он, по рассеянности очевидно, не делает этого, хотя статья Даусона из «Hastings naturalist» от 25 марта 1913 года знакома ему. Она имеется в архиве Вудварда среди подборки оттисков, датирована и украшена дарственной надписью автора. Примечательная несогласованность!

Удивительно, но эта выпирающая наружу поразительная несогласованность не единственная. Вейнер обратил внимание на то, как описывают Даусон и Вудвард открытие костяного орудия, публикация сведений о котором взбудоражила в свое время археологов. Если Даусон дает понять, что разломанный на многие части приостренный наконечник из бедренной кости древнего слона обнаружен под слоем гальки, где залегали обломки черепа эоантропа, то Вудвард указывает, что наконечник был разломан на два точно совмещающихся друг с другом фрагмента, но залегали они не в гравии, а в «темной растительной почве под оградой, которую Кенвард любезно дал нам согласие сдвинуть в сторону». Это обстоятельство вынуждает затем Вудварда объяснять, почему, он считает возможным отнести костяное орудие к слою гравия с обломками черепа, а не к горизонту чернозема, где, как известно, ранее находили обломки керамики железного века и другие культурные остатки поздних эпох. Он обратил внимание на сходство окраски и внешнего облика костяного изделия с мелкими костями, найденными в гравии. К тому же на поверхности бедренной кости слона удалось проследить частицы глины, сходной с глиной, которая подстилает гравиевый горизонт. Таинственный фальсификатор мог вздохнуть свободно — орудие из кости, приостренное железным ножом, связали не со слоем железного века (очевидно, запасный вариант объяснения на случай быстрого разоблачения фальшивки), а с горизонтом человека зари.

Даусон, как все более убеждался Вейнер, вообще отли-

чался крайней небрежностью в наблюдениях: он писал, что верхняя часть восходящей ветви челюсти эоантропа сгнила, в то время как она была просто сломана; носовая косточка, по его словам, «плохой сохранности», «разломана, но складывается вместе», а она, согласно описанию Вудварда «исключительно хорошей сохранности»; он дает понять, что в Пильтдауне найдено довольно значительное количество обработанных камней, а Вудвард упоминает лишь о трех камнях, сходных с изделиями древнекаменного века; в письме Вудварду от 20 января 1915 года Даусон писал об открытии в Шеффилд Парке левой лобной кости второго эоантропа и тщательно характеризовал ее, а, как затем выяснилось, это была не левая, а правая лобная кость и, к тому же, как установили в тридцатые годы антропологи, кость несомненно представляла собой часть черепа, найденного в Баркхам Манер (!). Произошла ошибка в определении или произведена подмена одной кости другой? Если верно первое предположение, то не чудо ли позволило найти обломки уникального черепа, разбросанные друг от друга на расстояние нескольких миль? Не нужно при этом забывать, что одна часть лобной кости залегала в гравии, а вторая валялась на поверхности вспаханного поля.

Затылочная кость из Шеффилд Парка с анатомической точки зрения не могла принадлежать черепу, от которого сохранились лобные части, а ведь именно она не позволила сразу уяснить, что в Баркхам Манер и Шеффилд Парке найдены обломки не двух, а одного черепа. Кто недооценил способностей антропологов разгадать ребус, основываясь на анализе столь незначительных по размерам фрагментов черепа? Как, наконец, объяснить, что Даусон, согласно оценкам его ближайших коллег, человек пунктуальный и скрупулезный, не сообщил Вудварду, где точно находится место открытия второго черепа эоантропа, а тот при встречах, получая фрагменты, не интересовался, где они обнаружены? Ведь по крайней мере дважды, в

январе и июле 1915 года, Даусон передавал Вудварду новые находки (неясно только, когда была отдана затылочная кость). Указания на последовавшую вскоре болезнь Даусона и опасения в связи с этим беспокоить его по меньшей мере странны. Ему следовало самому побеспокоиться о том, чтобы Вудвард знал, где сделано решающее открытие!

Особо важный сюжет — искусственная окраска черепа. Даусон ни в одной из статей не упоминал об этом факте. Вудвард впервые высказался относительно окрашивания лишь в 1935 году, но неясно, откуда он заимствовал сведения — от самого Даусона в годы раскопок в Пильтдауне или значительно позже от другого лица. Тейяр де Шарден не помнит, чтобы кто-нибудь говорил об окрашивании образцов на раскопе в Баркхам Манер. Лишь Кизс уверял, что слышал об этом от самого Даусона, однако ни в одном из изданий его капитальной двухтомной работы «Древность человека» (1915—1925 годы), посвященной эоантропу, нет упоминания об окрашивании. На искусственное окрашивание образцов из Пильтдауна обратил внимание Луис Аббот в 1926 году в разговоре с Эдмундсом. Не с того ли времени этот факт стал широко известен? Поскольку подавляющее большинство антропологов изучало эоантропа по муляжам, окрашивание оставалось, естественно, незамеченным. Вудвард позже писал, что он не придавал окрашиванию особого значения, «поскольку краска лишь в малой степени изменяла цвет образцов». Вейнер проверил это впечатление, но оказалось, что неокрашенная затылочная кость, найденная самим Вудвардом в ходе раскопок, по ее совершенно желтому цвету заметно отличалась от других обломков черепа, покрытых на поверхности слоем железистой краски. Конечно, можно при желании оценить желтый цвет находки Вудварда как одну из возможных вариаций естественного окрашивания кости, которая сотни тысячелетий залегала в железистом гравии, однако это желание должно быть

значительным. Следует к тому же обратить внимание на следующее обстоятельство: если Даусон действительно ошибочно полагал, что окрашивание кости бихроматом способствует ее укреплению, то как объяснить, почему лобная кость из Шеффилд Парка, найденная через несколько лет после раскопок в Баркхам Манер, тоже оказалась окрашенной с помощью тех же химикатов? Ведь сам Даусон к тому времени знал, что такой, никем ранее не применявшийся, способ закрепления кости попросту бесполезен, о чем ему должен был сказать Вудвард при первом осмотре обломков черепа в Лондоне 24 мая 1912 года. Не означает ли это, что Даусон не имеет отношения к окрашиванию и является невинной жертвой недоброжелателя или шантажиста?

Увы, чем больше Вейнер раздумывал над пильтдаунской историей, тем больше убеждался, что наибольшие подозрения падают на «джентльмена удачи». Как ни двусмысленно положение Вудварда, все же очевидно одно — до февраля 1912 года, несмотря на регулярные встречи и переписку с Даусоном, он ничего не знал о находке в Пильтдауне. Бесспорно и то, что поскольку все кости и камни, принесенные Даусоном Вудварду 24 мая 1912 года, были искусственно окрашены, фальсификатор действовал до начала раскопок в Баркхам Манер, и к этим событиям знаменитый палеонтолог отношения не имел. Но его, очевидно, ослепила перспектива выдающегося открытия, и он «клюнул» на искусно подготовленную приманку. Роковой ошибкой Вудварда стало также решение непременно преподнести находку в Пильтдауне как исключительную по значимости сенсацию, к чему его, возможно, намеренно и коварно подталкивал «добрый старый друг». Вот почему Вудвард, за которым ранее не замечали скрытности по части научных открытий, засекретил находку, почти никому не показывал обломки черепа и челюсть эоантропа до заседания в Барлингтон Хаузе, не консультировался даже с коллегами из музея Южного Кен-

сингтона о возможности той интерпретации эоантропа, которая ему представлялась наиболее вероятной. Жажда сенсации оказалась настолько сильной, что он не обратил внимания на впечатление, которое произвел его «диагноз» на антропологов музея, в частности Хинтона и Томаса. А они, как установил Вейнер, восприняли выводы Вудварда «как сюрприз, смешанный с ужасом», не скрывали скептического отношения к новому виду предка человека разумного и даже настойчиво советовали соблюдать осторожность. Иное дело позиция Вудварда в последующие годы. Невозможно доказать, зародились или нет у него сомнения, но некоторые обстоятельства не могут не вызвать удивления: почему не был произведен анализ челюсти на нитроген, почему большинство антропологов вынуждено было работать с муляжами, а не подлинными остатками эоантропа?

Тейяр де Шарден, второй участник раскопок в Пильтдауне, тоже при внимательном изучении обстоятельств открытий остался вне подозрений, хотя именно ему выпала сомнительная честь извлечь из гравия сначала окрашенное каменное орудие, напоминающее рубило, и обломок зуба стегодона, а затем знаменитый клык эоантропа, подпиленный и выкрашенный краской коричневый вандейк. Алиби Тейяру де Шардену служат следующие обстоятельства: в 1914 и 1915 годах он в Англию не приезжал, между тем как находки, связанные с эоантропом, продолжали в эти годы следовать одна за другой, в том числе и в месте, которое он никогда не посещал (Шеффилд Парк); отца Тейяра в этот период не занимали проблемы, связанные с происхождением человека, и он был абсолютно не подготовлен к тому, чтобы «сконструировать» эоантропа. Участие Тейяра де Шардена в раскопках требовалось фальсификатору лишь для того, чтобы, как и в случае с Вудвардом, «втянуть в дело» человека безупречной репутации и тем самым исключить подозрения на подделку. Нельзя не признать, что расчет оказался верным.

Подозрения не случайно падали в первую очередь на Даусона. Вейнер до поездки в Суссекс знал, что он определенно обладал составом, которым окрашивал кости и камни. Об этом свидетельствовали коричневые по цвету обломки трех черепов из Баркомб Миллз, переданные женой Даусона в Британский музей. Как уже указывалось, они оказались окрашенными железистой солью. Среди коллекций Британского музея хранились также камни, которые Даусон демонстрировал в феврале 1915 года на своей лекции, посвященной проблеме естественного происхождения эолитов. Они тоже попали в музей после его смерти. Химический анализ поверхности показал, что они окрашены краской, содержащей хром. Однако самые поразительные факты Вейнер собрал во время поездки в места, где было сделано открытие, наделавшее в свое время столько шума. Беседуя с президентом Суссекского археологического общества Сальцманом, он узнал о геологе А. П. Поллэрде, который отлично изучил в окрестностях Луиса каждое место, где встречаются и разрабатываются гравии. По словам президента, Поллэрд может помочь разгадать тайну Даусона, поскольку знает кое-что интересное, связанное с ним. Насколько известно Сальцману, еще в начале сороковых годов Поллэрд во время прогулки с корреспондентом газет «New kronikl» и «Star» Ф. В. Томасом, когда они оказались в районе Баркхам Манер, весьма скептически отнесся к восторженным словам журналиста о «великом эволюционном значении пильтдаунского открытия».

Вейнер поторопился навестить Поллэрда, и тот, выслушав рассказ гостя из Лондона о неожиданном повороте событий, связанных с оценкой эоантропа Даусона, невозмутимо сказал:

— Я ничуть не удивлен, поскольку давно был убежден, что это подделка. Так, по крайней мере, говорил мой покойный друг Моррис.

— Кто он, ваш друг Моррис? — спросил Вейнер, до-

вольный появлением нового неизвестного ему ранее человека, который интересовался пильтдаунским делом.

— Моррис не профессиональный археолог, а любитель,— ответил Поллэрд.— Он усердно коллекционировал эолиты и в поисках их осмотрел все места в округе. В особенности хорошо Моррис знал горизонты с обломками кремня. Так вот, он всегда убеждал меня, что обработанные камни эоантропа не могли происходить из Баркхам Манер, да и возраст их не миллион лет, как утверждает Даусон, а не более четырех-пяти тысяч, то есть они неолитические в лучшем случае, но ни в коем случае не палеолитические.

— Обвинение серьезное! — воскликнул Вейнер, удивленный прозорливостью друга Поллэрда, который, как выясняется, опередил выводы Окли на несколько десятков лет.— Но какие доказательства имел Моррис, чтобы ставить под сомнение открытие Даусона?

— Он знал, что говорит! Дело в том, что Даусон подарил ему в обмен на какие-то находки один из палеолитических кремней, будто бы найденных в гравиевой яме Пильтдауна. Гарри всегда отличался дотошностью в исследованиях и на беду Даусона решил почему-то капнуть кислотой на поверхность кремня. Тут-то и выяснилось, что он окрашен — под слоем оранжевой и желтовато-коричневой краски оказалась палево-желтая и серовато-белая поверхность кремня, отщепы которого в изобилии встречаются на неолитических стоянках Суссекса. Очевидно, поэтому Гарри и считал кремни из Пильтдауна неолитическими, а не палеолитическими. Он, кроме того, обратил внимание на то, что кремни с «белой коркой» никогда в районе Пильтдауна не встречались.

— Можно ли документально подтвердить, что Моррис пришел к такому заключению? — спросил пораженный Вейнер.— Говорил ли он кому о своем открытии и заключении?

— Если бы вы, доктор Вейнер, обратились ко мне лет

пять назад, то не было бы ничего проще представить вам такие доказательства. Гарри написал несколько слов на кремне Даусона, а к планшету приложил одну или две записки, разъясняющие суть дела. Все это хранилось у меня до 1948 года вместе с коллекцией эолитов, которые перешли ко мне после смерти Морриса. Однако, поскольку его сборы представляли для меня мало интереса, я передал планшеты с эолитами Фредерику Вуду. Но он умер в городе Дитчлинге несколько лет назад, и что сталось с коллекцией Морриса я, к сожалению, не знаю. Впрочем, жена Вуда живет в Дитчлинге до сих пор, и у нее можно навести справки. Что касается второго вашего вопроса, то, насколько я знаю, Гарри, возможно, поделился наблюдениями со своим другом, таким же, как он, энтузиастом эолитов майором Р. А. Марриоттом. О, это был замечательный человек с сильным характером и независимыми взглядами. В восьмидесятые годы прошлого века Марриотт служил в Александрии, был свидетелем восстания Араби-паши, инспектировал артиллерию египтян, организовал и командовал знаменитым египетским верблюжьим караваном Нильской экспедиции 1885—1886 годов. После возвращения в Англию он стал работать в Геологической службе Южного Кенсингтона, был знаком с выдающимся палеонтологом А. С. Кеннардом, дружил с археологом Реджинальдом Смитом. Насколько я знаю, Марриотт не сомневался в том, что эоантроп подделка. В частности, он с большой иронией встретил сообщение об открытии в Пильтдауне костяного орудия, заявив: «Поздравляю с новой проблемой эоантропа!». Как и Реджинальд Смит, Марриотт, осмотрев срезанную часть орудия и сравнив ее с естественной поверхностью кости, пришел к выводу, что ее обрабатывали не в свежем, а ископаемом состоянии. В семье Марриотт изредка говорил о том, что пильтдаунский человек — подделка. Дочь его рассказывала, как отец, увидев в газете фотографию черепа эоантропа, сказал ей: «Челюсть и клык у этого существа

подделаны!». Об этом он вряд ли узнал от Морриса, поскольку тот главное внимание уделял обработанным кремням.

— Мне не ясно в этой истории одно,— задумчиво сказал Вейнер,— почему все же Моррис не заявил во всеуслышание о своем открытии окраски пильтдаунских кремней? Ведь стоило ему намекнуть на это, и фальшивка тут же лопнула бы как мыльный пузырь!

— Трудно сказать с уверенностью, но думаю, Морриса можно понять, если вспомнить, что как раз в годы триумфа Даусона Моррис столкнулся с недоверием к его теории эолитов. Он фанатично верил, что человек обрабатывал эолиты, но даже Бенджамин Гаррисон с Рид Мойр, по существу, не поддержали его. В 1913 году комитет геологов рассматривал доводы Морриса и встретил его аргументы с иронией, а он в свою очередь обвинил своих критиков в непонимании сути дела. Моррис присутствовал в июле 1913 года на экскурсии в Пильтдауне в числе членов Геологической ассоциации. Столько там было одобрительных возгласов по адресу Даусона, и как пренебрежительно отнеслись к бедному Моррису! Правда, его дом, где в двух комнатах он выставил свою коллекцию эолитов, посетил сэр Артур Кизс и подбодрил хозяина, однако отношение к Моррису ученого мира не изменилось. Он выставил в 1915 году свое собрание камней в Королевском колледже Сарджене, но именно в это время Даусон сделал в Королевском антропологическом институте доклад, в котором подверг острой критике взгляды, согласно которым эолиты следовало считать «продуктами деятельности» человека. Я помню, что в журнале «Lancet» сравнивались противоположные взгляды Даусона и Морриса. Гарри написал статью и представил ее в 1920 году в Оксфорд университетскому археологическому обществу, но его сочинение не напечатали. Артур Эванс, Бальфур и профессор Соллас скептически отнеслись к взглядам Морриса. Все это я говорю вам для того, чтобы вы, доктор Вейнер, по-

няли, перед какой дилеммой оказался Гарри Моррис: публично дискредитировав эоантропа и Даусона, он лишался одного из сильнейших аргументов своей теории искусственной обработки эолитов — ведь человек зари единственное достаточно древнее существо, которое могло их изготовлять. Парадоксально, но никто иной как Даусон теперь решительно отвергал такую возможность, уверяя, что эолиты не изготовлял человек, а следовательно, ими не пользовался и эоантроп. Если палеолитические кремни подброшены в гравиевую яму Баркхам Манер, а эолиты не инструменты человека зари, то, выходит, «самый ранний англичанин» вообще не использовал каменных орудий? Абсурд какой-то! Печально, что Моррис ради спасения своей теории эолитов решил пощадить эоантропа, но разве не такого же рода побочными соображениями руководствовались некоторые из крупных ученых, которые, возможно, тоже предпочитали закрыть глаза кое на что?..

Вейнер решил отыскать коллекцию Морриса, надеясь получить дополнительные сведения, касающиеся пильтдаунской аферы. К счастью, розыски оказались непродолжительными: в первый же визит в Дитчлинг, куда он направился в сопровождении Джифрода Гаррисона, ему удалось напасть на след материалов Морриса. Все двенадцать планшетов с прикрепленными к ним разного типа камнями оказались в целости и сохранности. Просмотр одиннадцати планшетов оказался безрезультатным, и лишь на последнем, двенадцатом, Вейнер наконец с волнением увидел то, ради чего он прибыл в Дитчлинг,— пильтдаунский кремень, подаренный Даусоном Моррису, и два документа, сопровождающие изделие. Осмотр прямоугольного по очертаниям орудия с плоской базой и участком, сильно подтесанным до скалывания заготовки с нуклеуса, убедил Вейнера, что оно по материалу сходно с известными «дошелльскими инструментами» эоантропа. Орудие изготовлено из того же серого с белыми вкраплениями кремня, покрытого патиной и красновато-коричневой краской.

На широкой плоскости камня выделялись слова, написанные Гарри Моррисом: «Окрашено Ч. Даусоном с намерением надуть — Г. М.». К изделию были приложены две бумажки. Развернув одну из них, Вейнер прочитал: «Окрашено поташом и обменено Даусоном на мой наиболее ценный образец! — Г. М.». Текст на второй представлял надпись, сделанную на обороте фотографии: «Я призываю авторитетных деятелей из музея Южный Кенсингтон проверить орудия с той же патиной, как этот камень, который, как говорит мошенник Даусон, он «выкопал из карьера»! Они стали бы белыми, если применить кислоту. Г. М. Истина восторжествует». Далее следовала приписка: «Судя по случайным разговорам, имеется веская причина утверждать, что «клык», найденный в Пильтдауне, привезен из Франции». Поверх всех этих строк, написанных чернилами, сделана карандашная надпись: «Подстерегайте Ч. Даусона. Добрые пожелания».

Вейнер был поражен — оказывается, действительно, подделка, которую приняли на веру великие умы антропологии Англии и над которой ломали голову, схватываясь в острых дискуссиях, десятки специалистов по археологии палеолита, эволюции человека и его анатомии, была разоблачена, по существу, вскоре после того, как газеты оповестили мир о новой потрясающей сенсации, связанной с недостающим звеном! Для этого Гарри Моррису не потребовалось вспоминать о фторовом анализе и дожидаться, когда физики изобретут радиокарбоновый метод датировки находок.

Вскоре в руки Вейнера попал еще один важный документ, который разъяснял, почему открытие Даусона было встречено в кругах археологов Суссекса с недоверием и настороженностью. В декабре 1953 года руководителю отдела геологии Британского музея пришло письмо, написанное Гаем Барбом. В годы открытия в Пильтдауне он жил в местечке Комб Плэйс невдалеке от города Луиса и

часто встречался с Даусоном и его женой. У Барба имелась небольшая коллекция каменных изделий, которую он собрал в годы увлечения археологией, и сборы эти привлекли внимание Даусона. Однажды он даже попросил Барба подарить ему некоторые из кремневых орудий, обнаруженные в районе знаменитых Красных Краг. Барб встретился опять с Даусоном после публичного объявления об открытии в Пильтдауне. Во всяком случае, он хорошо помнил, как Даусон в мае 1913 года показывал ему в своей юридической конторе муляжи костных останков эоантропа, изготовленные помощником Вудварда Барлоу. Вскоре после этого памятного события в один из летних дней Барб на правах старого знакомого без стука зашел в оффис Даусона и удивился, отметив очевидное замешательство хозяина кабинета и его нескрываемое неудовольствие. На столе Даусона стояло несколько фарфоровых тиглей, наполненных коричневой жидкостью, а в помещении сильно пахло йодом. Оправившись от смущения, Даусон объяснил нежданному гостю, что он занят выяснением проблемы, каким образом в естественных условиях окрашиваются кости, которые попадают в древние геологические слои. Для этого ему приходится пробовать самые разнообразные из возможных способов окраски. Даусон показал затем Барбу несколько костей, погруженных в коричневую жидкость. Через несколько недель, при очередной встрече с Барбом в оффисе, Даусон спокойно и без каких-либо признаков раздражения разъяснил, что он окрашивает не только кости, но также камни. Барб рассказал об увиденном и услышанном Марриотту и тот, заинтересовавшись деятельностью «суссекского колдуна», тоже посетил Даусона, и ему была предоставлена возможность посмотреть, каким образом окрашиваются камни и кости.

Тогда-то, очевидно, и зародились подозрения в подделке эоантропа как у Марриотта, так и его знакомого Морриса, что, возможно, натолкнуло последнего на мысль о необходимости провести анализ поверхности орудия из

Пильтдауна, переданного ему Даусоном. Барб знал сэра Артура Кизса, но ничего не сказал ему о своих подозрениях, поскольку считал, что не имеет для обвинений достаточно веских «позитивных свидетельств». Он встречался также с А. С. Кеннардом и дружил с Мартином Хинтоном. От него, а также, вероятно, от Марриотта они узнали о проделках Даусона. Кеннард, в частности, не скрывавший своего крайне скептического отношения к эоантропу, неоднократно говорил, что знает, кто мошенник, хотя имени Даусона никогда при этом не произносил. Барб попытался также объяснить, почему он и другие сразу не попытались разоблачить фальшивку. Оказывается, любители археологии Суссекса свято верили, что профессиональные ученые вскоре разберутся в существе дела. Однако произошло совершенно неожиданное — на сторону Даусона и Вудварда стали такие авторитетные деятели науки, как известные биологи Докинз и Ланкастер, ведущие антропологи Кизс и Элиот Смит, а из знаменитых палеонтологов и геологов Ньютон и Соллас. Как можно было любителям, вроде Морриса, Марриотта или Барба, выступить против такой компании знаменитостей, усердно защищавшей «человека зари»? Следует к тому же учесть, что Морриса и Марриотта, как фанатичных приверженцев эолитов, мир профессионалов считал «почти что ненормальными». Их слова предостережения могли легко сойти за обычные дрязги, характерные для среды любителей, жаждущих великих открытий. В такой ситуации людям типа Гарри Морриса оставалось лишь пустить дело на самотек, ожидая, что рано или поздно порок будет наказан, а истина восторжествует.

Они могли также отплатить презрением тому, кто нагло и вызывающе откровенно домогался известности и сенсационной популярности, используя более чем нечистоплотные приемы. Для Вейнера теперь стало ясно то, что удивило вначале при ознакомлении с музеями и археологическими обществами Суссекса — исключительная непо-

пулярность Даусона в местных научных кругах, крайний скептицизм по отношению к открытию в Пильтдауне, пренебрежительное отношение к способностям Даусона как археолога и качеству его научных публикаций... Следует иметь в виду, что все это выражалось достаточно определенно, несмотря на прочную репутацию Даусона в Британском музее как усердного собирателя палеонтологических коллекций и явно доброжелательное отношение к нему Вудварда и Кизса. Вейнер отметил, что местные научные общества не популяризировали пильтдаунскую находку: в музее Борсу имелась лишь переданная С. Споуксом картина с изображением эоантропа да несколько эолитов из Баркхам Манер, подаренных Гарри Моррисом. В музее Бэрбикан, расположенном в здании Суссекского археологического общества, тоже были выставлены эолиты Морриса, а реконструкция облика эоантропа, его скульптурный портрет, подаренный Споуксом в 1929 году, появился в экспозиции лишь через пятнадцать лет после того, как отгремели события, связанные с мировой сенсацией. Примечательно, что сам Даусон ничего связанного с эоантропом в музеи Суссекса не дарил, а в официальных документах научных обществ не содержалось каких-либо сведений о заседаниях, посвященных знаменательному событию. Пильтдаунские открытия не стали темой экстренных научных новостей, а Суссекское археологическое общество не удосужилось преподнести традиционный приветственный адрес своему самому известному в мире члену. Даже о смерти Даусона не было каких-либо официальных сообщений, и на его похоронах представитель от общества не присутствовал. Вейнер установил, что в 1925 году Вудвард прочитал в Суссекском археологическом обществе доклад, посвященный эоантропу. Отношение к этому факту примечательное: текст выступления «доброго старого друга Даусона» остался неопубликованным. Наконец, Вейнеру с помощью старейшего деятеля общества Л. Ф. Сальцмана пришлось развеять мираж относительно самой капи-

тальной из опубликованных Даусоном работ — двухтомной истории Гастингского собора. Выяснилось, что некий Мэнворинг Бэйнес, который интересовался собором, имел рукопись антиквара Вильяма Герберта, производившего раскопки около этого здания в 1824 г. При сравнении текста рукописи Герберта с текстом двухтомника Даусона, Бэйнес констатировал плагиат — «джентльмен удачи» дословно скопировал, по крайней мере, половину объема текста, составленного его предшественником, а остальное представляло собой «пустопорожнюю набивку». Статья Даусона, посвященная описанию находок железного века с выставок 1903 года, тоже оказалась плагиатом — текст ее, составляющий двадцать семь страниц, был почти слово в слово списан у Топли. Что касается статьи о выставке 1909 года, то Даусон наделал в ней массу ошибок из-за просчетов своих предшественников, у которых ему пришлось списывать! Знаменитая римская статуэтка Даусона из Бипорт Парка, будто бы найденная с монетами императора Адриана, оказалась подделкой. Как удалось установить экспертам, ее изготовили в XIX веке... Как разнился вырисовывающийся облик Чарлза Даусона от того представления, которое сложилось о нем у Вудварда: «Он имел беспокойный ум, всегда готовый отметить что-нибудь необычное, и он никогда не успокаивался, пока не испробовал все средства, чтобы решить и понять какую-нибудь проблему. В научном исследовании он был восхитительным коллегой — всегда веселый, полный надежды и переполненный энтузиазмом»!

Итак, расследование пильтдаунской истории почти подошло к концу. Для Вейнера, Ле Грос Кларка и Окли стали ясны не только основные детали самой грандиозной в истории антропологии и археологии подделки, но ни у кого из них теперь не вызывало более сомнений имя того, кто осмелился совершить аферу. Им оказался Даусон, с точки зрения английских джентльменов науки человек безупречной репутации. Это он задолго до появления в

кабинете Вудварда разломал и окрасил под цвет пильтдаунского гравия части черепа, отличающегося значительной толщиной стенок. По-видимому, рабочие действительно нашли череп в гравии Баркхам Манер, но поскольку Даусон вынужден был прибегнуть к окраске массивных фрагментов, можно со значительной долей вероятности утверждать, что он подменил найденные в гравии обычные кости другими, необычными, которые в нем никогда не были и потому имели иную окраску. В дальнейшем, когда начались раскопки, фрагменты черепа подбрасывались, ибо за четыре года с момента первого открытия в 1908 году они исчезли бы без следа, оставайся они по-прежнему в гравии, который непрерывно разрабатывался. Поскольку к тому же никто не знал, где рабочие нашли череп, то вообще сомнительно, что раскопки велись на месте первоначального открытия — ведь никаких отметок на террасе никто не делал, а она, к тому же, постоянно заливалась водой. Имеется достаточно правдоподобный вариант, объясняющий, каким образом оказался у Даусона череп человека. Согласно рассказу мисс Флоренс Пэдхем, опубликованному в «Sussex Expres» 1 января 1954 года, ее отец Натли передал в 1906 году Даусону коричневатый череп, лишенный нижней части. Духовный отец эоантропа будто бы сказал тогда: «Вы услышите нечто значительное об этом, мистер Берли!». Не этот ли череп был найден в 1908 году, когда Даусон, согласно рассказу мисс Вудгид, обнаружил в присутствии ее мужа Сэма Вудгида несколько черепных обломков? А ведь Даусон в своей публикации утверждал, что их поиски с Вудгидом оказались безуспешными.

Вторая сторона дела — приобретение соответствующего фаунистического ансамбля, который позволил бы датировать фрагменты черепа возрастом, приближающимся к миллиону лет, «обработка» челюсти орангутанга и подбор коллекции эолитов, а также подходящих камней со следами оббивки, предназначенных вместе с приостренным

обломком бедренной кости слона представить «антураж культуры» эоантропа. Часть костей происходила из отложений Красных Краг Восточной Англии, и заполучить их для Даусона не составляло труда. На многочисленных рынках распродажи антикварных вещей и раритетов он мог столь же легко купить кости, которые, как показала степень их радиоактивности, кто-то из геологов и палеонтологов или просто любителей вывез из Северной Африки. Что касается челюсти орангутанга и зуба стегодонового слона, то наиболее вероятное место, откуда они могли попасть в Англию,— Юго-Восточная Азия, в частности Борнео и Суматра. Согласно сообщениям Ральфа Кенигсвальда, туземцы здесь хранят черепа орангутангов в качестве трофеев и фетишей в течение нескольких столетий. Поэтому радиокарбоновая датировка челюсти эоантропа 500±100 лет неудивительна. Том Гаррисон прислал Окли фотографию человека, который держит череп орангутанга, хранившийся в хижине 406 лет! Он же помог разъяснить проблему, каким образом и когда попала в Англию челюсть орангутанга: по воспоминаниям Гаррисона в 1875 году А. Х. Эверетту была продана коллекция костей из Юго-Восточной Азии, а среди них находились поломанные челюсти антропоидов. Эверетт описал кости и в 1879 году передал их в Британский музей. Проверка описи показала, что все переданные образцы на месте, и, следовательно, из музея челюсть выкрасть не могли. Однако Гаррисон утверждает, что музейная коллекция выглядит значительно меньше той, которая была продана. Очевидно, часть костей попала торговцам древностей и была продана. Даусон мог приобрести челюсть орангутанга на одном из модных тогда аукционов. Когда Окли сравнил челюсть эоантропа с костями из коллекции Эверетта, то сразу же отметил, как близка она им по внешнему облику и манере раскалывания. Содержание нитрогена тоже было одинаково. Таким образом, Даусону, после того как челюсть оказалась в его руках, оставалось лишь проду-

мать общую «концепцию». Остальное стало делом техники и хладнокровного расчета...

Главный виновник чудовищной по замыслу аферы найден. Однако, припоминая обстоятельства, сопутствующие «открытию в Пильтдауне», трудно все же отделаться от мысли, что за ним стояло нечто более значительное, чем удовлетворение болезненного тщеславия и неумеренной амбиции одного лица. Было бы, пожалуй, крайностью подозревать существование своего рода заговора сторонников эоантропа Даусона, но и считать «джентльмена удачи» единственным актером в странной драме, превратившейся в фарс, едва ли оправданно и справедливо. Недаром даже после разоблачения подделки грусть и досада не покидали многих из тех, кого устраивала находка в Баркхам Манер. «Когда я прочитал в статье,— писал один из них,— что пильтдаунский человек был подделкой, я почувствовал, как что-то ушло из моей жизни. Я воспитывался на пильтдаунском человеке. Люди по крайней мере двух поколений считали пильтдаунского человека дарвиновским недостающим звеном».

Сэр Артур Кизс, ведущий пропагандист человека зари, волею судеб дожил до позорных дней разоблачения фальшивки. Этот глубокий старик вынужден был оправдываться в «Таймс» и недоумевать по поводу того, как могло случиться, что он, корифей английской антропологии, клюнул на грубую приманку.

Сентиментальные вздохи, между тем, менее всего подходили к этой трагической истории, если вспомнить, чего стоили для Дюбуа, Дарта и Брума их открытия. Примечательно, однако, что конец Пильтдауна совпал с триумфом еще одного упрямого охотника за «тенями предков» — Луиса Базетта Лики. Он шел к нему через четыре десятилетия самоотверженных и мучительных поисков истины. Финальный акт затянувшейся драмы идей медленно развертывался на глазах заинтригованных детективным сюжетом потомков недостающего звена.

Свет озарит и происхождение человека и его историю.

Чарлз Дарвин

История шестая

ВАКАРАУЧИ — „СЫН ВОРОБЬИНОГО ЯСТРЕБА“

— Умоляю тебя, Луис,— пожалуйста, наберись терпения и не поднимайся с постели. Тебе станет хуже, и нам придется возвращаться в Арушу, чтобы устроиться в госпиталь. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, насколько это рискованно? Я не говорю уж о том, что такое путешествие не позволит спокойно завершить наш и без того слишком короткий и дорогостоящий полевой сезон, а запланированное придется выполнять в следующем году...

— Но, Мэри, я, право же, не думаю отлучаться от лагеря далеко. Просто несколько позже поброжу в окрестностях. Голова у меня болит не сильно, а приступ лихорадки совсем слабый! — робко попытался возразить супруге Луис Базетт Лики, хотя прекрасно понимал, что последует за его, кажется, невинным предложением.

— Очень сожалею, мой друг, но тебе все же придется остаться в постели несмотря па то, что ты так легкомысленно настаиваешь на прогулке,— сухо возразила Мэри и, считая разговор оконченным, направилась к выходу из палатки.— Тута и Сэлли я забираю с собой в «Лэнд-Ровер», поэтому единственное, что может оправдать твой выход на солнце, будут носороги, если они вдруг забредут в лагерь и попытаются навести беспорядок в хозяйстве. Не волнуйся, я буду работать на раскопе за двоих. До вечера!

Лики обреченно вздохнул, окончательно уяснив, что мольбы о снисхождении бесполезны. Он с завистью проводил взглядом собак Тута и Сэлли, которые в предвкушении дальней прогулки весело мчались к машине, перегоняя друг друга. Вскоре зашумел мотор джипа, и Лики не оставалось ничего другого, как прислушиваться к постепенно стихающему реву двигателя видавшего виды «Лэнд-Ровера». На этот раз 17 июля 1959 года автомобиль удалялся в сторону раскопа без начальника экспедиции — ему из-за некстати навалившегося недомогания предстояло провести беспокойный, вследствие вынужденного безделья, «выходной» день.

Конечно, категоричность и неуступчивость Мэри в отношении просьбы ослабить строгий режим слегка недомогающего начальника Олдовэйской археологической экспедиции можно понять и объяснить кроме всего прочего также соображениями забот, связанных с высокими целями экспедиции. Короткие семь недель очередного полевого сезона в ущелье Олдовэй почти на исходе, и было бы совсем некстати прервать удачно начатые работы лишь для того, чтобы отправиться лечиться за десятки миль невыносимого по трудности пути в Арушу, ближайший к каньону населенный пункт у кратера Нгоронгоро, где врачи могли оказать необходимую помощь. Лики вспомнил, какие лишения пришлось претерпеть ему и Мэри, когда они недавно на авто доставляли отсюда в больницу одного из

своих помощников, у которого внезапно начался острый приступ аппендицита, и пришел к выводу, что ему, пожалуй, следует счесть за благо смиренно пребывать в лагере день-другой, как ни хотелось соглашаться с такой грустной перспективой ничегонеделания. В этой печальной ситуации оставалось лишь предаться воспоминаниям о днях минувших да помечтать о будущем...

А вспомнить есть о чем, если представить, что археологией Африки он, Луис Сэймор Базетт Лики, теперь куратор Коридонского музея города Найроби, Кения, начал заниматься без малого 36 лет назад, а здесь в Олдовэйском каньоне ведет раскопки целых 28 лет! К тому же Африка, этот вечно экзотический и неудержимо манящий к себе европейца континент, для него не просто место, где он волею судеб и провидения ведет научные исследования, а настоящая родина, без которой Лики давно не мыслит своего существования. Так уж случилось, что судьба его семейства с конца прошлого века оказалась навсегда связанной с Восточной Африкой. Все, если он не ошибается и точно припоминает теперь уже далекие семейные предания, началось с того, что однажды его мать Мэри Базетт, а также ее сестры Луиза, Нелли и Сибелла, старшей из которых исполнилось всего 23 года, неожиданно решились, к ужасу отца, полковника британской армии, отправиться в Африку, чтобы заняться миссионерской деятельностью. Полковник, дед Луиса,— человек неробкого десятка, и своих 13 детей воспитывал настоящими сорви-головами, но и он тем не менее пришел в замешательство, когда узнал о непреклонном решении любимых чад. Переубедить их, однако, не удалось, и родители безнадежно махнули руками — будь по-вашему, отправляйтесь куда хотите, и пусть вам сопутствует счастье! Весной 1892 года из тихого городка Ридинга, расположенного недалеко от Лондона, со слезами провожали в дальний путь отчаянно храбрых сестер, а через три месяца изнурительного плавания по взбудораженному штормами Атлантическому океану

они, благополучно миновав мыс Доброй Надежды, высадились на берегу Восточной Африки в Момбазе. Чтобы представить степень удивления и любопытство белых поселенцев и аборигенов Момбазы, как на чудо, взирающих на сестер, достаточно сказать, что они оказались первыми в Восточной Африке незамужними женщинами, прибывшими из Европы!

Мэри и Сибелла остались в Момбазе, где вскоре приступили к обучению местных жителей чтению и письму, Луиза отправилась в Танганьику, а самая смелая из сестер — Нэлли приняла решение продолжать путешествие по Африке и направилась по бездорожью в тысячекилометровую поездку, конечной целью которой стала Уганда. Лики с улыбкой припомнил рассказы матери об «отчаянной тетушке Нэлли», которая, как и приличествует настоящему миссионеру, ехала по Африке безоружной. Не могла же она, в самом деле, положить в свою дорожную сумку пистолет, хотя вряд ли кто из тех же мужчин-миссионеров мог осудить за это дочь полковника, учитывая изобилие всевозможных хищников в саваннах и тропических лесах Экваториальной Африки. Впрочем, тетушка Нэлли не считала себя полностью безоружной, поскольку в ее незамысловатом багаже лежали зонтик и будильник. Позже она всерьез уверяла Мэри, что если ночью, в самое тревожное для пребывания в джунглях время, каждые два часа заводить будильник, то подкрадывающийся к лагерю лев, заслышав непревычный звон, вынужден будет постыдно ретироваться и оставить свои коварные затеи по крайней мере часа на два, пока он «не придет в себя от изумления». Когда же лев, опомнившись, рискнет опять приблизиться к лагерю, его вновь встретит звон предусмотрительно заведенного будильника! Тетушка Нэлли, кажется, искренне верила, что если ей за время переезда из Момбазы в Уганду так и не пришлось отдубасить нахального льва зонтиком, по ее убеждению, оружием крайних мер, то виной тому будильник, из-за которого ей,

правда, приходилось просыпаться каждые очередные два часа ночного отдыха!

Но не для всех сестер сбылись добрые надежды. Матери Лики, Мэри Базетт, не повезло с самого начала — вскоре по прибытии в Момбазу она тяжело заболела. Врач, после нескольких безуспешных попыток остановить болезнь, настойчиво посоветовал девушке немедленно уехать в Англию и никогда более не мечтать о возвращении в Восточную Африку. Мэри чувствовала себя настолько плохо, что на сей раз не стала упрямиться и, к неописуемой радости родителей, вскоре прибыла в Ридинг, не надеясь когда-либо оказаться там, куда однажды забросили ее девичьи грезы и фантазии. Судьба, однако, распорядилась иначе: когда Мэри выздоровела и стала понемногу забывать о романтическом путешествии в Момбазу, она познакомилась в Лондоне и вскоре вышла замуж за миссионера Гарри Лики. Луис не знал, у кого первого из его родителей возникла мысль отправиться в Восточную Африку. Не исключено, что увлекательные рассказы Мэри о Момбазе покорили Гарри, а может, самого отца захватил дух странствий и жажда приключений или виной тому письма сестры Луизы из Танганьики, но как бы то ни было, а в 1902 году молодая супружеская пара Лики прибыла в Восточную Африку и поселилась в деревушке Кабете, расположенной в 8 милях от поселка, который назывался Найроби. Гарри и Мэри обслуживали английскую церковь, построенную в Кабете, и вели проповеди среди кикуйю, членов самого могущественного и многочисленного племени аборигенов Кении.

Помнила ли Мэри о предостережении врача под угрозой гибели от болезни ни в коем случае не пытаться возвратиться в Африку? Сначала, может, и помнила, а потом — забыла: на сей раз она безвыездно прожила в Кабете 50 лет, не жалуясь на здоровье!

Через год после возвращения в Танганьику в длинном и приземистом, похожем на барак строении с глинобит-

ными стенами и соломенной крышей, прикрытой от тропических ливней огромным брезентом, родился первенец семейства Лики — сын, названный Луисом Сеймором. Затем родились сестры Юлия и Глэдис, но, по рассказам матери и отца, эффект появления их на свет не шел ни в какое сравнение с первыми днями жизни Луиса. Дело в том, что он оказался первым белым младенцем, которого смогли увидеть коренные жители Восточной Африки. Как на чудо, сходились посмотреть на ребенка рядовые соплеменники и вожди кикуйю, жившие в окрестностях Найроби и Кабете. Отец Гарри уверял позже Луиса, что, очевидно, выглядел он в колыбели с точки зрения старейшин кикуйю настолько внушительно и вызывал такой почтительный трепет, что знатные посетители торопились выразить новорожденному свое уважение, правда не совсем обычным по европейским церемониям способом: гости плевали на младенца, что представляло собой самый торжественный обряд особого доверия кикуйю к новому члену семейства Лики, символизирующий передачу жизни каждого члена племени в руки появившегося на свет. Луис Лики, рассказывая при случае об этом необычном «крещении», принятом у кикуйю, любил, посмеиваясь, говорить: «Старейшины сразу же сделали меня самым чистеньким младенцем во всей Восточной Африке!»

Детство Луиса прошло в Кабете, он рос и воспитывался среди сверстников из племени кикуйю, играл в их игры, делил с ними ребячьи радости и огорчения. Он в совершенстве овладел языком кикуйю и не только говорил на нем в случае необходимости, но и думал так же, как на английском, и даже мечтал — привычка, которая сохранилась у него до сих пор! Вообще Луис настолько проникся обычаями жизни кикуйю, что в детстве искренне считал себя одним из них, стараясь ничем не выделяться среди своих дорогих темнокожих друзей. Он даже жил, когда позволяли родители, в такой же, как в поселке аборигенов, хижине, которую построил с помощью и под

руководством «братьев кикуйю». Не удивительно поэтому, что в характере и облике его, как человека, причудливо совместились, удачно дополняя и обогащая друг друга, типично английское образование, которое постарались дать ему родители, и по-спартански суровое воспитание туземцев кикуйю. Мать учила его читать, писать, считать, а взрослые воины и охотники кикуйю показывали, как нужно правильно держать копье и изловчиться метнуть его, чтобы оно сразу же поразило цель, как бесшумно и незаметно подползти к небольшим пугливым газелям, как, не имея никакого оружия, погрузиться в воду, замаскировать голову болотной травой и терпеливо дожидаться, когда утка опустится на гладь водоема, а ты, незаметно передвигаясь, подойдешь к ней достаточно близко, чтобы схватить ее за лапки! Лпки до сих пор помнит, как терпеливо учил его стрелять из лука один из лучших охотников племени кикуйю — Доробо.

А сколько дали ему беседы у вечерних костров рядом с примитивными, как в каменном веке, постройками! Старики кикуйю, заботясь о воспитании молодежи, рассказывали старые предания и сказки. Каждый рассказ имел мудрую, как жизнь, мораль. Оставалось лишь впитывать и следовать ей в общении с людьми и природой. Так, любовь к животным, как младшим собратьям человека, привили Луису кикуйю. Он не только отлично изучил повадки диких обитателей саванн, но, кажется, научился думать так же как они и даже читать их мысли. Разве не «логика рассуждений льва» позволяла ему успешно подкрадываться к самым пугливым и осторожным из животных Восточной Африки? Луис подумал, что он, очевидно, делал заметные успехи, подражая действиям охотников кикуйю. Иначе как объяснить такой беспрецедентный в истории кикуйю факт, что его, тринадцатилетнего мальчишку белого миссионера, объявили равноправным членом племени, присвоив почетное имя Вакараучи — «Сын воробьиного ястреба»? Тогда, взволнованный торжественной

церемонией посвящения, Луис поклялся остаться навсегда верным воином племени кикуйю.

Лики задумался — сдержал ли он восторженную, детскую клятву? Да, он не нарушил ее, и совесть его перед старейшинами кикуйю чиста, как вода из источника на склоне потухшего вулкана Нгоронгоро. Он остался верен друзьям даже в тревожные дни преследования в Танганьике мау-мау; Луис Лики-Вакараучи, первый и единственный белый член племени кикуйю, в то время уже по возрасту не воин его, а старейшина, высшая честь которого может только снизойти на рядового соплеменника, а тем более иноземца, сделал все, чтобы, используя свой авторитет и влияние, предотвратить трагедию кровавого столкновения между белыми и аборигенами Восточной Африки.

Ближайшие друзья знали, что Луиса Лики нельзя понять вне обстоятельств, связывающих археолога с кикуйю, для чего следовало напрочь забыть, что он англичанин. Лики особо гордился тем, что собратья по племени не воспринимали его как выходца из Британии. Вождь кикуйю Коинандж однажды объяснял любопытствующему: «Мы называем его (Лики) a black man with white face[1], поскольку он скорее африканец, нежели европеец!» В каком же неоплатном долгу он перед своими доверчивыми друзьями! Чтобы хоть в какой-то мере отплатить им за добро, Лики вот уже несколько лет усердно трудится над капитальным исследованием, посвященным описанию быта и жизни кикуйю. Сейчас написано три толстых тома. Пожалуй, теперь ни об одном из африканских племен не рассказано столь подробно, как это сделал Лики о кикуйю. Он поморщился, вспомнив о письме издателей, требующих сократить сочинение до одного тома. Но есть ли смысл публиковать такой научный комикс? Первая капитальная грамматика языка кикуйю тоже, кстати, написана им.

[1] Черный человек с белым лицом.

Лики, пожалуй, обязан кикуйю выбору своей будущей профессии археолога, которая стала для него с некоторых пор всеобъемлющей страстью. Случилось так, что особой любовью Луиса пользовались сначала птицы — он мог наблюдать за ними, не уставая, по многу часов подряд. Его интересовали также косточки пернатых, которые встречались в изобилии на поверхности земли после дождей. Вот тогда-то, охотясь за древними костями, Лики впервые обнаружил странные вещи: потоки воды вымывали из глины наконечники стрел, почти в точности такие, как у охотников кикуйю, но сделанные не из металла, а камня. Мальчика поразили не только необычный материал, использованный для изготовления орудий охоты, но и то поистине ювелирное в совершенстве мастерство, с каким отделывались вещи из камня. Когда взволнованный находкой Луис обратился за разъяснениями к охотникам кикуйю, они, к его изумлению, не замедлили с ответом, поскольку встречались с вещью хорошо им знакомой. «Это лезвия духов,— сказал с почтительным уважением Доробо.— Знай, Вакараучи,— такие орудия ниспосланы с Неба духами Грома!»

Когда позже Лики начал читать книги, то узнал, что оббитые камни, захороненные в земле, использовал на охоте древний человек, живший на много веков раньше современных людей. Тогда же юношу захватила мысль о возможности раскрыть тайну прошлого человечества, изучая африканские древности. Правда, «Черный континент» не пользовался в то время вниманием тех, кто охотился за недостающим звеном. Под впечатлением открытий Дюбуа на Яве, остатки ископаемого человека каменного века археологи предпочитали искать на юге Азии, где жил питекантроп, «вымерший примат с определенными человеческими чертами». Однако Луис, рано ставший поклонником учения Дарвина, знал от том, что великий эволюционист, рассуждая о возможном районе происхождения человека, отдал предпочтение Африке, а не Азии. Вот по-

чему Лики с самого начала уверовал в возможность успеха поиска останков предка людей на земле кикуйю. Поэтому еще до того, как родители решили отправить сына в Англию для продолжения образования, он твердо решил отказаться от изучения любимых птиц и посвятить свою жизнь самому увлекательному на свете делу охоты за ископаемым человеком и костями вымерших животных. Лики интересовал не только далекий предок, но также окружавший обезьяночеловека мир.

Подготовка к будущей деятельности началась сразу же после того, как Луис, в то время шестнадцатилетний парень, длинный и неуклюжий, появился на земле предков — в Англии. После двух лет обучения в подготовительной школе он поступил в Кембриджский университет, где лучше, чем в любом другом высшем учебном заведении Британии, можно было овладеть теорией предыстории человека. Как первокурснику ему следовало в начале сдать экзамены по двум языкам — французскому, поскольку именно на нем публиковалась большая часть литературы по древнекаменному веку, и какой-нибудь из европейских или иных достаточно распространенных языков Старого Света. Что касается французского, то Лики без затруднений сдал его экзаменаторам знаменитого Кембриджа, а в качестве второго языка, к несказанному удивлению руководства университета, выбрал язык кикуйю-банту, о котором даже истинные и дотошные знатоки филологии имели в большинстве более чем смутное представление.

Лики оживился, припомнив, какой переполох вызвало в почтенном учебном заведении его невинное предложение. В самом деле, поскольку один из поступавших в университет выразил желание совершенствоваться в языке кикуйю, то негоже Кембриджу признать, что оно не осуществимо хотя бы потому, что в известном всему миру вузе просто-напросто нет преподавателя, который мог вести занятия по языку кикуйю!

Лики сокрушенно и осуждающе покачал головой, вспомнив, с каким истинно мальчишеским упрямством он продолжал стоять на своем, несмотря на уговоры бедных преподавателей. Более того, он по-настоящему оскорбился, услышав от одного из них такие слова: «Нельзя ли, наконец, все же выбрать более распространенный язык, на котором говорит достаточно много людей?» Так заявить о его друзьях, могущественных кикуйю?! Это непереносимо. Он заставит узнать в чопорном Кембридже, кто такие кикуйю! Луис парировал реплику холодным замечанием: «На языке кикуйю, к вашему сведению, говорит полмиллиона жителей Восточной Африки. Разве это недостаточно много, чтобы объяснить мое стремление знать язык этих людей?»

Кембридж капитулировал! Упрямого студента из Танганьики подключили к занятиям одного из профессоров, который знал язык племени луганда, родственного кикуйю. На том, однако, злоключения не кончились, поскольку, когда наступила пора сдавать экзамены, его могли принимать два преподавателя. Но откуда взять второго, если и один найден с таким трудом?! Из Кембриджа в университет Лондона полетел необычный запрос: «Кто может принять экзамен по специальности «язык кикуйю?» Столица империи не заставила долго ждать ответа: «Миссионер в отставке Г. Гордон Деннис и Луис Сэймор Базетт Лики!»

Выход из тупика нашли весьма своеобразный: профессору, знатоку языка племени луганда, не оставалось ничего другого, как сначала засесть и с помощью Луиса Лики терпеливо изучить язык кикуйю, а уж затем, овладев основами, вместе с Гордоном Деннисом принять экзамен у Вакараучи — «Сына воробьиного ястреба». Ничего не скажешь — уникальный для университета Кембриджа случай, когда студент отчитывался перед профессором в знаниях, которыми он любезно поделился с ним в течение нескольких предшествующих месяцев! Игра стоила

свеч — можно биться об заклад, что Кембридж навсегда запомнил, кто такие кикуйю.

На втором курсе с Луисом случилось несчастье: во время игры в регби он сильно ударился головой, и после этого его стали постоянно мучить сильные головные боли, в особенности когда приходилось читать книги. По настоянию врачей ему пришлось оставить учебу в университете. Лики решил не терять времени даром. Он уговорил известного канадского палеонтолога В. Е. Калтера взять его в экспедицию, которая направлялась в Танганьику на поиски ископаемых рептилий. Калтер оказался превосходным мастером своего дела. Он умел искать ископаемых, со всей тщательностью и осторожностью раскапывал их и, к тому же, в совершенстве владел техникой консервации находок в сложных полевых условиях. Недаром Лики и теперь отдает предпочтение шеллаку и пластырю из Парижа, когда нужно закрепить рассыпающуюся под солнцем древнюю кость. Для двадцатилетнего Луиса поездка в Танганьику и работа там в составе экспедиции Калтера стала первой школой полевых исследований, об уроках которой он с благодарностью вспоминает до сих пор. Приходилось лишь сожалеть, что изыскания Калтера не имели продолжения. Экспедиция стала для него последней и окончилась трагически — тиф и малярия свели палеонтолога в могилу.

Луис, поправив здоровье, снова вернулся в Кембридж, чтобы продолжить курс обучения. Он успешно сдал экзамены по археологии и антропологии своему учителю А. К. Хиддону и, считая себя достаточно подготовленным, по окончании университета предложил свои услуги на руководство экспедицией, главная цель которой — поиски остатков древнего человека. Заявление Луиса профессор выслушал с вежливым вниманием, а затем последовал диалог, который Лики любил пересказывать друзьям, интересующимся, каким образом он начал свои археологические раскопки в Восточной Африке.

— Куда же вы намерены ехать? — с выражением живой, но явно наигранной заинтересованности спросил его маститый собеседник.

— В Восточную Африку! — не раздумывая сказал Луис.

— Не переводите попусту время,— разочарованно буркнул профессор.— Ничего значительного там не найдете, уверяю вас. Если уж вы действительно решили посвятить жизнь древнему человеку, то поезжайте в Азию.

— Но я родился в Восточной Африке и уже нашел там следы первобытных людей,— упрямо возразил Лики.— А кроме того, я убежден, что не Азия, а Африка колыбель человечества!

В ответ на эту тираду профессор и его коллеги понимающе переглянулись и покатились со смеху. Продолжать разговор не имело смысла.

Луису, однако, удалось собрать немного денег, и в 1926 году, когда ему исполнилось 23 года, он вместе с другом, тоже выпускником университета, отправился в первую самостоятельную экспедицию, громко названную «Восточно-Африканской». Стоит ли говорить, что пароход, в каюте третьего класса которого разместился Лики, держал курс на Танганьику. На часть оставшихся от морского путешествия денег «Сын воробьиного ястреба» купил палатки, а небольшую толику их удалось также сохранить для найма рабочих. Первый археологический маршрут проложен по направлению к тому участку знаменитой Великой рифтовой долины, протянувшейся на 6 400 километров от Иордании до Мозамбика, где как раз к югу от экватора на расстоянии 50 миль цепочкой располагались три озера — Накуру, Элиментейта и Навэйша. В давние времена ледниковой эпохи озера составляли одно целое, а уровень воды в них стоял на 800 футов выше.

Лики недаром стремился к озерам Великой долины. Еще в 1893 году геолог Д. В. Грегори посетил эти места и первым отметил следы древних оледенений в районе

Экваториальной Африки. Ледники там некогда опускались, судя по моренным валам, на километр ниже современной снеговой линии гор. Затем в том районе работал Эрих Нильсон и тоже обратил внимание на отчетливые признаки резких колебаний климата во времена, отстоящие от современности на сотни тысячелетий. В этих условиях чрезвычайно заманчивой казалась перспектива поиска древнейших изделий первобытного человека среди россыпей галек на высоких озерных уступах, откуда вода отступила более полумиллиона лет назад. Находили же где-то первые белые поселенцы Восточной Африки оббитые камни, а геолог Уганды Е. Д. Вэйланд, изучая древние отложения, обнаружил каменные орудия неандертальцев и даже, если верить ему, следы дошелльской культуры, возраст которой выходит далеко за пределы полумиллиона лет! Правда, Вэйланду не удалось найти остатков ископаемого человека, но разве не затем прибыл на берега Накуру и Элиментейта Луис Лики?

Экспедицию приютил один из белых переселенцев, «симпатичный фермер», который не пожалел выделить молодым археологам заброшенный свинарник. Лики помнил, с каким энтузиазмом наводили они с другом порядок в ветхом строении, как снаружи ревел ветер и, казалось, что стены вот-вот обрушатся на незваных гостей саванн. Все, однако, обошлось благополучно, а первые разведки на берегу Накуру и Элиментейта заставили забыть невзгоды быта — Лики сразу же посчастливилось открыть несколько стоянок каменного века.

Шесть месяцев продолжались раскопки. Результаты их превзошли все ожидания — на одном из поселений северного берега Накуру Лики раскопал 10 древних захоронений, а на двух стоянках, расположенных в 15 милях южнее на берегу Элиментейта, 26 погребений древнего человека! Конечно, он не нашел остатков обезьянолюдей, а тем более недостающего звена. Древние обитатели берегов Накуру и Элиментейта — высокие, стройные, больше-

головые — люди рода Homo sapiens, по-видимому, не негроиды, как следовало бы ожидать. Объем мозга у них составлял 1480—1680 кубических сантиметров. Лицо их продолговатое, а нос узкий и длинный. Они хоронят умерших по строго разработанному ритуалу: погребенный лежал обычно в скорченном положении; голову его прикрывали специально уложенные камни. В одной из могил Лики рядом с костями человека обнаружил груду обсидиановых отщепов. Время захоронений вряд ли выходило за пределы 8 000—10 000 лет. Раскопки стоянок дали большое количество мелких обсидиановых орудий, обломки зернотерок и фрагменты украшенных орнаментом глиняных сосудов. Люди новокаменного века около 4 000 лет назад хоронили покойников в раковинных кучах, раскопанных Лики в местечке Гумбан. У них признаки негроидной расы выделялись четко и определенно.

Осенью 1927 года Лики вернулся из Танганьики в Англию с триумфом, редким для начинающего археолога. Не беда, что обезьяночеловек на сей раз ускользнул из рук — у него впереди достаточно много времени, чтобы дождаться удачи. А пока он обрабатывал собранный материал и советовался со светилами археологии и антропологии в Англии. Впрочем, как сказать — советовался. Сэр Артур Кизс так вспоминал впоследствии о прибытии в музей Сарджент аспиранта Кембриджа Луиса Лики: он намеревался описать черепа и кости, и «время от времени спрашивал меня кое о чем. Способности у молодого человека замечательные. Это человек собственных суждений о вещах». Лики начал работу над диссертацией «Каменный век Кении».

Открытия на берегу Накуру и Элиментейта произвели большое впечатление на ученый мир Англии, и неудивительно поэтому, что в течение последующих двух лет Луис Лики имел достаточно денежных средств, чтобы продолжать раскопки в Восточной Африке. Средства выделялись колледжем Святого Джонса, приписанного к Кемб-

риджу. Наибольшие неожиданности и подлинную сенсацию, всполошившую археологов Европы, принесли исследования скального навеса Гамбл, открытого на берегу Элиментейта. 14 культурных горизонтов, заполненных каменными орудиями и костями животных, удалось проследить в рыхлых отложениях навеса. Но наибольшие недоумение и волнение вызвали три верхних слоя. Сначала Лики раскопал горизонт, который содержал каменные орудия, известные в Европе как позднеориньякские, то есть датированные временем около 30 000 лет. Ниже располагался слой с обсидиановыми изделиями, которыми 50 000 — 100 000 лет назад пользовались обезьянолюди типа неандертальцев, непосредственных предшественников человека разумного. Далее следовало ожидать горизонт с еще более древней культурой каменного века, и если бы здесь встретились кости человека, то мечта Лики об открытии древнейшего обитателя Африки стала бы сразу явью.

Лики до сих пор не может забыть, какое волнение охватило его, когда ниже пласта с орудиями неандертальцев действительно показались человеческие кости! Одно, второе, третье захоронение открыл он, а затем еще два. Самое лучшее из сохранившихся — скорченное, как в Накуру. Но почему черепа людей не имеют обезьяньих черт? Почему вместо примитивных рубил из земли извлекаются знакомые по первому слою ориньякские инструменты? Как объяснить, что вопреки твердо установленной в Европе последовательности развития каменного века ориньякская культура человека разумного предшествует в Танганьике мустьерской культуре неандертальца?

Лики оказался на высоте поставленной перед ним головоломки и с честью вышел из затруднений. Он предложил объяснение столь же простое, как и неожиданное для твердокаменных эволюционистов. По его мнению, в Танганьике передовая ориньякская культура верхнепалеолитического человека разумного сосуществовала бок о бок с отсталой и отжившей свой век мустьерской культу-

рой обезьянолюдей типа неандертальцев! Отсюда следовал исключительный по важности вывод о резкой неравномерности темпов развития отдельных групп древнейших людей — явление, сохранившееся отчасти вплоть до современности. Как будто нарочно, чтобы «теоретически» не сразу «переварили» предложенное им, Лики подлил масла в огонь, объявив Африку «эволюционной колыбелью ориньякского человека, который затем мигрировал на север в Европу и на восток в Азию». Обманувшись в ожиданиях открыть костные останки первых в Африке обезьянолюдей, он торопился взять реванш в оценке особого значения находок верхнепалеолитического человека. Их тоже можно использовать как доказательство справедливости мысли Дарвина об особо важной роли Африки в становлении человека, не правда ли?

В 1929 году Лики сделал замечательное открытие, которое снова заставило заговорить о нем, как о необыкновенно везучем археологе. На сей раз он вел разведку невдалеке от озера Виктория в местности Карпандуси. Однажды, с трудом пробираясь через густой колючий кустарник, Луис чуть не свалился с пятнадцатиметрового обрыва. Заглянув вниз на обрушившиеся стенки каньона, он замер от удивления — надо же ему было споткнуться и упасть именно там, где в нескольких метрах ниже из глины торчало рубило, изготовленное из черного полупрозрачного вулканического стекла! Такие огромные ручные топоры, универсальное орудие труда древнейшего человека, умели выделывать из камня предшественники неандертальцев — обезьянолюди типа синантропа и питекантропа. Поскольку позже рубила на становищах первобытных людей не встречаются, то лагерь их в Карпандуси следовало датировать как минимум 200 000 лет. Никогда прежде в Танганьике подобного не находили.

Лики сразу же принял решение развернуть раскопки на месте счастливого открытия. Он, как и ранее, лелеял прежде всего мечту найти костные останки тех, кто умел

так мастерски выделывать из обсидиана ручные топоры. Его желание, к досаде участников раскопок, так и осталось мечтой. Однако картина искусно раскрытого стана первобытных охотников с валяющимися на земле 2000 орудиями и костями съеденных животных оказалась настолько впечатляющей, что в том месте над жилой площадкой соорудили павильон полевого музея. Каждый из любопытных мог теперь осмотреть лагерь предков, где все осталось нетронутым с тех пор, как 200 000 лет назад обезьянолюди покинули временное пристанище, а многометровые толщи глины бережно прикрыли бесценные остатки древней жизни.

Раскопки в Кариандуси имели еще одно важное последствие: Лики, просматривая специальную литературу, посвященную исследованиям геологов и палеонтологов на территории Танганьики, обратил внимание на то, что кости таких же, как на стоянке с рубилами, животных нашел в 1913 году профессор геологии Берлинского университета вулканолог Ганс Рек. В 1914 году он опубликовал заметку об открытии в южной части Великой рифтовой долины в каньоне Олдовэй около озер Натрон и Эйянзи. Оказывается, на это место первым обратил внимание немецкий энтомолог из Мюнхена Катвинкель, который охотился с сачком в районе каньона и чуть не поплатился за это жизнью, когда, увлеченно преследуя какой-то редкий экземпляр бабочки, свалился с обрыва. Опомнившись, рассеянный Катвинкель заметил, что из пласта глины торчат кости ископаемых животных. Он собрал их, доставил в Берлин, а в 1913 году немецкие палеонтологи и геологи, которых взволновала коллекция незадачливого энтомолога, снарядили в Олдовэй специальную экспедицию. Ее возглавил Ганс Рек.

Олдовэй оказался настоящей сокровищницей — на десятки метров прорезали водные потоки реки Танганьики многоцветные толщи древних озерных отложений. Их пересекали слои вулканической золы и кальцинированного

песчаникового туфа, хорошо сохранявшие кости животных. Раскопки Река привели к открытию слоя, богатого палеонтологическими остатками. Среди них преобладали кости давно вымерших животных (динотериевый слон, трехпалые лошади, примитивные антилопы, гигантские жирафы), но в изобилии встречались также остатки современных обитателей саванн Танганьики (носороги, гиппопотамы, свиньи).

Особое волнение Лики вызвало сообщение Река о находке в обрыве каньона на глубине 10 футов погребения. Умерший лежал на правом боку; фоссилизованные кости его, кажется, подтверждали значительную древность захоронения. Правда, надежда Лики на открытие в Олдовэе первобытного человека не оправдалась — в 1929 году мюнхенские профессора Моллесон и Гейзер опубликовали находку и пришли к заключению, что человек из Олдовэя современный. У него оказались подпиленными нижние резцы, обычай, недавно широко распространенный у многих африканских народов. Но кто знает, что скрывают туфы, песчаники и глины Олдовэя, откуда Рек в таком изобилии извлекал древнейшие кости.

Лики написал письмо в Берлин. Он спрашивал у Ганса Река, не удалось ли ему найти в Олдовэе место, где остатки животных встречаются вместе с обработанными камнями? Профессор ответил, что палеонтология каньона богатая, но все же тамошние ущелья — не те места, где следует ожидать открытия культуры палеолитического человека. Во всяком случае, он, Рек, пытался найти каменные орудия и кости первобытных людей, но, увы,— предприятие оказалось безуспешным. Впрочем, продолжить раскопки ему помешала война, а сейчас, если молодой человек желает, он, Рек, может принять участие в экспедиции, все на месте показать и рассказать, а также из рук в руки передать ему для дальнейших исследований открытое почти два десятилетия назад местонахождение. Лики принял предложение Ганса Река. Он посетил Бер-

лин, осмотрел коллекцию ископаемых, в том числе остатки погребения из Олдовэя, которые очень напомнили ему находки захоронений в Накуру и Элиментейте, а вернувшись в Англию, приступил к сбору средств на экспедицию. Как и следовало ожидать, дело это оказалось далеко не простым, но после двух лет хлопот настойчивость и упрямство Лики переборолп равнодушие нескольких британских научных обществ. Собранных денег оказалось достаточно, чтобы в 1931 году направить в Олдовэй большую экспедицию. В ней помимо Луиса приняли участие Ганс Рек, Эдмунд Тил, Дональд Мак Иннес, Артур Т. Хэпвуд и сэр Вильям Фучс.

«Да, теперь уже сэр»,— подумал Лики. Сколько шума наделала в прошлом, 1958 году его экспедиция, которая впервые пересекла из конца в конец Антарктиду. Пожалуй, поездка в Олдовэй в 1931 году сопровождалась бо́льшими трудностями и опасностями, чем современное путешествие по Антарктиде! Это сейчас дорогу в 565 километров от Найроби до Олдовэя можно преодолеть на «Лэнд-Ровере» часов за тринадцать (по сухой погоде, разумеется, ибо однажды в ненастье они с Мэри 26 километров едва проехали лишь за три дня — таковы дороги в африканских прериях!). Но маршрут теперь пролегает прямо через город Арушу, по краю раскинувшегося на 20 километров самого величественного на земле вулкана Нгоронгоро, через часть Великой долины, известной под названием «низина Балбал», после чего начинается каньон, расположенный по краю равнины Серенгети. Она лежит на полпути между озером Виктория и горой Килиманджаро, двумя наиболее известными географическими достопримечательностями Восточной Африки. А четверть века назад путь к Олдовэю пролегал не по прямой — на 240 километров длиннее, да и машина, на которой пришлось ехать, не отличалась ни мощностью, ни надежностью. Более 800 километров по бездорожью экспедиция преодолела за неделю. Скорость авто едва превышала 5 миль в час. Но

трудности и неудобства поездки искупались с лихвой прелестью Экваториальной Африки. По пути то и дело встречались группы слонов и жираф, носороги, табуны зебр, антилоп гну, газелей Томпсона и совершенно очаровательных карликовых антилоп, высота которых не превышала 35 сантиметров. Животные не проявляли особого беспокойства при виде грохочущего автомобиля. Они, с удивлением наблюдая за людьми, позволяли приблизиться к себе на расстояние до 6 метров. Аборигены, хозяева этой удивительной земли, кажется, чудом перенесенной из далекого прошлого, попадались редко. Лишь иногда в степи виднелись палатки кочевников масаи, которые охотились и перегоняли с места на место свои стада.

Наибольшее впечатление на путешественников произвела первая встреча с каньоном Олдовэй. На 40 километров протянулось это ущелье, разрезая на стометровую глубину окраину выжженной солнцем степи Серенгети. Крутые обрывы, переливающиеся всеми цветами радуги, напоминали собой причудливый слоеный пирог, состряпанный гигантами-поварами. Окаменевшие и рыхлые отложения перекрывали друг друга в замысловатой по беспорядочности цветовой гамме, сверху к краю ущелья подступала зеленовато-желтая степь, и разрывал горизонт эффектный пирамидальный вулкан Нгоронгоро, плавающий в холодном голубоватом мареве раскаленного солнцем воздуха. Чашу кратера заполняло озеро с чистейшей холодной водой, самым бесценным сокровищем изнывающей от жары саванны. Опытный глаз геолога без труда прочитает цветные глинисто-каменные страницы, составляющие крутые стены каньона: там, где сейчас раскинулась засушливая степь, сотни тысячелетий назад плескались волны огромного озера. В засушливые периоды кочующие пески окрестных пустынь подступали к водоему и частично заваливали его. Вулканические пеплы и зола тоже обрушивались на озеро. По берегам начинали откладываться цветные прослойки кальцитовых структур, известных у

специалистов-лимнологов под красивым названием «розы пустыни». Обитателями пустынного края становились крысы, мыши, ящерицы, тушканчики, косточки которых представляют особую ценность для палеонтологов, поскольку позволяют особенно точно восстановить климат и природное окружение отдаленных эпох. Когда начинались тропические ливни, вода брала реванш у своего извечного врага — песка. Жизнь снова возвращалась в саванну: стада всевозможных крупных животных тянулись к зеленым берегам озера, чтобы утолить жажду. В илистых водных отложениях и следует искать их кости. Но вода в конце концов потерпела поражение.

Крупица за крупицей заполнялась твердыми частицами глубокая озерная котловина, пока влага не исчезла и у подножия Нгоронгоро не раскинулась ровная, как стол, степь.

Около полмиллиона лет она наслаждалась покоем, а затем произошла редкая по грандиозности катастрофа. Поразительный по силе удар землетрясения потряс восточную окраину Африки, со страшным грохотом ломая и обрушивая земные пласты, рассекая их как гигантским мечом, опрокидывая и вздыбливая каменистые породы на протяжении тысяч километров. Тогда-то, очевидно около 100 000 лет назад, и появилась Великая рифтовая долина, протянувшаяся от Ближнего Востока до юга Африки. Олдовэй и Балбал стали частью гигантской трещины, которая в том месте вскрыла слои, заполнявшие некогда озерную котловину. За работу снова принялась вода. Временные потоки в сезон дождей стали «пропиливать» глубже и расширять стены ущелья, образованного ударами землетрясения, пока взорам людей не предстала величественная картина прошлого земли кикуйю и масаи. Чтобы раскрыть детали былого, следовало узнать, какие сокровища скрывали от археологов и палеонтологов каждый из многоцветных слоев, слагающих стены грандиозных обрывов олдовэйского каньона.

Лики потрясло увиденное. Вот оно место, достойное открытия самого древнего на Земле человека и, конечно же, недостающего звена. Во всяком случае, он не сомневался, что обязательно найдет здесь рубила — в точности такие, как в Кариандуси! Ибо, если по берегам древнего озера, судя по находкам Ганса Река, бродили те же животные, на которых охотились обезьянолюди, жившие 200 000 лет назад невдалеке от озера Виктория, то почему орды первобытных людей не могли разбить становища в Олдовэе? Не так много в восточноафриканской саванне мест, изобилующих водой, чтобы древний человек оставил вне внимания такое благодатное для жизни и охоты угодье!

Когда Лики поделился своими мыслями с коллегами и даже высказал убеждение, что именно здесь следует ожидать открытия предка более древнего, чем питекантроп, то Ганс Рек, подзадоривая молодого археолога, сказал:

— Готов держать пари — вы, Луис, вряд ли найдете здесь хотя бы один оббитый камень!

— Хорошо, я заключаю с вами пари, профессор,— ответил Лики.— Более того, Олдовэй мне, как охотнику за становищами палеолитического человека, нравится настолько, что я убежден — не пройдет и 24 часов, как вы будете держать в руках не что-нибудь, а настоящее ручное рубило...

Лики с удовольствием припомнил, как он выиграл пари. Чтобы найти рубило и торжественно вручить его изумленному Реку, ему понадобилось всего 7 часов! Вечером в лагере только и велись разговоры об открытии в Олдовэе древнекаменного века, а когда стемнело и все улеглись спать, то Луис долго не мог уснуть, возбужденный находкой и мыслями о перспективах предстоящих раскопок. Но, возможно, мешал какой-то странный шорох вокруг палаток? Лики взял электрический фонарь и вышел наружу. Бог мой! — из-за ближайшего куста на него сверкнули

зеленоватые глаза огромного льва! Слева, да и справа, тоже мелькали такие же зеленые огоньки. Одиннадцать львов насчитал в конце концов Лики. Они сидели кто ближе, кто дальше и с обычным для семейства кошачьим любопытством рассматривали того, кто осмелился вторгнуться в их владения. Львы, однако, соблюдали корректность и, кажется, не собирались нападать на лагерь. Лики подумал, что они, наверное, догадываются, с какой важной миссией прибыли люди в заповедный для львов Олдовэй. Хозяева внушали уважение, а учтивость незваных гостей по отношению к ним подразумевалась сама собой. «Если услышите, что кто-то подкрадывается к палатке,— успокаивал Лики своих взволнованных спутников, которые тоже вышли полюбопытствовать, что происходит,— то оставайтесь под одеялом. Не тревожьтесь — вас не тронут, если вы не тронете! Так учат кикуйю, а они, уверяю вас, знают обычаи саванн...»

Встреча со львами стала первой в длинной за многие годы череде знакомств с многочисленными обитателями окрестностей Олдовэя, которых привлекало ущелье скудными запасами воды. Если, однако, цари зверей сохраняли степенность, всегда оставались предельно ненавязчивыми и никогда не беспокоили археологов, лишь «приветствуя» их в первые дни приезда, когда считали своим долгом нанести «визит вежливости», то иначе вели себя жирафы, газели и носороги, которые, чувствуя, что у людей в лагере хранятся запасы воды, бесцеремонно разгуливали между палаток и искали место, где можно утолить жажду. О нахальных гиенах и говорить нечего. Одна из них подобралась к палатке, воды не нашла, но зато с аппетитом поужинала левой домашней туфлей, беспечно оставленной Лики снаружи. Когда он только научится предугадывать возможные последствия легкомысленного забвения лагерных правил, разработанных Мэри до мельчайших деталей? А одно из них гласит: ничего не оставляй на ночь за пологом палатки; знай — для гиены не существует несъедобно-

го! Да, вода в Олдовэе поистине драгоценна... Дело в том, что вести раскопки в глинистых горизонтах каньона в периоды дождей не представлялось возможным, а когда прекращались ливни и начинался сухой сезон, вода исчезала. Ее приходилось доставлять в Олдовэй на специальном прицепе за 56 километров из ручья, расположенного около кратера Нгоронгоро. Непрерывные поездки за водой отнимали столько средств и сил, что стали одной из главных причин, почему полевой сезон в ущелье ограничивался обычно 6—7 неделями. Лики неоднократно пытался преодолеть досадное затруднение, но каждый раз новые препятствия сводили на нет его ухищрения. Так, однажды раскопки начались в самом конце сезона ливней, и примерно неделю в лагере не испытывали недостатка в воде: ручейки стекали с окрестных гор в каньон Олдовэй, образуя на дне настоящую речку, в которой в такие часы можно хорошо выкупаться. Но вот дожди прекратились, ручейки исчезли, а в ущелье сохранилась лишь небольшая впадина, заполненная водой. Недолго, однако, пришлось Лики наслаждаться близостью ее запасов,— носороги быстро разнюхали, где находится миниатюрный водоем, и мало того что напились из него, но вознамерились выкупаться, превратив лужу в жидкое глинистое месиво. В последующие дни они не упускали случая прийти и поваляться в «ванне». Хозяевам лагеря, между тем, не оставалось ничего другого, как использовать воду, в которой изволили выкупаться носороги. Вкус ее Лики, при воспоминаниях о том злосчастном полевом случае, еще долгое время ощущал во рту.

Другой, чуть печально не окончившийся, эксперимент связан с попытками собирать дождевую воду в воронки, сделанные из концов палаток. Вода накапливалась в достаточном количестве, чтобы каждый утолил жажду, а повар приготовил обед. Однако Лики не учел то обстоятельство, что брезентовая ткань для отпугивания насекомых пропитывалась сульфатом меди. К счастью, недомогание

дало о себе знать очень скоро, чтобы прервать опыт и не отправиться на тот свет из-за дешево полученной воды.

Наибольшее беспокойство от диких животных в Олдовэе наступало тогда, когда в каньоне исчезали последние лужи и он превращался в гигантскую пыльную чашу, в которой, кажется, никто, кроме тушканчиков, жить не мог. К лагерю устремлялись соблазняемые вкусным запахом воды обитатели степи и предгорий, пугливые и смелые. Вот тогда-то начиналась пора неожиданных встреч. Лики припоминались два курьезных случая, чуть не кончившиеся трагически. Один из них произошел с поваром, который в тот вечер мирно готовил ужин на кухне, где находился простой очаг, сложенный из каменных плит и огороженный низкорослым кустарником. Когда за ветками раздалось тихое рычание, повар подумал, что к нему повадилась гиена, терпеливо поджидавшая, когда ей подбросят остатки пищи. Спокойно заглянув поверх кустов, он неожиданно оказался лицом к лицу... с леопардом! Зверь и человек сначала окаменели от неожиданности, а затем, после секундного замешательства, ринулись в разные стороны, и трудно сказать, кто из них мчался быстрее. Ужин пришлось готовить заново и на скорую руку. В другой раз в лагерь забрели свирепые носороги. Они столь бесшумно передвигались между палаток, что лежавший на земле сотрудник Лики, увлеченный делом, заметил их только тогда, когда один из носорогов начал переступать через него. Неожиданный и отчаянный вопль человека до смерти напугал животных. Они обратились в беспорядочное бегство.

Все эти мало приятные происшествия, вызванные неожиданными визитерами, среди которых самыми коварными оставались, конечно, ядовитые змеи, заставили Лики задуматься о надежных охранительных мерах. Разумеется, речь не шла о том, чтобы отпугивать зверей выстрелами из ружей, а тем более убивать их. С 1958 года по предложению Лики район Олдовэя объявлен национальным

заповедником, где стрелять считалось кощунством. К тому же он вообще всю пищу для обитателей лагеря, в том числе бифштексы, доставлял из Найроби. Недаром при лагере каждый раз создавался небольшой вольер, где жили зверята-сиротки, потерявшие по каким-то причинам своих родителей. Самое рациональное в этих условиях — завести собак. Они чуяли приближение опасности задолго до того, как человек мог осознать ее. Фокстерьеры и доги Тут, Сэлли, Трикси и Дильматинз усердно охраняли лагерь, обращая в паническое бегство громадных носорогов, а на раскопе от их внимания не ускользал даже осторожный шорох коварной змеи. Это не означало, однако, что опасности более не подстерегали гостей каньона. Однажды голодный леопард напал из-за кустов на Тута, который сопровождал Мэри к месту раскопок. Лики бросился на крик и с трудом отбил атаку хищника... Даже за обедом в хижине нельзя было чувствовать себя спокойно. Лики припомнил случай, когда его гостя Мэта Стёлинга чуть не укусила в голову змея, свесившаяся со стропил крыши.

Но все это случилось потом, а тогда в далеком 1931 году не оставалось ничего другого, как учиться приспосабливаться к непривычным условиям. Три месяца продолжались работы экспедиции в Олдовэе, но они для Лики пролетели как один день — с таким самозабвенным увлечением занимался он охотой за ископаемыми костями и оббитыми первобытным человеком камнями. Находки поражали необычностью, обилием и разнообразием. Ганс Рек удивлялся, почему Лики везет на открытия больше других — кажется, для него не составляло труда найти новое местонахождение с костеносными линзами, в которых к тому же обязательно встречалось какое-нибудь экзотичное, неведомое ранее животное, а рубила и другие оббитые камни как магнитом тянутся к нему. Создавалось впечатление, что не он ищет их, а они его. Лики в ответ лишь посмеивался:

— Школа моих братьев кикуйю что-нибудь да значит!

Знаете, профессор, чему непрестанно поучал меня один старик, в прошлом знаменитый охотник? Он говорил: «В нашем деле главное — терпение и наблюдательность. Ты, белый человек, должен знать, что здесь, в Африке, твое существование зависит от того, как быстро ты будешь реагировать на постоянно меняющееся окружение. Будь внимателен, будь осторожен, не спеши. Повторяй попытки достичь чего-то снова и снова». Разве это не заповедь для охотника за ископаемыми? Я благодарен судьбе, что она въелась в мою плоть и кровь с детства благодаря жизни среди туземцев кикуйю. Можно, конечно, бегло посмотреть в одном месте разок-другой, разочароваться неудачей и мчаться дальше на поиски перспективных участков. Но мои друзья из племени кикуйю учили меня в таких случаях: «Если у тебя есть основание полагать, что то, что ты ищешь, должно быть в каком-то определенном месте, но ты не находишь это сразу, тебе не следует делать вывод, что здесь вовсе нет того, что ты искал. Ты скорее должен сделать вывод, что твое заключение ошибочно...»

Что означало для Лики искать в Олдовэе кости и камни? Это значило прежде всего шаг за шагом в течение многих часов терпеливо обследовать сантиметр за сантиметром крупные стометровые склоны каньона, до боли в глазах вглядываясь в многоцветную мозаику россыпей галек, комочков глины и обломков скальных пород. Там, где для другого россыпь разрушенного слоя сливалась в однообразную скучную картину маловыразительных деталей, для Лики раскрывался увлекательный рассказ, который он умел мастерски прочитать. Он умудрялся выхватывать «жемчужные зерна» среди сотен почти не отличимых друг от друга фрагментов твердой глины, песчаника и туфа. Но если бы знал кто, чего стоила каждая находка! Под раскаленным солнцем, которое нагревало воздух олдовэйской чаши до 110° по Фаренгейту, приходилось ползать на корточках вверх и вниз по обры-

вистым склонам. Ныли колени, изнемогали руки, заливало потом низко опущенные к земле глаза, бесконечно медленно подвигалось дело. Приходилось останавливаться над каждым мельчайшим обломком кости или гальки, тщательно сметая с них пыль мягкой кисточкой и осторожно освобождая их от окружающей породы тонким зубным инструментом. Иногда, правда, приходилось пускать в дело и легкую геологическую кирку, с которой он не расставался после участия в экспедиции В. Е. Калтера в 1924 году. Как бы то ни было, но Лики теперь, после 30 лет работы, казалось, что он провел большую часть своей жизни не на ногах, а на коленях. Но какой радостью вознаграждается терпеливая, тонкая и тщательная работа в чудесный миг долгожданного открытия! Сколько их случилось за более чем четверть века исследований Олдовэя?

В первый же сезон раскопок в каньоне Лики пришел к заключению, что Олдовэй представляет собой уникальное хранилище костей вымерших животных, равных которому, пожалуй, нет в мире. Сотни тысячелетий приходили они к берегам озера, чтобы утолить жажду, и погибали здесь. Кости их заносило илом, перекрывало десятками метров песка и глины, и так лежали они, окаменев, до тех пор, пока вода и ветер вновь не помогли освободиться от земного плена. Каких только необычных животных не приходилось находить в Олдовэе! Сколько удивления, например, вызвало в свое время открытие древнего кабана Afrochoerus: по росту он не отличался от крупного носорога, а клыки его оказались настолько впечатляюще огромными, что один из немецких палеонтологов принял их сначала за бивни слона. Сотни тысячелетий назад в степи Серенгети паслась овца, высота которой приближалась к двум метрам, а расстояние между кончиками рогов составляло фантастическую величину — 4—4,5 метра! Нигде теперь не увидишь столь причудливую и странную по виду жирафу — она хоть и гордилась высоким ростом, но шея ее короткая, а на голове красуются рога широкие,

как у американского лося. В Олдовэе удалось также обнаружить страшного павиана лимнопитека, который по величине превосходил самую крупную из горилл. А сколько потребовалось усилий, прежде чем посчастливилось разгадать тайну громадных и массивных обломков скорлупы? Казалось маловероятным, чтобы на свете могла существовать птица, откладывающая такие огромные яйца. И все же подобное существо, гигантский страус, некогда бродило по саванне в окрестностях озера. Чтобы представить удивление, которое вызвала расчистка бедра этой птицы, достаточно сказать, что вначале кость приняли за часть конечности жирафы. На что уж велика знаменитая нелетающая птица моа из Новой Зеландии (более трех с половиной метров), но и она представлялась карликом при сравнении с олдовэйским страусом. Вообще среди более чем сотни новых видов животных, обнаруженных при изучении потрясающего по обилию собрания костей Олдовэя, многие отличались непривычными размерами и необычным строением.

Древний мир животных, открытый при раскопках костеносных пакетов каньона, представлял особый интерес в связи с находками стойбища первобытного человека, который, как выяснилось, явно предпочитал селиться на берегу озера, излюбленного места водопоя архаических обитателей Серенгети. Поиски каменного века, начатые Лики в первый день прибытия в Олдовэй, не ограничились удачей, связанной с находкой рубила, с помощью которого он выиграл пари у скептически настроенного Ганса Река. За первым открытием последовали другие. Оббитые человеком камни залегали на различных уровнях от края обрыва ущелья, отмечая места, где располагались стоянки древних охотников. Глубина залегания примитивных инструментов, цвет и характер глинистого пласта, в который они включены, а также, не в последнюю очередь, кости животных, найденные вместе с ними, позволили Лики создать на удивление целостную и многогранную кар-

тину эволюции культуры каменного века на протяжении по крайней мере полумиллиона лет. Из них 400 тысячелетий в Олдовэе жили обезьянолюди, главным орудием которых оставались рубила. Внизу обособленно друг над другом располагались четыре последовательных горизонта шелльской культуры, когда впервые появляются рубила (слой II). Черепашьими темпами от прослойки к прослойке совершенствовались они, пока в пятом горизонте не появлялись более выразительные ручные топоры ашельской культуры. От пятого до девятого горизонта (слой III), залегающих на десятки метров выше шелля, происходило мучительно медленное развитие ашельского рубила.

Ну, не поразительно ли отсталая культура, если в громадный, на полмиллиона лет, промежуток времени первобытный предок, ее создатель, предпочитал использовать однажды изобретенный инструмент? Однако, как показал Лики, консерватизм этот мнимый. Удачно найденная форма орудия, оббитый с двух сторон и приостренный на конце камень — ручной топор, действительно пережила тысячи веков. Но, во-первых, материалы, полученные при раскопках стойбищ Олдовэя, показывали, что сама по себе форма отнюдь не остается от горизонта к горизонту неизменной, а варьирует, подчиняясь определенным закономерностям; во-вторых, с течением времени, медленно, но верно совершенствуется техника обработки камня, накладывая заметный отпечаток на облик орудия, которое становится площе, изящнее, тоньше, а следовательно, и эффективнее в работе; и наконец, в-третьих, рубилами не ограничивается набор инструментов древнего олдовэйца: в его арсенале имелись скребла, остроконечники, ножи, изготовленные из крупных пластин, проколки, скребки, отбойники, нуклеусы, с которых скалывались заготовки более мелких инструментов. Изучение их тоже подтверждает мысль о неуклонном совершенствовании культуры каменного века Восточной Африки с течением сотен ты-

сячелетий. Олдовэй, таким образом, представлял собой своеобразную музейную экспозицию, изучение которой в концентрированно четкой форме раскрывало историю человека и окружающего его животного мира за полмиллиона лет.

За полмиллиона? А может быть, за целый миллион? Вопрос поставлен резонно, поскольку при раскопках в Олдовэе в 1931—1932 годах Лики посчастливилось найти культурные горизонты (I слой), залегающие на почти стометровой глубине, на 16,5 метра ниже слоя с самыми ранними шелльскими рубилами и с костями животных более примитивных, чем те, на которых много времени спустя охотились обезьянолюди, питавшие пристрастие к ручным топорам. Это была необыкновенно архаическая культура настоящего недостающего звена, по сравнению с которой шелль и ашель, самые ранние из стадий древнекаменного века, представленные в Олдовэе, как, впрочем, и в Европе, серией последовательных стадий, казались высокосовершенными, несмотря на их примитивизм и почти монотонное однообразие.

Действительно, этот древнейший из известных ранее этапов культуры палеолита типа дошелль, названный Лики олдовэйским, характеризовался наличием, по существу, одного-единственного по типу инструмента, если не считать грубых сколов с легкой подправкой, которые могли использоваться как ножи — небрежно затесанной на одном конце галькой. Какое-то очень раннее человекообразное существо, очевидно почти обезьяна по статусу физическому и интеллектуальному, явно делало первые шаги в изготовлении орудий труда. Оно затрачивало минимум усилий при их оформлении: подходящая по форме округлая или продолговатая галька кварцевой или кварцитовой породы затесывалась на конце с одной или, значительно реже, двух сторон. В результате получались своеобразные сечковидные рубящие инструменты, которые археологи назвали чопперами или чоппингами (в зависимости

от того, с одной или двух сторон приострялся рабочий край орудия; chopper — значит сечка). Остальные грани и плоскости гальки оставались необработанными и сохраняли гладкую поверхность, в отличие от рубил, при изготовлении которых мастер старался оббить обе широкие стороны исходного желвака камня, заострив при этом рабочий конец и боковые стороны инструмента и оформив для удобного расположения орудия в руке его рукоятку, или, как археологи говорят, «пятку». Чоппер, от которого веяло подлинной первобытностью младенческого этапа истории предков человека, еще более комплекснее и многостороннее по назначению изделие, чем рубило. При изготовлении его скалывались отщепы — следовательно, галька представляла собой не только исходную, подготовленную самой природой заготовку будущего орудия, но также нуклеус, то есть ядрища для получения сколов, которые могли затем пойти в дело как примитивные режущие инструменты. Чоппер и чоппинг служили орудиями нападения и защиты, с помощью их копали землю, рубили дерево, дробили кости, сдирали кожу с убитого животного и разделывали его тушу, скребли, резали, пилили, сверлили, кололи...

Лики не ограничился теоретическими домыслами и общими рассуждениями, анализируя особенности олдовэйской культуры. Никогда не принимая ничего на веру и стараясь проверить выводы экспериментально, он стал учиться изготовлять чопперы и чоппинги, чтобы уяснить, как их оформляли, а затем использовали в деле. Со временем Лики довел до совершенства свое мастерство, и ему требовалось всего четыре минуты, чтобы изготовить рубило или чоппер. Делая их на глазах изумленных африканцев-пастухов, Лики старался развеять их скептицизм в отношении извлекаемых из земли инструментов, которые, как искренне считали его суеверные друзья, он превращал из камней с помощью колдовства. Обкалывать гальки, кстати, было не лишне и в присутствии его по-

мощников по раскопкам, поскольку в их глазах Луис тоже порой замечал огонек недоверия к своему странному мастерству.

Но одно дело изготовить инструменты олдовэйского типа, а другое доказать, что их действительно можно использовать в деле. Лики решил довести до конца эксперимент: когда однажды накануне рождества в лагерь привезли барана, предназначенного для праздничного пиршества, он позвал девятнадцать старейшин из кочевавших в окрестностях Нгоронгоро племен масаи, собрал своих сотрудников-африканцев, пригласил для беспристрастного документирования «протокола» события фотографа из американского научно-популярного журнала «National Geographic» Боба Сиссона и начал священнодействовать. Сначала на глазах пораженных вождей масаи и рабочих Лики несколькими ловкими ударами приострил гальку, превратив ее в сечковидный инструмент, а затем принялся за барана, попросив засечь время начала работы. Ему понадобилось всего 20 минут, чтобы с помощью обычного каменного орудия олдовэйской культуры снять с животного шкуру, выпотрошить его и, следуя строгим правилам мясников, столичных гастрономов Найроби, расчленить на части дымящуюся тушу. После проделанных манипуляций никто из присутствующих не сомневался, что расколоть чоппером кости, чтобы извлечь мозг, для Лики не составит труда.

Нужно было видеть изумление и замешательство, светившиеся в глазах фотографа Боба Сиссона, чтобы оценить по-настоящему эффект, который произвел на зрителей актер, блестяще сыгравший самого раннего из олдовэйцев древнекаменного века. В свою очередь Лики пожалел, что у него не оказалось под рукой фотоаппарата, чтобы зафиксировать «для протокола» отчаянное удивление никогда ничего подобного не видевшего Сиссона. Хотелось бы, впрочем, посмотреть, какое выражение приняло лицо фотографа, если бы он видел, как Лики умеет незамет-

но подкрасться к антилопе Томпсона и убить ее олдовэйским чоппером!

Что касается старейшин масаи, то они никогда не сомневались во всемогуществе Лики. Разве не он вылечивал их, когда кого-нибудь из соплеменников кусала змея или неудачно оканчивалась охота на львов? Этот белый господин умел заживлять самые страшные раны на теле любителя охоты на царя зверей. В палаточном лагере можно всегда бесплатно получить чудодейственные лекарства от малярии и разных кожных болезней. А как ловко удалось «сыну воробьиного ястреба» узнать, где под землей находятся запасы воды! Там потом в двух местах он выкопал водоемы, и теперь скот племени не испытывает жажды. Лики, однако, пригласил старейшин в лагерь не для того, чтобы полюбоваться впечатлениями, которые окажут на них его эксперименты. Просто он не упускал случая провести, как некогда тетушка Нэлли, просветительную работу. Объяснив, что такими, как в его руке, чопперами пользовались в работе далекие предки людей, Лики стал толковать вождям об уникальности Олдовэйского ущелья как памятника старины, в земле которого сотни тысяч лет сохраняются остатки разных культур. Он просил старейшин не прогонять по склонам каньона стада животных, так как они могут растоптать копытами череп предка. Ответную речь держал один из старейшин. Отметив, что они многим обязаны ему и поблагодарив за добро, он заверил его, что мальчишкам-пастухам будет отдан строгий наказ. Если же они ослушаются, то их поколотят палками...

Боб Сиссон не переставал удивляться: Лики говорил с вождями не на английском, а на языке суахили!

Несмотря на радость редкой удачи, связанной с открытиями в Олдовэе необычайно полного, почти без досадных пробелов ряда последовательных ступеней эволюции

шелльской и ашельской культур, а также счастливой находки в первом слое каньона дошелля — олдовэйской культуры, запрятанной почти под стометровой толщей глины, Лики тем не менее не чувствовал полного удовлетворения ни в первый, ни в последующие сезоны раскопок на окраине степного плато Серенгети. Не хватало некоего заключительного, главного, по-бетховенски всесокрушающего аккорда, чтобы симфония торжества человеческого упорства, труда и мысли в разгадке святая святых проблемы появления на Земле людей засверкала подлинным совершенством и значительностью.

Призыв к старейшинам масаи не допустить уничтожения черепа предка — своего рода привентивная мера, ибо, несмотря на все старания и усердие, в руки Луиса Лики за 28 лет раскопок в Олдовэе попало всего две коронки человеческих зубов (без корней). Их удалось найти в 1955 году на стоянке ВКП при раскопках самого древнего из шелльских горизонтов — культуры шелль I, для которой оказалось характерным продолжение использования наряду с немногочисленными примитивными рубилами массы галечных чопперов. Зубы — левый нижний второй коренной и левый клык — принадлежали ребенку 3—5 лет. Они отличались огромными размерами и по строению, но не по величине, соответствовали скорее зубам синантропа и гейдельбергского человека, чем австралопитековым. Гоминидное существо, которое около полумиллиона лет назад впервые начало изготовлять рубила, обладало зубами большей величины, чем у парантропа крупнозубого! Лики, изучив зубы, написал в журнале «Nature»: «Мы, возможно, имеем дело с очень огромным истинным гоминидом, который не принадлежит к австралопитековым по типу. Зубы действительно подтверждают, что мы имеем дело с человеком!». Далее он высказал предположение, что именно такого типа человек, современник австралопитеков, изготовлял орудия, найденные Робинзоном и Масоном в брекчии Стрекфонтейна. Они назвали

его телантропом. Что ж, может быть, в Олдовэе и найдены его первые костные остатки?

Конечно, найти первым в мире косточки шелльца, несмотря на их крайнюю фрагментарность, вещь приятная, но где, наконец, черепа тех, кто первым из людей осваивал берега озера в Олдовэе за миллион лет до начала эпохи цивилизации, кто учился выделывать из непослушного камня первые чопперы и рубила, кто осваивал трудные и сложные для слабовооруженного существа приемы охоты на быстроногих и чутких обитателей африканских саванн и джунглей? Если облик ашельца можно представить по материалам питекантропа и синантропа, то как выглядел шеллец, а тем более человекообразное существо дошелльской или олдовэйской культуры, оставалось неясным. Между австралопитеками Дарта и Брума и древнейшими из пока открытых на Земле гоминидами синантропом и питекантропом по-прежнему располагалось загадочное недостающее звено.

Лики верил, что из всех выявленных археологами пунктов с остатками самых ранних из известных становищ первобытного человека Олдовэй наиболее перспективное место. Однако шли годы, один полевой сезон сменялся другим, но надежды так и оставались надеждами. Олдовэй, как скупой рыцарь, за семью печатями запрятал от любопытных свои главные сокровища, не имевшие цены. Будь на месте Лики другой археолог, не прошедший суровую школу воспитания терпения и упорства, умения бесстрастно ожидать неминуемого у по-первобытному мудрых кикуйю, он давно бы забросил Олдовэй или оставил его другим, кто возжелал испытать судьбу и счастье. Но «сын воробьиного ястреба» верил в свою звезду!

Вот и наступил очередной, 1959 год. Уже 28 лет ведутся раскопки в Олдовэе, а Лики до сих пор продолжает надеяться и ждать открытия черепа недостающего звена, или древнейшего человека, как другие, наверное, ждут чуда. Впрочем, ему ли жаловаться на судьбу? Прошедшие

десятилетия не раз баловали его сенсациями. Недаром у археологов вошло в поговорку выражение — «удача Лики». Если говорить действительно о первой после открытия Олдовэя удаче, то стоит, пожалуй, прежде всего вспомнить счастливую и, как много в его жизни, случайную встречу в 1933 году со студенткой Лондонского университета Мэри Николь, которая, как она потом рассказывала, с большой неохотой отправилась на званый обед, где предстояло выступить некоему молодому археологу из Танганьики. Мэри опасалась скучной лекции, но, к ее удивлению, ошиблась в предположении: энергичный молодой человек представился как Луис Лики, а рассказывал он не о чем-нибудь, а об Олдовэе. Разве мог Луис говорить о каньоне скучно, без воодушевления? Неудивительно, что гость из Африки покорил Мэри Николь, и она немедля попросила его взять ее в экспедицию, чтобы самой побывать в том удивительном месте, которое называется Олдовэй.

Любовь к археологии у Мэри давняя, можно сказать потомственная. Луис с удивлением узнал, что тот самый знаменитый Джон Фрери, который в XVIII веке первым в Англии обнаружил в Соффолке рубило и обратил на него внимание как на изделие рук первобытного человека,— прапрадедушка Мэри. Ее отец художник Эрскин Николь много путешествовал с дочерью по юго-западной части Франции, которую любил из-за зелени ее лугов и удивительного неба. Там же родители осматривали пещеры, к чему со временем пристрастилась и Мэри. Пока отец рисовал, она лазала по камерам гротов и в одну из таких прогулок в местечке Кабререте ей посчастливилось встретиться с аббатом Лемози. Он известен тем, что открыл в пещере изображения животных, нарисованных охрой человеком древнекаменного века. Аббат пригласил девушку, которая отлично рисовала, заняться вместе с ним изучением наскальной живописи, а затем дал первые уроки правил проведения раскопок. Мэри увлеклась археоло-

гией и ни о каком другом роде деятельности с тех пор более не помышляла. Неудивительно поэтому, что в Лондонском университете она специализировалась по предыстории и геологии, а в каникулы обычно выезжала с сокурсниками на раскопки древних стоянок Англии. Ей довелось, в частности, копать широко известный специалистам древнекаменного века Клектон.

Но разве можно сравнить по впечатлениям все, с чем она до сих пор соприкасалась в археологии, с Олдовэем?! Когда Николь вернулась из Танганьики и ее спросили, не жалеет ли она, что поехала в Африку, то Мэри засмеялась и сказала: «Едва ли. У меня лишь одно огорчение, что я не оказалась там раньше!» Стоит ли говорить, что на следующий год она снова отправилась в Танганьику. Эта поездка окончательно решила ее судьбу: Мэри Николь вскоре стала Мэри Лики.

Луис давно уверовал в легкую на необычные открытия руку своей супруги. Недаром друзья, посмеиваясь, называют Мэри «Счастьем Лики». В том, что за прошедшие годы судьба не обходила его удачами, эффектными и шумными, действительно немалая заслуга Мэри Лики. Чего стоит, например, эпизод, разыгравшийся семнадцать лет назад, в 1942 году на знаменитой теперь стоянке Олоргазейли, открытой в ущелье того же названия при одной из разведочных поездок всего в 40 милях от Найроби. Луис первым наткнулся на площадку, засыпанную сотнями рубил. Пораженный увиденной картиной, он позвал Мэри посмотреть находки. К досаде его, она не только не поспешила к нему, но вскоре стала настойчиво звать к себе. С большой неохотой пошел Луис к месту, где замешкалась Мэри, и онемел от неожиданности: без какого-либо преувеличения тысячи рубил устилали разрушенный землетрясением участок древней террасы, не превышающий в размере каких-нибудь 50 квадратных ярдов. Никогда ничего подобного многоопытный Лики не видывал в жизни. Раскопки раскрыли здесь двадцать культурных горизон-

тов, залегающих друг над другом, и в каждом из них в изобилии встречались рубила. Теперь на этом месте, как и в Кариандуси, построен трехкомнатный полевой музей Королевского национального парка Кении, где в любое время можно со специальной платформы полюбоваться завалами обработанного обезьянолюдьми камня.

Вторая история еще более увлекательная. Она связана с открытием черепа проконсула — загадочного существа, которому антропологи придают особое значение в поисках самых глубинных, отстоящих на десятки миллионов лет от современности, корней родословной обезьян и человека. Первую челюсть проконсула нашли в Западной Кении в районе ущелья Кавирондо в Кору, где еще в 1926 году доктор Гордон обнаружил на своей ферме нижнемиоценовые ископаемые и послал их в Лондон. Британский музей в 1931 году командировал в Танганьику Артура Т. Хэпвуда, который присоединился к экспедиции Лики и вместе с ним начал раскопки в Кору. Через четыре недели поисков Хэпвуд нашел отдельные зубы, а также части нижней и верхней челюстей проконсула и напечатал сообщение о них в 1933 году. В 1942 году Лики обнаружил еще две челюсти проконсула, бесспорно несходные с челюстями шимпанзе. Антропологи после изучения всего материала выделили три вида проконсулов, отличающихся размерами: один из них — меньше шимпанзе, другой — такой же, как шимпанзе, а третий достигал величины гориллы. С этих пор миоценовые толщи всегда влекли к себе Лики в связи с перспективой возможного открытия новых остатков загадочного антропоида, предка обезьян и человека.

Еще в начале 30-х годов во время путешествия на пароходе внимание Лики привлек остров Рузинга, расположенный напротив ущелья Кавирондо в 32 километрах от берега озера Виктория. На нем широко распространены вулканические отложения, возраст которых датировался миоценом — 25 000 000—40 000 000 лет. Дикие живопис-

ные берега Рузинги, где в вулканических пеплах могли залегать кости, неизменно манили к себе Лики, и он, начиная с 1932 года, неоднократно посещал его, чтобы провести разведки и раскопки. Однажды эта страсть чуть не стоила ему жизни. В тихую и ясную погоду отплыла из залива Тома каноэ с десятью гребцами, нанятыми для переправы. Ничто, кажется, не предвещало несчастья, но в 10 километрах от Рузинги внезапно налетел шторм, и лодка начала медленно наполняться водой. Попытки вычерпать ее чашками и даже шляпой Лики ни к чему не привели. Вода продолжала прибывать. Перепуганные гребцы начали готовиться к смерти, передавая друг другу последние пожелания родственникам, да и Лики потерял надежду спастись — воды озера Виктории кишмя кишат крокодилами. Путешественников спасло лишь то, что ветер стих так же стремительно, как и начался. Но Лики с тех пор никогда более не нанимал каноэ для переправы к Рузинге. Теперь, правда, в этом нет нужды — собственный корабль, названный «Миоценовая леди», быстро доставляет семейство Лики от бухты Кисуму до любого из островов Виктории.

Рузинга стоил риска. Миоценовые вулканические пласты хранили десятки тысяч костей всевозможных животных, среди которых особый интерес представляли многочисленные по родам и видам низшие обезьяны — мартышковые и лемуры, достигавшие иногда размеров гориллы. Обилие новых видов и родов обезьян в миоцене Восточной Африки сам по себе факт замечательный, означавший особо бурное развитие приматов именно в это время. Из земли Рузинги извлекались кроме того окаменевшие жуки, гусеницы, мухи, муравьи, черви, птицы, ящерицы и даже слизняки. На удивление хорошо сохранились также растительные остатки: ягоды, орехи, всевозможные фрукты с уцелевшими внутри их зернами, а также окаменевшие бутоны цветов. Но наибольшее внимание вызвали открытия в 1942 и 1946 годах двух челюстей проконсула. Для чет-

кого определения статуса этой обезьяны и раскрытия ее возможной роли в отделении человеческой эволюционной ветви от антропоидной недоставало черепа. Но найти его было нелегко, да и надежда, что он мог сохраниться достаточно хорошо, оставалась небольшой. Дело в том, что множество костей животных Рузинги испортили миоценовые крокодилы гненодоны, которые грызли и дробили их. И вот 21 октября 1948 года Луис и Мэри в очередной раз посетили остров, чтобы заняться раскопками на стоянке, условно названной Р. 106. Лики питал к ней трудно объяснимое пристрастие, может быть, вызванное тем, что однажды ему удалось в 45 метрах от нее найти особенно интересного ископаемого крокодила. Мэри — поистине достойная ученица «сына воробьиного ястреба» — семь раз проходила по склонам воронкообразного обрыва с одиноко растущим деревом на вершине. Какая-то таинственная сила, а попросту говоря, интуиция прирожденного разведчика, как магнитом, тянула ее к обычному и, кажется, мало чем примечательному склону. Кажется, здесь просмотрена каждая пядь поверхности, и найти что-либо просто невозможно. Мэри, тем не менее, пошла в восьмой раз, перевернула несколько камней, и ее настойчивость вознаградилась уникальной находкой — сначала она заметила крохотный зуб, а затем при расчистке в следующие дни там появилась часть сравнительно хорошо сохранившегося черепа проконсула с нижней и верхней челюстью! У черепа отсутствовали лишь затылочные кости. С тех-то пор корабль Лики на озере Виктория и стал называться «Миоценовая леди» в честь женской особи проконсула, найденной Мэри.

Ценность такой находки для палеоантропологии трудно переоценить. Луис Лики принял решение немедленно направить Мэри самолетом в Лондон с тем, чтобы ознакомить специалистов с леди, достигшей возраста 25 000 000 лет. Особый интерес представляло заключение одного из ведущих английских специалистов по приматам профессора

Оксфордского университета Вилфрида Ле Грос Кларка. Застрахованный на 5000 фунтов стерлингов череп проконсула уложили в коробку, и Лики лично предупредил членов экипажа самолета, совершающего рейс на Лондон, какую драгоценность выпала им честь доставить в Англию.

Мэри потом со смехом рассказывала, что летчики во время всего перелета действительно оставались предельно предупредительными, но, кажется, они больше заботились о содержимом коробки, чем о даме, везущей ее.

Лондон между тем подготовился к торжественной встрече «миоценовой леди». Большая толпа репортеров, фотографов и операторов кинохроники сломя голову бросилась к трапу самолета, едва Мэри показалась в проеме двери. Она спустилась по ступенькам и хотела направиться к зданию аэровокзала, но не тут-то было: кинооператоры и фотографы преградили ей дорогу и попросили повторить выход из самолета. Они, оказывается, для уверенности и спокойствия желали снять дубль знаменательного события. Затем последовало еще несколько дублей, пока Мэри окончательно не надоело играть роль новоявленной кинозвезды. После этого за дело принялись репортеры. В специально отведенной для пресс-конференции комнате аэровокзала десятки ошарашенных и беспокойных людей, перебивая и стараясь перекричать друг друга, стали задавать всевозможные вопросы, связанные с обстоятельствами открытия черепа проконсула и значением находки для решения проблемы родословной человека. Мэри спокойно и обстоятельно отвечала, а на столе бесстрастно лежал небольшой череп «миоценовой леди», виновницы необыкновенного переполоха, который можно сравнить разве что с сенсационным визитом в столицу Альбиона главы государства некоей державы. Два детектива в штатском, оправдывая подобное сравнение, стояли за спиной Мэри и не спускали глаз с окаменевшего черепа проконсула.

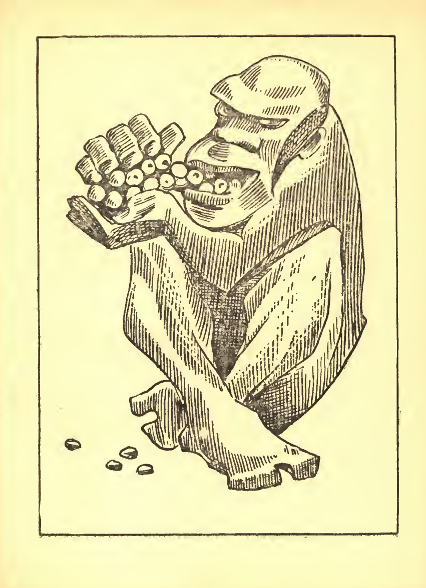
Мэри Лики смогла вздохнуть свободно, лишь оказавшись в Оксфорде в кабинете Ле Грос Кларка. На этот раз она задавала вопросы, а профессор осматривал находку и отвечал. Знаменитый антрополог был потрясен увиденным — Лики несомненно прав: на острове Рузинга посчастливилось обнаружить останки удивительного существа, в строении черепа которого угадывалось нечто от антропоида и человека. Округлый лоб, лишенный характерных для высших обезьян валиков, напоминал человеческий. С человеком проконсула сближали также отсутствие в нижней челюсти так называемой обезьяньей полки, узкая и копытовидная, а не широкая и с параллельными, как у обезьян, форма зубной арки нижней челюсти, ее меньшая прогнатность, округлые и небольшие участки кости, где соединялись нижняя и верхняя челюсть, плоская, а не скошенная, как у обезьян, изношенность зубов, более прямой и близкий к вертикальному, чем у современных обезьян, подбородок, что свидетельствовало о меньшем выступании вперед лицевых костей, некоторое, несмотря на массивность, уменьшение в размерах клыков и предкоренных зубов. Клыки к тому же не так далеко отклонялись от зубного ряда, как у антропоидов. Особое внимание Кларка привлекли резцы: нижние характеризовались примечательно малыми размерами, а верхние оказались настолько удивительно сходными с резцами человека и соответственно отличными от антропоидных, что, найди их антрополог отдельно от черепа или челюсти, он затруднился бы сказать — выпали они из челюсти человека или проконсула. Однако все же клыки у проконсула характеризовались приостренностью, значительными размерами, и для кончиков их между нижними зубами просматривались свободные до 4 мм участки — диастемы. Коренные несли на коронке костяные полоски эмали — цингулюм, а жевательная поверхность отличалась сложностью строения, в частности необычно многочисленными выступами. Носовые косточки у проконсула длинные,

узкие и параллельные, как у низших мартышковых обезьян.

Проконсул в целом бесспорно представлял собой древнейшую обезьяну, но, судя по отдельным характерным чертам строения черепа, это была не специализированная, то есть по существу зашедшая в тупик форма антропоида или низшей обезьяны, а такая их разновидность, которая допускала в ходе последующей эволюции выход как к стволу человека, так и к ветви высших антропоидных обезьян. В этом смысле проконсул мог представлять своего рода начальное звено на длинном в десятки миллионов лет пути становления человека. Во всяком случае, акции особой роли Африки как первичного центра в истории приматов выглядели теперь, как никогда, высокими. По-видимому, отсюда мигрировал антропоидный предок как на север в Европу, так и на восток в Индию и на территорию Центральной Азии.

Учитывая все это, неудивительно, что череп проконсула, как некогда эоантроп, занял после препарации одно из самых почетных и тщательно охраняемых мест в сейфах Британского музея.

Последующие находки остатков скелета проконсула подтвердили предварительные выводы Ле Грос Кларка. Лики во время одной из очередных раскопок на острове Рузинга удалось обнаружить три косточки конечностей самой ранней из антропоидных обезьян. Особенности строения их, пропорции и структура оказались весьма любопытными. Кларк пришел, в частности, к заключению, что нога человека скорее происходит от нижней конечности типа проконсула, чем от конечностей современной высшей антропоидной обезьяны. При сравнении найденных костей с соответствующими частями конечностей шимпанзе выяснилась большая близость первых человеческим. Проконсул, по мнению Кларка, вероятнее всего передвигался на четырех конечностях по земле, а не проводил всю жизнь на деревьях. Если это так, то с исходной точки ос-



воения прямохождения у обезьяны началось постепенное освобождение от локомоции передних конечностей и прогрессирующее увеличение объема мозга, призванного координировать сложные движения выпрямляющегося тела. Вот он первоначальный эволюционный толчок, последствия которого оказались столь грандиозными!

Изучение костей животных, найденных вместе с проконсулом, показало, что в миоцене на востоке Африки тропические леса перемежались открытыми участками степи, где как раз и могли развиться наземные обезьяны. Когда леса исчезли, далекие потомки проконсула не испытывали необходимости мигрировать в тропики. Нижние конечности у них стали длинными, передние освободились для труда, а всеядность, использование в пищу не только растительных остатков, но и мяса, привела к изменениям в зубах и челюсти. Когда и как конкретно произошло знаменательное событие, сказать невозможно. Процесс становления человека сложен, и Лики вслед за Дарвином любил повторять: «Мы никогда не сможем указать на точно определенное время и существо, а затем произнести — «Здесь начало человека!». Однако каждое новое открытие проливало дополнительный свет на покров, окутывающий тайну происхождения людей. Находка проконсула одно из них. Где-то там в миоцене около 25 000 000 лет назад от ствола проконсула или другого существа, родственного ему, отделилась не только антропоидная, но и человеческая ветвь, родоначальница современного Homo.

Вот что стояло за находкой Мэри на острове Рузинга! Кто теперь после открытия того, что может быть признано за начальное звено, усомнится, что она, действительно, «Счастье Лики»?

По-видимому, Луис, забывшись и успокоившись в воспоминаниях, задремал, поскольку не слышал, откуда и как появился около лагеря автомобиль. Он вздрогнул и проснулся, осознав, что к палаткам на всех скоростях мчится «Лэнд-Ровер». Он вскочил с постели — не случи-

лось ли несчастья с Мэри? Неужели собаки просмотрели скорпиона или змею? Сотни этих тварей вечно ползают у раскопа, так и норовя провести бдительных сторожей!

Джип резко затормозил, мотор заглох, и сразу же послышался громкий, срывающийся на высоких нотах голос Мэри:

— Вот он у меня! Вот он у меня! Вот он у меня!

Голова у Луиса продолжала нестерпимо ныть, и он, одурманенный болью, никак не мог понять, что происходит.

— Что у тебя? Тебя кто-нибудь укусил? — тревожно спросил Лики, выглянув из палатки.

— Он! Человек! Наш человек,— продолжала кричать Мэри.— Тот, которого мы так долго искали. Иди скорей сюда. Я нашла его зубы!

Боль в голове исчезла как по мановению волшебной палочки. Лики бросился к рабочему комбинезону, стремительно натянул его и помчался к джипу, около которого его нетерпеливо дожидалась Мэри. Едва Лики успел захлопнуть дверцу джипа, она лихо развернула автомобиль и на максимально возможной скорости бросила его вперед.

— Я решила сегодня заняться местонахождением HLKI — тем участком склона, где ты в 1931 году нашел первые орудия олдовайской культуры,— рассказывала Мэри, отчаянно вращая баранку.— И вот представь себе мое состояние, когда я, передвигаясь на корточках по окаменевшему участку слоя, внезапно заметила кусочек кости. Он так мирно покоился на склоне! Мне сразу показалось, что я вижу обломок черепа человека, а не животного. Скользнув взглядом чуть выше, откуда кость могла сползти или вывалиться из глины, я увидела нечто замечательное, что сразу же развеяло возможность каких-либо сомнений: из слегка разрушенной скальной породы торчали два огромных, расположенных рядом друг с другом зуба. По всем признакам, насколько я успела их рассмотреть, они человеческие. Может быть, лишь чересчур большие...

— А ты заметила место находки? — вдруг испуганно спросил Лики, представив, что будет, если вдруг Мэри не найдет участок, где покоились зубы.

— Не волнуйся, как ни терпелось мне скорее поделиться с тобой новостью, я сначала соорудила там целую пирамиду из камней, а только потом отправилась в лагерь. Приехали, дальше машина не пройдет, дорога малоподходящая. Но здесь недалеко, всего с полкилометра.

Мэри и Луис вышли из джипа и, лавируя между глыбами глины, бросились к склону ущелья. Лики подобрался к каменному гурию и взглянул на окаменевшие косточки. Они лежали в первом олдовэйском слое между пластом глины, отложенным во влажный период, и толщей песка, который перекрыл горизонт находки после наступления в Африке очередной засушливой эпохи. Что ж раздумывать? — Мэри права! Эти два зуба, огромные, превышающие человеческие предкоренные в два раза, могли принадлежать только Homo. Луис поднялся с земли, повернулся к Мэри, и они, охваченные, как потом написал Лики, «несусветными эмоциями, какие в общем-то редко удается испытать в жизни», закричали от невероятной радости. Вот она цель, к которой пришлось идти 28 лет тяжелого и самоотверженного труда, через бесчисленные невзгоды и разочарования! Награда поистине достойна упорства и терпения Вакараучи и его супруги — зубы залегали в горизонте, из которого происходили самые древние и примитивные из открытых на земле орудий человека: галечные чопперы и чоппинги олдовэйской культуры. Здесь на площадке, заваленной теперь стометровой толщей глин, песков, песчаников и туфов, на глубине 22 футов от самой верхней границы горизонта с олдовэйскими орудиями в эпоху влажного тропического климата занялась заря человеческой истории. Никогда и никому в мире не удавалось до 17 июля 1959 года обнаружить костные остатки существа, стоявшего в преддверии первой ступеньки лестницы бесконечно длинного пути к верши-

нам цивилизации. Эмоции и язык людей слишком бедны, чтобы отразить меру торжества разума и сил, одержавших очередную, может быть одну из решающих, победу в познании процесса становления на Земле рода Homo.

Но кто же он, этот самый древний человек, подлинное недостающее звено, едва только приступившее к изготовлению орудий труда? Как ни терпелось Лики немедленно заняться извлечением из слоя частей черепа, он и Мэри сдержались. Следовало прежде всего, учитывая исключительную ценность находки, зафиксировать точное расположение костей в слое, как их увидела Мэри в момент открытия. Лики связался с Найроби и попросил своего друга кинооператора Арманда Дениса, постановщика ряда фильмов об Олдовэе, по возможности быстрее прислать профессионального фотографа. В тот же день фотограф Бартлстет выехал в Олдовэй.

На следующий день после фотографирования начались раскопки участка, где залегали обломки черепа. Там, где виднелись гладкие и блестящие, гигантские по размерам и массивности зубы, работа велась тонкими стальными инструментами, которыми пользуется врач зубоврачебного кабинета. Миллиметр за миллиметром крупицы породы, отделенные от зубов и вскоре показавшихся участков расколотого пополам нёба верхней челюсти, сметались нежными кисточками, сделанными из верблюжьей шерсти. Девятнадцать дней, до 6 августа, продолжалась ювелирная расчистка остатков черепа, раздавленного неимоверной тяжестью слоя глины на 400 фрагментов. Все они, тем не менее, располагались в пределах ограниченного пространства $^{1}/_{4}$ фута и 6 дюймов глубины. Многие обломки лежали соединенными вместе с того времени, как их раздавила земля. На удивление хорошо сохранились даже тонкие и предельно хрупкие носовые косточки, которые обычно теряются в слое. Это обстоятельство позволило Лики высказать убеждение, что череп не представляет собой отбросы трапезы каннибала. Во всяком случае, ко-

сти животных, обнаруженные по соседству, имели иной вид: их разломали на мелкие кусочки и беспорядочно рассеяли по жилой площадке. А найденная вскоре плечевая кость зинджантропа не имела каких-либо нарушений. Чтобы не потерять ни одного самого миниатюрного из обломков черепа, тонны земли из осыпи и окружающих участков слоя просеивались сквозь мелкие сита. Несмотря на все усилия, найти нижнюю челюсть так и не удалось.

Пока велись раскопки, Лики ломал голову над тем, как назвать нового представителя рода человеческого. Наконец, после нескольких отвергнутых вариантов, древнейшего из олдовэйцев торжественно нарекли поначалу трудным для произношения именем зинджантроп бойса (Zindjanthropus boisey)[1]. Зиндж — древнее арабское название Восточной Африки, поэтому зинджантроп означает не что иное, как «человек Восточной Африки». Мэри и Луис стали называть его для краткости просто зиндж, а иногда ласково «dear boy»[2] или «щелкунчик» — за громадные зубы, будто специально приспособленные для того, чтобы щелкать крупные орехи. Недаром же, в самом деле, рядом с черепом оказались обломки твердой ореховой скорлупы! «Мальчику», судя по изношенности зубов, едва ли перевалило за восемнадцать лет. Третьи коренные у него только что прорезались и не успели сноситься хотя бы в малой степени, а черепной шов еще не совсем сросся, особенность, которая наблюдается у человека до 18 лет.

Несмотря на то, что череп зинджантропа оказался разломанным на такое большое количество кусков,— обстоятельство, сделавшее реставрацию его делом чрезвычайно сложным, необыкновенно трудным и длительным,—

---

[1] Чарлз Бойси — английский бизнесмен, финансировавший раскопки в Олдовэе с 1948 года и твердо веривший в успех предприятия Луиса Лики. Деньги выделял также фонд Веннер-Грин и Вильки Траст.

[2] «Дорогой мальчик».

беглые полевые наблюдения убедили Лики в том, что олдовэец обладает многими особенностями, сближающими его с подсемейством австралопитековых. Лики посетил недавно Иоганнесбург и Преторию, тщательно осмотрел материалы, накопленные Дартом и Брумом, и теперь ему казалось, что зиндж в определенном отношении напоминает парантропа из Сварткранса. У него такой же сагиттальный гребень, столь же значительна редукция клыков и резцов при огромных коренных и предкоренных, сравнительно прямая линия передних зубов, расположенных перед нёбом, одинаковая форма зубной дуги челюсти, плоский лоб. Интересно, что четвертый коренной у зинджантропа, как и у парантропа, больше третьего, особенность, не отмеченная у австралопитека Дарта. Однако в других чертах «щелкунчик» больше сближался с последним. Это касалось высоты черепного свода, глубины нёба и уменьшения в размере третьего коренного зуба по сравнению со вторым, что не замечалось у парантропа. От него зинджантроп резко отличался, кроме того, чертами строения лицевого скелета. В целом же зинджантроп, тем не менее, характеризовался достаточно яркими и своеобразными особенностями, чтобы отличать его как от австралопитека, так и парантропа. Он, вероятно, занимал особое место в подсемействе австралопитековых и, поскольку различия его при сравнении как с австралопитеком, так и с парантропом представлялись гораздо большими, чем оба они отличались друг от друга, Лики пришел к заключению о необходимости выделения нового отчетливого рода австралопитековых. По двадцати пунктам зинджантроп разнился от австралопитека и парантропа согласно предварительному диагнозу!

Все эти соображения Луис Лики изложил в краткой заметке «Новый ископаемый череп из Олдовэя» и сразу после окончания раскопок направил ее в Лондон в редакцию журнала «Nature». Через девять дней, 15 августа 1959 года, в 184-м томе статья увидела свет, оповестив

человечество об открытии нового претендента на звание недостающего звена. Как изменились с 20-х годов времена, если респектабельная «Nature», не медля ни дня и не раздумывая, опубликовала сенсационный материал! «Illustrated London News» тоже не замедлила заказать статью Лики и напечатала ее, сопроводив портретом зинджантропа, нарисованным при консультации с первооткрывателем художником Нивом Паркером. Со страниц газеты, пугая детей, смотрел почти начисто лишенный лба бородатый субъект с длинным лицом и грустными человеческими глазами. Нечто подобное сотворил также скульптор Бианчи, воссоздав бюст зинджантропа.

Лики, между тем, продолжал изучать череп и с каждым днем все больше убеждался в его особой близости человеку. Коренные и предкоренные зубы зинджа, превосходившие по размерам человеческие в два раза, обладали особенностями строения, характерными для Homo. Плоские, с такими же, как у человека, складками обширной жевательной поверхности, они, кажется, показывали, что зинджантроп вегетарианец. Он питался главным образом грубой растительной пищей. Но иное раскрывали резцы и клыки, с помощью которых пища режется и раздирается на куски. Эти зубы, вопреки ожиданиям, оказались небольшими при сравнении их с коренными, и Лики оценил такой факт как весьма примечательный. Дело в том, что, судя по найденным рядом с черепом зинджантропа расколотым костям небольших животных — молодых особей двух разновидностей свиней и антилопы, а также остаткам птиц (гигантский страус), насекомоядных, крыс, мышей, землероек, черепах, рыб, земноводных и пресмыкающихся, в том числе змей, ящериц и крокодилов, олдовэец питался не только и, по-видимому, не столько растительной пищей, сколько мясной. Как мог он в таком случае управиться с разделыванием туш животных, если его естественное оружие — резцы и клыки так малы и не отличаются мощностью? Лики по собственному опыту

знал, что содрать зубами шкурку даже с зайца невозможно. Следовательно, зинджантроп пользовался при охоте и разделывании убитых животных искусственно изготовленными орудиями — сечковидными чопперами и чоппингами. Действительно, девять таких грубых галечных инструментов с неровным зубчатым режущим краем, предельно примитивные, но тем не менее бесспорно целенаправленные и обдуманно обработанные, отбойник из гальки, а также 176 архаических отщепов (отбросы производства, а может быть, ножи) лежали между раздробленными костями животных невдалеке от черепа зинджантропа. Примечательно, кстати, что ближайшие местонахождения сырья, из которого изготовлялись орудия,— в четырех и девятнадцати милях от стойбища.

Разве использование искусственно обработанных орудий не первый и главный признак, отличающий человека от других представителей животного мира, в том числе и близко родственных ему антропоидов? Не следует забывать, что даже самые из высокоорганизованных австралопитековых Южной Африки, открытых Раймондом Дартом, Робертом Брумом и Джоном Робинзоном, не «додумались» до намеренной отделки инструментов, вследствие чего их невозможно включить в род Homo. А здесь, в Олдовэе, не только зинджантроп, но и его предшественник, такое же, очевидно, как и он, обезьянообразное существо, умели обрабатывать камни: в нижерасположенных горизонтах слоя с черепом «щелкунчика» тоже встречались орудия. По древности они соответствовали лишь инструментам, открытым Лики в тех же по возрасту отложениях местонахождения Канам Вест. Существо типа зинджантропа недаром перешло к изготовлению и использованию орудий,— Лики был убежден, что переход на мясную диету и умение оббивать камни — явления, тесно взаимосвязанные. Вот почему его заинтересовали небольшие по размерам клыки и резцы «щелкунчика». Слабость их предполагала вооруженность искусственно изготовленными орудиями, и Лики не

ошибся, предсказывая их открытие на жилой площадке становища зинджантропа.

Зинджантроп — недостающее звено, человек? Не увлекается ли Лики?

— А что такое, в сущности, человек? — спрашивал в свою очередь Лики и отвечал так: мне нравится определение, которое дал человеку почти 200 лет назад Бенджамин Франклин — «Человек — это животное, делающее орудие». То же говорил в 1883 году Томас Карлайх — «Без орудий человек — ничто». Для меня человек — это не просто существо, освоившее прямохождение, имеющее определенный объем мозговой коробки и умеющее разговаривать. Что касается предка, то для меня это означает не просто первобытное обезьянообразное существо, умевшее прямо ходить и освободившее от локомоции передние конечности, руки. Настоящий человек должен обладать определенным уровнем умственных способностей, чтобы додуматься до изготовления орудий и умения делать грубые орудия. Ключ лежит в способности делать орудия, которые отличаются от заостренных палок или острых камней, которые лежат под рукой в готовом виде. Только то существо, которое думает о заострении сырого материала природы, о придании ему правильной формы, удовлетворяющей его потребности, можно считать самым древним человеком...

О большей близости зинджантропа человеку, нежели австралопитекам, в статусе предков которых Лики теперь сомневался, свидетельствовали, несомненно, также детали строения его черепной крышки и лицевого скелета. Так, кривизна района щек показывала, что лицо его, несмотря на массивность костей, напоминало человеческое. Нижняя челюсть, по предположению Лики, должна иметь сходную систему мышц, управляющих движением языка, а следовательно, и речевым аппаратом. Височная кость перед ушными отверстиями у зинджантропа той же формы и размера, что у человека, чем его черепная крышка отли-

чалась от антропоидной и австралопитековой. Затылочные кости тоже сходны с человеческими. Основание черепа не оставляло сомнений в том, что зиндж держал голову прямо и, значит, освоил прямохождение. Вообще многие черты специализации, прослеживающиеся в структуре черепа, подталкивали Лики к выводу о том, что зинджантроп прямой предок человека, а парантроп и австралопитек — боковые ветви общего ствола гоминид, сосуществовавшие некоторое время с ними, впоследствии исчезнувшие с лица Земли, поскольку они не могли выдержать конкуренции с более высокоорганизованными существами. Поэтому ни того, ни другого, строго говоря, называть обезьянолюдьми нельзя. Их следует именовать «near man» — «окололюди».

Все это не значило, однако, что зинджантроп близко напоминал «человека разумного». Достаточно взглянуть на его чудовищно низкий, убегающий назад лоб, сильно уплощенный черепной свод, небольшую коробку, вмещающую, очевидно, менее чем половину массы мозгового вещества синантропа (позже удалось установить, что объем мозга зинджантропа составлял всего 530 кубических сантиметров), на костный валик, завершающий череп, чтобы понять, насколько далеко отстоит зиндж от места, которое занимает на эволюционной лестнице гоминид современный человек. Удивляться нет причин, поскольку остатки животных, найденные вместе с черепом олдовэйца, датировали его эпоху временем значительно более ранним, чем пора питекантропа и синантропа. По самым скромным подсчетам, зинджантроп жил более 600 000 лет тому назад. Но втайне Лики верил, что цифру эту надо увеличить по крайней мере в два раза! Стоит ли, однако, волновать теоретиков от антропологии раньше времени, если они и без того испугаются, увидев устрашающую и необычную физиономию зинджа?

Логически стройные рассуждения Лики о роли зинджантропа в родословной человека имели лишь один уязвимый пункт, впрочем, обычный при такого рода открытиях:

если раздробленные кости животных принадлежали жертвам хозяина чопперов, то почему человекообразное существо, от которого сохранился череп, не представляет собой такую же жертву древнейшего охотника? На примитивного, вроде австралопитека, зинджа мог напасть, убить, а затем съесть более высокоорганизованный гоминид — истинный обладатель каменных орудий! В таком случае череп «щелкунчика» — остаток трапезы, часть обычных кухонных отбросов и не более этого. Лики, выслушивая на раскопе такого рода коварные предположения, сердился:

— Э, сколько можно применять этот недостойный прием скептиков от науки, не способных открыть что-нибудь стоящее. Давайте лучше представим, как череп на самом деле мог оказаться здесь. Для этого нам стоит лишь вернуться назад на 6000 веков и воссоздать обстоятельства жизни на берегах озера... Скажем так,— начал фантазировать Луис Лики: дожди лили долгое время, и уровень воды в озере поднимался зловеще быстро. Ютившаяся вдоль берега небольшая группа примитивных людей поняла, что ей надо уйти отсюда. Собрав свои неприхотливые пожитки, они направились к юноше лет восемнадцати, который заболел накануне. Но достаточно было взглянуть на него, чтобы понять — наводнение для него больше не представляло опасности. Он умер прошедшей ночью. Его собратья быстро покрыли тело умершего хворостом, чтобы гиены и другие плотоядные, рыскающие в окрестностях, не набросились на него, а сами перешли на более высокое место. Там вода не грозила им. Озеро тем временем поглотило стойбище вместе с телом юноши, беспорядочно разбросанными каменными орудиями и обглоданными костями. Ил окончательно похоронил их в земле. Затем в последующие тысячелетия воды озера неоднократно поднимались и падали в связи с увеличением выпадения осадков или засухами, а слои песка и ила все нарастали и нарастали, пока не достигли нескольких сотен футов. Затем отложения затвердели и превратились в камень, который доставляет

теперь столько сложностей при раскопках. Что случилось потом, вы знаете: землетрясение, эрозия ветровая и водная вскрыли окраину, кажется, навсегда запрятанного стойбища наших предков... В общем, я надеюсь, что в следующий полевой сезон мы найдем остальные части скелета погребенного зинджа, этого связующего звена между австралопитеками и Homo sapiens, и восстановим полностью его облик. Нам надо отыскать также нижнюю челюсть «щелкунчика», чтобы знать — говорил ли он. А если очень повезет, то почему бы не обнаружить скелет напарницы зинджа?

Разумеется, Лики шутил, расписывая картину похорон зинджа. Он не мог не знать, что до эпохи неандертальцев обезьянолюди не хоронили своих умерших сородичей. Во всяком случае, археологам такие факты пока не известны. Что же касается надежд найти недостающие части скелета олдовэйца, то они представлялись реальными. После длительной полосы невезения счастье не может улыбнуться лишь однажды...

Сквозь трескотню рации Луис Лики едва слышал далекий голос Мэри. Она, очевидно, небрежно настроила передатчик, и в наушниках слова из-за слабости звука различались с большим трудом:

— Олдовэй вызывает Лангуту. Олдовэй вызывает Лангуту. Ты меня слышишь? Прием.

— Олдовэй, я Лангута,— сказал Лики, переключив передатчик.— Я слышу тебя, но плохо. Подправь передатчик немного! Прием.

— Олдовэй вызывает Лангуту,— послышался отчетливый голос Мэри.— Надеюсь, теперь ты слышишь меня лучше. Так слушай — вчера на стоянке Н. Н. мы нашли ногу. Да, я сказала ногу. Мы сделали еще одно открытие, не менее важное, чем находка зинджа! Прием.

— Я слышу тебя хорошо, спасибо,— волнуясь, закри-

чал в микрофон Луис.— Прекрасная новость! Какую часть ноги вы нашли?

— Довольно большую — пятку, кость лодыжки и большое количество других. Когда ты приедешь посмотреть их? Прием.

— Я выезжаю немедленно! Прием и баста!

— Ну, не так скоро,— засмеялась Мэри.— Тебе предстоит кое-что закупить для нас. Карандаш и бумага при тебе? Ну так слушай...

За несколько часов Лики приобрел в магазинах Найроби все, что требовалось для лагеря, и погнал свой джип в Олдовэй, надеясь вечером после 12—13 часов гонки прибыть на раскоп. Ему не терпелось осмотреть то, что Мэри назвала не менее важным, чем открытие зинджантропа. Лики не сомневался в успехе экспедиции 1960 года, но что удача пришла так скоро — настоящее чудо. Стоило ему выехать в Найроби по делам музея, и вот не прошло и недели, как Мэри снова порадовала его. На этот раз дело не только в «Счастье Лики». Раскопки 1960 года велись с необычайным для предшествующих лет размахом. Впечатление от открытия зинджантропа оказалось настолько ошеломляющим, что исследования Олдовэйской экспедиции предложило финансировать Национальное географическое общество США. Крупный денежный вклад его позволил Лики запланировать на 1960 год при 13 неделях полевого сезона в несколько раз большие по объему работы. Он подсчитал, что увеличенный штат сотрудников позволит потрудиться на раскопах не менее 92 000 человеко-часов и вскрыть 1200 квадратных метров стойбища. Следовательно, раскопки одного полевого сезона сразу же превзойдут вдвое масштабы земляных работ, проделанных за предшествующие 28 лет. Должно же это сказаться на результатах исследований!

Они, действительно, не замедлили сказаться. Лики, прибыв в Найроби в 1960 году, прежде всего начал с того, что приобрел для экспедиции второй, более крупный

прицеп: тем самым сразу же решил самую острую проблему — снабжение лагеря водой. Лужу в ущелье, на которую не переставали покушаться носороги, торжественно передали животным с тем, чтобы они использовали права на нее так, как сочтут необходимым. Носороги не замедлили выкупаться в водоеме. Раскопки, которые с особым воодушевлением велись на участке, где в прошлом году Мэри нашла череп и плечевую кость зинджантропа, порадовали сразу же, оправдав пророчества Лики. Помимо отщепов, грубых галечных инструментов, а также своего рода отбойников, с помощью которых дробились кости животных, удалось обнаружить новые остатки скелета зинджа — большую и малую берцовые кости, а также ключицу. Новые части скелета позволили вычислить рост зинджантропа: судя по всему, он составлял 152,5 сантиметра. Часть фрагментов костей принадлежала второму индивиду зинджантропа. «Я же говорил вам о напарнице, а вы посмеивались надо мной!» — торжествовал Лики.

Остатки животных подтвердили наблюдения предшествующего года: зиндж охотился только на молодых особей. Все трубчатые кости раскалывались им для добывания мозга. Поскольку в значительно более поздних по времени слоях шелльского и ашельского человека эта черта хозяйствования, по наблюдениям Лики, выражалась значительно менее отчетливо, он сделал вывод о том, что владельцы ручных топоров не испытывали такого недостатка в пище, как их предок зинджантроп. До отъезда в Найроби Лики оказался неправ лишь в одном — на стойбище так и не удалось найти нижнюю челюсть. Досадное обстоятельство, учитывая, что именно эта часть черепа решала вопрос, владел ли «щелкунчик» речью. Оставалось лишь утешаться тем, что прямая посадка тела зинджантропа теперь, после открытия костей нижних конечностей, не вызывала сомнений. Значит, свободные от локомоции руки «дорогого мальчика» выполняли разнообраз-

ные трудовые операции, в том числе связанные с изготовлением каменных орудий.

Счастливые находки, однако, не ограничивались стоянкой, где располагалось стойбище зинджантропа. История нового, еще более удивительного открытия, последствия которого трудно предугадать, началась со случайности. Несколько недель назад Джонатан, двадцатилетний сын Луиса, специализирующийся в изучении змей, бродил по дну каньона невдалеке от раскопа. Осматривая обнажения, расположенные ниже по уровню залегания, чем слой с культурными остатками зинджантропа, он очень удивился, когда в эрозионном углублении — пещерке, протянувшейся в стенке ущелья футов на сорок, обнаружил челюсть неведомого ему животного. Не меньшее недоумение вызвала эта находка в лагере — Лики определил, что челюсть принадлежала саблезубому тигру. Среди десятков тысяч костей, собранных в Олдовэе, никогда не встречались остатки скелета саблезубого тигра. Более того, на всей территории Восточной Африки их тоже никогда не находили. Неудивительно поэтому, что в первый же удобный для разведок момент Мэри и Луис направились посмотреть слой, из которого Джонатан извлек челюсть, надеясь найти новые части скелета. Местонахождение, названное Н. Н., находилось всего в 227 метрах от стоянки зинджа, но поскольку уровень залегания горизонта с костями располагался ниже, то этот пункт был древнее на несколько сотен тысячелетий и уже поэтому вызывал особый интерес.

Лики предполагал найти здесь все что угодно, но не то, что сразу же заметили воркие глаза Мэри. «Примат!» — воскликнула она и подняла небольшую косточку. Луис осмотрел находку и согласился с супругой — действительно, эта кость могла принадлежать скелету человека или обезьяны. Лики тут же отдал распоряжение копать контрольную траншею. Предварительные раскопки дали новые костные остатки, которые, судя по всему, принадле-

жали гоминиду, а не антропоиду: из траншеи извлекли несколько миниатюрных обломков черепа, позвонок и фаланги пальцев. Рекорд древности продержался за зинджантропом всего год. Он был побит новым загадочным существом, воссоздать облик которого не представлялось возможным при самом богатом воображении — настолько фрагментарными оказались найденные остатки. Кто же он — непосредственный предок зинджантропа или иная гоминидная ветвь, представитель которой отличался более развитым интеллектом? Ответа на вопросы не последовало. Его предстояло искать в земле. Можно понять поэтому нетерпение Лики, мчавшегося в Олдовэй — ему хотелось поскорее осмотреть стопу, об открытии которой на местонахождении Н. Н. ему по радиотелефону сообщила Мэри.

В лагере, куда в тот же день благополучно прибыл Лики, только и велись разговоры о находке части скелета предшественника зинджантропа, который получил почетное имя презинджантропа. Луис с азартом принялся реконструировать тонкие кости левой стопы, усердно подбирая ее смыкающиеся друг с другом части. От ноги сохранились пять костей пальцев, пять костей ступни, несколько разрушенная от эрозии пяточная кость и лодыжка. Строение нижней конечности отличалось примитивностью, и все же не оставалось сомнений, что нога не антропоидная, а человеческая. Не могло, в частности, быть и речи, что она сходна с ногой гориллы. В то же время определенное различие в соединении пальцев и в форме костей ступни отличало ее от ступни современного человека. Затем в течение очередных нескольких дней последовали новые находки одна интереснее другой: ключица, фаланги пальцев руки, позвонок, кисть, зубы, голень, лобная и височные кости черепа... По позвонку Лики постарался представить объем грудной клетки презинджантропа и высказал убеждение, что она была обширной. Наибольшее волнение вызвало открытие бесспорно че-

ловеческих по особенностям костей ног и рук. Никогда еще в горизонтах такой глубочайшей древности не находили остатки конечностей Homo.

Затем снова повезло Джонатану, «шефу» счастливо открытого местонахождения. Он все дни не переставал твердить, что рано или поздно обязательно откроет челюсть презинджантропа. Заклинания помогли. Однажды утром к палаткам прибежал запыхавшийся помощник Джонатана и крикнул на весь лагерь: «Джонни нашел ее! Идите скорее!». Когда участники раскопок сбежались к пункту Н. Н., то увидели, что Джонатан завершает расчистку части челюсти с тринадцатью хорошо сохранившимися зубами, как раз в том месте, где он грозил найти ее. Счастливчик ворчал недовольно — его огорчило, что челюсть разломана и, к тому же, сохранилась не полностью. Однако втайне он гордился находкой. Еще бы — во-первых, она помогла, наконец, установить возраст презинджантропа: судя по тому, что первые коренные оказались сильно изношенными, вторые только слегка, а третьи вообще еще не прорезались сквозь челюстную надкостницу, возраст этого существа приближался к 11—12 годам; во-вторых, зубы ребенка, не превосходившие по размерам гигантские зубы зинджантропа, в значительной мере отличались от них, больше напоминая человеческие (по форме и строению, но не размером — на участке челюсти, где размещались пять зубов презинджантропа, у человека могло бы поместиться шесть зубов!); в-третьих, именно челюсть и зубы позволили Лики прийти к сенсационному выводу о том, что, судя по деталям строения их, презинджантроп представляет, по-видимому, иной, чем зинджантроп, тип древнейшего человека.

Это неожиданное заключение получило подтверждение после открытия дополнительных частей черепа презинджантропа, в том числе обломков теменного участка черепной коробки. Его умственный статус представлялся несколько большим, чем уровень, достигнутый зинджантро-

пом. В свете новых находок последний не выглядел столь резко отличным от австралопитековых Южной Африки, как казалось всего год назад. Но как следовало в таком случае оценивать открытие зинджантропа? Не мог ли он все же пасть жертвой более высокоорганизованного, умевшего изготовлять орудия гоминида, истинного потомка презинджантропа со стойбища Н. Н.? Лики сначала предпочел иное объяснение. Ему представлялась более оправданной гипотеза о параллельном развитии в Олдовэе двух разновидностей гоминид — зинджантропа и презинджантропа. Это казалось тем более вероятным, поскольку обломки черепа презинджантропа сами имели отчетливые следы преднамеренного убийства: на левой части теменной кости виднелся не допускающий иного толкования след удара чудовищной силы. От точки резкого соприкосновения с каким-то тупым и достаточно массивным инструментом по поверхности теменной кости радиально расходились глубокие трещины. Если при открытии на стойбищах древнекаменного века черепов гоминид каждый раз предполагать, что таинственный убийца — настоящий человек, а жертва соответственно примитивная боковая ветвь, не имевшая отношения к родословной Homo, то проблему происхождения людей никогда не удастся решить. В таком случае недостающее звено станет вечно ускользающим звеном. Не справедливее ли предположить, что древнейшие представители рода человеческого при определенном неблагоприятном стечении жизненных обстоятельств и в ожесточенной конкурентной борьбе за существование нападали на себе подобных или близко родственных представителей семейства гоминид, может быть, лишь несколько отставших в развитии вследствие неравномерности эволюции, убивали их и поедали как обычную добычу повседневной охоты? Вероятнее всего, так оно и было.

Позже Лики, тщательно изучив костные остатки и посоветовавшись со специалистами-антропологами, высту-

пил с новой интерпретацией значения презинджантропа и определения места его в родословной человека. Он ошеломил палеоантропологов, объявив нового самого раннего из гоминид Олдовэя прямым предком Homo! Лики и его коллеги Джон Нейпир и Филипп Тобиас обратили внимание на особенности строения руки презинджантропа. Пальцы, несмотря на их массивность и изогнутость, имели характерную уплощенность на конечных фалангах, отличающихся к тому же большей, чем у обезьян, шириной. Большой палец противопоставлялся остальным пальцам руки и, очевидно, как у человека, мог сопоставляться с их подушечками. Отсюда следовало, что рука презинджантропа обладала достаточно совершенной хватательной способностью и могла не только использовать, но и изготовлять каменные орудия. Стопа и другие кости нижних конечностей вне каких-либо сомнений свидетельствовали о полном освоении презинджантропом прямохождения. По очертанию челюсти, менее широким и не таким высоким зубам, отличающимся от австралопитековых, в том числе от зинджантроповых зубов и челюстей, презинджантроп тоже больше сближался с человеком. Размер, форма и манера износа зубов презинджа раскрывали его предпочтение употреблять не растительную, а мясную пищу. Обращала на себя внимание U-образная кривизна внутренней окраины нижней челюсти, что свидетельствовало о свободном передвижении языка во рту, а следовательно, и о возможности овладения зачатками речи. Если к этому добавить значительный объем мозга (680 кубических сантиметров), так и не достигнутый ни одним из представителей австралопитековых, то вывод Лики о том, что презинджантроп истинное недостающее звено не покажется неоправданным. Никогда ранее столь стремительно не менялись концепции, но прежде и находки черепов не следовали непрерывно одна за другой, не давая антропологам ни года на передышку! Всего несколько месяцев назад Лики разжаловал из обезьянолюдей парантропа и

австралопитека, назвав их «околодюдьми». Теперь предстояло не сдобровать «дорогому мальчику» — неумолимые в их жестокости законы эволюции обрекали его на гибель. Он уступал человеку умелому почетное место стать предком современных людей.

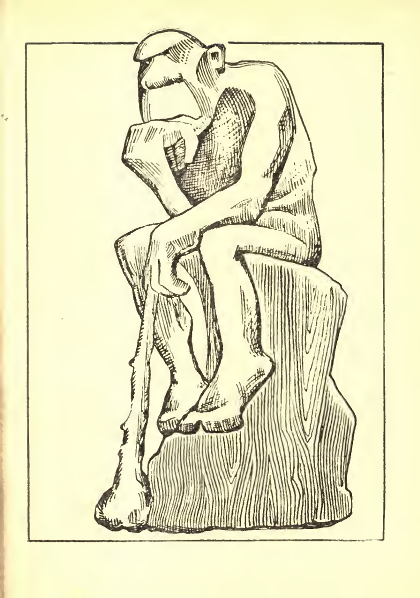
Когда Лики спросили, как объяснить столь быструю смену концепций и почему не исчезают разногласия, касающиеся проблем происхождения человека, он ответил так:

— Теории о предыстории и древнем человеке изменяются постоянно по мере того, как мы узнаем о новых находках. Единственная пока что находка презинджантропа может пошатнуть давно установившиеся концепции. Но еще очень много белых пятен в цепи эволюции человека, а отдельные звенья этой цепи отделены друг от друга сотнями тысячелетий. Не исключено, что мы найдем еще что-либо более древнее, чем Homo habilis, но пока что должны по-настоящему принять это открытие и признать его наиболее древний возраст...

Но свидетельствовало ли это о человеческом статусе презинджантропа, помимо чисто антропологических наблюдений, раскрывающих его более высокую эволюционную ступень по сравнению с уровнем, достигнутым зинджантропом? При большем, чем у зинджа, объеме мозга следовало прежде всего предполагать умение изготовлять орудия. Действительно, на жилой площадке презинджантропа удалось найти небольшие грубо оббитые гальки и сколы со следами целенаправленной ретуши. Часть из них лежала кучками, представляющими собой своеобразные склады готовых изделий или сырья. Презинджантроп предпочитал использовать для изготовления орудий кварц, за которым ему приходилось совершать походы не ближе, чем за три километра. Судя по небольшим размерам орудий, презинджантроп не отличался крупными размерами. Он был мал и, очевидно, относительно слаб физически. Лики, кроме того, усмотрел на одном из обломков костей

следы износа, что дало ему возможность определить его как инструмент для обработки кожи. Пожалуй, этот вывод — следствие увлечения археолога, однако умение презинджантропа изготовлять и использовать инструменты из камня не вызывали сомнений. Поэтому оправданным стало новое имя, которое получил презинджантроп — Homo habilis, «человек умелый». Фаунистические остатки, обнаруженные при раскопках территории стойбища, позволили уяснить, на кого предпочитал охотиться древнейший гоминид. Картина открылась совершенно неожиданная — помимо костей крупных черепах, «рыб с кошачьей головой» и птиц ничего более найти не удалось. Лики определил такое явление, как весьма интересное и примечательное. По его мнению, презинджантроп настолько неопытный, слабый и беспомощный охотник, что помимо медленно передвигающихся черепах и рыб, да птиц, не умеющих летать, он никого другого из возможных жертв успешно преследовать не мог. Человек на стадии презинджантропа робко вступал на стезю охоты и использования искусственно изготовленных орудий. Зинджантроп, по заключению Лики, умел уже преследовать не только мелких степных животных, но и молодняк крупных — лошадей и антилоп.

С открытием презинджантропа научные приключения в Олдовэе не закончились. Поистине 1960 год грозил окончательно доконать треволнениями семейство Лики! Если каньон стал столь щедрым, что за два года представил в распоряжение антропологов на выбор двух представителей недостающего звена из горизонта древнейшей на Земле олдовэйской культуры, то почему бы ему «не позволить» открыть череп шелльского человека? Ведь, по существу, после находки зинджантропа и презинджантропа, представляющих дошелльскую культуру возраста не менее 600 000 лет, и открытия в предшествующие десятилетия остатков синантропа и питекантропа, обезьянолюдей ашельской культуры, отстоящей от современности



на 250 000 лет, осталась вакантной одна единственная ступенька в хронологической таблице ранней поры древнекаменного века — шелльская культура, человек которой по-прежнему был для палеоантропологов таинственным незнакомцем. Со времени открытия во Франции первых шелльских рубил в 40-е годы прошлого века археологи пытались найти костные остатки загадочного обезьяночеловека, который первым научился делать двусторонне обработанные орудия типа рубил, или, иначе говоря, ручных топоров. Но, увы! — ни в Европе, ни в Южной Африке, где эта культура широко распространена, не удавалось обнаружить черепа шелльца. Шелльский обезьяночеловек упорно отклонял настойчивые призывы прийти на долгожданное свидание с археологами и познакомиться. Лишь в Олдовэе в 1954 году появилась робкая надежда на желанную встречу, когда Лики удалось найти в одном из шелльских горизонтов два огромных молочных зуба. Но настоящий контакт с шелльцем тогда так и не удалось наладить.

Появление в слое зубов — приятный намек на возможность открытия нечто более значительного. Разве не находка зубов предшествовала удачам в поисках черепов синантропа и питекантропа? Лики решил еще раз попытать счастья и в том же 1960 году начал раскопки слоя, где он некогда нашел шелльские рубила третьей стадии развития культуры. Жилая площадка стойбища шелльцев в Олдовэе располагалась недалеко от стоянки зинджантропа, но по уровню склона залегала на шесть с половиной метров выше последней, что свидетельствовало о ее значительно более позднем возрасте. Работа по изучению культурного слоя эпохи шелля подвигалась успешно. Лики удалось сразу же наткнуться на великолепные россыпи каменных орудий, среди которых преобладали различные рубила. В особенности замечательным изобретением шелльцев по части охотничьего снаряжения стали боласы, каменные шары, завернутые в шкуру и соединен-

ные по три штуки длинной кожаной лентой или веревкой. Ловко раскрученные над головой и брошенные под ноги мчащегося животного боласы внезапно опутывали его, оно падало на землю и становилось трофеем удачливого охотника. Боласы до сих пор употребляются эскимосами и некоторыми из южноамериканских племен индейцев, поэтому можно легко восстановить приемы охоты с помощью такого незамысловатого, но достаточно сложного по конструкции орудия. Кто бы мог думать, что шелльцы почти полмиллиона лет назад сумели изобрести эту снасть и с успехом использовать ее! Однако факт остается фактом — крупные округлые гальки, встречающиеся на стойбище характерными группами, свидетельствовали об этом со всей беспристрастностью. Судя по значительному весу боласов, шелльцы обладали огромной силой. Они были превосходными и меткими метателями. Именно боласы позволили шелльцу Олдовэя охотиться на крупных животных, кости которых устилали жилую площадку. Зинджантроп с его примитивными орудиями не смел и мечтать о подобном предприятии.

Конечно, открытие боласов в шелльском культурном горизонте факт замечательный, ну а как же сам шеллец? Увы, Лики и на сей раз не повезло — все попытки отыскать череп метателя каменных ядер оказались тщетными. Он, по-видимому, решил не нарушать более чем вековой традиции и повременить со встречей. Лики не стал упорствовать, приказав прекратить раскопки.

Позже Луис, вспоминая обстоятельства как всегда неожиданной и как будто на первый взгляд случайной удачи, напишет так: «Я иногда думаю, что судьба бесконечно играла нами. Как только мы оставляли поиски, поскольку уже не оставалось надежды найти нашего таинственного доисторического человека,— он объявлялся тут как тут!». А случилось вот что. 30 ноября, в полдень, Лики вместе с геологом Раймондом Пикерингом осматривали каньон, уточняя детальный разрез ущелья. Раскоп шелль-

ского стойбища они обозревали с соседнего холма, расположенного в полукилометре от лагеря. Неожиданно взгляд Лики остановился на одном из участков обнажения пласта, в котором залегали обычно рубила шелльского типа. То место не привлекало раньше внимания из-за сплошного кустарника. Теперь же с удачной точки обзора оно предстало во всем великолепии, тревожно маня возможными находками. «Послушай, Рэй,— сказал Лики, указывая на заросли кустарника,— вот тот участок обнажения лежит не более чем в 100 метрах от раскопа стоянки шелльцев. Мне кажется даже, что он располагается на том же уровне, что и древняя жилая площадка. Я должен пойти и проверить свои впечатления!».

Однако работа с геологом не позволила добраться до обнажения, и Лики решил отправиться к нему на следующий день. Ночью Луис все думал о том, как могло случиться, что место с разрушенным эрозией склоном шелльского уровня, находившееся от раскопа на расстоянии брошенного камня, он не заметил раньше. Ох уж этот кустарник...

Рано утром 1 декабря Лики, его младший сын Филипп и Пикеринг, наскоро позавтракав, направились к заветному участку каньона. Дорога была нелегка — приходилось с трудом продираться сквозь густые заросли кустарника. Вот, наконец, и край ущелья, где ниже по склону должно находиться обнажение. Лики потом уверял, что в тот момент его внезапно охватило предчувствие какого-то необыкновенно важного открытия. Дальнейшее могло легко сойти за чистейшую фантастику, если бы события не развертывались на глазах изумленного Пикеринга. Скатываясь со склона, Луис полушутя-полусерьезно крикнул ему: «Рэй, это как раз то место, где нам предстоит найти череп!». Заканчивая реплику, Лики остановил свой взгляд на стенке небольшого овражка, пропиленного в окаменевшей глине дождевыми потоками. На склоне лежало несколько крупных обломков кости. «Череп!» —

молнией мелькнула мысль в голове Лики, но тут же его охватило сомнение. Конечно, предсказание открытия в археологии в принципе возможно, но чтобы оно оправдалось, поднимая интуицию и предчувствие до уровня чуда-прозрения, такого даже Лики с его богатой практикой необычайных научных приключений не припоминал. «Полно, это невозможно. Наверное, там лежат обломки панциря черепахи. Разве ты забыл, как они порой обманчиво напоминают человеческий череп!» — одернул себя Лики.

Но чем ближе он подходил к месту, где валялись костяные фрагменты (из-за нетерпения секунды казались часами, происходившее воспринималось как при замедленной киносъемке), тем больше рассеивался скептицизм осторожности, естественной боязни снова обмануться в ожиданиях. И все же это череп, череп человека! Окаменевшие части его торчали из слабо разрушенного глинистого горизонта. Лики припал на колени, обычная рабочая поза при разведках на склоне Олдовэя, вгляделся в обломки, еще раз проверяя свои впечатления, и последние сомнения покинули его — долгожданный череп шелльского человека наконец-то найден! Лики настолько потрясло происшедшее, что в течение десятка секунд он не мог сказать ничего вразумительного. Затем он поднялся с земли, попросил Пикеринга произвести разметку будущего раскопа и помчался, выкладывая все силы, к стоянке презинджантропа, где на раскопе работала Мэри.

— Мэри, быстрее,— едва переведя дыхание, крикнул Лики.— Я нашел шелльского человека!

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, скептически оглядев взъерошенного Луиса.

Не подумала ли Мэри в тот напряженный момент о том, что открывать нечто сенсационное в палеоантропологии ее монопольное право?

Но должно же когда-то повезти и супругу.

— Череп, череп! — досадуя на непонятливость, прокричал Лики.— Я нашел шелльский череп!

Мэри поняла, наконец, что произошло. Она оставила раскоп на помощников и вместе с Луисом быстро направилась к месту открытия. Еще раз осмотрев слой, из которого торчали обломки черепа, Лики и Пикеринг пришли к убеждению, что череп действительно залегает на уровне горизонта шелльского стойбища, раскопанного невдалеке.

Неудивительно поэтому, что в слое рядом с обломками черепной крышки при раскопках удалось найти несколько шелльских орудий, которые отличались значительно более искусной оббивкой и совершенной формой при сравнении их с галечными инструментами, обнаруженными ранее на границе дошелльского и шелльского горизонтов.

Поразительная вещь — столько, кажется, зыбких и мало поддающихся контролю случайностей предшествовало одной из самых эффектных и значительных находок в Олдовэе, что порой становится не по себе от мысли, что всего этого могло не быть: не поднимись Лики на холм, откуда ему внезапно приоткрылась заманчивая картина обнажения, случись это за полчаса до заката солнца, когда слабое освещение маскирует разрушенный горизонт,— и открытие могло не состояться. Что случилось бы потом — не трудно представить: вывалившийся из слоя череп эрозия уничтожила бы через короткое время без следа и остатка. Следует, однако, самым решительным образом избавиться от представлений о том, что за удачами в Олдовэе скрывается лишь череда счастливо сложившихся обстоятельств и случайностей. Последние, разумеется, выполняют свою определенную роль в открытии, но не стоит забывать о главном — прежде чем случайности начали вмешиваться в капризную и переменчивую игру счастья и неудач, Лики терпеливо дожидался их в течение почти тридцати лет. За случайностями счастья Лики, как исследователя, стоит не пассивное и меланхолическое выжидание, когда удача соизволит милостиво снизойти до него, а

поистине каторжный, не знающий покоя и усталости самоотверженный труд, увлеченный, упорный, целенаправленный, настойчивый, безграничная и всепоглощающая любовь к делу, заниматься которым определила ему судьба. Счастливые случайности вряд ли имели бы место, если бы Лики не прошел в детстве суровую школу жизни кикуйю, научивших его терпению, упорству в достижении цели и острой наблюдательности, если бы жизнь первобытных не позволила ему постигнуть сущность их бытия, полного непрекращающейся и суровой борьбы за существование, если бы не фанатичная, доходящая до исступления жажда раскрыть в деталях и понять мир далеких предков человека, что заставляло его часами не подниматься с колен, когда обшаривались все новые и новые участки обрывов каньона, если бы не удивительная разносторонность его увлечения и пристрастий универсального человека, ученого: первоклассный археолог профессионально разбирался в проблемах родственных и смежных с первобытной археологией наук — геологии, палеонтологии, антропологии. А если бы не встреча Мэри с аббатом Лимоэи и не ее увлеченность археологией, если бы не экспериментальные работы по изготовлению чопперов и способам их использования на практике, позволившие реконструировать картины производства и быта миллионнолетней давности... Да мало ли если, из которых складываются счастье и удача ученого, его поразительная интуиция и везение, без чего костные остатки зинджантропа и презинджантропа до сих пор лежали погребенными в глинистых толщах забытых богом ущелий равнины Серенгети. Одним словом — он человек умелый.

Но что же представлял из себя открытый в Олдовэе первый череп шелльского человека? Как показали раскопки, он сохранился не полностью. Тринадцать извлеченных из глины обломков составили при реставрации большую

часть мозговой коробки. Стенки черепной крышки удивляли значительной массивностью, а таких сильно нависших козырьком валиков, оконтуривающих сверху глазницы, не имел ни один из найденных до сих пор черепов обезьянолюдей. Его примитивность подчеркивалась также низким убегающим назад лбом и приплюснутостью свода в теменной части. Пожалуй, черепная крышка питекантропа выглядела при сравнении с олдовэйской более изящной. Удивляться, впрочем, нет оснований — ведь обезьяночеловек с Явы жил значительно позже, в эпоху ашельской культуры. Лики пришел к выводу, что череп шелльца из Олдовэя по значительному числу признаков отличается от черепов синантропа и питекантропа.

Как бы ни был, однако, примитивен шеллец Олдовэя, культура и образ жизни его отнюдь не отличались той первозданной простотой и незамысловатостью, которая просматривается в комплексе находок со стойбищ презинджантропа и зинджантропа. Достаточно сказать, что обладавший огромной силой шеллец научился изготовлять оббитые с двух сторон рубила и с успехом использовал на охоте боласы, поистине одно из самых гениальных изобретений обезьяночеловека. В отличие от своих предшественников зинджа и человека умелого он предпочитал охотиться не на черепах и мелких обитателей саванны, а на крупных, иногда просто гигантских животных. Лики, раскапывая шелльский культурный горизонт, нашел кости огромного кабана, необыкновенного большого барана с размахом рогов около двух метров, очень высокой с рогами на голове жирафы, гигантской болотной антилопы ситатунги и крупного дикобраза. Но самым, пожалуй, необычным из открытий, связанных с шелльцем, оказалась находка скелета примитивного слона динотерия. Это огромное животное характеризовалось такой странной особенностью — его полутораметровые бивни располагались не в верхней, как у остальных разновидностей слонов, а в нижней челюсти. Можно представить, насколько чудовищ-

на сила жевательных мускулов динотерия, если они выдерживали тяжесть двух огромных бивней. Динотерий поразил палеонтологов при первом же открытии его костей в Центральной Европе в прошлом веке. Животное казалось настолько огромным, что ему присвоили видовое название maximus. Однако через некоторое время удалось найти еще более огромную разновидность динотерия, тут же названного gigantissimus. Бивни его достигали 92 сантиметров. Лики растерялся: как же в таком случае окрестить динотерия из Олдовэя с его полутораметровыми бивнями? Из затруднения его выручил вице-президент полевого комитета Национального географического общества Мэтью В. Стёлинг. Он предложил назвать слона mirabilis, то есть прекрасным!

Так вот, как бы ни было удивительно, но прекрасный гигантский слон динотерий пал жертвой отчаянных атак шелльского обезьяночеловека. Они сумели убить его, предварительно, очевидно, загнав в трясину, а затем разделались с тушей. Вокруг груды костей динотерия как свидетельства успешной охоты и последующего пиршества лежали каменные орудия шелльского человека, в том числе рубила.

Шеллец в Олдовэе сумел успешно решить, очевидно, острую для него проблему необходимости увеличения количества мясной пищи, потребляемой в первобытной орде. Совершенствование от слоя к слою рубил как в зеркале отражает напряженный ритм непрекращающихся усилий труда и мысли по обогащению первобытной человеческой культуры. С этой точки зрения особый интерес и исключительное значение приобретает поразительный факт, свидетельствующий о том, как давно не хлебом единым живет человек: при раскопках шелльского стойбища Лики обратил внимание на кусочки красной охры, временами попадающиеся между костей и расколотых камней. Охра не могла составлять естественную часть твердого глинистого горизонта, следовательно, на стоянку ее принесли обезь-

янолюди. Как известно, охра — краска, традиционно с давних эпох каменного века использовалась человеком разумным для росписи тела при погребениях, где ей предназначалась роль «крови мертвых». Но никто из археологов даже в самых безудержных фантазиях не мог представить, что еще на стадии обезьянолюдей, почти полмиллиона лет назад, предок человека не только не оставался безразличен к определенным цветовым сочетаниям, но также умел находить и использовать минерал, воссоздающий краски живой природы. Цвет крови свежего мяса формировал, очевидно, пристрастие его к красному. Здесь, на глубине ста метров, в таком случае, следовало искать первые ростки искусства, зарождения в мозгу предка сложных ассоциативных связей, совершенствующих и развивающих его интеллект, главное оружие борьбы с природой и ее познания.

Невероятно? А мало ли сомнительного, ставшего, однако, при проверке явным фактом, преподнес археологам и антропологам Олдовэй, чтобы не торопиться безапелляционно отвергать немыслимое?

Очередное немыслимое, кстати, не заставило себя ждать еще до начала нового полевого сезона в Олдовэе в 1961 году. Сколько усилий затратил Луис Лики на убеждение коллег в том, что время становления дошелльской культуры выходит далеко за пределы обычно отводимых для истории человека границ в миллион лет. Но тщетно — скептицизм и недоверие преследовали его «мысли вслух». Открытие зинджантропа и человека умелого еще в большей степени убедило Лики в справедливости крамольной идеи, поскольку на эволюционные изменения костных структур древнейших людей при их переходе к стадии питекантропов и синантропов требовался больший промежуток времени, чем тот, который обычно определялся антропологами. К счастью, условия залегания костей зинджантропа и презинджантропа в Олдовэе позволяли установить, наконец, возможную абсолютную дату эпохи

их существования. Дело в том, что горизонт олдовэйской культуры перекрывался слоем вулканического туфа, образцы которого использовались обычно для определения абсолютного возраста породы с помощью калие-аргонового метода датировки, своеобразных атомных часов Земли[1]. Лики решил доверить решение проблемы физикам Калифорнийского университета, где на геологическом факультете работала лаборатория по установлению времени излияния древнейших вулканических пород. В США в город Беркли он направил небольшую посылку с семью образцами, выломанными из туфового горизонта Олдовэя в том месте, где лава перекрывала пласт с жилой площадкой древнейших гоминид. Представьте теперь торжество и ликование Лики, когда в конце мая 1961 года в Найроби пришло письмо, в котором на голубоватом листке он прочитал следующее:

«Калифорнийский университет,
Геологический факультет,
Беркли 4, Калифорния, США,
20 мая 1961.

Доктору Луису С. Б. Лики, куратору Кориндонского музея.
Найроби, Кения, Восточная Африка.

Дорогой доктор Лики.

Датировка олдовэйских ископаемых методом потассиум-аргон довольно прогрессивна. И, хотя нам предстоит подвергнуть анализу большее количество костей, первые результаты настолько потрясающи, что, я думаю, вам интересно будет узнать о них.

Зинджантроп и ребенок презинджантроп значительно старше, чем предполагалось всеми, кроме Вас и миссис

[1] Существо метода заключается в том, чтобы определить, какое количество калия-40 в туфе успело со времени извержения превратиться в кальций-40 и аргон-40. В зависимости от процентного соотношения элементов определяется время образования вулканической породы.

Лики. Средний возраст образца, который подвергнут анализу доктором Джеком Ф. Эвернденом и мной — 1 750 000 лет.

Мы оба верим, что эта дата близка к истинной, хотя, возможно, она немного меньше настоящей.

Ясно одно — олдовэйский человек древний, древний, древний!

Искренне Ваш

Гарнис Х. Куртис».

Не правда ли — легкомысленно? Голубой листок письма Куртиса весомый документ? Достаточно сказать, что он в мгновение ока состарил человечество на миллион лет!

...А по ровной как стол Серенгети опять пылил «Лэнд-Ровер» с грохочущим сзади него большим прицепом для подвоза воды. Дорогу испуганно перебегали стайки антилоп, нехотя сторонились подслеповатые и ужасные в гневе носороги, лениво поглядывал из-под тенистого куста гривастый лев. За рулем джипа в зеленовато-желтом комбинезоне сидел плотно сложенный светловолосый человек с тонким загорелым лицом. Он, прищурясь, смотрел на извивающуюся ленту степной дороги, но мысленно находился в пыльной чаше каньона Олдовэй. Луис Лики думал о том, какие новые остатки скелета человека умелого удастся найти при раскопках в новом полевом сезоне и куда, наконец, запропастилась нижняя челюсть зинджантропа? Что удастся выкопать — никто, даже сам Лики, не может сказать с уверенностью. Ясно одно — Олдовэй при настойчивости всегда готов одарить сюрпризом, а то и двумя. Не следует опасаться также, что сокровища первобытной истории иссякнут. Лики убежден — археологи могут спокойно работать здесь несколько веков. Олдовэй только начал раскрывать свои тайны...

Поэтому — смело вперед, разочарований не будет!

...Где круга этого начало,
где конец,
откуда мы пришли,
куда уйдем отселе?
Омар Хайям

Эпилог

ФИНАЛЬНЫЙ АКТ ДРАМЫ ПЕРЕНОСИТСЯ В БУДУЩЕЕ

Последние два-три десятилетия XX века роль науки в жизни людей возросла настолько, что, кажется, трудно предположить новые драматические и полные страстей столкновения идей, связанных с эволюцией человека. Разве не остались далеко позади эпизоды тяжкой и поучительной борьбы Ламарка, Буше де Перта, Дарвина, Фульротта, Геккеля, Дюбуа, Дарта, Брума, оставивших в назидание новому поколению ученых полные трагического величия картины торжества духа и прозорливости над косностью и леностью мысли? Но, как это ни покажется на первый взгляд удивительным, предшествующие два века «драмы идей» затрачены, как теперь становится ясным, на решение лишь части возможных конфликтных коллизий. Талантливая пьеса «О сотворении из праха человека», выписанная за многие сотни тысячелетий самым, пожа-

луй, гениальным на свете и неистощимым на выдумки драматургом — великой природой, оказалась настолько захватывающе сложной, необычно комплексной и поразительно парадоксальной по извилистым сюжетным ходам, полным головоломных ловушек, что археологи и антропологи, своего рода режиссеры, пытающиеся восстановить забытую постановку мастера-классика, до сих пор находят достаточно темных для интерпретации мест, а следовательно, и острых тем для ожесточенных дискуссий. Следует к тому же признать, что, судя по результатам открытий последних лет, до сих пор остается далеко не полным даже «текст сценария драмы становления человека»: ведь, по существу, не проходит десятилетия, чтобы, к несказанному удивлению истолкователей-постановщиков, внезапно не появился целый новый акт ее, о котором ранее не подозревали, и неизвестные ранее герои с самыми причудливыми чертами облика. Сложность творения заранее предопределила и даже обрекла антропологов на вечную спорность его интерпретации!

Если говорить о самом существенном в конфликте, который зародился и развертывается теперь на глазах у изумленных современников, то его можно свести к постепенному через всевозможные трудности и препятствия захвату все более прочных позиций идеи не прямолинейности и однозначности, а необыкновенной сложности, извилистости и многоплановости становления людей, что уже само по себе с неумолимой логикой предполагает споры и ожесточенное столкновение взглядов. Речь идет не только о потрясающем удревнении возраста обезьянообразного предка, к чему пока трудно привыкнуть, или о невероятно раннем появлении некоего сапиентного претендента на эту почетную роль, о неравномерности эволюции на ранних стадиях антропогенеза, но также о поисках приемлемых путей решения проблемы борьбы, сосуществования и возможных взаимодействий ряда конкурирующих ответвлений родословного древа человечества. Герои-предки более

не выстраиваются в строгую линейку, сменяя друг друга по мере отсчета тысячелетий. К финишу, черте, за которой открывается мир относительно совершенного разума и труда, они мчатся теперь не вытянувшись в цепочку согласно субординации, а беспорядочной и нестройной толпой, обгоняя друг друга и выталкивая за пределы дорожек замешкавшихся и нерасторопных. Судьи, археологи и антропологи, оценивая достоинства конкурентов в гонке за право обрести человеческий статус, теряются в догадках — кто окажется победителем...

Однако самым, может быть, поразительным в этой ситуации оказывается то, что недостающее звено, оторвавшееся от мира обезьян и взявшее старт своего марафонского в два миллиона лет бега к человеку разумному, попрежнему остается недостающим. Открытия последних лет подтверждают печальную истину: как и сто лет назад во времена Геккеля и Дюбуа, недостающее звено — объект страстно желанный, но, увы, пока неуловимый. Можно лишь в этой связи удовлетвориться тем, что кольцо поисков неумолимо сжимается и, пожалуй, теперь, как никогда ранее, видится где-то на горизонте в туманной дымке день, когда загадочное, вечно ускользающее и недоступное звено окажется, наконец, в руках далеких потомков. Разве не подтверждают все сказанное выше одно сенсационнее другого сообщения о волнующих открытиях на востоке Африки? Люди Земли, затаив дыхание, ловят вести о далеких предках...

Олдовэйское ущелье в последующие за 1960 годом полевые сезоны не переставало преподносить сюрпризы семейству Лики. Достаточно сказать, что помимо шелльского черепа Луис Лики вскоре обнаружил недалеко от лагеря обломки черепа ашельского человека, то есть современника азиатских обезьянолюдей типа синантропа и питекантропа. Олдовэйский ашелец, названный почему-то Георгом, оказался близким шелльцу и был присоединен, как и последний, к роду Homo erectus — человека прямо-

ходящего. Наиболее неожиданным, однако, стало открытие в слое, возраст которого составлял «всего» 800 000 лет, женского черепа человека умелого — Homo habilis. Это легкое, невысокое существо, названное Циндреллой, имело не очень большой по объему мозг, но все же несомненно более прогрессивные черты строения ее черепа позволили Лики усомниться, что шеллец и Георг прямые предки современного человека. Изящная Циндрелла имела большие основания претендовать на эту почетную роль. Итак, дорогу дамам: в Олдовэе помимо обезьянолюдей типа питекантропа, а также его предка шелльца и австралопитека зинджантропа на ряде этапов ранней поры древнекаменного века процветал, по мнению Лики, более прогрессивный Homo habilis — истинный предшественник Homo sapiens. Как могли они сосуществовать и какова судьба каждого из членов семейства олдовэйских гоминид — трудно сказать. Лики, во всяком случае убежден, что существа с обезьянообразными, как у Георга или шелльца, черепами в конце концов вымерли, освободив дорогу человеку умелому.

Что касается зинджантропа, то его роль как возможного предка человека стала в особенности сомнительной, когда Ричард Лики обнаружил в 300 километрах к северу от Олдовэя, около Пининджа, к западу от озера Натрон, нижнюю челюсть. Она имела характерную V-образную форму. Зинджантроп вряд ли мог так же свободно, как гоминид, использовать свой язык при воспроизводстве звуков речи.

К этому следует добавить, что сенсации не ограничивались открытиями в Олдовэе костных остатков древнейших в мире людей. Не меньшее волнение вызвала удача с находкой культурного горизонта, залегавшего глубже слоя с останками зинджантропа и презинджантропа. При раскопках Лики обнаружил несколько сотен изящно обитых каменных орудий необычайно малого размера. Это дало возможность предположить, что у самого раннего из

обитателей Олдовэя были очень маленькие руки и рост его не отличался значительностью. Тем не менее загадочный пока гоминид успешно охотился на животных, расколотые кости которых в изобилии валялись на жилой площадке. Он же, по-видимому, выкладывал из крупных камней, иногда положенных друг на друга, широкие правильные круги, возможно основания примитивных жилищ или ветроломных стенок. Чтобы по-настоящему оценить неожиданность такого открытия, достаточно сказать, что по данным калие-аргонового анализа возраст горизонта с находками превышал 2 000 000 лет! Национальное Географическое общество за научные достижения, революционизирующие представления о предыстории, присудило в 1964 году Луису и Мэри Лики золотую медаль Хуббарда. «Эта медаль принадлежит не двум Лики, а пяти,— сказал на церемонии вручения медали Луис.— Все, что выполнено, мы сделали вместе». Это был действительно подлинный триумф всей семьи старших Лики и их сыновей — герпетолога Джонатана, любителя орхидей и отчаянного водителя джина Филиппа и, конечно же, Ричарда, страстного фотографа и кинооператора — любителя, избравшего для себя профессию отца.

К недостающему звену можно подбираться не только углубляя древность гоминид, изготовлявших каменные орудия, но и отступая от ранних антропоидов, возможных предков человека и обезьян, к границе, где появляются первые люди. В этом плане после открытия черепов проконсула, датированных 25 000 000 лет, новые волнения вызвали сообщения о находке Лики в Кении около местечка Форт Тернан, расположенном в низменности к востоку от озера Виктория, обломков челюсти нового обезьянообразного существа, возраст которого составлял 12 000 000 лет! Форт Тернан, где раскинулись апельсиновые и кофейные рощицы, а также хлебные поля фермы Фреда Д. Р. Викери, давно стали для Лики одним из многочисленных местонахождений, где время от времени производились

раскопки с целью пополнения коллекций ископаемых костей. В 1961 году исследования продолжались два месяца; в ходе их удалось обнаружить более тысячи костей ископаемых животных, в том числе неизвестных ранее видов небольших жираф и мастодонтов.

Открытие странной антропоидной челюсти произошло в отсутствие Лики, когда он уехал на несколько дней из Форта Тернан и оставил за себя своего давнего африканского помощника Хэслона Мукири. Возвратившись на раскоп вместе с Джорджем Симпсоном, выдающимся палеоптологом из Гарварда, Луис сразу отметил, что обычно меланхоличный Мукири чем-то взволнован. Он подошел к джипу и сказал:

— Мне нужно показать вам нечто важное!

— Ну что ж, показывай,— ответил Лики и направился к груде ящиков, заполненных костями.

Мукири психологически точно рассчитал эффект демонстрации найденного — главный сюрприз лежал в последнем из выставленных ящиков, который он подал, не скрывая волнения. Когда Лики сдвинул крышку и увидел, что за кость лежит внутри его, то сразу же закричал Симпсону: «Джордж, Джордж, иди посмотри, что мы тут нашли!» В руках его находилась часть верхней челюсти антропоида, особенности строения которой, как писал позже Лики, заставили его сердце затрепетать от радости. Клык челюсти не отличался большими, как у обычных обезьян, размерами, и корни его тоже не были большими. Особый интерес вызывало также углубление около участка челюсти, где закреплялся клык. По форме оно походило на человеческое — здесь располагаются мышцы, которые двигали верхнюю губу; следовательно, губы нового антропоида двигались не так, как у современных высших обезьян. Детали строения челюсти позволяли Лики видеть в новом существе одно из возможных звеньев в эволюционной цепи прогрессивного антропоида, вступившего па путь очеловечивания. Новая обезьяна получила имя кени-

апитек викери (Kenyapithecus wickeri), в честь владельца фермы Фреда Викери. Это не было, разумеется, недостающее звено — от первых гоминид Олдовэя кениапитека отделяла дорога длиною в 12 000 000 лет! Однако, как оказалось вскоре, промежуток этот следовало сократить по крайней мере на полмиллиона, а может быть, и на целый миллион лет за счет нового удревнения границы эпохи, когда началось искусственное изготовление каменных орудий и появились первые гоминиды. Новые поразительные по неожиданности открытия связаны с именем Ричарда Лики...

Все началось предельно прозаически. В течение трех дней караван из 12 верблюдов двигался на восток от озера Рудольф из лагеря Кооби Фора по бездорожной каменистой пустыне, продуваемой ветрами. Три года вела здесь исследования экспедиция Ричарда Лики, который впервые обратил внимание на южную окраину долины Омо еще в 1967 году, когда он возглавлял международную экспедицию по изучению юго-западной части Эфиопии. Тогда ему посчастливилось обнаружить два превосходно сохранившихся черепа Homo sapiens, возраст которых оказался неожиданно древним — около 100 000 лет. Ричард Лики, обозревая долину Омо с воздуха, пришел к заключению, что в части ее, расположенной в Кении к востоку от озера Рудольф, просматриваются участки, где, возможно, находятся еще более богатые местонахождения ископаемой фауны. Поиски, проведенные в 1968 году, подтвердили предположение. Примечательно, что кости залегали в горизонтах, возраст которых превышал 2 000 000 лет. Тогда же Ричард Лики подумал, что в них можно при удаче открыть обработанные человеком камни, поскольку олдовэйские оббитые гальки, учитывая их относительное совершенство даже при возрасте в 1 850 000 лет, имели, конечно же, предшественников — еще более примитивные

орудия. В 1969 году в слое вулканического туфа такие изделия были действительно найдены. Среди 60 камней со следами раскалывания Ричард выделил четыре режущих вроде ножа инструмента и большое количество примитивных базальтовых пластин с острыми краями. Орудия залегали в одном слое с дюжиной расколотых вдоль трубчатых костей древней антилопы. Лаборатория Кембриджа определила возраст туфа, в котором залегали находки, в 2 600 000 лет! Никогда еще археологи не находили столь древние культурные остатки первобытного человека. Они превосходили по древности изделия зинджантропа и презинджантропа по крайней мере на 800 000 лет! Оставалось, однако, не ясным, что за существо обрабатывало камни и охотилось на антилоп, поскольку ни одной кости гоминида в тот полевой сезон обнаружить не удалось.

И вот снова корабли пустыни важно шагают по печальной земле. Верблюд Джордж, на котором восседал Ричард, под вечер начал шумно выражать неудовольствие долгим переходом, а поскольку седоку тоже надоело трястись на его спине, то Лики с легким сердцем отдал распоряжение разбить лагерь. Ничего не случится, если к границе Эфиопии экспедиция выйдет на следующий день. К тому же вдали всего в двух милях от маршрута показался привлекательный серовато-бурый каменистый выступ осадочных пород, рассеченных сильной эрозией. Этот древний останец следовало осмотреть. Вот она, привлекательность экспедиции на верблюдах! Путешествуй Ричард и его друзья на «Лэнд-Ровере», они вряд ли завернули бы к каменистому выступу, стремясь поскорее добраться до конечного пункта маршрута.

На следующее утро после завтрака все направились к останцу. Ричард и палеонтолог Мэйв Эппс пошли вдоль русла пересохшего ручья. Вот как описывал Ричард то, что случилось через несколько минут: «Я шел вдоль русла пересохшего ручья, некогда подмывшего и обнажившего-

го слой с древними останками, и вдруг сердце мое замерло.

— Мэйв! — тревожным голосом позвал я спутницу.

Она обеспокоенно бросилась ко мне:

— Что там, змея?..

Передо мной около колючего кустарника валялся серовато-белый предмет округлой формы. Ошеломленный, не веря в удачу, я присел на корточки и уставился на него. Сколько лет я мечтал о чуде, и вот оно произошло! Костяной гребень на черепной крышке, огромные надглазничные валики, плоское лицо и небольшая мозговая коробка не оставляли сомнений в том, что перед нами лежал череп человекообразного существа — австралопитека...» Череп сохранился достаточно хорошо — разрушенными оказались лишь зубы и нижняя челюсть. Но и без них Ричарду стало ясно, что ему посчастливилось найти зинджантропа, который почти на миллион лет превышал по возрасту «щелкунчика» из Олдовэя. Снова зиндж вышел в первые ряды претендентов на почетный статус предка человека!

Осмотр прилегающих участков обнажений привел к открытию в пласте песчаника и глины отлично сохранившегося частичного слепка черепа австралопитека, который, очевидно, совсем недавно оказался на поверхности. После фотографирования и упаковки находок, на месте предварительных раскопок, как некогда в Олдовэе, была сооружена пирамида из камней. Ричард решил возвратиться на время в базовый лагерь Кооби Фора, отстоящий от останца на 60 миль, с тем, чтобы заняться затем более основательными раскопками в долине пересохшего ручья. Мэри Лики чуть не заплакала, когда сын передал ей в руки череп австралопитека. Ей вспомнились радостные минуты, которые она пережила 10 лет назад в Олдовэе, когда заметила в стенке обрыва зубы зинджантропа...

Захватив необходимые инструменты, члены экспедиции через несколько дней возвратились к серовато-бурой

возвышенности и начали раскопки, надеясь обнаружить нижнюю челюсть и зубы. Недостающих частей найти не удалось, но зато на следующее после прибытия утро помощник Ричарда Лики Мвонгела Муока поднял на склоне невысокого холма три крупных и несколько мелких обломков черепа. Ни лицевых костей, ни челюстей на месте не оказалось, тем не менее сохранившиеся части были достаточно выразительны, чтобы прийти к удивительному выводу — новый череп принадлежал не австралопитеку типа зинджантропа, а какому-то другому неизвестному ранее существу — представителю древних людей! Снова, как и 10 лет назад, австралопитек недолго пробыл на пьедестале предка. Его, кажется, спешил заменить более человекообразный претендент, настоящий хозяин древнейших в мире каменных орудий из туфов окрестностей озера Рудольф...

В 1971 году Ричард Лики совместно с Гленном Айзеком из Калифорнийского университета продолжили исследование пустыни к востоку от озера. Триумф был потрясающий — согласно сообщениям газет, им удалось найти в слое туфа свыше 20 ископаемых останков гоминид — человекообразных существ, кости крупных гиппопотамов, а также всевозможные орудия, изготовленные из кремня и вулканических пород. Находки залегали в слое туфа, возраст которого составлял 2 600 000 лет! Летом 1972 года было сделано в особенности важное открытие — Ричард Лики обнаружил около озера Рудольф в слое того же невероятно древнего возраста череп, больше напоминающий череп современного человека, чем напоминали его черепа шелльца, питекантропа, а тем более австралопитеков. У него, в частности, не так сильно выражены надглазничные валики, а челюсть не столь тяжела и массивна, как у питекантропа. Там же вблизи лежали две бедренные кости и обломок голени. Осмотр их показал, что человек уже в те далекие времена, за 2 000 000 лет до питекантропа, избавился от сутулости и характерной прыгающей

походки обезьян. Стоит ли поэтому теперь удивляться, что бедренные кости, обнаруженные Дюбуа недалеко от черепа питекантропа, так сильно напоминали человеческие! Ископаемый череп был раздавлен на несколько сотен фрагментов, но Мэйв Лики, супруга Ричарда, мастерски реставрировала его и установила, что объем мозга нового гоминида составлял не менее 800 кубических сантиметров! Ни один из австралопитеков, в том числе самых поздних по времени, не мог конкурировать с ним по этому важнейшему для определения человеческого статуса показателю.

Итак, продолжавшаяся почти полвека со времени открытия Дарта борьба за присвоение одному из представителей южных обезьян почетного ранга недостающего звена закончилась тем, что вакансия осталась свободной, несмотря на обилие претендентов. Австралопитеки, однако, сыграли великую роль в истории палеоантропологии. Они на десятилетия привлекли особое внимание антропологов к Африке, где очеловечивание обезьян происходило особенно бурно, что в конечном итоге и предопределило успех появления на Земле такого удивительного феномена, каким представляется сам себе человек. Коллекции костных останков австралопитеков, в особенности многочисленные черепа, найденные Брумом и Дартом на юге континента, дали обильную пищу для размышлений на тему о возможном ходе событий в момент критического поворота в направлении эволюции антропоидов. Австралопитеки, наконец, в какой-то мере «ответственны» за появление в среде антропологов исследователей, обладавших особо привлекательными и ярко выраженными качествами бойцов, смело ломающих догматические препоны...

Что касается восточноафриканских австралопитековых, зинджантропа и его сородичей, то они теперь также, вероятно, лишились возможности претендовать на роль предка. Вот что заявил в интервью журналистам Ричард Лики осенью 1972 года: «Сейчас мы имеем все основания полагать, что 2 500 000 лет назад в Восточной Аф-

рике наряду с австралопитеком существовала истинно прямая двуногая форма рода Homo. Хотя найденный череп и отличается от черепа современного человека, он также отличается и от всех других известных форм древнего человека, не подходя, таким образом, ни под одну из существующих ныне гипотез человеческой эволюции».

Итак, все вернулось на круги своя? Кто знает, может быть, может быть...

Содержание

Ларичев Виталий Епифанович

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Редактор Г. М. Прашкевич
Иллюстрации в тексте В. И. Жалковского
Переплет, титул, заставки Е. Ф. Зайцева
Художественный редактор В. П. Минко
Технический редактор В. А. Лобкова
Корректоры О. М. Кухно, А. П. Шалаурова,
Р. Х. Хабибрахманов

Сдано в набор 16 января 1973 г. Подписано к печати 15 марта 1973 г. Формат 70×108/32, бумага типогр. № 2. 19,6 печ. л., 21,64 изд. л. МН 01627. Тираж 50000. Заказ № 7.
Цена 76 коп.

Западно-Сибирское книжное издательство, Новосибирск,
Красный проспект, 32.
Полиграфкомбинат, Новосибирск, Красный проспект, 22.

Цена 76 коп.

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО